

День рождения МОЭЗ 1986

День рождения МОЭЗ 1986

G

Дерб
ПОЭЗИИ
1986

Москва
Советский писатель
1986

Редколлегия:

*Евгений ЕВТУШЕНКО, Владимир ЕНИШЕРЛОВ,
Олег ДМИТРИЕВ, Светлана КУЗНЕЦОВА,
Владимир ЛАЗАРЕВ — редактор-составитель,
Михаил ЛЬВОВ, Игорь ЛЯПИН,
Николай ПАНЧЕНКО, Юрий ПОЛЯКОВ,
Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ — главный редактор,
Владимир СОКОЛОВ, Валентин УСТИНОВ,
Виктор ФЕДОТОВ, Виктор ФОГЕЛЬСОН,
Михаил ЧИСЛОВ, Олег ЧУХОНЦЕВ,
Людмила ШИКИНА.*

*Художник
Ирина ГУСЕВА*

В сборнике:

Наши гости — поэты Сибири и Дальнего Востока

**СТАТЬИ,
ЗАМЕТКИ,
НАБЛЮДЕНИЯ**

НОВЫЕ СТИХИ ПОЭТОВ МОСКВЫ

Экспромты Александра Васильевича Суворова

**А. С. Пушкин, выпускающий журнал
(1836— январь 1837)**

Поэтические опыты Ф. М. Достоевского

«Лев Толстой — стихотворец»

1956—1986: 30 ЛЕТ «ДНЮ ПОЭЗИИ»

НАСЛЕДИЕ

Л. Мартынов, А. Твардовский, С. Марков, В. Луговской,
Н. Тихонов, О. Мандельштам, С. Клычков, В. Ходасевич,
М. Бахтин, Н. Гумилев, П. Антокольский, Б. Слуцкий, Н. Клюев,
Н. Агнивцев...

ИЗ МИРОВОЙ ПОЭЗИИ

Новые переводы

Неизданные страницы «Чукоккалы»

АВТОГРАФЫ, НАДПИСИ НА КНИГАХ

Роберт Рождественский

ДЕНЬ

И опять он рождается
в зябком окне.
Барабанит в стекло,
будто просит помочь.
В нем —
коротком,
еще не потерянном дне —
непрерывная боль,
сумасшедшая мощь!
«Суэта!..» — говоришь?
«Принесет — унесет...»?
Говоришь, что поэту
гораздо важней
о бессмертии думать
и с этих высот
обращаться к векам
через головы дней?..
Я не ведаю,
чем тебя встретят
века.
Для спешащего дня
я кричу и шепчу,
и останется после
хотя бы строка, —
я не знаю.
Я знаю.
Я знать не хочу.

ОТВЕЧАТЬ!

Горе-обувь
бригада тачает,
гонит фабрика
горе-пальто.
Кто
за это все отвечает?
Вроде многие.
В общем — никто..
Вот — зазря котлован отрыли,
вот — не там завод возвели.
Гибнут в бездне,
ломаю крылья,
государственные рубли..
Я стихи эти
начал невесело.
Но — приспело,
как ни крути.
Почему-то
среди ответственных
отвечающих
не найти.
Ситуация ошарашивает.
И уже
невозможно молчать!
Надо нам научиться
спрашивать.
А тем более —
отвечать!
Научиться —
и ночью, и денно,

будто в самом последнем бою,
отвечать
за конкретное дело,
отвечать
за работу свою!

Отвечать,
на любое мгновенье
ставя
собственную печать,
за порученное,
доверенное
и обещанное
отвечать!

Отвечать,
всерьез поднатужась
(знаю:
это не всем с руки!), —
за свою персональную дурость,
за привычку
втирать очки!

Отвечать
по закону и правде,
пред которыми
все равны.
Ради нашей Державы,
ради
краснозвездной
моей страны!
В ней —
надежда,
и совесть,
и почесть
без напыщенной шелухи...
Я кончаю.
И ставлю подпись,
отвечая
за эти стихи.

Николай Старшинов

* * *

Нам жить в одной семье,
Нам петь в одном кругу,
Идти в одном строю,
Лететь в одном полете...
Давайте сохраним
Ромашку на лугу,
Кувшинку на реке
И клюкву на болоте.

О, как природа-мать
Терпима и добра!..
Но чтоб ее
Лихая участь не постигла,

Давайте сохраним
На стрежнях — осетра,
Касатку — в небесах,
В таежных дебрях — тигра.

Коль суждено дышать
Нам воздухом одним,
Давайте же мы все
Навек объединимся.
Давайте наши души сохраним,
Тогда мы на Земле
И сами сохранимся...

* * *

Это мне ли, привыкшему с детства,
А вернее — с младенческих пор,
Не в бумажные волны глядеться,
А в зеркальные воды озер,

Это мне ли, прошедши сермяжный,
По-солдатски неласковый путь,
Оказаться в трясине бумажной,
Засосавшей по самую грудь.

Опостытели эти бумаги!
Неужели я в них утону?..
На какой-нибудь там колымаге
Через всю бы махнуть мне страну!

И в родимой немислимой сини,
Без которой и нету меня,
По дорогам и весям России
Прошагать до последнего дня.

Как в далекие годы когда-то,
Все невзгоды и беды стерпеть,
И остаться с душою солдата,
И солдатские песни допеть...

* * *

Скоро, скоро вернусь я,
Объездив чужие края:
— Здравствуй, радость моя!..

Я бросался на юг,
Я, казалось бы, жил как в раю
В черноморском краю.

Я бросался на север —
В полярных снегах и во льду
Прозябал, как в аду.

Я бросался на запад —
Проплыл вдоль озер и проток...
А потом — на восток.

Ни Уральские горы,
Ни сумрак таежной глуши
Не смутили души.

Одного я боялся:
А вдруг я, отвергнут судьбой,
Не увижусь с тобой.

Не смогу тебе молвить,
Вернувшись в родные края:
— Здравствуй, радость моя!..

Олег Шестинский

* * *

О самом важном, только лишь о важном,
необходимом сердцу и уму,
о неподкупном, честном, непроданном
пиши, —
и я тебя тогда пойму.

Да что там я!
Во мне ли, друг мой, дело!
А дело в том, что наше ремесло
тогда лишь в ряд с другими встанет смело,
коль защитит добро
и свергнет зло.

* * *

Карауля в ущелье душманов,
полк ударил в назначенный час
и среди восходящих туманов
от резни население спас.

Но не легче задача иная:
написать командирской рукой
строки матери, что, ожидая,
не дождетя солдата домой.

Лев Ошанин

НЕВЕРНОЕ СЛОВО

Гор Хибинских крутые изгибы
Серой вьюгой продуты насквозь.
В тридцать третьем, должно быть, он прибыл,
Не боящийся севера гость.
Он для нас, для мальчишек, прекрасен —
Что там здешние наши труды! —
Ледоколы «Русанов» и «Красин»
С ним ходили в угрюмые льды.
Опаленный полярным загаром,
Непокладист и непогрешим,
Он тогда показался мне старым,
А ему пятьдесят с небольшим.
Снова память ушедшее ловит —
Вот напротив меня он сидит,
Легендарный Рудольф Самойлович,
Хмурен, кряжист и очень сердит.

Я писал, что бесстрашен он к смерти,
Что ему непогода — родня.
Он газетку в руках мою вертит,
Грозным взором глядит на меня.
И, как будто земного моллюска,
Окунул меня мордою в снег:
— Говорить и писать вас по-русски
Кто учил, молодой человек?
— Как! — вскричал я. И было мне странно
Пробормотанный слышать ответ:
— Есть на свете полярные страны,
Заполярных пока еще нет.

...Шел на лыжах я белою хмарью.
Не работалось мне, не спалось.
Молодое словцо «Заполярье»
Пело с наших газетных полос.
«Он ведь прав», — объяснял я бурану.
«Он ведь прав! — я кричал в небеса. —
Где полярные кончатся страны,
Будет средняя там полоса».
Как потом я гремел на летучках,
Чтоб наладить с профессором мир.
Но словцо сорвалось из-под ручки
И в столице попало в эфир...

Вы простите, профессор! Я снова
Оживляю былые года:
«Заполярье» — неверное слово —
Поселилось у нас навсегда.

Евг. Евтушенко

ДОПОТОПСТВО

Эта женщина шла мимо Лобного места,
  Пожарского с Мининим,
и несла туалетной бумаги рулоны —
  штук двадцать как минимум,
и несла не в руках,

  а бечевку прoderнув на шее...
Вот какие бывают сейчас на Руси ожерелья!
И была эта женщина —
  боже мой! — чуть ли не гордой,
ну, а я от стыда о брусчатку
  как будто бы шмякнулся мордой,
потому что в России

  Гагарина и Шостаковича
муки всех доставаний —
  такая стыдобища!

Неужели на космос
  хватило ума и отваги,
а ума недостаточно
  для туалетной бумаги?

Героически строили мы неудобства.
Допотопство —
  иначе сказать не могу —
  допотопство.

Видит с Лобного места
  в растерянной тягостной думе
голова Стеньки Разина
  бой за кроссовками в ГУМе.
Зрят бунтарские очи,
  почти выворачиваясь наизнанку,
россиянку с ярмом непонятым,
  похожую на полонянку.

Перед самым Кремлем —
  кто со швейной машинкой ножною,
кто — с персидским ковром,
  а совсем не с персидской княжною.

И когда каждый день
  допотопные эти потопы,
Стеньке тяжело понять:
  кто тут баре,
  а кто тут холопы.

Мы живем в стране богатейшей,
  красивой,
где нельзя допускать
  допотопщины сивой.

Мы живем в стране
  не самой удобной,
в стольком первой,
  а в чем-то еще допотопной,
и у этого нашего допотопства
дух гнилой полубарства
  и полухолопства.

Когда наши задрипанные полубаре
оставляют зерно
  в худокрышем амбаре

и бросают компьютеры
  гибнуть под снегом —
это пахнет
  почти чингисханским набегом.
Полубаре чванливо глядят,
  хамовато,
а копнешь их поглубже —
  там вата,
  там холоповато.

Это ими поставлены в парках,
  пусты и бесполы,
допотопные гипсовые дискоболы.
Дискоболы их свалятся от подзатыльника.
Не проснутся будильники их
  без будильника.

Это их магазины,
  где ты приодеться не пробуй,
где не платья — проклятья,
  не обувь, а гробувь.

Овощные их склады —
  для смертников ямы,
непонятно, как тонны опять
  превращаются в граммы.

Это их ожерелья
  на шеях измотанных женщин —
туалетной бумаги рулоны,
  а вовсе не жемчуг.

И когда пустозвонные полухолопы
вместо дела разводят
  притопы-прихлопы,
то забытый совсем,
  без вины виноватый
в хомуте допотопном
  бредет человеческий фактор.

И я верить хочу,
  что, призвав допотопство к ответу,
мы отменим навек
  магазинное сытое:
  «Нету!»

Несвершенное все совершится.
  Неспетое все допоетсяя.

Мы весенним потопом
  смоем все допотопство
и на шею любимым,
  чтоб выглядели загляденьем,
ожерелья,
  какие они заслужили,
  наденем!

ЗОЯ ОСИПОВА

Зоя Осипова —
  телеграфистка.
В ее пальцах —
  такая печаль.
От нее и до полюса близко,
а до счастья —
  дальнющая даль.

Зоя, мать-одиночка, измаялась.
 Сын ее безотцовный слег.
 Может стены в бараке измайловском
 подпалить золотой хохолок.
 Сын живым обручальным колечиком
 с жизнью,
     полной невзгод и обид,
 на двух стульях
     свернувшись калачиком,
 в отделенье почтовом спит.
 Мать, как может, его убаюкивает
 и на сто телетайпных ладов
 то счастливо,
     то грустно выстукивает
 чьи-то смерти,
     рождение,
                     любовь.
 И по клавишам пальцы летают,
 шар земной пробивая насквозь,
 но квартиру на телетайпе
 Зое выбить не удалось.
 Выбивает она комнатеночку
 неумело, не напролом,
 чтобы ей, и сынку,
     и котеночку
 стало чуточку легче втроем.
 Но когда она ходит, мешая
 тем, кто чувствует что-то навряд:
 «Ну, у вас-то семья небольшая...» —
 по-отечески ей говорят...
 Равнодушие —
     это агрессия.
 Зоя Осипова —
     не страна,
 не Вьетнам,
     не Ливан и не Греция,
 но защита ей тоже нужна.
 Можно,
     даже повесив лозунги,
 где пикассовский голубок,
 разбомбить
     равнодушьем в лоскуты
 тех, кто загнан и одинок.
 Пусть от имени материнства
 будет нами запрещена
 бытового милитаризма
 необъявленная война!
 Как немножечко надо,
     господи,
 и на каждого,
     и на страну,
 чтобы телеграфистка Осипова
 позвала меня утром к окну.
 Ее синие радость не вырвали,
 но, как будто бы два луча,
 на мгновенье
     бородками вынырнули
 из ладони ее два ключа...

АЛДАНОЧКА

Долгожданочка-алданочка
 смотрит:
     гость или жиган!
 На плече ее —
     берданочка,
 где в любом стволе —
     жакан.
 В том, что гость,
     удостоверилась,
 колупнула мох носком
 и не то чтобы доверилась,
 а примерилась глазком.
 У нее повадка соболя.
 Зорко села на крыльцо
 и под веер приспособила
 глухариное крыло.
 И во всех движеньях мягонькая,
 синьорита трех дворов
 смотрит искоса, отмахивая
 камарилью комаров.
 И мантилья накомарника
 чуть дрожит настороже,
 ну а я молчу,
     как маленький,
 хоть и старенький уже.
 Трудно строю самокруточку —
 я на это не мастак.
 Говорю словами шуточку,
 а без слов примерно так:
 «Я почти уже пропал.
 Растерял я адреса.
 На заимку я попал
 из Буэнос-Айреса.
 Тот, кто сжег два дома,— тот
 рад и шалашу.
 Третий дом сгорит вот-вот,
 а я не гашу.
 Не охальник я ничуть,
 но в избу свою
 не пускайте прикорнуть —
 и ее спалю.
 Я забыл, кто я таков.
 Я — сплошной изъян.
 Я отнюдь не с облаков,
 а скорей из ям.
 Я в тайге среди коряг,
 лакомый ножу,
 из особенных бродяг —
 сам в себе брожу.
 И такие там болота,
 непроруб,
     непроворот,
 но голубенькое что-то
 потихонечку цветет.
 Столько в жизни назапутал,
 все, что делал,—
     все не то,

а я весь — из незабудок.
Не могу забыть ничто.
Все порушил, все разбил,
но поверьте мне, вралю:
никого не разлюбил,
никого не разлюблю.
Осыпается сараночка,
как ее ни размахровь!
Не в любви любовь, алданочка,
есть еще неразлюбовь.
Вы так молоды сейчас
и прекрасны до поры,
и, за вами волочась,
вас вкушают комары.
Я немножко староват,
но у этого крыльца
разрешите постоять
возле вашего лица».

Юрий Беличенко

* * *

... А с жильем у студентов проблема была.
Снять бы угол! — о большем тогда не мечтали.
Нам казалось: у комнат — четыре угла.
Но владельцы домов по-другому считали.

Приютил нас один старичок развитой.
Пил кефир — опасался покрепче напитка.
Семь кроватей поставил он в комнате той,
чтобы больше иметь со студентов прибýtка.

Как шикарно цвела во дворах лебеда!
Как стремительно общее время братало!
И ветла, что за домом, была молода.
И на всех нам единственной бритвы хватало.

Наш горняк обливался холодной водой.
Энергетик тайком на танцуйках проказил.
Металлург — он был самый из нас молодой —
до того стал худющим, что в фортку пролазил.

Силикатчик ко сну в поддувало курил.
Электроник стоял на пороге открытий.
И про парные рифмы со мной говорил
не снимающий стеганки мостостроитель.

А хозяин — до снега топить не хотел.
Было с маслом — никак и с картошкой —
плохо.

Первый спутник в безлюдное небо взлетел.
В сквозняках начиналась другая эпоха.

В эти дни вечерами, задвинув дела,
вскипятив с полведра непроглядного чая,

собирались мы все у большого стола,
как министры за отрасль свою отвечая.

Брали горлом — у нас не водилось тихонь.
Лет на сотню вперед заносила отвага.
Ах, какой бушевал в наших домнах огонь!
Ах, какие проекты терпела бумага!

Общежития дали еще до весны,
по своим институтам пришлось расселиться.
Но с тех пор экономика нашей страны
для меня неизменно представлена в лицах.

И, читая газетные сводки порой,
персонально вопрос задаю я ребятам:
почему, силикатчик, кирпичик сырой?
Почему, металлург, волокита с прокатом?

Почему, электроник, машина не та?
Утомились? Притихли? Душой заскучали?
Мы же, помнится, смелыми были тогда —
как министры за отрасль свою отвечали.

Не пора ли нам снова, мои мужики,
у большого стола собираться на вече?

Ну а если они у меня — про стихи!
Что я им за поэзию нашу отвечу?!

* * *

Два ведра на придорожном камушке.
Вспаханное небо у земли.
Как вы там живете, наши мамушки,
хутора, курганы, ковыли?

Ежевiku дождик сеет во поле.
Все попереехали — беда.
Кто постарше — на бугор под тополи,
ну, а молодые — в города.

Подгнивают досточки под рамами.
С крыши разлетается камыш.
Внуков не заманишь телеграммами,
с кошкой обо всем не сговоришь.

Но недаром предками положено
то, что через годы пронесли:
нет ее надежнее, ухоженной,
вишнями обсаженной земли.

Потому и спать ложатся затемно,
потому и снится детвора.
Потому и смотрят наши матери
в ящики почтовые с утра...

Юлия Друнина

ЗВЕЗДОЧКА

Памяти Саманты Смит

1

Когда о гибели ребенка
Вдруг дикторский поведал глас,
Казалось, будто похоронка
С полей войны догнала нас.

По небосводу в черных тучах,
Под взглядом злых и добрых глаз,
Саманта, звездочкой падучей
Ты над планетой пронеслась.

Умна, прелестна, необычна,
Душой и обликом светла.
Такой, наверно, Беатриче,
Такой Джульетта быть могла.

Но не о юношах влюбленных
Головка грезила твоя —
Ты размышляла о законах
И беззаконьях бытия.

От взрывов вздрагивали звезды,
И лазерный метался меч.
Саманта верила — не поздно
Земную колыбель сбережь.

Все выше ненависти башня,
Непонимания стена,
Но мы союзников вчерашних
Не забываем имена!

2

Плачет мрамор, нахмурилось небо...
Здесь, Саманта, во время войны
Дрались асы «Нормандия — Неман» —
Донкихоты союзной страны.

Не сиделось тем рыцарям дома —
А могли отсидеться вполне...
Спят комэска, ведущий, ведомый
И Нормандию видят во сне.

Обелиски застыли сурово,
Охраняя усталых солдат.
Стиснув пальцы, французские вдовы
Рядом с русскими молча стоят.

3

Мы ничего не позабыли,
Вовеки в памяти у нас

Та рыцарская эскадрилья,
Что в русских небесах дралась.

Хотя в масштабе битвы общей
Десяток самолетов — что?
Всего лишь душ высоких отклик
И благородства торжество.

Но благородство в мире брэнном —
Я слов высоких не боюсь —
Одно лишь не теряет цену,
Одно лишь не меняет курс.

4

Да, ничего забыть мы не смогли!
Саманта, вижу, лишь глаза прикрою,
С оружием и продуктами конвои —
Они из Англии и Штатов шли.
Дымились раненые корабли,
Дышали копотью пороховую.

Лишь фронтовик, обстрелянный солдат,
Лишь человек, войною обожженный,
Мог до конца понять,
Как через ад —
Торпедный ад
К нам пробивались «джоны».

«Иваны», «фрицы», «джоны» — на войне
Солдаты так друг друга «величали».
К одним вскипала ненависть в огне,
С другими обнимались на причале.

И в самый горький — первый год войны,
И кровью истекая в сорок третьем,
Мы знали — выдюжим!
Но даже дети
Про фронт второй тогда видали сны.

Ну, а пока с восторгом корабли
Встречали мы, что к нам пробилась с боем.
...Союзник мой! В другом конце земли
Ты помнишь, как гордились мы тобою?

И где сейчас ушастый юнга Джон?
Его спасла тогда кровь новгородца...
Что делает в своем Техасе он
И хорошо ль ушастуку живется?..

Он рассказать об очень многом мог,
Саманта, если б встретился с тобою —
Крещенный боем, освященный боем
Моряк с протезами обеих ног...

Потом из пепла встали города,
Вдохнули люди на земле спокойно.
Но за морями кто-то и тогда
Уже подумывал о «звездных войнах»...

ЧУВСТВО СНЕГА

Все снег да снег...
А там, за этим снегом —
Такое чувство! —
Как за белым эхом,
Как за потухшим полотном
В кино,
Идет та жизнь,
Что отошла давно.
И все ж рискни —
При всех ли, не при всех —
Попробуй загляни
За этот снег.
Хотя б разок.
И там наверняка
Ты сам себя увидишь —
Паренька
Безусого,
Еще до седины
И до морщин,
Там, на краю войны.
Друзей своих увидишь
У ворот...
А на пороге
В сорок первый год —
Издалека не сразу разберешь —
То ль военком,
Как добрый Дед Мороз,
То ль Дед Мороз,
Как строгий военком, —
Повестки —
За ремнем иль кушаком?

Как знать.
Шел снег.
Отвесно шел и густо.
Надеюсь, вам знакомо это чувство?

ОКЕАН БЕССМЕРТЬЯ

Уж как хотите —
Верьте или не верьте,
А почва — это океан бессмертья,
Всего в два метра глубиной,
Но — чудо! —
Туда уходят,
Чтоб взойти оттуда.
Пусть не в телесной,
Пусть в древесной жизни,
Без торжества взойти,
Без укоризны,
Как та трава,
Всей несломимой ратью —
Навстречу солнцу,
Как велят объятья
Корней и почвы
В свадебном волненье...
Из поколенья — в поколенья,
Из круга — в круг.
И лишь одно отныне
Меня тревожит: ядерной пустыни
Огромный свиток
В цинковом конверте.
Там только смерть,
И нет уже бессмертья.

«ОГОНЬ НА СЕБЯ!»

Да, есть такое святое право у солдата — вызывать огонь на себя — ради победы, ради Родины, ради Будущего всех!

Мне думается, что вся традиция нашей великой поэзии (и — всей литературы) говорит о том, что настоящие поэты всегда были борцами и — всегда — вызывали огонь на себя. Во всех отношениях — и как граждане — не с рыбьей и не с рабьей кровью (вспомним, к слову, стихи Василия Федорова «Рабская кровь»), и как новаторы — и в жизни, и в творчестве, новаторы органические — их неожиданные открытия рождались естественно, как дыхание (понимаю — теперь, — почему вдруг у Маяковского появляются строки о том, что и деревне теперь придется «трактореть и фордзониться»; запоминаешь такие строки мгновенно — как озарения, как вспышки!..).

А когда поэт скатывается к инерции ленивого движения, когда он ничего не совершает, никакие общественно значимых поступков, когда — ежедневно, чуть не по расписанию, в комфортабельных условиях уютной квартиры, побрившись и позавтракав, довольный всем (и собой), ничем не рискуя, ни на что не отваживаясь, он сидит и просто — строка за строкой — гладко и поверхностно зарифмовывает события своей или общей жизни, то есть занимается школьным чистописанием, — что можно ожидать от него?

Недавно говорил мне Евгений Евтушенко про одного такого сочинителя, что его стихи — это километры паркета! Конечно, это — безопасно, уютно, «комфортно», но при чем тут отважная профессия — поэт?

Хорошо ходить в «уважаемых» именно таким безопасным способом, но какой же поэт — не рискующий человек? Какой же ты разведчик, если не ходишь за «языком» — вместе со всеми вытекающими отсюда опасностями?

А ведь бывает, что такого еще и возводят в «примерные»!

Сейчас много говорят и пишут о падении интереса к поэзии. Да, это есть... Кто виноват?

Маяковский на подобное ответил статьей «Подождем обвинять поэтов» — и конкретными действиями: пришел в магазин и обратился к покупателям — кто хочет приобрести книги стихов — с его автографом. И — распродал все имевшиеся там поэтические книги современников своих (наверное, там были книги и тех, кого он не считал поэтами, когда-то он проводил даже своеобразную «чистку» поэтов и одного из них — известного тогда — всенародно перевел в конюхи...) щедро поставил свою подпись на в с е х сборниках стихов.

Таким образом Маяковский первый провел День поэзии.

В пятидесятые годы, когда возникли снова подобные же разговоры о поэзии, когда тираж книги одного из крупнейших наших поэтов — Смелякова — составил 5 000 экземпляров, мы вспомнили опыт Маяковского и учредили праздник — День поэзии.

А с 1956 года начали издавать сборник под этим заглавием как регулярный поэтический ежегодник.

Все шло прекрасно! Тиражи, интерес — к поэзии, к поэтам — все «подскочило»!

Но — будем честными перед собой — мы не удержали эту Высоту. Причин много. Но главная — в нас самих. Можно бы указать десятки — если не сотни слабейших книг, которые мы издаем, где нет чуда поэзии, чуда стиха, — нет чуда души поэта. Есть среди них и такие, где вместо этого чуда — безнадежные трепыхания ничтожной души мелкого, самовлюбленного версификатора, возомнившего себя поэтом.

Мы знаем этих авторов. Они ходят с гордо выпяченными животами и — грудью, у них нет ни капли сомнения в себе, в своем призвании (то ли делаю я? тем ли занимаюсь?).

А истинные художники, даже гении — всегда сомневались, всегда много спрашивали с себя, казнили себя постоянными мучениями, терзаниями, вопросами, зачеркивали, сжигали — или мысленно, или на деле — свои труды, отрекались от них («молчите, проклятые книги, я вас не писал никогда» — Блок)...

Были невероятно скромны — настолько, что ничего не подозревавшая барыня могла однажды на вокзале обратиться: «Старичок, поднесите, пожалуйста, мне чемодан...» И «старичок» поднес, и она заплатила ему пятьдесят копеек. И «старичок» взял их — как честно заработанные. И никто не узнал в этом «старичке» — Льва Николаевича Толстого. Великого писателя. Гения. Ничего этого не было видно ни в облике его, ни в поведении... Он — просто был Человеком...

А попробуйте-ка обратиться с такой же просьбой к нашему «автору» — из тех, кто не сомневается в себе. Представляю, как уничтожающе посмотрел бы он на человека, который посмел бы обратиться к нему с такой оскорбительной — для его достоинства — просьбой.

Какие обиды, звонки, немедленные «демарши» следуют, если вы где-нибудь — не дай бог — «крикнули» такого «несомневающегося»!

Подобное поведение для меня навсегда «припечатывается» к облику человека. Помню, как в 1965 году, когда мы с Виктором Боковым собирали очередную «День поэзии», в ЦДЛ, у вешалки, одна авторница, накидывая на себя шубу, небрежно как-то спросила: «Еще не поздно сдать статью в «День поэзии»?» «Какую статью?» — «Не мою, но о моем твор-

честве. Я себя считаю недооцененной...» Не помню уж, что я ответил, но только помню, как уставился на нее широко раскрытыми глазами — молча — и читал ее лицо: что там написано? Есть ли там что-нибудь? Неужели можно вот так сверхсерьезно относиться к себе, выпустив каких-нибудь две-три кожаных книжки?

Я и сейчас ее иногда встречаю, и каждый раз вспоминаю ту, двадцатилетней давности, встречу у вешалки, и говорю себе: «вон идет недооцененная». Для меня это как приговор.

О приговорах — мы должны всегда помнить об этих приговорах, кои нам выносят и товарищи по цеху, и читатели.

«Чистописание», «легкописание», «легкая жизнь» — это все не для поэтов.

Вот что сказал по этому поводу Леонид Леонов: «Чернила поэта стоят столько, сколько кровь мученика... Если б мне поэт представил стихи, в которых были бы строки: «и в разъяренном океане, среди грозных волн и бурной тьмы, и в аравийском урагане, и в дуновении Чумы...» — то за эти два слова — «дуновении Чумы» — я принял бы его в Союз писателей. Это — предельная емкость, это совершенно поразительно у Пушкина...»

К слову: на вопрос — «считаете ли вы себя счастливым человеком?» — тот же Леонов ответил: «Я не знаю этого состояния... Мне кажется, что это очень неверное слово. У меня, слава богу, все есть, у меня есть дочери, я женат, не знаю, сколько лет, и ни разу не разводился... Ко мне хорошо относятся, книжки мои расходятся... А все-таки сытности нет, нет сыт-

ности от того, что я делаю... Но я еще не теряю надежды написать нечто высокохудожественное...» Вот как — скромно — думают о себе настоящие большие художники!

Бунин писал о Чехове, что у него до самой смерти росла душа, то есть рос талант...

Вот где истина! Какой человек, какова личность, душа, — таковы и стихи его, таков и поэт.

Не измелчали ли мы? Занятые стихами в узком смысле слова, не забываем ли о необходимости для каждого из нас — большой человеческой программы? Чтоб стихи были производным от нее, а не самоцелью.

Мы редко говорим друг другу правду в глаза — о наших стихах, друг о друге... Были Твардовский, Тихонов, Смеляков — как-то побаивались их поэты... они могли сказать любому из нас правду в лицо. Сейчас стало некого «бояться». Не пора ли открыть «Вечера откровенности» у себя — в поэтической среде? Не пора ли отважиться и на некоторую «чистку» — по Маяковскому? Не пора ли о гражданских поступках наших позаботиться? Не пора ли наращивать гражданственность?

Мы вошли в новый период жизни нашего общества.

И — из этого следует, что наша советская поэзия тоже должна сделать новый качественный рывок в своем развитии!

Ведь это и нас, поэтов, зовут к Правде, правде во всем!

Огонь на себя! — и только так!

Анатолий Передрев

БАНЯ БЕЛОВА

1

В нелучшем совсем состоянии своем
Я ехал к Белову в родительский дом.

Он сам торопился, Василий Белов,
Под свой деревенский единственный кров.

И гнал свой «уазик»
с ухваткой крестьянской,
Сначала — по гладкой, а дальше — по тряской.

Везли мы с собой не гостинцы, а хлеб...
И ехали с нами Володя и Глеб.

Володя, в свой край нараспашку влюбленный,
И Глеб присмиривший, с душой затаенной...

В начале пути нам попалась столовка,
Где жалко себя и за друга неловко.

Каких-то печальных откушали щей
И двинулись дальше дорогой своей...

И вот предо мною зеленый простор
Величье свое бесконечно простер.

Стояли леса, как недвижимые рати,
В закатном застывшие северном злате.

Сияли поля далеко и прозрачно...
Но было душе неуютно и мрачно.

Бескрайние эти великие дали
Мне душу безмолвьем своим угнетали.

Я видел, как дол расстился за долом,
Какой-то сплошной тишиной заколдован.

И реки пустынные — Кубена... Сить...
Здесь некому вроде и рыбу ловить.

Среди их привольно катящихся волн
Хоть чья бы лодчонка, хоть чей-нибудь челн!

Густела в полях вечеряющих мгла,
И странные нам попадались дома.

Они величаво из мглы возникали,
Как будто их ставили здесь великаны,

Наверное, ставили их на века —
Такая во всем ощущалась рука.

Такое надежное крепище бревен...
Но облик их был и печален, и темен.

Ни света из окон, ни дыма из труб,
Безмолвен был каждый покинутый сруб.

И мрачно они средь полей возвышались.
Куда же хозяева их подевались?!

Но каждый об этом угрюмо молчит...
И молча мы едем в глубокой ночи...

Но вот наконец нас хозяин привез
В деревню свою под сиянием звезд.

2

По-черному топится баня Белова,
Но дышит березово, пахнет сосново.

На вид она, может быть, и неказиста,
Зато в ней светло, и уютно, и чисто.

Когда в ее недрах всколышется жар,
Она обретает целительный дар.

Она забирает и тело, и душу,
Все недуги их извлекает наружу.

Любую усталость, любой твой кошмар
Вбирает в себя обжигающий пар.

И, весь разомлев, ты паришь невесомо,
Забыв, что творится и в мире, и дома.

И с пышащей полки встаешь, обнажен,
Как будто бы заново в мире рожден.

Как будто бы весь начинаешься снова...
По-черному топится баня Белова.

3

И светлая взору предстала деревня,
Живая деревня в краю этом древнем.

Из сказки забытой, казалось, возник
Ее отуманенный временем лик.

Темнели на избах высоких узоры,
И окна синели, как жителей взоры.

Распахнутый миру — входи на порог!—
Под небом пустынным жилой островок.

Казалось, один он остался на свете
Затем лишь,
        чтоб путника в мире приветить.

Хоть много чего сохранить не смогла,
Но душу деревня еще сберегла.

Наверно, вовеки она не иссякнет,
Раз вынесла столько погибели всякой.

Наверно, вовеки она не исчезнет,
Раз столько еще и добра в ней, и чести.

Раз детская чья-то головка одна
С таким любопытством глядит из окна.

Раз может еще
        так глазами сиять
Анфиса Ивановна, Васина мать...

И сразу просторы исполнились смысла,
И небо над нами иначе нависло,

И дали, что с новой встречаются далью,
Уже не дышали такую печалью.

Все сделалось радостней, стало прочней —
Земля при деревне, и небо при ней!

И мир не казался уже сиротою
Со всей необъятной своей широтою.

К деревне ведет и тропа, и дорога.
Еще так богата земля,
        и так много

И сил, и красы у земли этой древней...
Доколе лежать ей, как спящей царевне,

Доколе копить ей в полях своих грусть,
Пора собирать деревенскую Русь!

Пора возродить ее силу на свете —
Так пели и травы, и листья, и ветер.

ТРУВЕЛЛЕРЫ

Трувеллеры

Были юношами рослыми,
К берегу спускались они с веслами,
Лодка их стояла за купальнями...

В общем,
Как я был ни мал,
Я прекрасно понимал:

Имя Трувеллеров связано с путешествиями
большими.

Я был знаком
С массой ребят —
Русских, украинцев, эстонцев, поляков —
не перечислишь их всех подряд...

Первым учеником
У нас в классе был сын областного толмача
Джантасова,

А соседом моим по парте был Клиот, сын грека.
Трувеллеры были старше на несколько классов,
Но мне казалось, что они меня старше
По крайней мере на три четверти века,
Ибо кто-то почему-то рассказал моим родным,
Что когда-то юнкер Трувеллер был у Герцена
связным

Леонид Мартынов. Рисунок художника В. Милашевского

И вот именно за это угадал он за Урал,
Но позднее возвратился в европейскую Россию.
И на Трувеллеров юных я почтительно взирал:
Почему они тут снова, вот поди-ка расспроси их!
Кто они — однофамильцы, либо вправду дед —
тот Трувеллер.
И о чем вот эти Трувеллеры разговоры на ветру

Там, в восточном старом городе под северными
широтами,
Исчезая с поля зрения за скрипучими воротами,
Трувеллеры, гулливеры, навигаторы, глобтроттеры.

СИЛАЧ

Расскажу
О встрече с великаном.
Плыл на пароходе он, причем
Объявил себя Хаджи Муханом —
Чемпионом мира, силачом.

Только он,
В заштопанном халате,
Что-то очень выглядел бедно!

Но когда
На желтом перекате
Пароход уткнулся носом в дно —
Спрыгнул он и богатырской грудью
Разом сдвинул пароход с мели.

— Bravo, bravo! — закричали люди
И в буфет гиганта повели.
И, нагой по пояс, что-то пьющий,
Он захохотал, прогромычал,
Что иртышский, ермаковский грузчик,
Никакой он не Хаджи Мухан!

ФАНТАЗИЯ

Я размышляю —
Ты меня прости
За всякие фантазии наивные! —
О том, как все в порядок привести
И отвратить несчастья непрерывные,
Чтоб этот свод, давно не голубой,
И впрямь бы стал подобен поднебесному
И сделался бы труженик любой
В своей профессии профессором.
И есть слова, уже не помню чьи,
Что все на свете лишь скопленье атомов
И, значит, могут бури и смерчи
Понять и соловьев, и авиаторов.
И не одни дельфины и слоны,
Но и цветы блеснуть способны разумом,
Которым все они наделены,
Хоть в малой степени и недоказанным.

Так пусть же все к содружеству придет,
Взаимопониманья преисполнено:
Пусть состоится слет огня и вод
Там, где добром толкуют громы-молнии!
Пусть состоится съезд людей и звезд,
Планет, комет, уж не вестину бедствия,
Чтоб, с мест своих во весь поднявшись
рост,

Провозгласить
Взаимные
Приветствия!

Публикация Г. Суховой-Мартьяновой

Михаил Борисов

* * *

Мой мир похож, скорей всего, на круг,
Что сжат тисками давних правомочий.
От этого мне горько, между прочим,
От этого захватывает дух.
Я возвращаюсь всякий раз туда —
В окопный быт, в обугленные дали,
Где мы не так уж много и познали,
Но без чего не вышли бы сюда.
Тогда ни ночи не было, ни дня,
Тогда земля и небо цепенели,
И мы нередко различали цели
В пределах только сектора огня.
Без выси, широты и глубины
Казался мир в винтовочную прорезь.
Он и сейчас спрессован, словно совесть
Мальчишек, не вернувшихся с войны.

ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА

Они идут за рядом ряд,
Как три лавины,
За ними Ворошиловград,
Пол-Украины.
И тянет явно коньяком
От их походки...
А мы
Скупым сухим пайком
Заткнули глотки.
Припали к снегу, затаясь,
Мороз по коже:
Идет коричневая мразь,
Да, мразь, а все же...
У дула черное кольцо,
Не видно неба —
Мне пистолет сует в лицо
Комбат свирепо.

Орет:
«Ты, Мишка, сибиряк,
По скулам вижу.
Дай подойти им, так-растак,
Как можно ближе...»
Мой командир еще орет,
Но сам при этом
Уже со лба стирает пот
Тем пистолетом.
Меня он знает — не слабак,
В мозолях плечи.
Я подпущу врага и так
Под хлест картечи.
...И подпустили мы его,
И смерч ударил.
Не видно больше ничего
В смердящей гари.
Комбат опять орет:
«Растак,
Бери пониже!
Ты — настоящий сибиряк.
По хватке вижу...»
А враг, ослепнув, прет и прет
К моей траншее,
И у меня холодный пот
Бежит по шее.
Посек весь снег свинцовый град,
Мутится разум...

Но бью внахлест — и мрази ряд
Ложится наземь.

Геннадий Ступин

* * *

Воздух редок, темен свет
От крещенского мороза.
Слеп сухой сыпучий снег,
Немы елка и береза.

На дороге ни следа,
Глубока очей остуда.
Не придет никто сюда,
Не уйдет никто отсюда.

Даже дятел не стучит,
Пылью снежною не веет.
Стороною время мчит,
Лишь светает и темнеет.

Печь гудит, молчит вода...
Заварю покрепче чаю,
И горит в окне звезда,
Если света не включаю.

И не чувствую себя,
Вечность целую осила,
Ясная моя судьба —
Этот лес, зима, Россия.

СЛОВО

Щебечут птички, зверь ревет,
И дерево скрипит,
И воздух иногда вздохнет,
И гром вдруг загремит.

Огонь гудит, ручей журчит,
И вспыхивает свет...
Одна земля лежит молчит,
Ей выраженья нет.

Молчит, пусть все на ней горит,
Недвижна и темна...
Но если вдруг заговорит —
Разверзнется до дна.

И все живое замолчит,
И небо убежит...
Пускай всегда земля молчит,
Пускай всегда лежит.

Сергей Надеев

СТРИЖКА ОВЕЦ

В селе с названием «Кайсацкое»
ты занят стрижкою овец.
Бредешь в степи походкой штатскою,
и след от ножничных колец
саднит, навроде обручального.
А степь сжигает на ветру
полотна неба цвета сального.
Раскаянье придет к утру.

Как славно душу наболевшую,
ступая в ржавых сапогах,
нести травой перегоревшею
и гарь услышать на губах!
И помнить кожей и жилами
овец худые рамена,
как отводил кривыми вилами
ручьи горячего руна.

О, представлял ли эти мутные
и студенистые пласты
в отдохновения минутные
тем золотом, что жгло персты?

Об этом ли мечта Итакова?..
Но жига свищет сквозь настил,
и овцы плачут одинаково,
лишенные руна и сил,
всем телом вздрагивают изредка...
...Переступая тяжело,
июнь качает — вроде призрака —
в огнях и мареве село.
И утихает над кошарами
волна обид сама собой,
и овцы, связанные парами,
жуют губами вразнойбой.

А ты — бредешь путем дымящимся,
рубаху стаскиваешь прочь,
овечьим мускусом слящимся
царапая степную ночь.
А после, у канала мертвого,
лежишь, одетый в небеса,
и слушаешь до полчетвертого
гребцов и степи голоса...

Геннадий Шутьпин

НАЧИНАЮЩИЙ ВРАЧ

Гиппократова клятва, белоснежный халат,
благодарная паства, знаний добрая жатва —
наш высокий обряд.

Я года не считаю, что мне будни считать,
я больных принимаю, всех легко понимаю —
мне всего двадцать пять.
Я и невропатолог, я и судмедэксперт,
терапевт и проктолог, да еще геронтолог —
старикам на десерт.
Может быть, здесь, в России, где живу нарасхват,
в свете микроскопии от экспресс-биопсии
меньше раны болят;
здесь живу слишком нервно, непомерно горяч,
из таких — это верно — не выходит примерный
и степенный главврач;
но душа звонко пела, не считаясь с рублем,
никогда не шипела, а, волнуясь, горела
на огне голубом.
Не носите мне на дом апельсин и калач.
Вы здоровы! — и ладно. И без малого — кладом —
застрахован окладом начинающий врач.
Гиппократовы латы взял я не напрокат.
Я иду по палатам, сердце рву на заплаты,
чтобы не был запятнан
белоснежный халат.

Алексей Михайлов

Якутск

СТЕРХ НА ПРЕСНЕ

Есть у нас прекрасное поверье:
Кто увидит птицу-кыталык¹,
Кто услышит в поднебесье пеньё,
Тот увидит вскоре счастья лик.

В междуречье Индигирки с Яной
Ставит стерх потомство на крыло.
Мы гордимся этим, якутяне,
Можем утверждать: нам повезло.

Мы гордимся этим, словно дети,
Но смущает наше торжество
И тревожит то, что на планете
Триста пар осталось их. Всего!

...Но прочел — и сердцу стало жарко,
И спешу оповестить я всех:
Поселен в Московском зоопарке —
Птица счастья — белокрылый стерх.

Отчего так нравится извесье?
Тексту-то всего абзаца два.
Стерх на Пресне! Это ли не песня?
Наша песня в честь тебя, Москва!

Я храню журнальную страницу:
Стерх на снимке и глядит анфас...
Москвичи, любите эту птицу!
Эта птица осчастливит вас!

Андрей Румянцев

Улан-Удэ

ПАРОХОД 1942 ГОДА

Плыл пароход и под грохот осенней волны
Берег байкальский тревожил гудком незнакомо:
«Эй, выходи! Я привез погорельцев войны —
Вдов и детей, у которых ни скарба, ни дома».

¹ Кыталык — белый журавль, стерх (якутск.).

Вал ледоломный в торосы, как молот, стучал.
Лодку от пирса, как щепку, отбрасывал ветер.
Но принимал ребятишек в охапку причал
И привечал матерей, сердоболен и светел.

Этот в тужурку нагретую кутал мальчика.
Те ослабевших к широкой скамье провожали.
Этот протягивал хлеб и кусочек сальца.
Те предлагали свои кацавейки и шали.

Мальчик, ровесник! На зорьке холодного дня
В бешеной пляске волны, в нестихающем плеске,
Может, тебе вдруг почудилась пляска огня,
Дом твой накрывшего в дымном далеком Смоленске?

Знаю одно: на суровом Байкале село,
Дом, где на долгие дни поселился ты вскоре,
Сделали все, чтоб душе твоей было тепло,
Сделали все, чтоб с тобой разделить твою горе.

Может, и я, оставлявший в сугробах следы
И ожидавший утрами тебя за порогом,
Давней зимою тебя уводил от беды
По заметенным ночью пургою дорогам...

Зорий Яхнин

Красноярск

ЗАВЕНЯГИН

— А это что?..
— Лимон...
— Какой лимон?..
Разговор в теплице.
1938 г.

Влез на скалу. Снимает Завенягин
Столичное наивное пальто.
А там внизу, как белый лист бумаги,
Заснеженное зыбкое плато.

Что на листе? Палатки да бараки,
Пунктир узкоколейки на Валёк.
А светлый город? Он пока во мраке,
Путь до него нелегко и далек.

Заснежен путь до площади Гвардейской,
До нежности, до этих женских глаз...
Пока в далекой дали город дерзкий,
Он слеп еще и он не видит нас.

Ведь было время — рисковал и строил.
Но в этот раз уже он твердо знал,
Что рисковал не выговором строгим,
А приговором строгим рисковал.

Кто выдаст на ошибку разрешение?
Ну кто их выдает, права на риск?
...Притих внизу и чутко ждет решенья
Барачный и палаточный Норильск.

И сам он не заметил — Завенягин,
Как с высоты, со скал клыкастых слез,
Ступил на стылый мшаник и на ягель,
На землю эту грешную — с небес.

Зашел в теплицу. Там за загородкой
С лопаткою саперною в руках
Нелепый человек в очках, с бородкой,
С чахоточным румянцем на щеках.

И деревце в железной ржавой фляге.
Пылает лампа — раскален патрон.
«Жжет электричество», — подумал Завенягин.
— А это что?..
— Лимон..
— Какой лимон?..

«Ах да, лимон... Ватт двести в этих лампах...»
Лицо к листочкам лаковым склонил,
И странный тот, полузабытый запах
Ударил резко в ноздри, опьянил.

Стал тесен гимнастерки жесткий ворот.
Подумал он, или промолвил он:
«Ну если это все-таки лимон,
Тогда вокруг него построим город».

Александр Плитченко

Новосибирск

НАСЛЕДСТВО

...Был он верным солдатом великой идеи,
Рядовым, неизвестным солдатом ее.
Что он думал, в деревне над Марксом седея,
Сна лишая районное наше жулье?

Говорил он:
«Останется словом с в о б о д а,
Только словом останется б р а т с т в о, пока
Хоть единый слуга трудового народа
Будет править и жить наподобье царька!»

Я наследству его до конца присягаю,
Верю в силу и совесть Советской страны
И, что наша борьба не окончена, знаю,
И солдаты и д е и —
Отчизне нужны!

Михаил Вишняков

Чита

ПИСЬМО

Передайте — в начале весны
я ушел, и теперь уж надолго,
словно эхо, в глубины страны.
Мое шумное вече замолкло.
Я теперь на дороге степной,
осознав свою жизнь в полной мере,
волею думать о правде земной,
как седой страстотерпец о вере.
И мое золотое зерно
из бурьяна и чертополоха
прорастает сквозь толщу эпохи,
коль иного уже не дано.
Что посеяно, то и взойдет!
А земля — она всюду жилая,
всюду трудится русский народ,
дышит космос и бездна пылает.

Борис Репин

Южно-Сахалинск

* * *

Не спасался ни при штабе, ни в обозе.
Не было за мной таких грехов.
Выбивал чечетку на морозе,
Рыл окопы. Не писал стихов.

Фронтные злые дни и ночи
Шел, как все, прямейшей из дорог.
Горевал и все такое прочее.
Воевал, как мог и как не мог.

Угадал по первым же приметам
День Победы в образе весны.
Написать стихи хочю об этом...
Трудно? Но ведь не трудней войны.

Владимир Соколов

* * *

Пруды Патриаршие — стихотворенье,
Которое надо еще написать...
Здесь я вечерами то ждал озаренья,
То душу свою собирался спасать.

Здесь небо, нависшее сумраком летним
Иль зимним, подчеркнутое сединой,
Казалось мне вороном тысячелетним,
Что выручить может подсказкой одной,

Хотя бы намеком, хотя бы суровым,
Ведь я не прохожий, я только поэт,
Которому, если не выразить словом
Того, что прекрасно,— спасения нет.

Одно лишь смущает меня ощущение,
Почти восхищенье: что и без меня
Пруды Патриаршие — стихотворенье
Из сумрачных веток, где птичья возня.

Из этих деревьев, что мы сберегали
И в жуткие стужи, как мир на войне,
Из этой поверхности меж берегами
С воронкою вечности на глубине.

Пруды Патриаршие — стихотворенье,
В котороеходишь, а выйти нельзя,
Пока им не выскажешь благодаренье
За то, что — их тайна, и стих, и стезя.

* * *

В отдалении от Софии —
Как закрою глаза, увижу:
Лист каштановый, темно-рыжий —
Плитки уличные сырые...
В отдалении — вновь и снова —
Я, в Москве или в Ленинграде,
Вижу: липнет листок кленовый
На Канале к витой ограде.

И деревья к Орлову мосту
От Обориште — в желтой пляске
Мокрых листьев — приводят просто,
Как в фантастике или в сказке.
Я оказываюсь в Софии...
И в огромном Центральном парке
Пахнет осенью. Золотые
Листья светятся, как подарки.
Залетают дождевики в сроки.
Влажный ветер колеблет слово...
Этот юноша одинокий
Мне напомнил меня былого.
Нет, не юность моя вернулась.
Просто шепчет о чем-то мальчик.
Быстро девушка оглянулась
На него. И помчалась дальше.
У солдатского монумента
Чья-то мать опускает розы.
Как я этого ждал момента,
Знают ивы или березы.
Не кончается это чудо.
Провожу рукой по ограде,
И — опять далеко отсюда
Я — в Москве или в Ленинграде.
А на Русском бульваре — птичье
Щебетанье... Снежок неожиданный...
Плитки желтые... И вторично
Зацветают каштаны.

НА ЗОЛОТЫХ ПЕСКАХ

До счастливого легкого вздоха
Столько дней, задыханий и зим.
Как роскошна волна... Как неплохо
Слыть поэтом и быть молодым.

У зеленого синего моря,
У того золотого песка
На ветру я размыкал, как горе,
Немоту с холодком у виска.

Все проходит, как в песнях поется,
След недолго лелеют пески.
Все проходит и все остается,
Отчего индевеют виски...

Но открылось, что это не сложно,
Чтобы просто запела душа.
На краю бесконечности можно
Говорить обо всем не спеша.

О погоне за птицею белой,
О стихе, что горит под водой,
О подруге красивой и смелой,
Морем пахнущей и резедой.

От морского соленого вздоха
Прикоснулась ко мне благодать.

Это, может быть, вовсе не плохо,
Что так долго я мог не дышать.

Это, может быть, вовсе не плохо
Там, где все-таки так глубоко.
До счастливого легкого вздоха
Было очень вчера далеко.

* * *

У снега короткая память,
Но хочет, ни свет ни заря,
Какую-то лужу обрмить
Подтаявшего января.

Прошу его, как человека:
Останься подольше, а он...
День не отличает от века,
Не мной, а собой увлечен.

Он делает ветку хрустальной,
А кариатиду живой
И вдруг исчезает, печальный,
Как будто и свой, и не свой.

И вновь начинается заметить,
И вновь — обнимает любя.
У снега короткая память.
Такая же, как у тебя.

Евг. Винокуров

ЗАМЕТКИ О ПОЭЗИИ

* * *

Если русская поэзия началась с оды Ломоносова «На взятие Хотина», то русский поэтический перевод — с перевода Ломоносова оды XXVIII из Анакреона.

Удивительно, как Ломоносову удается и «жесткая» патетическая ода на победу русского оружия, и в то же время «мягкая», даже, я бы сказал, нежная поэзия анакреонтическая.

Мощная гражданственная струна первого русского поэта не заглушает трепетной лирической струны.

Русский поэтический перевод начался с шедевра тонкости, акварельности:

Мастер в живописстве первой,
Первой в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне...

И дальше:

Дай из роз в лице ей крови
И как снег представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу;
Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей.

Поражает пластика в этом первом, в сущности, отечественном переводе; подобная прозрачная пластика не так часто встречалась и потом, в даль-

нейшем. Сколько прелестной наивности («Не сведи одну с другою...» и т. д.), грации. В стихотворении звучит живой человеческий голос, в нем интонация нежная, задушевная, трогательная, я бы сказал, какая-то незащищенная, доверительная.

А ведь в поэзии это может быть самое главное, самое трудное: передать все через душевный и физический жест, через самую плоть слова, плоть стиха, через его движение и вибрацию.

Ломоносов — ученый, суровый и сильный человек XVIII века, государственный, академик — нашел в себе не только одического поэта высокого патетического парения, но и интимного лирика, способного на умиление, на кроткую мольбу.

И помог ему реализовать себя в этом качестве — перевод.

* * *

Поэту опасно иметь мастерства больше, чем ему нужно, потому что мастерство может подменить поэзию. Мастерство может убить непосредственность, если под мастерством понимать умение, способность сочинять.

Есть поэты, которые создают стихи, как курица несет яйца или женщина рождает ребенка. Им не нужно какое-то особое мастерство, оно у них внутри. Чрезмерное мастерство может закупоривать интуицию, что ведет не к рождению живых детей, а к созданию манекенов. Сейчас мало поэтов, людей, у которых интуиция Есенина.

Есенин — вот пример поэта, у которого мастерство в кулаке, оно у него шло «за дивным светом прозрений» («в глазах моих прозрений дивный свет»). Брюсов в основе своей — холодный мастер, но у него была огромнейшая эрудиция, культура.

Брюсов — не «преодоленная бездарность» (как считал критик Айхенвальд), а подавленный дар («Трудись, мечта,— мой верный вол!»). Он кнутом рассудка подчас до смерти забивал, засекал свою мечту, свою поэтическую интуицию. А Есенин победил, потому что он мастерство сумел поставить на свое место. Он прислушивался и благоговел, преклонялся перед своим даром, перед своей «лирой», которую он считал умнее, выше и прекраснее себя. Он служил своей лире. Ему не приходило в голову подавлять ее. Он был в полном подчинении у своей лиры. Лиру свою (то есть поэтическую интуицию) он ставил выше всего на свете, выше своей жизни и даже своей души. «Отдам всю душу октябрю и маю, но только лиры милой не отдам. Я не отдам ее в чужие руки, ни матери, ни другу, ни жене...»

* * *

Творчество Есенина это некий возвышенный трагический «сон», это ощущение своей жизни как единого сновидения, замкнутого в самом себе. «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?..» Вот это единое произведение, повесть о себе и есть творчество истинного лирика. В этом смысле Есенин как никто создал из своей жизни повесть и нам поведал ее. В этом его огромная сила.

У других стихотворцев «лирический герой» то такой, то сякой, разный, не поймешь, кто он; у Есенина он один человек, но в развитии, и история его развития от «отрока» до городского человека «в цилиндре», эта единая история и положена в основу всего его творчества. Для меня Есенин в этом смысле был всегда идеал. Я думаю, что самое сильное влияние, которое я испытал на себе, было влияние Есенина.

* * *

Какая глубокая интонация!
До свиданья, друг мой, до свиданья...
(Есенин)

Пора, мой друг, пора!..
(Пушкин)

Сколько прелести в этом обращении к другу и в этом повторе! Это первоэлемент поэзии, ее атом...

* * *

Пойду по белым кудрям дня...
(Есенин)

Что это за «кудри дня»? Казалось бы, если отдельно взять,— какая нелепица! А на самом же деле, в контексте всего стихотворения,— это пронзительный, неожиданный импрессионистический образ: огромные округлые облака в поле и больше ничего нет!— по дороге идет вдаль человек, «бродяга». «Кудри дня» одним ударом создают образ, картину.

Сергей Есенин.
Силуэт Е. Кругликовой

* * *

Величие Есенина еще и в том, что он делал все как бы наоборот. На пороге техницизма и автоматизации он во все легкие кричал, что он певец «золотой бревенчатой избы». В сложное, раздираемое противоречиями время он был — «певец нации». Он был великий консерватор. Забвение древней русской национальной культуры, отношение к окружающей природе как к стихии, которой предстоит быть «покоренной»,— все это имело место в двадцатые годы. И Есенин своей великой интуицией предвидел, к чему это может привести. И всей силой этой «слепой», обожяемой им интуиции (даже боготворимой) всему этому противостоял.

Кстати, когда мне ныне задают вопрос: «Почему сейчас нет такого поэта?»— я отвечаю так: это не вопрос. Бывает, веками нет поэта. Другое должно удивлять — его появление...

* * *

Николай Клюев сказал:
— Мандельштам мало слов знает — а Пастернак много...

Есенин как-то заметил:
— С каждым новым стихотворением поэт беднее, а народ богаче. — Как умели эти поэты сказать кратко и точно!

* * *

Поэт читает книги не столько для собственно того, чтобы знать, сколько для того, чтобы воспламенить воображение; книга — это трамплин, оттолкнувшись от которого поэт взлетает в сферу воображения, в свой мир, в свой космос, таинственный, полужантаслический. «Воображение важнее знания», — писал Эйнштейн.

* * *

Настоящих поэтов читают всю жизнь. Все новое и новое открывается в них. Вначале их любишь, почти не понимая. Но вся мощная мелодия их зачаровывает, образы и картины потрясают сами по себе, — очень хорошо, когда поэт труден вначале, значит, в нем что-то есть, что требует своего освоения, есть за чем вновь и вновь возвращаться. Эта пища требует сильных челюстей.

Мне сейчас Пастернак кажется таким ясным и понятным, а ведь когда-то Цветаева писала: «Читать Пастернака немногим легче, чем Пастернаку — себя писать». Это трудность хорошая, от густоты напряженности, перенасыщенности стиха — а не от бедности.

Я люблю читать «трудные» вещи. Это то чтение, которое вознаграждается сторицей за потраченное на него усилие. Читаю я медленно, возвращаясь, думаю.

«Дешевое непрочно. Быстрое понимание — лишь признак пошлости понимаемого», — писал в «Подростке» Достоевский.

Борис Пастернак.
Силуэт Е. Кругликовой

* * *

Пастернак был сложным, своеобразным человеком. С одной стороны, это был человек сильный, мужественный, волевой и честный, с другой — он был как-то слишком по-интеллигентски пластичен, наивен, вежлив, воспитан, чудаковат, несколько даже кокетлив, — говоря, подчас восторженно, о предметах, которые его в данный момент занимали, казалось, он был безразличен, занимают ли эти предметы его собеседников. Физически сильный, с волевым, но очень подвижным лицом, он был типичным старым по своей формации интеллигентом, говорившим по-старомосковски на «а». Понять его было порой непросто, так как он вел свой монолог (а это был всегда монолог) необычайно ассоциативно, причудливо перескакивая с предмета на предмет, и сам он ежеминутно менялся. То это был воин, властный и твердый, то это был балованный интеллигентский ребенок, счастливо щebetавший обо всем на свете, переходя с философских высочайших проблем к бытовым пустякам, не видя между всем этим неприступной границы. Чаще всего он казался странным юношей под семьдесят лет, ребячески непосредственным. Вот он мне говорит:

— Приходят поэты, это чаще мои ровесники, с кем мы вместе начинали, но и люди более молодого поколения. Хорошие люди... Читают свои стихи мне. Стихи плохие. Они ждут чего-то от меня, предварительно очень даже слишком высоко оценивая мою скромную поэтическую работу последних лет... Что я им скажу? Они хорошие люди. Я не хочу их обижать. Но правда-то — мать.

Я одному говорю: какой у вас чудный цвет лица! Вы что, живете за городом?

Другому: у вас отличный костюм, кто вам его шил? Дайте адрес портного.

Третьему: я на днях видел ваших детей, какие милые, чудные мальчишки. Вы счастливый человек!

Я обхожу оценку их стихов. Я же интеллигентный человек, но покривить душой в деле поэзии — нет! Это выше моих сил!

Пастернак смеется. Когда он смеется — у него лицо юноши, морщин не видно, это сильный юноша! Одного модного признанного лирического поэта Пастернак называл: «бойкое официальное сердечко». Он был точен и меток в определениях. Как древний Цинциннат, он копал огород, солил капусту, огурцы...

* * *

Годы перед самой войной мне запомнились своими воскресными днями, катаньем на лодках в парке культуры, музыкальными комедиями в кинотеатрах. Это было мое отрочество, я был подросток, мне было четырнадцать — пятнадцать лет, я чего-то ожидал, мир раскрывался передо мной. Было ощущение, что все вокруг на миг остановилось, задумалось, сосредоточилось.

Вот тогда-то мы стали встречать по журнальным страницам короткие стихи, подписанные Степаном Щипачевым. Стали встречать упоминания о нем в критических статьях, большей частью его поддерживали. Удивляла в его стихах неслыханная смелость, неслыханная дерзость: как так? Он пишет о цветах и звездах, о тонких душевных движениях? Как? Вечные темы? Интимная лирика? О встречах и разлуках? И это в нашу эпоху?

После длинных гроыхающих, трескучих стихотворных произведений, рифмованной публицистики, рифмованных очерков, после бесконечной бодряческой риторики Степан Щипачев заговорил вполголоса, в изящных миниатюрах, в которых блеснет вдруг то ощущение вечности, то сегодняшнего грустного или счастливого мига, то кусок природы, то бытовая лирическая сценка. Это было необычайно! Это поражало. Было страшно за него, за его хрупкие, незащищенные четверостишия.

И действительно, вдруг грянул гром: в центральной газете вышла статья критика Т. о поэзии Щипачева, статья разгромная, статья на уничтожение. Казалось, что ничего не стоит прикончить этого лирика, сдунуть его.

Что там? Капля философии, капля вечности, капля красоты.

Но... высшее руководство не одобрило статью Т., поддержало Степана Щипачева. К радости нас — читателей, к радости нас — начинающих писать стихи подростков. Но тут грянула война...

После войны Степан Петрович был председателем секции московских поэтов. Я был студент Литературного института. Известно, как трудно издать начинающему свою первую книгу.

Мне вспоминается: я сижу перед письменным столом в квартире Щипачева в Лаврушинском переулке. Степан Петрович только что прочитал рукопись моей книги «Стихи о Долге», она лежит перед ним на столе.

— Вашу книгу непременно надо издать. Книга есть. Я буду редактором.

Степан Петрович встает в рост, стройный, седой, высокий.

— Идемте в издательство!

И вот мы входим в кабинет Кузьмы Горбунова, заведующего редакцией прозы издательства «Советский писатель».

Горбунов достает чистый бланк договора, и я его подписываю.

Через несколько месяцев выходит моя первая книга «Стихи о Долге», под редакцией С. П. Щипачева.

Мне повезло. Редактором Щипачев был тонким и чутким.

Щипачев очень был похож на моего отца. Не внешне. Они были людьми одного поколения, отец мой был только на год моложе.

Их взгляды, их отношение к миру удивительно совпадали. Окончившие церковноприходскую школу, они, выходцы из неграмотных семей, ушли добровольно на гражданскую войну, служили в кадровой Красной Армии, как-то самообразовывались.

Они были очень честны, несколько наивны, несколько прямолинейны, то есть они были типичными сыновьями своего времени.

Степан Петрович был и в жизни немногословен, как и в своих стихах, о поэзии говорил осторожно, сдержанно, но всегда искренне.

Однажды он сообщил мне, что назначен членом редколлегии журнала «Октябрь», и пригласил меня работать с ним в качестве заведующего отделом поэзии.

Я с удовольствием вспоминаю время нашей совместной работы. Мы тогда впервые за долгие годы напечатали в Москве Леонида Мартынова. Печатали восемнадцатилетнюю Б. Ахмадулину. Борис Слуцкий вышел у нас с большими подборками. После долгого перерыва мы напечатали Николая Заболоцкого. Публиковался у нас совсем молодой тогда Евг. Евтушенко. Ярослав Смеляков, появившийся тогда в Москве после долгого отсутствия, отдал нам свою поэму.

— В самом начале нашей работы некоторые члены редколлегии пытались помешать работе отдела в его стремлении ввести в литературу новые имена, познакомить читателя с настоящими стихами, появившимися после эпохи известного застоя в поэзии. Помню, как мягкий и осторожный всегда Щипачев на одной из редколлегий, где обсуждалась работа отдела поэзии, вдруг встал, побагровев, и необычайно резко поставил на место одного из членов редколлегии, прозаика, набросившегося на опубликованные нами стихи с демагогическими обвинениями. Помню, Щипачев сказал:

— Хватит топтаться на талантливых и честных стихах!

После этого мы долго еще спокойно работали в этом журнале.

Что еще сказать о Степане Петровиче?

В начале 50-х годов критика Т., этого некогда злого ругателя поэзии Щипачева, самого (в общем-то несправедливо) исключали из партии. Были тогда тяжелые времена.

Только один человек из голосовавших открыто не согласился с этим жестоким решением.

Это был Щипачев.

Семен Сорин

* * *

Мы играли в казаки-разбойники,
Властелины детства своего,
А потом, как строгие законники,
Честно разбирались: кто — кого?

А в огне, соперники вчерашние,
Кровную почувствовали связь:
Сообща кидались в рукопашные,
В битвах и могилах породнясь.

Мы играли в казаки-разбойники,
Пулями служили кизяки,
А теперь почти что все покойники —
И разбойники, и казаки.

Детям и в эпоху электроники
В игры наши играть дано.
Пусть играют в казаки-разбойники,
Были бы не в играх заодно.

«ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЙ»

Когда вопрос касался носа,
За шпагу брался Сирано.
И мне, когда посмотрят косо,
Как Сирано, не все равно.

Итак, о носе (правда, ретро-
Спективно, так сподручней мне):
Я не держал его по ветру,
Не задираю, не вешал, не
Совался с показным подспорьем,
Кого-то за нос не водил,
Но в день, когда пахнуло горем,
Мой нос меня опередил.
Ворвавшись в дверь военкомата,
Меня втащил он за собой.
Нос не помеха для солдата,
«Картошкой», «румпелем» — любой.

Он и в ребячьих драках первым
Кидался на чужой кулак
И, становясь несоразмерным,
Неделями алел, как флаг.

А на войне, когда утроишь
Упорством воинский престиж,
Бывало, носом землю роешь,
Хоть кровь из носу, а стоишь.

Горит земля, огонь до неба,
А взводный, помнится, кричит:
«Покилича ховаться грэба,
А нос нехай вперед торчит».

С нравоучительным уклоном
Твердил: «Небось не для красы
Кутузову с Багратионом
Господь такие дал носы!»

...Пускай иной посмотрит косо,
Вострит безноса косу.
Я б не сменил души и носа.
Какие дадены — несую.

* * *

Не зря из космической пыли,
А то — из камней со смолой
Могучие силы слепили
Планету, что стала Землей.

Не зря на крутящемся шаре
Стихала огня круговерть,
Не зря океанские твари
Вползли на остывшую твердь.

Не зря столько мук претерпела
Природа, творила пока
Прекрасное женское тело,
Мужское — поддобье клинка.

Не зря, состоя из молекул,
Какой-то чудак-человек
Об атомном веке кумекал
В свой доисторический век.

Не зря, неподвластные страху,
Отвергнув поповский елей,
Народы тащили на плаху
Преступных своих королей.

Все бури на нашей планете
Имели единственный толк:
Чтоб мы появились на свете
И честно исполнили долг.

Уносит и нас половодьем,
Закатная светит заря.
Пришли, победили, уходим,
Живые бы жили не зря!

Владимир Ведякин

* * *

Показал мне парень местный
Темный омут, где с войны
Мотоцикл стоял немецкий —
Руль блестел из глубины.

Много раз достать хотели
Ту машину из реки.
Зря кряхтели и потели,
Рвали жилы мужики.

Только речка не спешила.
Все текла едва-едва.
Но машину распушила
На простые вещества.

Чтоб фашистская короста
Не уродовала впредь
Замечательные просто
Хром, железо, никель, медь...

Алла Стройло

У ДОСКИ ОБЪЯВЛЕНИЙ

Объявленья запоем читаю,
Века пестрого пестрый роман,
Словно судьбы чужие листаю,
Где обмер, и обмен, и обман.
Вот какой-то бунтарь-одиночка
Срочно купит старинный сундук,
Продается овчаркина дочка!
Как же так, человек? Это ж — друг!
Вот неверный старушечий почерк
(Пожила бы одна, коль могла) —
Двух студенточек — двух одиночек
В два старушечьих пыльных угла.
И чета с сожаленьем глубоким,
Просмотрев объявленья стократ,
Говорит:— Хорошо одиноким,
Одинокие, ишь, нарасхват.—
И становится весело мне —
Одиночество нынче в цене.

* * *

Вы убедиться можете воочию:
Куда ни кинь —
  все у меня рабочее.
Рабочий стол.
Рабочая тетрадь.
И в магазин «Рабочая одежда»
Я прихожу наряды выбирать.
За жизнь свою конторскую ни разу
Не пропустила овощную базу,
Я выезжала на поля совхоза,
Вдыхала запах сена и навоза,
Полола я морковь и кукурузу
И помогала как могла союзу
Вот этому —
  рабочих и крестьян.

Жале

ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ

Поющая птица — это капелька солнца тоже,
Цветок распутившейся розы,
Но который умеет летать.
Птица — не петь не может,
Птица — устать не может,
Это песенка счастья —
Не надо их убивать.

Не убивайте песни!
Мир был бы пустынен и мрачен,
Если б не пели птицы
И онемели леса.
Поможем — друг другу люди,
Поможем — друг другу братья,
Чтоб никогда не умолкли
Певчих птиц голоса.

Перевел с фарси Вл. Солоухин

Ираида Потехина

* * *

Уезжаю от белых ночей.
Север верен себе — поражает,
даже чайка меня провожает,
из рассветных возникнув лучей.
То над морем недвижно парит,
то волну пересекает крылами...
В откровенье прощальном
  над нами
чайки белое тело горит.

* * *

От Яреньги до Лопшеньги
вдоль моря волока...
Ядреные здесь «жонки»
с парного молока.
Всяк вынянчен здесь морюшком,
морощкою вскормлен,
да с царской рыбки семужки
народишко силен.
Смышленный и отважливый,
открытый, а не прост.
По Мурман-морю хаживал,
а в землю эту врос.
У дерева могучего
вся сила от корней.
А что во мне есть лучшего —
от северных людей.

Александр Балин

ОТМЕТИНЫ

На подшпниках осипших инвалид пылил по рынку:
Чем слышнее лязг медалей, тем страшнее тишина...
У него купил я клеши да кепчонку-шестиклинку
Из облезшего до ниток беспородного сукна.

За рубахой дело стало, — мне б хотя косоворотку,
Потому что гимнастерка прохудилась на груди...
На вчерашнего сержанта жизнь набросила обротку,
Засупонила хозяйски и промолвила: «Иди!»

А мечталось позабыться, навзничь лечь в приокский клевер,
Чтоб под солнцем тлела мирно «козья ножка» на губе
Да бараньими стадами облака брели на север
Добрый знаком, что запахнет чистым хлебушком в избе.

Ах ты, милая Кашира! Не до жиру — быть бы живу...
Надрываясь от бессилья посреди мычащих масс,
Осознал я, что мечтанья — невеликая нажива,
И на выгоне плешивом полудохлых телок пас.

Ставил «палочки» в тетрадке бригадир, грустнея оком, —
Целых две всего за сутки: «А хотишь, проставлю пять?»
Если лошадь заступила за оглоблю ненароком,
Все равно не стронет воза, как ни бей ее, ни пять.

А короче, смыслом жизни, как ни бился, не разжился,
И, хотя болячки этой добрым людям не казал,
Отсвет стойкого ненастья на виски мои ложился,
А бездарный червь сомненья душу смутную терзал.

Может, слишком по-щелячьи свиста пули опасался,
С дегтяревской бронебойкой в щель вжимался — вопль сплошной,
Словно жалкой жаждой — «выжить!» — на три жизни запасался,
А приперла, — знать не знаешь, как управиться с одной?

...Если чудом задавался полдень, ветренный и знойный,
То воды капустный запах доносился от Оки,
А ночами тупо снился кубик торфоперегнойный,
В коем мирно помирал кукурузные ростки.

И когда, кругом обложен, сад колхозный среди ночи
Под топор склонился молча, перестав благоухать,
Каюсь, — силы не хватило, не осталось в сердце мочи,
Ну совсем как в дивной песне: «ни боронить, ни пахать».

Ко всему привыкнуть можно да и жить себе лет до ста,
Мне ж такое долголетье, извините, на шиша,
Коль в подержанном рассудке бдит беспамятства короста
Да в ленивой клетке ребер спит бесполоая душа.

И — с Оки стопы направил, чтоб узнать, чего я стою,
На озера Тугайкуля, на болота Курлады...

Вагонетки друг за дружкой шли с породой пустою,
По загревку террикона голоса на все лады.

Рассуждал я с уваженьем: уголь, мол, себя покажет.
Вертикальные забои — это ж надо понимать!
Ох, как трудно был он нажит, опыт мой. А кто подсказет,
Как осколки антрацита мне из сердца вынимать?

Мать родная! Словно филин, я торчал в вечерней школе,
В крышку парты подростковой глухо ахала башка...
Жутковато недоучкой жить баржою на приколе,
Стыть погасшим терриконом у пустого рудника.

Горизонт семидесятый сквозняком скрепил мне кости.
Добрый свет шахтерской лампы — разве не звезда во лбу?
По таким причинам веским мне хватило доброй злости
На болты поставить сердце, не сорвав на них резьбу.

Очень я, конечно, бредил хоть каким, но все же вузом,
Чтоб узнать, как по-латыни будет «чистая доска»...
Из светлейших вод литфака выплыл я с честнейшим грузом:
До сих пор в шпаргалку верю, как в ударник без бойка.

Но уже хворал смертельно, как чахоткой скоротечной,
Смазкой угольных комбайнов, лаской глаз людских — до дна.
С красной книжицей диплома угодил я в цех кузнечный
На предплужники, которым сладко снилась целина.

Да, с «педпрактикой» безбожно затянул в цеху кузнечном...
Никакой я не психолог, логик — тоже никакой,
Лишь счастливо обладаю жизни знанием сердечным,—
И оно всегда со мною, постоянно под рукой.

Кузня, словно бы кукушка, в тесноте души кукует.
Разменяв седьмой десяток, сильно я по ней скорблю:
Как она ни куковала б, все равно душа рискует
Ознобиться без братишек, коих дó смерти люблю.

Я смотрю в глаза форсунок, словно в щели смотровые
Подорвавшейся на mine милой «СУ-122»,—
Чад газойля очи выел, но всегда они живые —
Работяги, коммунисты, потому что жизнь права.

И живет на антресолях трудовое наше знамя,
За которое свой ливер я мазутом отравил..
Двое внуков подрастают,— с озорными пацанами
Напрочь собственное горе я веревочкой завил.

Наша память — мед полынный,— никого к ней не ревную:
Как солдат сверхсрочной службы, память честно служит мне.
Вот я слушаю с улыбкой «топотуху» озорную,
Аж мурашки нетерпенья пробегают по спине.

Вот звучит полузабыто и, пожалуй, странновато:
«Сама садик я садила, сама буду поливать»...
Не жалею, что у жизни стало пауз маловато,
Чтоб порою бесконтрольно волю памяти давать.

Понимаю: неохотно стану я своею тенью,
Только прежде, только с болью, только более всего

Всем остатком бывшей силы не помочь грешно раденью
О делах людской планеты — мира — дома своего.

Одиноким белым чудом я торчу во чистом поле,—
Молчаливые зарубки поперек и вдоль ствола...
В вечной смене поколений сорок лет трудов и боли
Как единый миг промчались, а ведь это — жизнь прошла.

Вдруг зазря?! Пошла с закраин отношений двухсторонних
Таять льдина неприязни, если не полувражды...
Чем ответственнее время, тем страшней мне в посторонних
Неприкаянно шататься, словно лошадь без узды.

Теплый-теплый, добрый-добрый снег из тучек невысоких
На озимую пшеницу лег периной пуховой,
Значит, враг мой хоробрый, из меня не выжмешь соки,
Хоть и денно ты и ночью грезишь третьей мировой.

Лишь начнись... Пылить не станут инвалидные коляски,
Лязг медалей не раздастся в страшноватой тишине,—
Испарятся Свирь и Темза, запылают льды Аляски,
Сталагмиты небоскребов оплывут, как в диком сне.

Время ли медоречиво слух людской словами тешить?
Ведь язык, он все сумеет, сможет, благо без костей...
Жесткой жизнью я обучен головы и рук не вешать
Ни от пагубных пророчеств, ни от светлых новостей.

Чую: вроде проникаюсь государственным мышленьем,
Под треухом деловито заседает свой ЦК,—
Это, правда, посложнее, чем утрами с удивленьем
Убеждаться облегченно: «Слава богу,— жив пока!»

Удивление — полезно, ну а разве бесполезней
Праздник будничной работы раньше солнца затевать?
Все ж заверчено нелепо расставанье с жизнью-песней:
«Сама садик я садила, сама буду поливать».

К лику солнца головенки два подсолнечника тянут,
Золотистых и пушистых,— как мне дороги они!
По больному, по живому я сталистым тросом стянут,
Чтоб рассышейся кадушкой не рассыпать клепки-дни.

Светлой свежестью дыханья веет в окна, тянет в двери,
А ведь был и я когда-то с поллитровкой на «ты»...
Не насилую рассудок присягать высокой вере,
Оттого что только мертвым загремлю я с высоты.

Тороплюсь душою чуткой принимать задачи века,
Чтоб внимать им, как внимаю стуку сердца своего...
Он наступит на планете, вечный мир для человека,—
Мы не зря морями крови заплатили за него.

...Распогодило прилично, как оно и намечалось.
Время самое, пожалуй, долг давнишний отдавать,
Только б сердце колотилось, только б песня не кончалась:
«Сама садик я садила, сама буду поливать».

А. Твардовский 1910—1971

Ранние произведения А. Твардовского известны читателю весьма относительно. Лишь малая часть того, что было написано до «Страны Муравии», использована автором в прижизненных изданиях. Одна такая проба — дополнить произведения позднейших годов стихами начальной поры — была, например, сделана в четырехтомном собрании сочинений, которое Твардовский открыл циклом «Из ранних стихотворений». В дальнейших изданиях и эта частица была убавлена и потеснена стихами более поздних лет.

Почти все, что написано до «Муравии», не было закреплено в сборниках и книгах поэта. За редкими исключениями произведения начального периода так и остались на страницах смоленских газет и других областных изданий. Это и было одной из причин того, что, появившись в 1936 году в московском журнале, «Страна Муравия» оказалась для столичного читателя явлением неожиданным, возникшим сразу как бы на голом месте. Успех, сопутствовавший поэме, стал не только основой легенды о легком вхождении Твардовского в литературу (не миновавшей и литературоведения), но отодвинул и заслонил собой предшествующую работу поэта. В согласии с житейской истиной: мол, для чего смотреть назад, когда идешь вперед,— поэма положила начало литературной биографии поэта, стала вехой, от которой пошло слежение в критике большого пути Твардовского в литературе. Немало способствовало такому началу заявление автора, сделанное уже в ранней автобиографии: «Со «Страны Муравии», встретившей одобрительный прием у читателей и критики, я начинаю счет своим писаниям, которые могут характеризовать меня как литератора». Быть может, сам не сознавая того, Твардовский наложил известное вето на то, что было написано им до этой поэмы, и как бы предложил знакомиться с его творчеством с «Муравии».

Однако в реальной биографии поэта «Стране Муравии» предшествует десятилетие именно «вхождения» в литературу. Срок этот вмещает газетно-журнальную работу, учебу в институте, овладение способностью разбираться в явлениях нашей быстро меняющейся действительности и одновременно овладение навыками писательской работы, мастерства, познания природы стиха и такого покорения его — неподдающегося,— которое давало бы право без гордыни, но с достойной уверенностью заявить: «Я это знаю лучше всех на свете — // Живых и мертвых,— знаю только я». Чтобы достичь таких высот, мало было иметь домуравские десять лет, нужна была и «вся оставшаяся жизнь».

Немаловажной причиной равнодушия к раннему Твардовскому явились и обычные—житейские, бытовые — и тем не менее существенные обстоятельства, вроде несобранности ранних стихов, неупорядоченности архива писателя. Что-то записано, а что-то не вошло в рабочую тетрадь; что-то сохранилось в виде газетной вырезки, а что-то утратилось за время командировок и скитаний, отсутствия жилья и разных неурядиц, сопровождавших первые годы жизни Твардовского в Смоленске и в Москве. Все это хозяйство, не приведенное в должный порядок при жизни писателя, не позволяло обозреть его содержание, не могло дать полного представления объема и качества материала. Отказываясь от всего слабого, детского, повторного, что так или иначе отмечает первые опыты любого молодого автора, Твардовский выплеснул из памяти и то, что носило уже признаки Твардовского — выразителя целой эпохи в жизни советского народа. Всецело связанный с заботами современности, он нисколько не был озабочен скрупулезным подбором своего раннего «наследия» и — более того — постепенно забывал его. Еще менее знали о нем читатели и критики поэта.

Однако при всей литературной слабости многих ранних стихов Твардовского, при всей их беззащитности перед лицом его поздних произведений — это стихи Твардовского. И как любопытно бывает взглянуть на тот родничок, ко-

торый дает начало великой реке, так всегда интересно узнать, с чего начинается большой писатель.

В последние несколько лет исследовательская мысль проявляет интерес к началу начал — первым годам творческой работы Твардовского. Здесь в первую очередь следует отметить книги и статьи А. Македонова (Ленинград), В. Акаткина (Воронеж), С. Страшнова (Иваново).

Будем надеяться, что и сборник ранних стихов Твардовского, включенный в план издательства «Советский писатель», будет способствовать лучшему пониманию не только раннего, но и позднего Твардовского.

Предлагаемая читателю подборка стихотворений — как раз из этой подготовленной для печати книги.

М. И. Твардовская

СЕНОКОСНОЕ

Июль рассыпался цветами на лугах,
Пахнул в сараи ароматом сена.
Заторопились люди на полях
До вечера душистого бессменно.

Как змеи, косы от лучей блестят,
Но легок шум весеннего размаха.
Весь луг рябится от зеленых гряд.
Открыты груди, и в поту рубахи.

Скрипят возы. Малиновый платок
И звонкий голос пропотевшей бабы.
А вот мальчишка в малый ноготок
Несет на луг ореховые грабли.

Придавит вечер неумолчный шум,
Зальется песней звонкою дивчина.
И желтый месяц — запоздалый кум —
Зажжет опять дымящую лучину.

1926

* * *

У барского дома
Я бегал босым...
Жалейте о прошлом,
Кто прошлого сын.
И девушек облачных
Мне не жалеть:
Они лишь виденья
Отброшенных лет.
Их пышные косы
С постельным теплом
Меня не ласкали
В прошедшем былом.
Их счастья не встретят
Аллея и парк,
В саду не увижу я
Млеющих пар.
Хозяева строги —
Положено раз:
Мы это творили
И это — для нас.

В сады и аллен
Пришли мы из хат,
Чтоб юным — любиться,
Седым — отдыхать.

1927

КОНЬ

В седле, уздечке и подковах
Такого друга не найти.
Послужит верностью в пути,
Внимательно послушный слову.

И теплым ласковым дыханьем
Он греет мне мою мечту.
Мой друг, мы нынче на счету
И воевать, быть может, станем.

Но, встретить кровь и смерть готовый,
Я у судьбы прошу одно,
Чтоб было случаем дано
В бою не знать коня иного,

Другого не пасти заботой,
В седло другое не вращать,
С другим под пулями не стать,
Как не стоял с другим в работе.

Мы бережем хлеба, и травы,
И мирных пашен тишину.
Вот потому должны войну
Мы выдержать всегда со славой.

Но все же, мой послушный друг,
Пройдет война грозой вчерашней —
И снова мы заставим плуг
Рыхлить оставленные пашни.

1927

* * *

Я тебя заждалась на крыльчке,
Глядя на дорогу из-за речки.
Я тебя прождала вечер весь...
От работы вечером свободней,
Обещал ты мне прийти сегодня,
Обещал и песенник принесть...

Я тебя напрасно ожидала,
Ты ко мне и поздно не пришел.
Без меня, как видно, хорошо,
Лучше, чем со мной бывало...

Ты оденешь покупной свой клеш,
На чай к учительше пойдешь.

С нею вместе в разговорах умных
Станешь незнакомый, непростой,
И совсем забудешь, как со мной
В березняк ходил за гумна.

А учительша одета модно,
Разговор — ученый, благородный.
Комсомолец, миленький Алеша,
Ну и я куплю себе калоши,
Буду говорить не «тут», а «здесь»!..
Но зачем же так ты насмеялся,
Ведь прийти сегодня обещался,
Обещался песенник принесть...

1927

ДАЧНЫЙ РАССКАЗ

С шутивым стараньем несу
Корзину мою на весу.
Поклажа моя — бутылки,
Закуски, ножи и вилки.

Вилки, ножи... Они не нужны —
Порядок и память хорошей жены.
Компания лесом идет впереди...
— Ребята, ребята, постой, погоди,—
Они обернулись. Я, не шутя,
Направил всеобщее наше внимание
На спутника-мальчика.

Это дитя —
Будет стеснять компанию.

Нам неудобно. Нам неприятно.
Мальчик не должен видеть вина.
— Мальчик, ты отнеси обратно
Вилки с ножами. На!..

Нет, говорит, не понесу,
Мне хорошо с вами в лесу.
Пошел и пошел.— Ну, что же,
Идешь, так иди. Можешь.

Выбрали место. Сели. Сидим.
Костер появился. Дым.

— Мальчик, а мальчик, сходи-ка —
дровишек...
Да постарайся найти сухих...—
Мальчик покорно из круга вышел,
Нас у костра оставляя одних.

Мы торопливо пробки выбили,
Мы по стаканчику разом выпили
И закусили. Ножи пригодились:
Как без ножей разделить колбасу?

Мальчик с охапкой из леса вышел,
Словно нарочно скрывался в лесу.

ПОЭЗИЯ ВЫШЕ САМОЙ СЕБЯ

Задача поэзии — не воплощение в слове каких-то отдельных характеров или каких-то отдельных событий. Задача поэзии — воплощение в слове духа своего времени, главных его закономерностей. Это — твердая, безусловная правда. Но это — не вся правда. Задача поэзии — еще и воплощение высших идеалов человечества. Самых глубинных запросов человеческой души. Пушкин как поэт был тесно связан с главными событиями своего времени — Отечественной войной 1812 года и восстанием декабристов. Но ведь жили тогда поэты, которые гораздо теснее его были связаны с названными событиями. Они не просто были связаны с ними — они творили их. Это Денис Давыдов и Кондратий Рылеев. Но значение поэзии Пушкина неизмеримо выше значения поэзии Давыдова и Рылеева. Значит, дело не только в воплощении определенного времени.

Мы обращаемся к стихам Пушкина не для того только, чтобы иметь представление о той эпохе, в которую он жил. И прежде всего — не для того. Потому что Пушкин, создавая свои стихи, ставил своей целью не одно только отображение своей эпохи.

Основание поэзии — жизнь. Жизнь первична, поэзия вторична. Без жизни не может быть никакой поэзии. Это великая, всей историей литературы подтвержденная, неопровержимая, неуничтожимая, самоочевидная правда. Но это — не вся правда. Если бы поэзия ни на йоту не возвышалась над жизнью, она была бы попросту никому не нужна. Без поэзии Тютчева, Фета, Некрасова, Есенина мы и жизнь-то представляли бы совсем по-другому. Поэзия целиком проистекает из жизни. Но она и одухотворяет эту жизнь. И в каком-то смысле поэзия выше самой жизни.

Поэзия бесконечно больше самой себя.

ПОЭМА

У каждого лирика есть своя поэма. Эта поэма — его собственная жизнь. Каждый поэт должен уметь написать свою жизнь. Сваливать вину за неудавшуюся жизнь на кого-то другого — дело совершенно пустое.

ПРЕКРАСНОЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ДУРНЫМ

Многие ошибки в оценке стихов проистекают от недоверия критика к самому себе. Прочтет критик живое, неподдельное стихотворение — и сердце его, как говорится, екает. Но тут же он спешит приложить к нему свои мерки: а отразило ли оно то-то и то-то? а соответствует оно тому-то и тому-то? а соразмерны ли его пропорции? И если увидит,

что не отразило, не соответствует, не соразмерны, то делает вывод, что стихотворение дурно.

Логические рассуждения говорят критику, что стихотворение дурно. Непосредственное же чутье подсказывает ему, что оно прекрасно.

Прекрасное не может быть дурным! Если оно дурно, — значит, не прекрасно.

В поэзии — если она действительно поэзия, — как в зерне, заключены все остальные положительные качества: и глубина, и широта, и соответствие времени. Нужно только внимательнее взглядеться.

«ПИШУ ДЛЯ СЕБЯ»?

«Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо я не принадлежу к нашим писателям 18-го века; я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть не для улыбки прекрасного пола» (Пушкин. Письмо к П. А. Вяземскому, 1824).

«Я пишу для себя...» Так прямо и сказано? Так прямо и сказано.

Мысль заострена. «Для себя» здесь звучит как противопоставление «для улыбки прекрасного пола». «Для себя» — это еще не значит, что только для себя. Мысль эта не противоречит словам «для себя и для других людей».

Мы говорим: поэт пишет для людей. Но найдутся критики, которые эти слова понимают буквально. То есть как «только для других людей». Самого, мол, себя поэту принимать во внимание вовсе не обязательно. Такое понимание не так редко, как кажется на первый взгляд. Да и не так безобидно, как кажется на первый взгляд.

А безобидность его в том, что оно позволяет человеку творить не согласуясь с собственной совестью. Было бы, мол, нужно для других. А для себя пусть будет и не нужно. Но в том-то все и дело, что не может среди твоих творений быть ценным то, что не является ценным с точки зрения твоей совести.

Есть и другая сторона вопроса. Человек должен жить для других. Верно? Верно. Но что получится, если мы это требование поймем буквально? Я должен жить для других. Ты должен жить для других. Он должен жить для других. Все должны жить для других. Все должны принести себя в жертву другим. Кто же получит удовлетворение? Ровным счетом никто.

КРАТКОСТЬ

Лирические поэты более боятся переговорить, чем недоговорить. Недоговоренность оставляет для читателя возможность самому постигнуть поэтическую истину. А в этом как раз и состоит высшее эстетическое наслаждение.

Переговорить — это далеко не всегда значит проявить многословие. И краткость может быть причиной тому. Назовем это «дурной краткостью» —

когда вместо того, чтобы дать живой процесс явления, автор дает его голый, сухой результат.

Тютчев в своем стихотворении «Нет, моего к тебе пристрастия...» сравнил «светлую мечту» со «свежим духом синели». Но он не воспользовался обыкновенным сравнительным оборотом (с союзом «как», или «будто», или «словно»). Для него это, видимо, казалось слишком грубым. Боялся переговорить.

Он нашел другой, более тонкий способ сравнения:

Бродить без дела и без цели
И, ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели
Или на светлую мечту...

«Свежий дух синели» и «светлая мечта» стоят рядом, разделенные союзом «или». И в воображении читателя сама дорисовывается их легчайшая взаимная связь.

ПОЛНОТА

Конечно, Тютчев мастерски вводил в стих такие слова, как хаос, космос, инстинкт, фетиш. Конечно, расширение поэтического словаря за счет словаря философского — одна из несомненных заслуг поэта. И все-таки на стихотворениях, включающих в себя подобные слова, есть (никак невозможно его не заметить!) расхолаживающий оттенок научной прозы.

Гораздо совершеннее представляются те его стихотворения (также глубоко философские!), где он сумел обойтись без таких слов.

Как величественна поступь этих бесконечно знакомых и бесконечно новых слов:

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Это — зримо, это — живописно. Но ведь дело-то здесь вовсе не в зримости и живописности. Сама

стихия, ее плоть и ее дух в этих постепенно возвышающихся строках:

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

У стиха перехватывает дыхание, и он с усилием (счастливым усилием!) повторяет до предела наполненные слова:

И мир, цветущий мир природы...

Жизнь, изнемогающая под тяжестью собственного величия.

В картине, нарисованной обыкновенными словами, человеческий разум, сама природа воплотились с большей полнотой и свободой, чем во многих сугубо философских сочинениях.

А ЖАЛЬ...

Размер, которым написано лермонтовское «Выхожу один я на дорогу...», нельзя назвать редким. Стихи многих поэтов написаны пятистопным хореем. И все-таки размер лермонтовского стихотворения — размер особенный. Он резко выделяется среди своих собратьев. Таинственная сила его будет намного понятней, если мы откроем для себя, что каждая строка в стихотворении Лермонтова разделена паузой, причем паузой в строго определенном месте, а именно — после третьего слога:

Выхожу / один я на дорогу;
Сквозь туман / кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. / Пустыня внемлет богу,
И звезда / с звездой говорит.

Всего лишь — пауза!

Трудно говорить за всех современных поэтов, но смею утверждать, что многих из них такие мелочи, как цезура в стихе, совершенно не заботят. А жаль. Лермонтова — заботили.

Булат Окуджава

ПОБЕДА

Была пора, что входит в кровь, и помнится, и снится.
Звенел за Сretenкой трамвай, светало над
Мясницкой.

Уже пожар отбушевал, и я отвоевал
в те дни, когда еще в Москве Арбат существовал.

Живые бросились к живым, и было правда это.
Любили женщину одну — она звалась Победа.
Казалось всем, что всяк уже навек отгоревал
в те дни, когда еще в Москве Арбат существовал.

Он нашей собственностью был, и мы клялись
Арбатом,
еще не знали, кто кого объявит виноватым,
как будто нас девятый вал отныне миновал
в те дни, когда еще в Москве Арбат существовал.

Какие слезы на асфальт из круглых глаз катились,
когда на улицах Москвы в обнимку мы сходились —
и тот, что пули избежал, и тот, что наповал,—
в те дни, когда еще в Москве Арбат существовал.

* * *

Чувствую: пора прощаться,
все решительно к тому.
Не угодно ль вам собраться
у меня, в моем дому?

Будут ужин, и гитара,
и слова под старину.
Я вам буду за швейцара —
ваши шубы отряхну.

И, за ваш уют радея,
как у нас идет в роду,
я вам буду за лакея
и за повара сойду.

Приходите, что вам стоит?
Путь к дверям не занесен.
Пусть жена нам стол накроет
на четырнадцать персон.

Ни о чем не пожалеем,
и, с бокалом на весу,
я последний раз хореем
тост за вас произнесу.

И не то чтоб перед светом
буйну голову сложу —
просто, может, и поэтом
вам при этом послужу.

Был наш путь не слишком гладок,
будет горек черный час...
Дух прозренья и загадок
пусть сопровождает нас.

* * *

У поэта соперника нету
ни на улице и ни в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
это он не о вас — о себе.

Руки тонкие к небу возносит,
жизнь и силы по капле губя.
Догорает, прощенья просит...
Это он не за вас — за себя.

Но когда достигает предела
и душа отлетает во тьму —
поле пройдено, сделано дело,—
вам решать: для чего и кому.

То ли мед, то ли горькая чаша,
то ли адский огонь, то ли храм...
Все, что было его,— нынче ваше.
Все для вас. Посвящается вам.

* * *

Хочу воскресить своих предков,
хоть что-нибудь в сердце сберечь.
Они словно птицы на ветках,
и мне непонятна их речь.

Живут в небесах мои бабки
и ангелов кормят с руки,
на райское пение падки,
на доброе слово легки.

Не слышно им плача и грома,
и это уже на века.
И нет у них отчего дома,
а только одни облака.

Они в кринолины одеты.
И льется божественный свет
от бабушки Елизаветы
к прабабушке Елисабет.

* * *

Б. Сарнову

С последней каланчи, в Сокольниках стоящей,
никто не смотрит вдаль на горизонт горящий,
никто не смотрит вдаль, все опускают взор.
На пенсии давно усатый брандмайор.

Я плачу не о том, что прошлое исчезло:
ведь плакать о былом смешно и бесполезно.
Я плачу не о том, что кануло во мгле,
как будто нет усад и нынче на земле.

Я плачу об ином — оно покуда с нами,
оно у нас в душе, оно перед глазами,
еще горяч и свеж его прекрасный след —
его не скроет ночь и не проявит свет.

О чем бы там перо, красуясь, ни скрипело —
душа полна утрат: она не отскорбела.
И как бы ни лились счастливые слова —
душа полна утрат, хоть, кажется, жива.

Ведь вот еще вчера, крылаты и бывалы,
сидели мы рядком, и красные бокалы
у каждого из нас в изогнутой руке,
как будто бы пожар — в прекрасном далеке.

И на пиру на том, на празднестве тягучем
я, видно, был один, как рекрут, необучен,
как будто бы не сам метался в том огне,
как будто тот огонь был безопасен мне.

Вадим Черняк

БАЛЛАДА О ДЕСЯТИКЛАССНИКЕ

Коллизии банального романа.
Наверное, Иван или Игнат...
Она, скорей, Мария или Анна.
Неважно.
Да и выбор не богат.

Июнь.
Декада третья.
Пыльно, жарко.
Какой-то город.
В карту наугад —
и вот он.
Недра городского парка.
Обрывки танго.
— Пиво?
— Лимонад.
— В субботу можно пива...

Между прочим,
мальчишка крепок,
хоть и не высок.
Десятиклассник.
Быть ему рабочим —
на фабрику ходить через лесок.
Конечно, мямля,
рассуждает:
«рано»...

Тогда как поздно:
ждет ее другой.
Коллизии банального романа.
Стянул все нити ремешок тугой.

Таков июнь.
Вторая половина.
Плечо пунктирно чувствует плечо.
Истомую исходят мандолина,
гитара, бас и черт-те что еще!

Сквозь негустое облако тумана
горит небес пустое решето.
Коллизии банального романа,
где ждут ее.
Его не ждет никто.
— Поверь!
— Да ну...
— И зря!
— А жить в бараке?
— Найдем жилье, не бары, не цари!

Он рухнет навзничь в первой же атаке.
(Пусть кто-то врет, что в две ходил
и в три!)

Он вскрикнет,
с жизнью враз покончив счеты —
с той, что ему и шанса не дала
на счастье, продолженье,
хоть на что-то.
В июне.
Двадцать первого числа.

Не помнивший ни матери, ни дома,
он, из живых убравшись налегке,
останется лишь в сводке военкома,
в архивной несмыслимой строке.

И есть ли право разбирать, как прожит
им краткий век —
шутя ли, не шутя?!

Другой десятиклассник потревожит
ту строчку восемнадцать лет спустя.
На миг застынет, улыбаясь странно,
как будто в ней и запечатлены
коллизии банального романа —
беды невидной среди бед войны.

* * *

И эта жизнь идет к концу:
Родная тетка по отцу
Давно больна, и тихо тает,
И письма старые листает,
С пожухлой пачки сняв тесьму.
И я склоняюсь с ней к письму
Отца, погибшего на фронте.
И не попросишь: «Вы не троньте
Моих последних стариков
У времени и у веков...»
И рушатся миры и узы.
Погибший у реки Вазузы,
Отец погибнет вновь, когда
Умрет она, сквозь все года
Пронесшая тоску по брату...
И если посмотреть на дату,
В углу письма видны едва
Две стертых цифры:

«Сорок два».

* * *

Коль ты таких не знаешь школ
Безумных, где не ставят кол,
А, наказав, сажают на кол —
Твоих познаний кот заплакал.
Штудируй имя и глагол.

Узнай, в какие времена
Какие чтили имена
И над какими надругались,
С чем те и эти сопрягались.
Невежество — всегда вина.

Замешен опыт на крови.
Возможность всякую лови
Узнать о нынешнем и прошлом.
Став умудренным, но не дошлым,
Душой нигде не покриви.

И на вопрос: «О ком, о чем?»
Ответь: «Лишь мертвый ни при чем,
А кто живой — за все в ответе.
И долг его — любые нети
Упрямым высветить лучом».

Из коллекции книжника

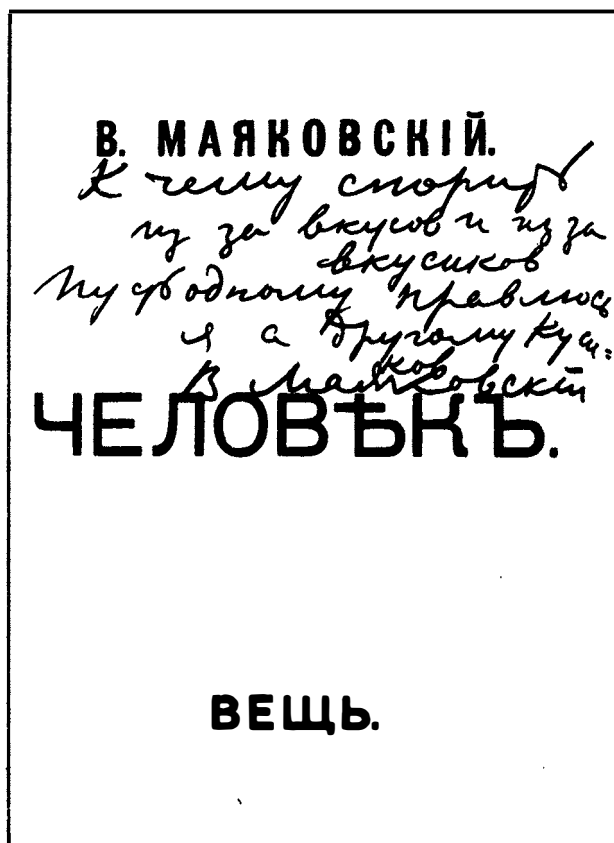
В начале 1916 года вышли в свет две книги В. Маяковского — поэма «Человек» и второе (бесцензурное) издание поэмы «Облако в штанах». Пачки этих книг Маяковский брал с собой в «Кафе поэтов» для продажи. У меня в собрании есть обе эти книги с автографами автора. На экземпляре «Облака» Маяковский размашисто расписался и ниже приписал: «Кафе поэтов». Другая, более интересная надпись была им сделана для поэта Александра Кусикова, который в тот пер. од был близок к группе футуристов; позже, как известно, он сблизился с имажинистами. Любители стихов знают поэтические сборники Кусикова, а в концертах и ныне можно услышать песню на его слова: «Слышен звон бубенцов издадека...»

На титульном листе поэмы «Человек» Маяковский написал экспромт:

К чему спорить из-за вкусов
и из-за вкусиков.
Пусть одному нравлюсь я,
а другому Кусиков.

В. Маяковский

Анатолий Марков

Геннадий Калашников

* * *

Поземка тоньше, ветер злей,
как будто я в начале сказки.
Политехнический музей
стоит на склоне, как салазки.

Вот-вот скользнет — толкни слегка
(сравнение требует развития)
туда, где Яуза-река
течет в чешуйчатом граните.

Свернется холод в руках,
а на Солянке иль в Зарядье,
как иней, соль блеснет в словах
в неповторимом звукоряде.

Многоголосица Москвы,
поющий, акающий облик,
чересполосица молвы,
цветущих слов горячий отблеск.

Городит сказка огород,
и вот, распахивая ворот,
над снежным городом встает
еще один — звучащий город.

Звучит, растет до облаков
в державной мощи, светлой силе,
как будто сорок сороков
враз, как один, заголосили.

В нем для тебя горит окно
и месяца блестит подкова.
Пускай дорогу замело —
тепло за пазухой у слова.

Ведь в слове копится тепло
и никогда не вымерзает.
Тебя морозом обожгло?
Заговори — гортань отгадет.

ЧИТАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

В книгу глядит,— значит, смотрит вверх.
Застывший или нервно листающий,
всегда по-особому красив человек —
homo sapiens — человек читающий.
Как торжественно выстроено его лицо,
как свет глубок, по лицу пробегающий,
чтение — захватывающее, заматывающее колесо...
Про сон и еду — про все! — забывающий,
читающий днем и при свете скупом,
хмуриющий лоб и мозг утруждающий,
как хлеба ковригу несущий том
и на ходу нетерпеливо его открывающий,

спешащий в «сотый» или в «Книжный мир»,
в закрученной очереди застревающий,
в книге — добытой с боем — открывший мир,
где не был еще — и в нем пропадающий,
дошедший до сути, ухвативший мысль,
как взор его умудренно-ясен.
Человек, взлетевший в такую высь,
в такую даль ушедший — прекрасен.

Геннадий Серебряков

ТРЕЗВАЯ СВАДЬБА

Эта свадьба, видно сразу,
Перед обществом права,
В соответствии с Указом
Вся как стеклышко
Трезва.

А гостей, гостей-то сколько!
Как ведется на Руси...
Возле дома «Чайка» в кольцах,
В ленты убраны такси.

А застолье так застолье!
Сослуживцы и родня.
Всем привет
И всем раздолье
Ради праздничного дня.

С доброй щедростью, по-русски,
Вдоль по скатертям — взгляни —
Горы фруктов и закуски,
Лишь хмельного здесь — ни-ни!..

Молодые чуть картинно
И с опаской старики
Пьют шипучий «Буратино»
Под грибки
Да балыки.

Сколько сбережено денег,
И здоровью нет вреда.
Развлекает всех затейник,
По-былому — тамада.

Подбочениваясь гордо,
Подмигнув гостям хитро,
Вновь и вновь кричит он: «Горько!»—
Вознося в руке ситро.

И народ честной смеется,
Отзываясь хрусталем.
Все пристойным остается:

Коль не пьется,
То не бьется
И посуда за столом.

И идет себе веселье,
Как идти себе должно,
И никто не вспомнит зелье,
Распроклятое вино.

Лишь бочком сидящий, горбясь,
Дед с медалькой боевой
Все грустит
По стопке горькой,
Той, что пьет
С передовой.

Дожил он до свадьбы внука.
Что ж еще теперь желать?
Жизнь пошла с иного круга,
Значит, можно помирать...

И тишком, сгибая вилку
Под пиджачную полой,
Сам от робости не свой
Вскрыть он пробует бутылку,
Злополучную бутылку,
Принесенную с собой.

Виктор Гиленко

ЯБЛОКО

То взглядом прикасаюсь, то рукою,
Но разрушать не смею, не хочу.
Исполнено глубокого покоя,
Оно лежит — округлое, тугое,
Осеннему открытое лучу.
Омытое нежгучим этим светом,
Предсумеречным легким холодком,
Почти прозрачное, как росы с веток,
Покрытых в мае розовым дымком.
И два листка распахнуты крылато
На темном черешке. И на весь дом
Струится запах — нежно-кисловатый.
Такой же, как при пращуре моем.

Владимир Нежданов

ЗИМОЙ

У соседки сгорела изба.
Видно, печь без присмотра топила.
Только помню я — в небо труба
по-домашнему тихо дымила.
С каждой ночью обугленный двор
все пустей и пустей становился,
и соседки бездомный забор
к нашей яблоне притулился.
Мой отец выходил с топором,
на дрова черный двор разбирал.
...долго-долго еще этот дом
в нашей печке зимой догорал.

ТОТ ВЕЧЕР

Хотя расстались мы в тот вечер
и пусть не вспомню я ни слова,
но всякий раз, как в мире вечер,
как будто встретились мы снова!

Так долго длился он, тот вечер,
так был затянут расставаньем,
что показалась наша встреча
уже тогда воспоминаьем...

Виктор Гончаров

* * *

На седьмой десяток лезу,
Город стал не по зубам.
Слава озеру и лесу,
Слава рыбе и грибам.
Слава дружному народу
Сладких ягод на горе,
Слава саду-огороду
И картошке в сентябре,
Что, ворочаясь в постели,
В том подполье подо мной,
Спросит:
— За зиму не съели,
Так посадите весной?

Николай Тряпкин

В САМОМ ПЕРВОМ НАЧАЛЕ

Далеко, далеко, где-то там, в самом первом начале,
Затерялись во мгле все начальные грезы мои.
Пронеслась моя жизнь — и на звездной какой-то спирали
Пронеслись мои искры — и смолкли мои соловьи.

Пронеслась моя жизнь — угасая в нахлынувшем снеге.
(Да и все пронесется — сгорая за Млечным кольцом!)
И стремится мой дух на свои прожитые ночлеги,
И склоняется память над первым своим каганцом.

Ничего не видеть. Только слышу — растренькались пташки,
Да разохались квочки, купаясь в пыли на заре.
Вот лежу я, младенец, в дощаной своей колымажке
Под сладчайшею сенью — у прясел дедка, во дворе.

В колымажке своей... Или в бабкином старом корыте?
Ничего я не вижу. Любое на выбор сойдет.
Только чую одно — что лежу под дворовым укрытьем
И что жаркое солнце стоит у раскрытых ворот.

Золотое блаженство! И все так навеки знакомо:
Завозились кутята, стрижи перекликнутся вдруг!
И в корытце мое залезает коровья солома,
И лицо мне щекочат концы лошадиных подпруг.

А земля все летит по своей кольцевой магистрали
И все тщится с концами свести горевые концы.
Раздвигается мрак — и на звездной какой-то спирали
Я опять свою память, как лошадь, беру под уздцы.

И засветится снова тот сказочный брег Лукоморья,
Где ни лодок, ни моря, ни скал, восходящих из вод,
А всего лишь — корытце у клетки родного подворья,
Где лежал я, младенец, а солнце пекло у ворот...

Пронеслась моя жизнь — угасая в нахлынувшем снеге.
(Да и все пронесется — сгорая за Млечным кольцом!)
И стремится мой дух на свои прожитые ночлеги,
И склоняется память над первым своим каганцом.

Возвращаюсь туда — и брожу возле дедова дома,
Что давно уже — прах, да и прах-то развеян вокруг.
И все кажется мне, что слагается в песню солома
И свиваются в рифмы концы сыромятных подпруг.

АХ, СОСЕДИ МОИ!..

Ах, соседи мои! До чего ж вы недобрые люди.
Хоть и все вы — шабры, а глядите сычами в мой сад.
Все-то кажется вам, что в разбитом своем «Ундервуде»
Я укрыв петуха, что вот-вот раздолбает вам зад.

Вы ломаете, братцы, для печек мою изгородку,
Из-под клуньки моей что-то вечно гребете багром.

А весенней порой вы друг другу вцепляетесь в глотку
Из-за каждой гряды на пустом огороде моем.

Все-то кажется вам, что я самый последний бездельник,
Что живу не куском, что дается нам в поте лица,
И, как некий медведь, что забрался к кому-то на пчельник,
Я всегда виноват. И вине моей нету конца.

Виноват за стихи, что печатаю где-то в газете,
Виноват за статьи, что печатают где-то про них.
И стучите в Москву, как последние сукины дети,
На меня самого и на всех воробышек моих.

И все кажется вам, что я глуп до последней заплатки,
И что все я ворую — по строчке из всех закровов,
И что слава моя покупается всюду за взятки,
И что мне бы не слыть, а пасти бы гусей и коров.

Ах вы, злыдни мои! Забросать бы дерьмом ваши двери.
Что за черные кошки всегда вас, бродяги, скребут?..
Пронесутся года, заиграют ночные свирели,
И не ваши ли внуки те песни мои запоют?

Помирайте же в злости, такие хорошие люди!
И под вишни мои запускайте своих поросят!..
Ах, как хочется мне в этом самом своем «Ундервуде»
Усадить пегуха, чтоб всю раздолбал бы вам зад!

* * *

Заревая апрельская рань,
Холодок загуменных проталин.
Вот — прозвукала льдинка у бань,
Вот — стрельнул воробей у завалин.

Домовитые избы отцов
Принимают все вести природы:
Задымился алтарь кузнецов,
И запахла углем огороды.

Вон у риги скрипит веревя,
И во мгле промелькнула корзина.
Это рыжая тетка моя
Прибежала туда за мякиной.

А в полях — изначальный туман
С киселем из последнего снега.
Перелетных гусей караван
Поднимается где-то с ночлега.

А туман, словно дым из пещер,
Заполняет все отчие межи.
И пройдет по ним землемер
И поставит гранитные вежи...

Дорогая сторонка моя!
Приготовься на этом рассвете.

Расплюются твои сыновья,
Разбегутся по новой планете.

А пока что мы — здесь, при тебе,
Под теплом твоего дымохода.
И цветут на отцовской избе
Сновиденья тридцатого года...

Заревая отцовская рань!
Холодок загуменных проталин!
Ты хоть песней сыновнею стань
У столичных моих наковален.

БОЛЬНОЙ ВОПРОС

Как научились воровать!
Воруют все — напропалую.
Ворует сын, ворует мать
И строит дачу воровскую.

Ворует пекарь у печей,
Ворует резчик у буханки,
Ворует сторож у бахчей,
Ворует книжник у стремянки.

Ворует врач у порошков,
Ворует сварщик у паялки,
И даже — тренер у прыжков,
И даже — мусорщик у свалки.

Воруют грунт из-под двора,
Воруют дно из-под кадушки.
Воруют совесть у Петра,
Воруют душу у Марфушки...

Кого просить? Кому кричать?
И перед кем стоять в ответе?
И что мы будем воровать,
Когда растащим все на свете?

1981

ПРИТЧА ДЛЯ СЕБЯ

Вот бывает человек!
Проживет он целый век,
И в походах погуляет,
И под стражей побывает,
А посмотришь — что за мрак:
Совершеннейший дурак!

Вот бывает командир!
Заберется на Памир,
Солнце кнутиком достанет,
К богу в щелочку заглянет,
А посмотришь — ой ля-ля:
Совершеннейшая тля!

Вот бывает гражданин!
То он сало, то он блин,
То директор, то герой,
Под звездами — грудь горой,
А закончит грешный путь —
Даже нечем помянуть!

Что же надо нам с тобой,
Мой товарищ дорогой?
Доконать свои дела,
Чтобы совесть не жрала.
Закруглить свою судьбу,
Чтоб не думалось в гробу.

Николай Саткевич

ВДОВИЙ ПЛАТОК

— Гай, цыганка, куда налегке? —
И отвечает голос печальный:
— Аль не видишь? Я — в черном платке.
Не желай мне дороженьки дальней.

Не колода старинных мастей —
похоронка змеей подкольной
на груди. А иных новостей
не досталось цыганке свободной.

Я на запад шагнула впервой
по стране, истекающей кровью.
Кто там просит воды ключевой?
Кто до гроба клянется любовью?

Побелел мой платок головной.
Гай, дождались мы песни победной.
А была ли я мужней женой? —
все военной сестрой милосердной.

— Гай, цыганка, опять налегке?
— Ой ли? Путь мой окончился дальний.
Рдеют маки на белом платке —
то позвал меня Май поминальный.

Перевела с цыганского Н. Аришина

Владимир Савельев

ТАТАРЧОНОК

Рос я тощим, рыжим, узкоглазым.
Рос, готовый к дракам и проказам
так, что даже близкая родня,
что-то смысла в деле этом тонком,
татарчонком, чистым татарчонком
называла — русского — меня.

Называла, словно призывала
помнить те исконные начала,
от каких двойной, мол, этот жар.
Я любил приречные базары,
там башкиры, русские, татары
обсуждали время и товар.

Там одним безменом чин по чину
вешали конину и свинину.
Там царил азарт, да не обман.
Там напев степной
звучал сквозь вальсы.
Там с поволжским немцем торговался,
сыпя прибаутками, цыган.

Там заезжий манси пел «Катюшу».
Где мы пробиваемся наружу?
В ком подчас себя мы признаем?
Смешаны мы кровью, плотью, духом.
Я, конечно, русский.
Но по слухам
есть татарское в роду моем.

Есть оседлое и есть шальное.
Есть степенное и есть степное.
Неспроста внимал я без обид
сызмала под вечер и спросонок:
— Татарчонок, чистый татарчонок!
Двух минут на месте не стоит!

Вот уж, право, наказание божье!
Наполняло душу мне Поволжье
всем быльем и всею новизной.
Всею солнечностью. Всею синью.
Всеобъединяюще Россия
вся — за мной, во мне, передо мной.

На великой тяге — на сердечности
мчит Россия в направленье вечности
в тысячу дорог как без дорог.
Лишь орбиты вслед ложатся кольцами
да звенят под сердцем колокольцами
юг и север. Запад и восток.

Петр Кошель

* * *

В белорусской хате
три вдовы седые,
три вдовы седые
песню затевают.

Песню затевают
про милого друга,
что лежит в далекой
стороне немецкой.

Зося и Мария
да еще Анюта.
Первые снежинки
на крыльцо ложатся.

А с иконы старой,
старой, белорусской,
Николай-угодник
смотрит и жалеет

Зося и Марию
да еще Анюту,
и ничем им больше
он помочь не может.

Был бы жив Никола,
да второй Никола,
да Никола третий...
Те — так помогли бы.

Но лежат Николы
в стороне немецкой,
никогда не ступят
на крыльцо родное.

В белорусской хате
три вдовы седые,
три вдовы седые
песню затевают.

ОТЕЧЕСТВО

Жгут ботву.
Навозом яблони обкладывают.
Чистят дымоходы.
На небо взглянув,
дожди угадывают.
Вынимают соты.
Это осень. У Марьяна с Верою
скоро свадьба.
Кабана заколют.
Шлях в райцентр
ухвачен далью белою.

Неуютно в поле.
Слышится Москва из репродуктора:
два микрорайона новых выросли.
Там, видать, взялись,—
нет шуму дутого...
Как у нас — и сжали все, и вывезли.
Тысяча дворов. Живут не ангелы.
Да ведь и не рай,
понятно каждому.
Помнишь, как в упряжке бабы падали,
как в огне
кричали дети страшно?
Туричи, Аминовичи, Выселки,
махонькие
перед ликом Вечности.
Но дано вам
всею сутью выстоять,
чтоб сегодня
нашим быть Отечеством.

Яков Козловский

ГОРСКИЕ ОВЧАРКИ

Безлюдной улице на милость,
Снег под ногами был скрипуч.
Я шел вдоль дач. Луна таилась
За спинами нависших туч.

И подняла из полумрака
Вдруг с освещенного крыльца
Лай недворовая собака,
Вся завитая, как овца.

И мне припомнилась отара
На склоне вздыбленной земли,
Где под началом у овчара
Ее овчарки стерегли.

Когда они щенками были,
Им для сохранности их душ
Хвосты кинжалом отрубили
И уши вырвали к тому ж.

Сколь раз они, сочтешь едва ли,
Цепей железных далеки,
На волчьем горле повисали,
Сжимая намертво клыки.

Клянусь, при виде их оскала
Заезжий вздрогнет человек.
Овчарок этих не ласкала
Рука хозяйская вовек.

Юрий Денисов

* * *

Я дам крановщице команду: «Застопорить груз!» —
Хотя и не к месту она прозвучит, и нелепо.
А спросят: «В чем дело?» — нелепо в ответ

улыбнусь:
«Глядите», — скажу и рукой укажу им на небо.
А там, в голубой вышине, согласованно, в лад,
Медлительно будет лететь журавлей вереница.
«Ах, лапушки, сладкие, как они грустно летят!» —
Уронит в ответ из кабины своей крановщица.
И, в стайку слетаясь, оживут светляки сигарет,
Мы будем стоять всем звеном и помалкивать

странно,

Смотря улетевшему бабьему лету вослед,
Пока журавли не растают за далью туманной.
Потом к монтажу мы приступим на стройке своей,
Займемся обычными в нашей работе делами
Под крики еще не умолкших в душе журавлей.

...Так вот они, здесь уже, гляньте-ка, прямо
над нами!

* * *

Для меня явление это ново:
Страх и неизвестность поборов,
В высоте, почти что стометровой,
Стойко вьется стайка комаров.

Каждый линию незримо чертит,
Словно пляшет с музыкой не в лад.
Ишь как выкамаривают, черти,
Ишь как рокэнроллят и твистят.

В комариной суетне и звоне
Я стою с протянутой рукой.
Ну-ка попляшите на ладони,
Как на танцплощадке городской.

Ничего, что руки в солидоле,
Я их вытру — попляшите впрок.
Только не споткнитесь о мозоли,
В заусенцах не пораньте ног...

* * *

Даже в пургу и ветер у нас в котловане глубоком
Строительство не замирает — каждой минуте счет.
Смотрят на нас сочувствующе сотни и сотни окон,
Особенно то, за которым девчонка одна живет.
Поземь ползет, змеится, только что не буранно,
Ярый поток снежинок по лицам стегает нас.
...Пользуясь передышкой, медленно сходит с крана
Старый механизатор — в деле монтажном ас.
Скомканную сигарету прикуривает по привычке,
Но ветер так разгулялся — дело идет к весне! —
Что в теремке из ладоней гаснут и гаснут спички:
Трех пальцев-то не хватает: оставлены на войне.
Поземь все дебоширит, эх, что вытворяет сдуру.
Спички, задутые ветром, жалко ложатся у ног.
Я прихожу на помощь старому табакуру:
Жаркой своей ладонью латаю его теремок.
Пока же он прикуривает, под нос бормоча о чем-то,
В какую-то долю секунды — невидимо для людей! —
С милою выглашкой, верной страдашкой моей.

Игорь Озимов

МОРЕ

1

Я постигал твои законы,
Когда, кляня девятый вал,
Большие черные понтоны
Своим дыханьем надувал.

И ноги, как столбы, гудели,
И по лицу катился пот,
Когда мы стаскивали с мели
Тобою выброшенный бот.

И заострились подбородки
Перед лицом большой беды,
Когда людей с подводной лодки
Спасали мы из-под воды.

2

Я знаю, как безжалостна вода,
Когда она врывается в отсеки,—
Так лишь в ущельях бешеные реки,
Гремя, выносят камни иногда.

«Спасите наши души!» — крик из тьмы,
Но если говорить точнее и суше,
То мы спасали жизни, а не души,
Спасеньем душ не занимались мы.

Нелегкий труд, нелегкие пути...
Но честно скажет человек бывалый,
Что душу от опасности спасти —
Еще трудней. Трудней всего, пожалуй.

Владимир Цыбин

ДОНОСЯТСЯ ШАГИ

Из шелеста морозного пурги,
из темноты, где не видать ни зги,
рассыпаны, как по воде круги,
доносятся незримые шаги.

Откуда-то из мглы, издалека,
тишайшие переступая дни,
пройдя сквозь нерожденные века,
сюда, в твой день, доносятся они.

Шуршат они о время, как песок,
как темная, матерая вода.
Неужто средь неведомых дорог
забудятся и не дойдут сюда?

Навстречу ринься им и помоги,
кинь эхо, зазвеневшее во мгле!
Из дней грядущих слышатся шаги.
Жива земля и люди на земле.

Там — зелена, попавшие под дождь,
не мертвая от стронция зола,
а звонкая от тысячи подошв,
спасенная для правнуков земля.

Рассветы от созвездий зелены,
и высыхает по низинам дым,
доносятся шаги из тишины,
где сходится грядущее с былым.

И только тихий техник пожилой
лады приладил ловко под ладонь,
припомнив всех,
кто не пришел домой,
скрипя протезом, плачет под гармонь.

Как терпкие, далекие пути
расходятся мелодии круги —
по снежной и обветренной степи
друзей его доносятся шаги...

* * *

Сколько в поле шмелиного звона,
оттого, словно вечный оброк,
помнит пахарей всех поименно
каждый звончатый здесь колосок.

И тяжелый, натруженный колос
зазвенит среди ясного дня,
словно матери сбивчивый голос
вдруг окликнул, вдруг вспомнил меня.

Я не сдамся, конечно, кручине,
не приму и благого суда,

что с тобой сыновей разлучили
города иль лихая судьба.

Но жива непреклонная сила,
если, пылью златою пыля,
никого до сих пор не забыла,
а прощать не умеет земля...

ПЕСНЯ О ГОДАХ

Легенда

Ой, роса какая пала
на синие воды,
где кукушка рассыпала
по поляне годы.
Звонко сыпались годочки
из кукушки сами:
кому — только по горсточке,
кому — ворохами.

Ой, как сын ушел на сечу,
десять лет — ни звуку.
Загадала мать — на встречу,
вышло — на разлуку.

— Покукуй до края лета
под созвездьем черным,
накормлю тебя за это
я зерном отборным.

Рассыпала зерен горстки
в шорох, под калину:
— Все отдай мои годочки,
что дала мне, — сыну!..

В поле сын лежал средь ночи,
кровь текла из раны,
завязали ему очи
черные туманы —
среди стужи на полсвета
жить осталось мало.

...В смертной мгле кукушка где-то
вдруг закуковала:
раз, и два, и три — и только
выдано солдату.
Он дополз по стыни тонкой
к своему санбату.

Умирала мать в избушке,
уходила сила.
Над пустым гнездом кукушки
морось моросила.

Только вечно на калине
птицам петь о лете,
кому — завтра,
кому — ныне
жить на белом свете...

Георгий Зайцев

ЗИМОГОР

Старый конь, голодуху познавший,
Старый конь, на войне побывавший
И приученный к свисту кнута,
Старый конь, наше поле пахавший,
Старый конь, людям силу отдавший,
Знал, что жизни дорога — крута.

Зимогор — наше детское счастье,
Зимогор — не судьба, а напасть! —
На поля поспешал по весне.
Он не знал, что судьбы без итога
Не бывает... Прервется дорога
На вершине, а может, на дне.

...Он упал у степного колодца,
Где водичка так юно смеется,
Где от солнца земля горяча.
И уставился взгляд Зимогора
В голубую вершину простора
Под беспомощный вздох ветврача.

Зимогор, зимогорская доля —
Черноземное трудное поле,
Орошенные потом хлеба.
Ты лежал на земле бездыханный —
На вершине своей безымянной...
Нет, есть имя вершины — судьба!

Ты останешься в сердце ребячьем,
Зимогор — терпеливая кляча,
Вместе с песнями в летнем лугу.
Жизнь — в одну лошадиную силу,
А точнее — судьбу твою, милый,
Я в пресветлую память впрягу.

Буду помнить я цифры на крупе —
Номер воинской части... Не глупо! —
Грозных лет огневое тавро...
Эта память — ответное эхо
Из середины двадцатого века,
Настоящее — жизни! — нутро.

Сергей Алиханов

* * *

Блестит канал Иртыш — Караганда.
Пока давнишний спор идет без толку,
Здесь повернули реку втихомолку,
И потекла безмолвная вода.

Еще остались силы у реки,
Но гибнет пойма, рыбы нет в помине.
И всплыли из песков солончаки
Там, где канал уходит в глубь пустыни.

Не старится живущий у воды —
Река все возрождает в человеке.
Но знаком наступающей беды
Вдруг на глазах стареют сами реки.

Лев Горнунг

ВОЛЖСКИЕ СТИХИ

На берегу оледенелой Волги
Стоит в снегах больница заводская,
При ней большая светлая квартира,
Где у друзей гостить остался я.

В мое окно подолгу светит солнце,
Сменяя пасмурную непогоду,

Максим Горький.
Силуэт Е. Кругликовой

Но белые сугробы снега, сосны,
Родильный корпус — те же каждый день.

И каждый день, свидетель терпеливый,
В рассеянье работу забывая,
Я вижу, как выходят роженицы
И ношу бережно несут в руках.

Вот в крашеной овчине молодуха,
Полой придерживая красный сверток,
Ступая валенками неуклюже,
Выносит первенца на белый свет.

За ней выходит парень, муж, должно быть,
С подушкой и с кошелкой берестовой,
И, медленно ее сопровождая,
По сторонам нарочно не глядит.

А вот подъехали большие сани,
Обитые ковром, давно истертым,
И, соскочив на рыхлую дорогу,
Мужик у двери лошадь привязал.

И по ступеням, и за дверью скрылся,
Вернулся с ношей, но один уселся,
Махнул кнутом, мелькнул за поворотом,
А матери на свете, видно, нет.

Родит земля, уносит жатву время,
Все возрасты идут под синим небом,
Сегодня оттепель, большие капли
На подоконник падают, звеня.

А через месяц снег совсем растает
И чистыми стечет ручьями в Волгу,
Пройдет река — затем что все проходит,
И нам рождаться вновь придет черед.

Из коллекции книжника

Кому подарил А. М. Горький книгу своих стихов и легенд?

Установить это до сих пор не удалось.

Лаконичная надпись автора «Песни о Буревестнике» звучит сегодня как обращение к новым поколениям, вступающим в жизнь.

Анатолий Марков

СТИХИ
И
ЛЕГЕНДЫ

МАКСИМА
ГОРЬКОГО

*Михаилу Юшкову
другу
1934 г. М. Горький*

1932
„ACADEMIA“
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ИНДИКАТОР ЛИЧНОСТИ

(Фрагменты книги)

ОБ ИНТОНАЦИОННОМ СТРОЕ

Наука о стихах растет на стихах, больше ей не на чем расти.

Но между ними нет сообщения в обе стороны. Наука об искусстве — если она сама не искусство — вещь в себе.

На чем растут стихи?

Когда на стихах — тоже плохо. Поэты тогда, как курские соловьи, учатся друг у друга: на всех одна песня. У всех сдавлены легкие. Все «танцуют от печки», от одного места у печки.

Учиться надо (и в частности, интонационному строю стиха) у русской речи. Если поэт русский. И прежде всего, и главным образом, и — исключительно! — у собственной речи. Всегда неповторимой.

Учиться надо

(и в частности,

Интонационному строю стиха)

У русской, исполненной ясности,

Нас уводящей в века

Речи...

И т. д.

Это с любого места статьи. Работа на дыхание. Стихи — наши родимые пятна. Растут вместе с нами.

Еще лучше начинать их с любого места разговорной речи. Где мы непосредственнее, хотя и безответственнее.

С любого места разговорной речи...

И т. д.

Еще лучше: остановить язык и прислушаться — что в тебе? Стихи сами начнутся с того — что в тебе! — с чего они только и могут начаться.

Они самовольно (если им не мешать) берут начало в великом (или тихом) океане рядовой речи — устной или письменной — того, кому пришло время заговорить стихами.

Чем интонированнее рядовая речь, тем богаче оттенками поэтический спектр.

Стихи — следствие сложившегося языка, индикатор личности и потребность ее в самовыражении.

Стихи не где-то сбоку, но всюду, где слово и человек. Так же единственны, как человек. Если от человека, а не сразу от всего человечества.

Между стихами и прозой нет пропасти.

Есть мост, где они встречаются (поэтизмы прозаиков и прозаизмы поэтов). Но между ними — спиной к спине — два дирижера, два способа дирижировать: и мы часто слышим на одном языке одну и ту же музыку, исполненную двумя оркестрами.

ДВЕ СЛОЖНОСТИ

Дело в изначальной установке: пишет ли поэт для других или это способ его мышления, выяснения самого себя.

Писать для других — понятнее: это (нам кажется) совпадает с основной функцией языка — как средства общения.

Стих, обращенный к другому, ищет понятности, но отсюда же — и в том величайший парадокс нашего общения! — нет полного понимания. Абсолютной коммуникабельности.

Люди неодинаковы — мы это знаем. И учитываем. И проявляем бережное недоверие к собеседнику. И утаиваем нечто: ему недоступное. И мне кажется, строка Тютчева «Мысль изреченная есть ложь» обличает прежде всего нашу мысль, обращенную к другому.

Надо очень хорошо знать того, к кому обращаешься. А то ведь мимо обратишься. Недолгешь либо перельешь. А кто знает другого лучше, чем самого себя?! Но обращается к другому, к тому, кого хуже знает.

И получается недоразумение.

Укороченная мысль, ну и, конечно, тривиальность взаимоуважительного разговора.

Этого не происходит, когда поэт выясняет самого себя.

Когда стихи — его способ мышления (и — вспомните Паскаля — существования).

Этот случай более распространенный, чем первый (хотя кажется, что наоборот).

Он самый добычливый на путях к истине.

И почти непристойный: поэт, который пишет «для себя», — гражданин сомнительный.

Истина, может быть, и при нем, но справедливость не на его стороне.

А ведь он тоже осуществляет функцию общения, хотя и не сиюминутного. По смежности или контрасту, сквозь несхожее, ведет к глубинам. Где уж совсем нетрудно договориться.

Вся его забота — чтобы точнее! На пределе понимаемости он ставит вопросы. Говорит с миром, как с самим собой.

И сложное оборачивается простым.

Сложен путь к пониманию. Но мы часто его принимаем за результат.

Тем и отличается творчество истинного поэта, что в нем — и путь, и результат. Здесь он шел — сложно (и «даль свободного романа, как сквозь магический кристалл, еще не ясно различал»). Здесь — пришел. И мы стали понимать его. Не потому, что «вчитались» в него. Мы прошли с ним его путь к ясности. Его — и свой...

Сложное делается простым, едва оно становится в размер человека (соразмерно ему).

А затем снова расти человеку — снова в путь!

Рост человека (и человечества) — вот функция языка и поэзии.

УЛЫБКА ТРАГЕДИИ

Поэтическое творчество — не искусство владения приемами.

Скажем короче: поэтическое творчество — не искусство.

Скажем еще короче: творчество — не искусство.

Это форма духовного существования человека.

То, что удерживает нас в жизни.

Пока мы говорим стихами, нашей психее — душе! — не нужна фармакология.

Современный мир нас выводит на последнюю грань.

Мы нежнее, чем принято о нас думать. Творчество, как балансир, помогает нам не упасть.

На этой грани всегда писались трагические стихи — следствие мужества и причина его. Широко открытые глаза, но уже не испуганные. Все видят и ко всему готовы.

Это эллины — самое здоровое племя людей. Обучившее нас трагедии.

Трагедия общечеловечна. Хотя бы потому, что все смертны.

Трагические стихи — как спасательные лодки на водах.

Улыбка трагедии убедительнее опущенных губ традиционной трагической маски.

Владимир Британишский

ПО ВОЛХОВУ

От Старой Ладogi до старой ВолховГЭС
(еще казавшейся форпостом индустрии)
мы шли по Волхову, по жизни, по России.
Гремели соловьи под куполом небес.
И в гулкой пустоте страны послевоенной
звон церкви плыл вдали, как погребальный звон.
Но жизнь брала свое. И старенький «Фордзон»,
опахивая холм, спиралью постепенной
взбирался вверх и вверх, пыхтя, кряхтя, сопя,
и, старость одолев, превосходил себя.

А Волхов буйствовал. Не постарев с годами,
славянской удалью играл он перед нами...
Не искупаться ли? Пожалуй. Нагишом.
Но прежде чем рискнуть, большой костер зажжем.

Шли двое: бригадир вел под руку завмага.
Увидев трех парней, купающихся наго,
они очухались: тут что-то неспроста!
И, потребовав с бродяг «документ» (паспорта),
сосредоточенно рассматривали фото.
Но, видимо, трезветь им стало неохота,
и, сплюнувши в сердцах, пошли своим путем,
оставив нас одних на берегу пустом.

Был светлый месяц май. Как в Чосеровой книге,
шла по земле весна и обещала сдвиги
в природе и во всем, что жить мешало нам.
Цвела черемуха в оврагах. По холмам
торчали кое-где геодезистов знаки.

Пещеры шерились на берегу — в их мраке
таилось прошлое. А будущий наш день
еще был будущим...

КРИК ВОРОН

Третий месяц мать умирала в больнице.
Пять недель я дежурил при ней ежедневно.
Но единственный день, за несколько дней
до смерти,
был черный от крика ворон, круживших
чудовищным роєм.

Мать умирала от недостатка крови,
от недостатка красного гемоглобина,
которого было так много у нее когда-то,
перед войною,
восемьдесят процентов.

Война обескровливает народы и организмы,
и все же было еще рождение второго сына,
а первый женился, были невестка и внучка
и живопись мужа, талантливого под старость.

Ей так не хотелось верить, что умирает,
а врач уже знал, и муж ее знал, и старший
сын ее знал, и младший, а эти вороны
не только знали — кричали, кружась настырно
над самой больницей, над самой ее кроватью,
над самым сознанием, чуть теплившимся,
угасавшим,
но мать не верила даже этим воронам.

Кричавшим в солнечный день от избытка жизни.

Сергей Марков

1906—1979

ПЕРЕКОП НА АРБАТЕ. ГОД 1930

Здесь в булочной — оборванный цветок,
Густой загар на пеклеванной булке...
Любимая! Я нем и одинок
В скрипучем Мерзляковском переулке.

Ты на прогулку выйдешь в сонный сквер,
Смутив прохожих лебединой шеей,
И твой отец — военный инженер,
Он мирозданье путает с траншеей.

Его томит колониальный пыл,
И он поводит острыми плечами,
Он до сих пор Вильгельма не забыл,
Как не забыл Владимира с мечами.

Как на парад тебя он вывел в свет,
Мечтая о семейственной награде,
Но я — бездельник, и притом — поэт,
Служивший в продовольственном отряде.

Что мне его «гиперборейский Рим»,
«Союз победных и отважных наций»?
Мы часто с ним подолгу говорим
О бреде галицийских операций.

Ему пора забыть имперский сон,
Шумит трава над старыми гробами,
Стволы екатерининских колонн
Увенчаны советскими гербами.

1930

ПОСЛЕДНИЙ СЛЕДОПЫТ

Придумал здесь сутулый человек
Защиту от пожара и потопа,
Торжественную тишину аптек
И синие орбиты телескопа.

О город! Я твой хищный следопыт,
Мечтающий о вражеском порезе,
Но трудно след некованых копыт
Угадывать на камне и железе.

Здесь — горожане... Люди, не хочу,
Чтоб было так!..
Ведь здесь, где камни глухи,
Алхимики исследуют мочу,
А рыцари — ворочают гроссбухи.

Здесь в переулках, где трамвайный гуд
Весь день летит на выбитые клумбы,
В мечтах о путешествиях живут
Над примусом склоненные Колумбы.

О город, ты не выдумал грубей
Насмешки над плененными сердцами!
Седые старцы кормят голубей,
А старцы быть могли бы мудрецами.

Ведь ты колодой сальных рыжих карт
Тасуешь крыши, улицы и лица;
Здесь задыхался призрачный Хаггард
Над каждой перечеркнутой страницей.

Перевернув, дрожа, чернильный лист,
Он бредил мукой плена и набегов
И ждал, что полночь перережет свист —
Последний свист последних туарегов.

Жильцы домов, совсем не знали вы
Густых деревьев голубого сока,
Вам не знаком полночный бунт травы
И рев быков у черного потока.

Но я, последний жадный следопыт,
Ищу тропы, забытой и губимой;
На ней — следы Пегасовых копыт
И теплый след от каблука любимой.

1936

ЗАМЫСЛИВ, КАК УБИЙСТВО, ОБЛАДАНИЕ...

Замыслив, как убийство, обладание,
Я злой мечте противиться не мог
И в улице, не знающей названья,
Нетерпеливо обрывал звонок.

В прихожей темень... Спинки старых кресел,
Покой, рожденный одиноким сном,
Я все учел, предугадал и взвесил
Холодным и насмешливым умом.

Завязли шторы в зарослях туманов,
Загрохотал откинутый засов,
И в тихий сон кроватей и диванов
Ворвался бой невидимых часов.

И наступило вдруг оцепененье,
И ты, белея, подошла ко мне,
И вековечный холод преступленья
Прошел мгновенно по моей спине.

Как будто мир как рухнувшее здание
Иль ураган, ломающий тростник,
И я — убийца с хриплою гортанью,
И слышу жертвы пересохший крик.

Приснится разве? Сон жесток и долог,
А вот пока спрошу начистоту:
Укажешь ли, премудрый криминолог,
Всех, перешедших смутную черту?

1927

Сергей Марков. Рисунок художника В. Чернецова

РУКОПОЖАТИЕ ГРИНА

О, что творцам измученным приснится,
Когда сердца занесены метелью,
Когда судьба безмолвна, как больница,
И ангел смерти дышит над постелью?

Живем столетьем, не одним мгновеньем,
Но жизнь творца — привычная утрата,
Наш страшный труд зовется вдохновеньем,
И к нам приходит ранняя расплата.

Мучительны и радостны дороги
По странам ослепительного света,
Пророчества, сомненья и тревоги —
Безжалостные спутники поэта.

Весь мир во мне — и молния, и глина,
Но жизнь без смерти — камень без оправы,
Меня страшит рукопожатье Грина —
Пророчество погибели и славы.

1942

ЮРОД ИВАН

Над Угличем несутся облака,
В монастырях торжественное пенье,
Юрод Иван, посаженный в ЧК,
Испытывает кротостью терпенье.

Но вот в подвале раздается гуд.
Мелькают в люке головы и плечи,
Мадьяры красноштаные идут,
Ругаясь на неведомом наречье.

«Вставай, юрод!» — «Я кроток, сир и гол,
И сам господь послал мне эту долю».
«Скорей вставай, последний протокол
Гласит: «Юрода выпустить на волю».

Юрод в ответ: «Страдания суму
Я донесу. ...Крепка господня дума...»
Юрод умолк, и грезится ему
Горящая могила Аввакума.

«Но мы тебе не выпишем пайка,
В Поволжье голод, уходи отсюда». —

«Хочу страдать». Оставлена пока,
Уважена юродова причуда.

Над Угличем несутся облака,
В монастырях мерцанье белой моли,
Так поминали в древние века —
Горбушкой хлеба и щепоткой соли.

1926

* * *

Мне встреча с Вами причинила
Любовь — за все мои грехи,
Но зря потратил я чернила
Тогда на письма и стихи!

Скажу безжалостно и прямо,
Что раны старые горят...
Но я лирического хлама
От Вас не требую назад.

Вы честно сохраните нити
Неравной страсти и обид,
Но выгодно не продадите,
Ведь я не стану знаменит!

1929

Публикация Г. П. Марковой

Искра

Отисна-матб, не позабудь меня!
Я-искра от могучего кремня.
Я не погас в пустынях и в снегу,
Придет мой час- я океан сажу...
Безсмертная, та ~~двоякая~~ ^{двоякая} на меня
грядущей огнь.

Я с ним солбисб... Пшебе, отисна-матб
От полнса до полнса сятб!

сеугай Маркбб

16.vi.1945

Владлен Белкин

Дивногорск

* * *

Надежно укрытым от взоров
броней всевозможных побед
мгновеньям стыда и позора
забвения все-таки нет...

Но стоит казнить ли, право,
что ты —
не кристальный алмаз,
что жизнь
по бесспорному праву
жестоко учила не раз?

Конечно, за это медали
едва ли давали когда...
Но разве мы чище не стали
от чувства вины и стыда?

Так пусть и в минуты блаженства
тревожный карающий глас
тоскою по совершенству
до смерти преследует нас!

Георгий Кольцов

Чита

КИНОПЕРЕДВИЖКА

Бездорожье жгло покрывки.
Плакал в травах коростель.
Газик кинопередвижки
Обгонял свою же тень.

На ухабах газик прыгал:
«Пусть рассыплюсь на ходу,
К ребятне на дальний выгон
До заката попаду!»

И летел по тропам пыльным
К чабанам сын чабана,
Для которых раньше фильмом
Лишь костер был
Да луна.

Вспомнил парень,
Как впервые
Привезли сюда кино.
Натянули на кривые
Ветви сосен полотно.

Над поляною взлетали
Искры, словно светлячки.
Пахло пастбище цветами,
И овчиной — мужики.

Взявшись вдруг бог весть откуда,
Плыли лебеди, как сны...
И затмило б это чудо
Лишь затмение луны.

Кто-то край экрана трогал
Пальцем, желтым от махры.
Густо мгла лилась, как деготь,
На погасшие костры.

Чтоб киношный голос слышать,
Попритихли мужики.
И горели у мальчишек
Округленные зрачки.

Владимир Башунов

Барнаул

ДЕТСКАЯ РАДОСТЬ

Что ты сегодня молчишь и невесел?
Не угадаю причин по лицу.
Слышишь?

Бубенчики ландыш развесил
Слышишь?

Кукушка летает в лесу.

Как ни морочит нас, как ни колдует
сила нечистая — все нас хранит
детская радость: кукушка кукует!
Детская радость: бубенчик звенит!

Знаю и я в себе темные токи,
этот болезненный выход тоски.

Опережая привычные сроки,
время прижгло и сдавило виски.

Снег полетит или ветер задует —
май переможет!

И нас охранит
детская радость: кукушка кукует!
Детская радость: бубенчик звенит!

Виктор Еращенко

Хабаровск

ДОМ

Какая праздничная шутка!
Над старым домом визг и стон,
Летит на землю штукатурка,
Гремит железо о бетон,
Сползают моды, наслоеня,
И обнажилось наконец
Первоначальное строенье —
Ума и вкуса образец!
Приди на пыльную площадку,
Взгляни сквозь пыль и суету
И оцени былую кладку,
И мощь ее, и красоту...

Сергей Кузнецихин

Красноярск

В НИЗОВЬЯХ ЕНИСЕЯ

Однообразный и неброский —
Совсем убогоный пейзаж.
Вон той заморышу-березке
Уже лет сто. А ведь не дашь.

Стоит, трясется чуть живая
При первом вздохе ветерка.
Кому-то статность вековая,
Ей — вековухина тоска.

А где-нибудь там у Полтавы,
Где чуть пораньше сходит снег,
Теплом заласканные травы
В сезон сравняться могут с ней.

Имеется в виду по росту,
Не говоря про вкус и цвет...

Пейзаж действительно неброский,
Но ниже
И такого нет.

ИЗЫСКАТЕЛЬ

Голенастый, небритый и хищный, как скальпель,
Бродит по коридору хмельной изыскатель.
Сапожищи до паха и лик прокопченный,
С виду «горьковский тип», только лбище
ученый.

Обезумевший от комариного гуда,
Он решил отдохнуть, взял у шефа отгулы.
Но еще по инерции, словно наследственность,
Из него так и прет зимовья
непосредственность.

Он успел позабыть про общенье иное
И стучится в попавшийся под руку номер,
Но на два оборота закрыться торопятся
Утонченные девочки-проектировщицы.

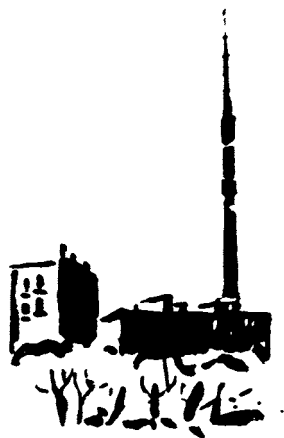
Он грозитя им Лорку читать по-испански.
Приглашает к себе посидеть за шампанским,
Ну а те, за казенною дверью притихшие,
Вспоминают уютные улочки Тихвина.

Но потом для него проясняется что-то,
Помотав головой, переходит на шепот:
«Что вы думали, этим меня опозорите?
Сами вы дикари, мелкота, инфузории».

Оглядит сапоги, хмыкнет в бороду кисло
И пойдет обмывать свои грустные мысли.
Не сказать, чтобы это так сильно ужалило,
Рухнет спать,
Но проснется уже горожанином.

Михаил Скуратов

НА ВЕРХОТУРЬЕ

В Приангарье, в Приамурье
Взрос — давным-давно уже,
А живу — на верхотурье,
На девятом этаже.

И теперь как на ладони
Вся столица — предо мной.
Ветер в уши мне долдонит:
«Брат, сроднился ты с Москвой!»

Да, давненько стал ей близкий...
Сибиряк-то сибиряк,
А московской я прописки
Из байкальских из бродяг.

В старом городе сибирском
Мне жильем была изба...
А в Москве, в соседстве близком
С небом, — вся моя судьба.

В доме каменном, высотном
Угнездился нынче я.
Облака льнут прямо к окнам, —
И не манит жизнь ничья!

Проживаю на здоровье.
Мой очаг — зову я сам —
Как орлиное гнездовье
Прилепился к небесам.

Тамара Жирмунская

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО

Не вывели нам родословного древа,
но есть и у нас, у меня и у дочки,
своя на Тамбовщине мини-деревня:
и лес, и река, и холмы, и садоочки.
Пришла телеграмма: «Ждем свадьбу».

В кошелку
кошель — и по лавкам в мечтах о покупке.
Ах, мне хоть какую-нибудь кофемолку,
зерно мой племянник мельчит в мясорубке.
Шут с нею! Схватила шесть ложечек чайных
и рада: не дешево и не сердито,
но родич мой — сам магазинный начальник,
он знает, велик магнетизм дефицита...
Приехали ночью. Верст тридцать с довеском
трястись на попутке. Но, батюшки-светы,
встречают. На «МАЗе». С водителем местным
теснимся в кабине, пригреты, согреты.
О зимние, вольные, волчьи пространства!
Полжизни пеняла на скученность быта,
а жить можно было светло и прекрасно,
не очень удобно, но очень открыто.
Когда радиатор, стекло и сиденье
дрожат в унисон и все жилочки в теле
ответно трепещут, какая идея
тобою владеет? Добраться до цели.
Но вот она, цель. Предпоследний пригорок.
Въезжаем — съезжаем. Въезжаем — водитель,
доселе участвовавший в разговорах,
смолкает — съезжаем, как на динамите...
Случалось ли вам или в снах, или въяве
представить на миг, начертать себе зримо
избушку с горящим оконцем в оправе
алмазных снегов и с виньеткой из дыма?
Как радостно спрыгнуть в объятья хозяев,
услышать, что дочь — точно мать, только лучше,
и в кухне, от зноя печного растаяв,
есть блинчики с медом — «христовы онучи».
Стучатся с приданным (а нам неизвестны
обычаи эти), в сенях перепалка,
выходит жених за постелью невесты.
— Что красненькой машешь? Зелененькой
жалко?...—
Пришлось за полста покупать, ни полушки
не сбавила парню, не тетка — твердыня.
Заносят перину, белье и подушки
пуховые — те, что повывелись ныне.
Назавтра поедем за новой «покупкой».
Невесту припрячут, но этой халтуры
жених не потерпит и в загсе с голубкой
публично оформит свои шуры-муры...
Столы с винегретами да с холодцами,
бутылки и ведра треклятого зелья,
артисты и ряженные с бубенцами,
гармонь, и транзистор, и плач, и веселье.

Ты думаешь, это размывы напева,
поленья стреляют, скрипят табуретки?
Нет, это шумит родословное древо,
и мы — его самые крайние ветки.

ДИАЛОГ О ЦЕНТРЕ И НОВОМ РАЙОНЕ

— В центр хочу! От правильных коробок,
от немереных пространств пустых.
Я дитя Неглинок и Петровок,
всех Садовых и Тверских-Ямских.

— Все-то вам не по сердцу — вот люди!
Что пристала к центру, как репей?
Родилась там, пожила — и будет,
пусть другие поживут теперь.
Что в том центре? Никакой корысти.
Без мусоропроводов дома.
Я в тот центр, уж вы меня простите,
не поеду даже задарма...

— В центр хочу! Театральные афиши,
маленькие бары и кафе.
Из дому в любое время вышел —
и светло, и людно: ты в Москве...

— Театры? Душно. Давка за едою.
Ну, а телевизор нам зачем?
Я его смотрю — и окна мою,
я его смотрю — и мойву ем.
Бары? Даже слушать мне неловко.
Тут тебе не Запад, а Москва,
вот у нас в районе есть столовка
новая, от треста номер два...

— В центр хочу! Обмен? С доплатой?
Где мне!

В хате схоронюсь и ни гугу.
В городе живем или в деревне,
до сих пор понять я не могу...

— Тут тебе не грады и не веси,
тут гибрид Перхушкова с Москвой.
Кислородом дышим, хоть и в смеси,
а не чистой углекислотой.
Наш район безгрешный, беспечальный,
для героев завтрашних хорош.
Ни одной доски мемориальной,
вот ужo повесят, как помрешь...

— Не повесят. Дудки. Это ясно.
Плачами доски не заслужить.
Я и так, и без доски, согласна
землю рыть, но в милом центре жить.

УНИВЕРСАМ

Как верующий к храму,
как к водопою слон,
народ к универсаму
приходит на поклон.

Владыкам ойкумены
есть-пить судил господь.
Мы вечны, но и бренны,
мы души, но и плоть...

Материям высоким
даю отвод и вот
вхожу с людским потоком
под пластиковый свод.

В железное лукошко
кидаю все подряд.
Муж, дочка, я и кошка.
Что купишь — все съедят...

По воскресеньям, каюсь,
ругаю пришлый люд,
что где-то сел в «Икарус»,
а высадился тут.

И жарко стало мясу
на длинных стеллажах,
и очереди в кассу
растут как на дрожжах...

Рязань, Подольск и Гривно,
езжайте в добрый час!
Одна и та же глина
пошла на вас и нас.

А что живем у бога
за пазухой, так ведь
и здесь тесно немного,
и могут попросить.

Джемс Паттерсон

САНТА-КЛАУСЫ —
АМЕРИКАНСКИЕ ДЕДЫ МОРОЗЫ

Сколько отражений
в сиянии ледовом!
Сколько новогодних елок
заготовили!
Мерцающая елка
перед Белым домом,
мерцающая елка
перед Капитолием.
Бедняги Санта-Клаусы,
как они смешны.
Радуйтесь, радуйтесь.
Ну какая разница,
что вокруг — последствия
атомной войны,—
страшная символика
наподобье праздника.
Ликованье смерти
вы себе представьте:
груды облученных корчатся во рву.
Умирают девушки
прямо на асфальте,

покамест театрально,
а не наяву...
Несмышлениш глупый,
ты чего хохочешь,
наслаждаясь громкой хлопушечной
пальбой?
Все, чего ты хочешь
и не хочешь,
дядя Санта-Клаус
принесет с собой...
Девушка, послушайте!
Да, все обойдется.
Только обернитесь.
Слышите шаги?
Ваш жених вернется.
Он с войны вернется.
Правда, к сожаленью,
без одной ноги...
С полными кошелками
игрушек и конфет
шествуют, шествуют.
Вот они, пожалуйста!
Добренькие Санта-Клаусы
крылатых ракет,
звездных войн
смеющиеся Санта-Клаусы!

Я перевел Шекспировы сонеты.
Русский поэт, покинув прежний дом,
Заговоришь на языке другом,
В другом дыи, в другом краю и языке.

Дорогому
Александру Александровичу
Фадееву —
от всего сердца —
С. Маршак

13/III 1949 г.

СОНЕТЫ
ШЕКСПИРА
В ПЕРЕВОДАХ
С. МАРШАКА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1948

Сергей Поликарпов

МАРШАЛ ЖУКОВ

(Из поэмы «Час истины»)

Когда под сердце подступали беды,
Дух боевой не иссякал в полках.
Звучало:
— Где Суворов — там победа!..—
Звучало:
— Где Кутузов — там победа!..—
На памяти:
— Где Жуков — там победа!..—
Так было
И пребудет так в веках!
И было, и вовеки пусть ведется,
Чтоб восталь было у страны всегда
В час смертных битв —
Солдат и полководцев,
Но жаждем мы лишь мирного труда.

Белый конь, золотые стремяна! —
Белый конь! —
Как завещали деды,
И в былом, и в наши времена
Мы его седлаем для Победы!
Чуял конь, под строгим седоком
Не потешить сердца скачкой шалой, —
Маршал Жуков точно слит с седлом,
Видно, что кавалерист бывалый.
Долог его список послужной,
Несводимы острой стали меты,
Что пришлось в дороге боевой
От врагов, в сраженьях за Советы.
Не однажды с шашкой наголо
Он ходил в атаки в конной лаве.
Далеко то время отошло,
Высоко он взмыл на крыльях славы!
Он ее средь тяжких ратных дел
Разглядел впервые, может стать:
Для него Верховный повелел
Белого заседывать красавца.

Свет Победы над седым Кремлем.
Ветер флаги алые полощет.
Белый конь под оркестровый гром
Резво вынес Жукова на площадь.
«Славься!..» — над войсками,
Над Москвой
Ввысь возносит глас тысячетрубный.
«Славься!..» — надо всей звучит страной,
Совершившей подвиг многотрудный,
Победившей в яростной войне, —
И да будет мир над нею вечен!
Славься!..

В наступившей тишине
Рокоссовский с рапортом навстречу.
Замер победителей парад,
Тишина — слышать, как сердце бьется, —
Каждый воин, ветеран-солдат,
Устремил свой взгляд на полководцев,
Каждый офицер и генерал —
Фронтовые братья по оружию,
Все, кто до Победы дошагал,
Раны и лишенья передюжив.
И все те, кто смертью храбрых пал,
Не дожив до радостного часа,
Кто Отчизну славой увенчал, —
Каждый павший к славе той причастен.

Яков Хелемский

* * *

«Вас приглашает военкомат...»
Не вызывает, а п р и г л а ш а е т.
Грустная льгота вчерашних солдат —
Годы и травмы почтенье внушают.

Вот и встречаемся мы, старики,
Хоть незнакомы, а свидеться рады,
И не спеша заполняем листки,
Перечисляем бывлые награды.

Думает каждый о чем-то своем,
Все, что испытано, в Лету не канет.
Для юбиляров, крещенных огнем,
Вновь ордена и медали чеканят.

Возраст, как пламень прицельный, жесток,
В давнем строю выбирает мишени.
Кто-то принять приглашенье не смог,
Кто-то уже не дождался врученья.

Рослый ровесник без правой руки
Шумно вздыхает над бланком анкеты.
— Дома к тому же остались очки...
Можно, я вам продиктую ответы?

Пережитое, годам вопреки,
К нам возвращается, не выцветая.
К воспоминаниям тяга святая —
Тихо беседуют отставники.

Снова они, припадая к истоку,
Черпают силы из этих глубин.
Снова вступают в Берлин и Харбин,
Западу мир принеся и Востоку.

Слышится боя последнего гром
В скромном рассказе былого комбата.
Маем овейны и сентябрем
Стены районного военкомата.

О поколение своем говорят
Сверстники — их уж немного осталось...
Есть основанье у льгот и наград —
Чистая совесть и честная старость.

* * *

Вас врачи удержать не смогли.
Обладатели «белых билетов»,
Вы, немало отказов изведав,
На войну добровольцами шли.

Исцелила вас добрая воля,
На ходу превратила в солдат.
Вас покинули штатские хвори,
Не они приводили в санбат.

...С вами шедший навстречу невзгоде,
Фронтовой благодарен судьбе,
Как и вы, говорил я себе,
Не без гордости: — Все-таки г о д е н!

Олег Дмитриев

СЧАСТЬЕ МАСТЕРА

(Триптих)

1

Вновь на лоб полезут брови —
Восхищаюсь красотой:
Ну, Геннадий, ну, Петрович,
Что за мастер золотой!
Молотком стучал недолго,
Час строгал, пилил — изволь,
На стене явилась полка,
Затаилась антресоль.
Обихожена квартира
За неделю, и прошли
Мимо все тревоги мира —
И чужие, и свои.
Он давно забыл про отдых,
Про безделья сладкий миг.
Словно продал душу черту,
Душу дерева постиг!
Воскресенья где? Субботы?
Дома, подкрепясь чайком,
Он для завтрашней работы
Что-то ладит вечерком.

Он привык ложиться рано,
Чтоб подняться ровно в пять.
Голосам с телеэкрана
Пусть внимают дочь и зять.
Встал, поел, из дома вышел,
Сел в трамвай полупустой,
И лицо большое дышит
Вдохновенной добротой.
День труда на комбинате
Завершит к пяти часам,
А потом себе покатит
По различным адресам.
Едет он туда, как в гости,
Как в объятия родни,
Заколачивая гвозди,
Заколачивать рубли.
И никто совета вроде
Не давал ему притом,
Что ко счастью приходят
Лишь обыденным путем...
Так живет — от бога мастер,
Общей лаской обогрет.
Что ему весь белый свет!
Только разве в этом счастье?
И поверить страшно — нет!

II

Хоть нечасто, а согреешь
Душу в наш суровый век.
Здравствуйте, Вадим Сергеич,
Золотой вы человек!
Я себя по доброй воле
К вашей жизни прилепил:
Ведь еще учася в школе,
Вашу книжицу купил.
Составляет жизнь поэта
Легкий бег карандаша,
И еще вот — как на это
Отзывается душа
Старика или мальчишки,
Юной девушки, вдовы?
Или книжки — просто книжки,
Ни души, ни головы
Не коснувшись, канут в Лету,
В вековую эту тьму:
Интересно жить поэту!
Страшно, весело ему...
Кончил. Знает — получилось.
Но, надеждам вопреки,
Сочиненье ждут немилость,
Иль молчанье, иль смешки.
Но дитя труда и страсти
Скажет за себя само
Через годы: «Вот я! Здравсте!»
Ведь под ним не зря же мастер
Ставил личное клеймо.
Вы стоите без печали
Во втором своем ряду —

Не толкаетесь плечами,
Вас не втянешь в чехарду.
Ваши строки, как радары,
Неусыпный неба страж:
Бомб далекие удары
Изменили почерк ваш!
Знать прекрасно о поэте,
Что ему, таков чудак,
Интересно все на свете,
Кроме лавров, выгод, благ.
Здравствуйте, от бога мастер,
Счастье видящий всегда
В завершении труда!
Только разве в этом счастье?
И поверить страшно — да!

III

Снова сеет мелкий дождик
В дендропарке под горой.
На садовника художник
Смывает с завистью порой.
Вот уж две недели кряду
Без ненужной суетни,
Редко скрещивая взгляды,
Рядом трудятся они.
Этот пишет на пленэре —
Переносит на холсты
В чуть сарьяновской манере
Дали, горы и цветы.
У того спина горбата
На аллеях, в цветниках.
То секатор, то лопата
У него блестит в руках,
Наступающей весною
Так садовник деловит!
Ну, немного за спиною
Живописца постоит...
А художник поневоле,
Будто в чем-то виноват,
Смывает, как лелеет, холит
Работяга старый сад.
И, насвистывая грустно,
Размышляет иногда:
«А высокое искусство
Стоит доброго труда?»
Кашлянул садовник сзади.
Светят краски на холсте.
На пейзаж готовый глядя,
Что он мыслит в простоте?
Замирает над мольбертом
У художника рука —
Он спросить его об этом
Не решается пока.
Снова кистью в холст потычет,
Сдвинув на ухо берет,
И, довольный, промурлычет,
Что «на свете счастья нет»...

Алексей Машевский

БЕЗ ЭКСКАВАТОРА

А земля так черна и тверда!
Узнаю твои черные жесткие крылья!
Сколько надо усилия, сколько труда! —
Под лопатой опять проступает вода,
Только лишние эти усилия.
Экскаватор все утро, уткнувшись ковшом
В мутно-бурую лужу, ржавеет без дела...
Закупорено тело,
Рубашка насквозь пропотела —
Прилипает: сдираешь и дальше долбишь
нагишом.

Словно в бронзовом веке:
Лопаты, плита и в зенит
Водворенное солнце, отвесное, без оговорок.
За пригорок
Уйдя, экскаваторщик праведно спит.
Пожалею железо — давайте оставим в покое!
Нас хоть двое:
Я — да ты, Чернокрылая, и безо всяких обид.

Борис Авсарагов

* * *

Вне разума, поверх воображенья,
Единодушны камень и растенье,
Но сколько попыток разум перенес,
Пока не понял, что происхождение
Его абстрактно и не стоит слез...

* * *

Я наблюдал природу изнутри,
Из атома, с орбиты электронной.
Младенческого света эмбрионы
Навязывались мне в поводьери,
Я был увенчан солнечной короной
И неземным мерцанием зари.
Два космоса мне были на пути,
Они перемежались взаперти,
И сверхэлементарные частицы
Там жили, как непуганые птицы.
Им не было ни воли, ни запрета,
И я пошел на притяженья света,
Но кто ж мне вслед шептал: «Поворот!»

«День поэзии» — — 209 рожденья 1956

Выпущенный тридцать лет назад сборник «День поэзии» со временем превратился в регулярное издание. В сущности, он выполняет нелегкую роль единственного журнала московских поэтов — причем не ежемесячного, как другие литературные журналы, а ежегодного.

Мы воспроизводим здесь выдержки из статей авторов первого «Дня поэзии» — строки, которые, на наш взгляд, не утратили своего значения и сегодня.

Редколлегия сборника «День поэзии 1986»

Добрый день!

Мы, поэты Москвы, собрались вместе здесь, на страницах сборника «День поэзии». Это не парад и не смотр. Это один из обыкновенных дней нашей поэтической жизни, в котором участвуют поэты разных возрастов, различных манер и направлений. Мы хотели показать наш день без нарочитой торжественности, без приукрашивания — таким, как он есть. Каждый принес то, что у него было, никто не писал специально для этого сборника.

День поэзии — это тот же день человека, радующегося утреннему лучу и принимающего за трудную работу. Как и любой человек, поэзия думает об огромных делах страны, с раздумьем смотрит в будущее, как человек, испытывает все человеческие состояния — и радость, и боль, любовь счастливую и неразделенную, нежность товарищества и жесткость несогласия с противниками нашей жизни, нашего движения вперед. День поэзии — это день жизни, в котором должно быть все — и удача заверщенного поиска, и неутоленная еще жажда.

Наша поэзия всегда противопоставляла себя и эгоистическому самовоспеванию, и казенному одосочинительству. Ее эстафета принесена к нам издалика — из времени Радищева, она побывала в руках Пушкина, Некрасова, Блока, она передана нам Маяковским, и она всегда будет подхватываться молодыми и смелыми руками.

Это поэзия борьбы за всечеловеческое счастье...

(Из вступления к сборнику)

Александр ЯШИН:

Поэзии вне времени не существует. И почва у поэзии и у жизни одна, и одним плугом она пашется. Появятся огрехи в пахоте на ниве народной, начнет разрушаться структурность ее почвы — это немедленно отзывается и в литературе...

Началось обновление поэзии. Одним из примеров этого, нам думается, может служить настоящий сборник московских поэтов «День поэзии». Вероятно, мы будем по-новому писать. По-новому зазвучит и наша гражданская поэзия, гражданская лирика...

Николай АСЕЕВ:

Почему хорошие стихи запоминаются наизусть? Потому что значительность выраженной в них мысли предъявлена с такой силой и своеобразием, что ее хочется заучить, запомнить, взять с собой в дорогу жизни. Она выражена так, что ее никаким иным способом и нельзя выразить. Не первыми попавшими на язык словами, а словами, отобранными из всех возможных...

Применение стиха только как служебного начала, как носителя практического смысла ограничило действие поэзии на читателя. Стих разъясняет, рассказывает, сообщает уже слышанное, понятое, известное из других источников. Он повторяет уже созданное мыслью других людей. Такой ограничительный стих и создает впечатление недоразвитости, недоделанности. Это в огромном большинстве случаев какое-то сообщение уже читанного раньше, изъявление автором своих чувств, которые давно уже стали известны как не только его чувства. Все это шито нехитрыми созвучиями, декларативно, сухо, не доведено до сердечности собственной заветной мысли...

И вот выросли бледные вирши, как оранжерейные овощи под бледным светом канцелярских ламп, считающиеся стихами только потому, что их авторы заслужили себе право занимать любое в литературе место. В самом деле, как быстро у нас повышаются шансы на известность, приобретаемую путем выборной ли должности, ответственного ли назначения! Хороший поэт становится неприкосновенной личностью, но и плохой поэт старается обезопасить себя от малейшего сомнения в плодотворности его работы, оказываясь вне досягаемости для оценок по своему положению. Борьба не за репутацию поэта, а за прочность положения приводит к полной неразберихе — какие же стихи, собственно, можно считать стихами и какие интересы стоят на первом плане у стихотворца?..

Назым ХИКМЕТ:

Я хочу писать стихи и об одном яблоке, и о вспаханной земле, о мыслях и думах человека, вернувшегося из застенка, о борьбе людей за лучшую жизнь на земле и о любовной печали одного человека. Я хочу писать стихи и о страхе перед смертью, и о бесстрашии перед нею. Я уверен, что стихи можно писать и со строгим размером, и без строгого размера, и с рифмой, и без рифмы...

Самуил МАРШАК:

Пожалуй, художественная проза чаще находит пристальную оценку, чем поэзия. Очень немногие критики и рецензенты обладают способностью говорить не только о содержании стихов, но и о самом их существе, которое Гейне называет «материей песни», то есть о содержании, нераздельно связанном с поэтической формой и только в ней, в этой форме живущем.

Обозреватели стихов чаще всего похожи на людей, у которых есть руки, но нет пальцев для того, чтобы уловить художественные мелочи и детали, а ведь из них-то, из этих деталей, и складывается поэтическое произведение.

Побольше внимания к отдельным стихотворениям, к отдельным строчкам, к отдельным словам...

Александр КОВАЛЕНКОВ:

Кулинарные книги, написанные сонетами, не будут свидетельствовать о поэтичности натур домохозяек нашего будущего. Это наверняка. Но поэзия будет не только милой и желанной гостьей в каждом доме, а и полноправной жительницей. Искусство и жизнь войдут в теснейшее соприкосновение. Просторечие будет все более и более поэтичным и выразительным. Так называемая «проза жизни» исчезнет. И это тоже наверняка...

Лев Ошанин

Чтобы понять, как возникла идея выпуска первого альманаха «День поэзии», надо перенестись в 1955-й год.

Обстановка в поэтической книготорговле была в те дни очень похожа на сегодняшнюю. Многие стихотворные сборники лежали на прилавках магазинов.

Вернуть доверье к поэтической книге — такова была первая проблема, над которой пришлось задуматься новому бюро секции московских поэтов, избранному в 1955 году.

Мы решили устраивать встречи с читателями в магазинах при выходе новой книги того или иного поэта, развернуть рекламу поэтических книг и т. д. А вскоре мне, как председателю бюро, позвонил Владимир Александрович Луговской и сказал: «Знаешь, давай проведем День поэта в книжных магазинах Москвы». Я с радостью подхватил это предложение. И мы такой День поэта провели. И он неожиданно для всех вызвал огромный интерес как среди читателей, так и среди самих поэтов. Никогда не забуду собрание секции по итогам этого Дня. Не знаю, было ли еще одно собрание, полное такой радости, такого единства. Сердитый человек Александр Яшин со слезами на глазах говорил, что впервые почувствовал такое уважение к себе и такую любовь к поэзии.

В тот день были вытащены из-под прилавков и со складов все имеющиеся сборники стихов и все тут же распроданы к великому удивлению продавцов.

После этого мы решили проводить каждый год уже не День поэта, а День поэзии. И эта традиция прижилась и была подхвачена во многих городах нашей родины.

Но, несмотря на обилие залежавшихся книг стихов, в тот день выяснилось, что большинству из нас, участников, не на чем было поставить свой автограф, и мы вынуждены были яростно подписывать чужие книги. Вот тогда и родилась идея — к будущему году выпустить коллективную книгу стихов, которая бы явилась своего рода поэтивным этого дня, как бы его символом и его памятью.

Мы так и назвали сборник — «День поэзии». На бюро была сформирована редколлегия, в которую, кроме меня и Луговского, вошли С. Кирсанов, Я. Хелемский, Л. Мартынов, П. Антокольский, Я. Смеляков, З. Паперный, Р. Рождественский и А. Яшин. Хотя составителем считался Рождественский, но мы книгу составляли все и работали над ней увлеченно и вдохновенно. Так как это была книга московских поэтов, то она выпускалась издательством «Московский рабочий». Очень долго мы обсуждали формат и обложку. По предложению С. Кирсанова попросили художника Ю. Боярского на обложках воспроизвести автографы участников книги. Книга вышла большим форматом с обложкой в четырех разных цветах и была раскуплена сразу. Сейчас это библиографическая редкость.

Чем обусловлен успех этой книги? Во-первых, мы не пустили дело на самотек, ограничившись стандартными приглашениями, а каждый взял на себя какую-то группу самых известных поэтов, чтобы все они почувствовали внимание редколлегии. Так, мы со Смеляковым ездили на дачу к самому «трудному» автору — Борису Пастернаку, я

Этот групповой шарж И. Игина был помещен на вклейке к первому «Дню поэзии». Назывался он «Редколлегия за работой». Слева за столом — В. Луговской. Далее (по часовой стрелке) М. Светлов, Л. Ошанин, С. Щипачев, В. Соколов, С. Марков, А. Твардовский, С. Маршак, Я. Смеляков, Я. Хелемский, Р. Рождественский, С. Смирнов, Н. Асеев, Е. Долматовский, И. Сельвинский, М. Луконин, Л. Мартынов, В. Инбер, А. Безьменский, С. Кирсанов, С. Михалков, А. Яшин, К. Симонов, С. Васильев, В. Коваленков, М. Матусовский, З. Паперный, Б. Пастернак, П. Антокольский.

был у С. Маршака и у многих других. На редколлегии обычно присутствовали все и читали все. И каждый докладывал о собранном им «урожае». В результате в книге были представлены Н. Асеев и А. Ахматова, Н. Тихонов и Б. Пастернак, И. Сельвинский и С. Маршак, В. Казин и С. Щипачев, Н. Заболоцкий, М. Светлов, К. Чуковский и многие другие старшие. Широко участвовало в книге наше, в ту пору среднее, поколение и молодежь — В. Соколов и Е. Евтушенко, Е. Исаев, В. Фирсов, В. Берестов, И. Кобзев и другие.

Имена членов редколлегии говорят о самом причудливом разнообразии вкусов, манер, характеров, индивидуальных склонностей. Но — удивительная вещь! — живое дело заставило всех объединиться, и чаще всего оценки не расходились, критерием была художественная значимость произведения, в какой бы манере оно ни было написано. Нередко по приглашению редколлегии поэт прямо на заседании читал свои стихи, и тут же они отбирались в книгу. Не было унылой неизвестности о судьбе стихов — все говорилось прямо.

Надо сказать, что наша задача несколько облегчалась тем, что у многих поэтов в ту пору лежали самые дорогие стихи, заветные, не нашедшие по разным причинам дороги в редакции и издательства. Это помогло нам удержать высокий поэтический уровень книги.

Большинство поэтов было представлено щедро, каждому выделялась одна или несколько большеформатных полос.

Среди наших посмертных публикаций были С. Есенин и Э. Багрицкий, Д. Кедрин и С. Гудзенко, П. Маркиш и

Л. Квитко, А. Недогонов, А. Пришелец, Ян Сашин. Впервые после огромного перерыва мы напечатали цикл стихов Марины Цветаевой с предисловием А. Тарасенкова, тоже к тому времени ушедшего от нас.

Здесь же впервые была напечатана знаменитая пастернаковская «Зимняя ночь», асеевское «Еще за деньги люди держатся...», смеляковское «Приснилось мне, что я чугуном стал...», федоровское «Слепой», мартыновские строки «Это почти неподвижности мука...» и очень многое другое.

Небольшую мою заметку, завершавшую в сборнике раздел критики, я назвал «Пришло время стихов». И действительно, в те памятные годы возникла волна огромного общественного интереса к поэзии.

Что же случилось теперь? Почему Союзкнига отказывается брать тиражи, предлагаемые издательствами? Почему многое залеживается на прилавках?

Может быть, мы прочитали слишком много стихов на многочисленных поэтических праздниках и не всегда эти стихи заставляли гореть глаза у слушателей? Может быть, издательства завысили тиражи книг, не нашедших жадных читательских глаз?

Вероятно, было и то и другое. Но неужели все наши поэты вырвали из рук перья, стали писать вяло и плохо? Не верю этому! И сейчас на многих поэтических вечерах жадно ловят поэтическое слово. И сейчас многие книги расходятся тотчас по выходе.

Приветствуя новый «День поэзии», я желаю ему большого успеха. А всем нам — нового расцвета поэзии.

Константин Ваншенкин

СОЛДАТСКАЯ ПАМЯТЬ

Удалось запомнить нам
Путь в разрывах, номер части,
Медсестер — по именам
И по званиям — начальство.

Сохранились с давних пор
До четвертого колена —
Лейтенант, сержант, майор
И — Маруся, Клава, Лена..

ЭТИ ПИСЬМА

Эти письма, что в ливень и вьюгу,
Перед самой войной и в войну,
Вы, страдая, писали друг другу,—
Нынче сложены в папку одну.

(— Помнишь наши прощанья?..
— Еще бы!
Мы с тобою и пишем о том...
— А отдельные годы учебы?..
— А иные разлуки потом?..)

В голосащей безмерной метели,
В грозном времени, ныне былом,—
Эти встречные письма летели,
Задевая друг друга крылом.

Эти письма пронзали до дрожи,
И по жгучей причине такой
Даже почерки стали похожи,—
Будто писано той же рукой.

Средь иного, что есть на примете,
Средь бумаг, накопившихся тут,
Сохраните свидетельства эти,
Не сочтите, потомки, за труд.

РЕТОРТА

Реторта!— племенная
Кобыла из кобыл.
Мчит, ветры приминая,
А он стоит как был —

В оглобелях, понурый,
С репейником в хвосте,
Подергивая шкурой,
Здесь, на восьмой версте.

А эта — с племзавода,
Горячая — вперед!

И с первого захода
Препятствие берет.

Живя своим уставом,—
Как молния в грозу,
Мелькнет в его усталом,
Слезящемся глазу.

* * *

Лимитчицы — их кличут ли м о т а.
Отчаянного взгляда прямота,
Платочек ослепительный под каской —
От брызг или случайного мазка.
А в стороне — шумящая Москва,
Еще вчера казавшаяся сказкой.

Шумит Москва, их всячески храня.
А на полу среди храпа и зевоты
Вповалку деревенская родня,
Приехала еще третьёго дня,
У ней свои, понятные, заботы.

Но девочки в кругу трудов иных.
Деревня материнская неблизко.
Все будет в жизни нынешней у них,
И даже постоянная прописка.

Здесь им ведро или мастерок
Вручила жизнь, подарки раздавая.
И как их этот случай подстерег
Или закономерность роковая?

Анатолий Парпара

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Я думаю о доме, о просторе,
О зорях, отдыхающих в лугах,
О том, как отразятся они вскоре
У сына в добрых, утренних глазах.

Я думаю о родине.
Я счастлив
Ее мальчишкой миг еще побыть.
И, растворившись, все же малой частью
В ее великом океане быть.
Memento mori¹.
Все же не пугает
Грядущая тоска небытия.
Я думаю о жизни.
И такая
Мысль
Беззаветно радует меня.

¹ Думай о смерти (лат.).

Ярослав Васильев

СЕМЬЯ

Насущный хлеб и нежная любовь.
Семейный ужин на вечерней сини.
Пусть этот праздничный лубок
Не выцветает по России!

А мне родней такие вечера,
Когда ненастье бродит по округе
И пишут с треском грозные ветра
На мокрых стеклах наши имена,
Как огненные дуги.

* * *

Устав от бедного житья,
Сплетенья счастья и распада,
Какая русская семья
В разлуке не искала лада?!

И этот золоченый круг
Провинциальной, топкой ночи
Разорван был изломом рук,
Освистан поездом рабочим,

Где уезжали, не таясь,
Отцы — скитальцы и кормильцы.
И кровная тянулась связь
От океанов до столицы.

Что было с ними — не судить.
И разве время виновато,
Что можно родину любить
И не узнать родного брата.

Валентин Резник

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОТРОЧЕСТВЕ

В кузнечном цехе грохот и запарка.
В кузнечном цехе — алый полумрак.
А за окном трещит электросварка
И входит в силу птичий кавардак.
Я выберусь из цеха на свободу —
Четырнадцатилетний гегемон —
И, позабыв про грязную работу,
Лицо уставлю в чистый небосклон.
И подремлю с полчаса случайно,
Обласканный фабричною весной,
Покуда вездесущее начальство
Не склонится ворчливо надо мной.

Лариса Сушкова

ВСТРЕЧА

Не умела рассчитывать, кто милей,
Пронесла глаза, полные тополей.

И, зардевшись, видела, как высок и смел,
Как шагает молодо, с колчаном стрел.

Ей ли прикидывать, что впереди?
«Гей, отважный, меня пощади!»

Удалялся быстро он, весел, прост.
А ей мерещился — в полный рост.

Где стрелы остры — прицел один.
«Охотник, милый, в меня попади!»

В маках отброшена далеко праща...
И стрелы рассыпали сообщца.

Татьяна Максименко

ЧЕТЫРЕ «Я»

Нас четверо теперь.

Четыре «я».

Семь «я», конечно, крепче и труднее,
Но впереди полжизни...

Жизнь моя,

Нет, наша, станет ярче и полнее.
А мне все мило...

Ну еще глоток
Целительного воздуха весною —
И я легка, как ивовый пруток,
Цветущий над дорогой ледяною.
Упряма я, сильна,

ведь я нужна

Трем парам глаз, насмешливых и нежных.

И каждый глаз поет: «Уже весна!» —
Как из-под снега синенький подснежник.

Три пары рук возьмут меня в кольцо,

Три пары ног такое тарабанят,

Что три лица войдут в одно лицо,

С обветренными милыми губами.

А мне, четвертой, больше всех дано:

Огонь, очаг, тарелки и половник...

Четыре «я» — совсем немудрено

Рыдать от счастья, сев на подоконник.

Болтать ногами, штору теребя,

Впасть в счастье так,

как в обморок впадают.

Пронесется слова: «Люблю тебя!»

Проходит жизнь, такая молодая...

Лев Смирнов

ЗОЛОТАЯ ЖАБА

Хороши ее дела —
Всё на честном слове...
И при Рюрике жила,
И при Годунове.

В департаментах Москвы,
В лавках Таганрога
Не боялась ни молвы,
Ни царя, ни бога.

От попытчиков она
Ускользала мигом.
У отмытчиков она
Пряталась по ригам.

Из одной в другую длань
(Хоть сажай всех на кол!)
Так сигала эта дрянь,
Что сам дьявол кричал!

От нее страдал прогресс,
Чахло государство,
Но зато растили вес
Жадность и коварство.

Как обиженный ни тряс
Вслед за нею палкой,—
Доскакала и до нас
Со своей смекалкой.

Полюбила хапуна,
Приласкала вора.
Провела опекуна,
Зава, ревизора,

Фининспектора, врача,
Сторожа-растяпу,—
Не по воздуху скача,
А из лапы в лапу!

КОНДРАТ И СУФИЙ

Наш Кондрат ничего не страшится,
В бытие превращая свой быт...
Он не только в земле копошится,
Он и небо глазами сверлит.

Он, к примеру, идет бороздою,
Хлебопашец, косарь, полевод,
И с далекой рассветной звездой
Разговор потаенный ведет.

Его думы далеко-далеко,
Словно белые птицы, летят.
Видит Индию синее око,
Руки чешутся, тронуть хотят.

Но не знает Кондрат поседелый,
Что оттуда, от теплых морей,
К нему тянется думою зрелой
Мудрый Суфий, всех мудрых мудрей.

Исчерпал он все горькие знания
И отрекся от них, не шутя.
Сквозь холодную твердь мироздания
Он душою пророс, как дитя.

«Не суди! — учит он.— Постижение —
Не в суждениях,— наоборот».
И, однако, такое суждение
Он Кондрату по воздуху шлет:

«Ум — копилка, а знания — монеты,
Что в людских поистерлись руках...
Лишь в душе твоей — мира секреты,
Остальное все — небыль и прах».

Чует мудрость чужую Кондратий,
Бороденку рукой ворошит,
Удивляется бездне понятий,
Но отречься от них не спешит.

Не спешит со своей правотою,
Потому что весь век на земле
Сеял хлеб он, боролся с нуждой
И высматривал звезды во мгле.

Но всю жизнь свою, в пору любую,
Под какой бы он ни был звездой,
Ощущал он поддержку людскую,
Опирался на опыт людской.

И в копилку его ненароком
Золотые монеты текли:
Вместе с мыслью души одинокой
Драгоценные мысли земли.

Потому-то, окинув долину,
Наш Кондрат говорит наконец:
— Вполовину ты прав, вполовину,
Старый суфий, индийский мудрец!

Эльмира Котляр

В МЕТРО

Женщина в вагоне:
платочек комкает в ладони.
Рот сжат,
а губы дрожат.
И слезы текут невольно...
Почему ей так больно?

А рядом юное создание,
наверно, едет на свиданье.
Влюблена,
надеждою окрылена!

Старик глубокий,
неприбранный, одинокий.
Есть ли дети,
или бобылем живет на свете?

С портфелем человек
солидный, лысый.
Взгляд лисий!
Он льстец?
Хитрец?
Но как в поспешности
судить по внешности?

Женщина цветущая,
ребенка ждущая,
каждую минуту
прислушивается к чему-то!
А у другой на коленях ребенок:
щупленький, худенький —
гадкий утенок!

А эта женщина стара-стара!
Куда отправилась со двора?
Зачем пустилась в путь?
Ее и ветер может сдуть!

Солдаты!
Холосты, не женаты.
Демобилизуются —
все образуется.

Красавица. Загадка.
И ей бывает не сладко...

У девочки в руках скрипка.
Играй, играй шибко!

У юноши глаза страдальческие!
Почему они так грустны
посреди весны?

Стоит женщина пожилая —
еле живая,
в руках огромные
две сумки неподъемные!
Поскорей
уступите место ей.

Пьяный ввалился —
на лавку приземлился.
Чье-то горюшко-горе,
а ему по колено море.

Слепой
с клюкой!
Отчего он ослеп?
Как зарабатывает на хлеб?

Читающие — в облаках витающие!

Туристы с рюкзаками,
с обветренными щеками,
в любую погоду —
на природу!
Кто они — ее хранители
или разрушители?

Дама средних лет,
наведен марафет,
но как ни обидно,
а морщинки видно!

Ребятишки, школьники
куда-то едут, соколики.
Как учатся?
Что из них получится?

Время всех куда-то мчит —
колесами стучит!

Валерий Синеv

ПЯТЬСОТ-ВЕСЕЛЫЕ¹

О тех посадок костолом,
И провожатых чудо-плечи,
И клятвы скорые о встрече
За щедрым — в памяти — столом:
«Так жду, земляк! Чай, к посевной...»
Да вдруг и смолкнет, удивленный,
Уж перейдя в масштаб иной,
Из всеармейского — в районный.

¹ Так в шутку именовались дополнительные поезда,
идущие вне расписания.

«Ну, а пока-то, брат, пиши!»
Велик писатель из солдата...
Развал стены. Перрон дощатый.
Шаги обратные в тиши...
Прогрохотав на стыках лет,
Ушли шальные эшелоны,
Их не воротить, чтоб секрет
Узнать устройства их вагонов,
Что возле каждого столба
Расчет ли, взвод в себя вмещали.
У них завидная судьба,
Они в сердцах стучат ночами.
В осенней тьме, в котором сне,
Пятьсот седьмой, пятьсот девятый...
И из окон кричат ребята:
«А ты пиши!»

Ночами, мне!
И зримый зов в немых устах
Все громче, громче и упорней...
Хоть год от году все просторней
В пятьсот-веселых поездах...

Валентин Суховский

ГОРОДЬБА

Награнил еловых колев —
Перевицей перевью.
Пособляю тете Толе,
Тетку слушаю свою.

И медов же слог былинный,
Слаще сула похвала!
Проступает на жердинах,
Словно слезонки, смола.

Вся повыцвела Евстоля
И ссутулилась совсем.
Для нее жердь да колья —
Только часть ее проблем.

— Никого нет на подхвате
Из тверезых мужичков,
А на сколь тесинок хватит
Тридцати-то рубельков?

Прохудилась больно крыша,
Только пенсия мала...
Может, выше кто услышит
Про старушечьи дела?

Как мы робили в колхозе
Сорок хлопотных годков,
А теперь в руках елозят
Двадцать восемь рубельков.

Чтоб вспахать дворище, надо
Трактористу литр вина.
На вино-то, вот досада,
Ныне вот кака цена!

Ты не пьешь? Послала, что ли,
Светлый праздничек судьба?..—
Блещут слезы тети Толи
И на солнце городьба.

* * *

Далеким лесом веет от полениц.
Кокочут куры. Озимь зелена.
Смолистыми венцами блещут сени,
И перестуком улица полна.

Раздвинулись, заголубели дали.
К теплу толкуются тучки комаров.
Еще грома на небе не играли,
И посветлели глубы вечеров.

В полях все реже дым стерни палимой
И чаще пыль за гребешком борон.
Нет у старух тоски неумолимой.
Все больше — свадеб, меньше — похорон.

Вот пахнут смолю свежие тесины,
Блестят на солнце, отсвет бьет до слез.
И радостно, что не для домовины,
А для избы выстругивал я тес.

Еще причелин канитель резную
Да князевого гордого коня...
Эх, самому бы жить в избу такую!
Да кто же выйдет замуж за меня?!

Валентин Федорович Булгаков — замечательный русский писатель-мемуарист. С января по ноябрь 1910 года — личный секретарь Льва Николаевича Толстого. Автор многих книг, в том числе дневника «Л. Н. Толстой в последний год его жизни».

Статья, фрагменты которой мы публикуем, вошла в состав книги В. Булгакова «О Толстом», изданной в Туле в 1964 году и мало известной широкому читателю. Между тем, нам кажется, что она представляет значительный интерес и для поэтов, и для любителей поэзии.

Редколлегия

Толстой — стихотворец

Автор «Войны и мира», «Анны Карениной», «Казачков» и «Хаджи-Мурата», конечно, является великим поэтом. Но он писал прозой, а не стихами. Мало того, во вторую половину жизни Толстой не раз высказывался против стихосложения вообще, считая, что стихотворная форма стесняет свободу мысли. Он готов был признать и принять «некоторые, и то только самые совершенные стихотворения», созданные корифеями русской поэзии — Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Фетом. Но и тут дело не обошлось без оговорок...

— Писать стихи — это все равно что пахать и за сохой танцевать,— говорил Толстой.— Это прямо неуважение к слову¹.

Толстой получал много стихов от начинающих поэтов. Ему надоело отвечать каждому из них отдельно, излагая свой отрицательный взгляд на увлечение стихотворством, и вот, в апреле 1910 года, он сочинил общий и, может быть, довольно жестокий ответ всем стихотворцам. Ответ этот, напечатанный посредством «шапирографа» на открытках, рассылался всем поэтам. Он гласил:

«Лев Николаевич прочел ваши стихи и нашел их очень плохими. Вообще, он не советует вам заниматься этим делом».

Хорошо, конечно, если такой загодя заготовленный отклик вразумлял графоманов, но плохо, если он обезнадеживал даровитых людей.

В более молодые годы Толстой отдавался влиянию поэзии более непосредственно, более открыто, более страстно. Предвзятости в его взгляде на поэзию не чувствовалось...

Однако вводить свою собственную мысль и речь в рамки ритма ему было несвойственно и тяжело, так что стихотворцем по призванию Толстой не стал. И тем не менее иногда, не в качестве поэта-профессионала, а в качестве любителя, под влиянием ли того или иного лирического переживания или завладевшего им чувства юмора, Лев Николаевич прибегал к стихам...

То стихотворение о «казачках» и о «встрече», о котором Толстой выразился позже, что у него, «слава богу, ничего не вышло», представляет из себя эпический отрывок, написанный четырехстопным хореем, рифмованным через строку:

Эй, Марьяна, брось работу!
Слышишь, палат за горой:
Верно, наши из походу
Казачки идут домой.
Выходи же на мосточик
С хлебом солью их встречать,
Теперь будет твой побочин
Круглу ночь с тобой гулять.
Красной шелковой сорочкой
Косу русую свяжи,
Вздень чувяки с оторочкой
И со стрелками чулки,
Вздень подшейник и монисто
Из серебряных монет,
Прибери головку чисто
И надень красный бешмет.
Да скорее, молодлица:
Вон навстречу казакам
С чихирем уж вся станца
Собралася к воротам.

¹ Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1912, с. 67.

Отрывок этот писался как на ч а л о «Казак»: Толстой предполагал сначала написать роман из казачьей жизни в стихах. В 52 строках отрывка «Эй, Марьяна, брось работу» изображается возвращение казацкого отряда из похода домой, в станицу, и встреча его местным населением, в том числе красавицей Марьяной. Марьяна ждет своего возлюбленного, но видит только его мертвое тело на арбе, сопровождающей отряд: молодой казак убит в схватке с горцами.

...Интересно, что уже работая над «Казакими» в прозе, Л. Н. Толстой в 1857 году снова берется за другой вариант повести в стихах. «На протяжении нескольких печатных страниц автор то и дело в целом ряде строк выдерживает правильные анапесты, то сбиваясь с них, то опять попадая в каданс... Получился своеобразный ритмический склад, который, будь он выдержан строго, дал бы оригинальную форму ритмизированной прозы, весьма мало имеющей примеров в русской литературе. Аналогии ей можно указать разве в письме Кольцова Краевскому о смерти Пушкина и в «Песне о Соколе» и «Песне о Буревестнике» Горького»¹.

Вот образцы этой «ритмизированной прозы» из «Беглеца» (как назывался вариант «Казак»):

«Что он беден, на то не смотри: он зато молодец, он добычу найдет, а умру, так ему дом отдам. Стало, тоже он будет богат».

И затем — о коне героя:

«Уж теперь и коней таких нету... Мимо аулов татарских кругом обойдет, фыркнет, коли что на дороге почует недоброе, только ушами поводит, а ты замечай... Так ведь с берега бросится сам, только брызги летят; знай за гривку держись, а уж он перебьет поперек, шею выгнет да уши приложит, только фыркает все, равно человек»².

Стихотворная форма для повествования о вольной казачьей жизни среди могучей и поэтической кавказской природы подсказывалась молодому Толстому, конечно, самой темой...

...В севастопольских песнях критически излагаются действия незадачливых и нерасторопных русских генералов эпохи Николая I, проигравших крымское сражение у реки Черной. Песни эти, может быть, высшее и лучшее из того, что создано Л. Н. Толстым-стихотворцем. Они полны юмора, юмора народного (как он выражался в старые времена)—меткого, острого, подчас нескромного. Они совершенно просты по форме. Если мы скажем, что песни эти народны в лучшем смысле этого слова, то несколько не ошибемся.

Вот строфы из первой «Песни про сражение на р. Черной 4 августа 1855 года»:

¹ Толстой Л. Н., т. 6; комментарий А. Е. Грузинского, с. 278.

² Там же, варианты «Казак», с. 221—222.

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Горы отбирать.

Барон Вревский генерал
К Горчакову приставал,
Когда под шафе.

«Князь, возьми ты эти горы,
Не входи со мною в ссору,
Не то донесу».

Собирались на советы
Все большие эполеты,
Даже Плац-бек-Кок.

Полицмейстер Плац-бек-Кок
Никак выдумать не мог,
Что ему сказать.

Долго думали, гадали,
Топографы все писали
На большом листу.

Гладко вписано в бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить...

В. И. Ленин дважды цитирует в своих статьях трехстишие из «Песни про сражение на р. Черной 4 августа 1855 года»:

Туда умного не надо,
Ты пошли туда Реада¹,
А я посмотрю.

Сначала в 1906 году, лишь первую строку этого трехстишия — в статье «Кто за союзы с кадетами?». Позже, в 1914 году, все три стиха — в статье «О праве наций на самоопределение».

Значение и революционную силу, — очевидно, первой, — севастопольской песни оценил и знаменитый украинский поэт и борец против царского самодержавия Т. Г. Шевченко. В дневнике его встречаем следующую запись от 8 апреля 1858 года: «Вечером зашел к Кроневицу, к моему соизгнаннику, и между многими поляками встретил у него и людей русских, между ними две знаменитости: графа Толстого, автора солдатской севастопольской песни, и защитника Севастополя генерала Хрулева»².

Тут замечательно, что Шевченко называет Толстого не автором уже написанных «Детства. Отрочества. Юности», не автором кавказских рассказов, не автором даже «Севастопольских рассказов», а именно автором солдатской (народной!) севастопольской песни. Вот что делало Толстого знаменитостью в глазах Шевченко!

Н. Н. Гусев пишет в своей биографии Л. Н. Толстого о песне «Как четвертого числа»: «Севастопольская

¹ Во второй строке цитируемого стихотворения у В. И. Ленина изменение: «Вы пошлите-ка Реада».

² Шевченко Т. Собр. соч. под ред. М. Рылского и Н. Ушакова, т. 5. М., 1949, с. 260.

песня позднее послужила образцом для нескольких агитационных и революционных песен. Так, в 1861 году по случаю расправы, учиненной полицией 12 ноября со студентами Московского университета, прекратившими занятия в знак протеста против введения новых университетских правил, была сложена песня, начинавшаяся словами:

Как двенадцатого числа
Нас нелегкая несла
Просьбу подавать...¹

В Казани в 1862 году по поводу полицейских мер против гимназистов и студентов появилась песня:

Как двадцатого числа
Нас нелегкая несла
Песни распевать...

В 1901 году по поводу подавления войсками демонстрации, устроенной 4 марта в Петербурге на площади Казанского собора, была написана песня «Грех тяжкий», изданная листовкой от имени организационного комитета студентов Петербургского университета. Она начиналась словами:

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Смуту усмирять...²

Во всех этих песнях тот же размер, та же строфика, те же две первые строки (с соответствующим изменением чисел) и тот же простой народный язык, как и в Севастопольской песне³.

Так любопытно отозвалась созданная Л. Н. Толстым Севастопольская песня в трех позднейших революционных песнях...

* * *

Особое место в поэтическом творчестве Л. Н. Толстого занимает обработка текстов и языка древних былин. В 1872 году Толстой переработал, для включения в четыре книги своей «Азбуки» четыре былины: «Святогор-богатырь», «Сухман», «Вольга-богатырь» и «Микула Селянинович». В примечании к оглавлению первой книги «Азбуки» писатель отмечал, что «былины составлены из нескольких списков, пополненных один другим, и изложены правильным русским стихом»⁴. Это было очень скромной характеристикой большого труда, вложенного Толстым в новую редакцию былин. Э. Е. Зай-

деншнур в своей статье «Произведения народного творчества в педагогике Л. Н. Толстого» свидетельствует на основании изучения рукописей, что «Толстой много раз перерабатывал самый текст былин, расширял или, наоборот, сокращал содержание, вводил новые детали, новые эпизоды. Пользуясь несколькими вариантами одной и той же былины, выбирая из каждого наиболее интересные эпизоды, он объединял их в своей новой редакции. Очень много работал Толстой над формой, добиваясь правильного стиха, сохраняя при этом традиционные приемы былинного стиха... Вся работа выполнялась с такой осторожностью, тщательностью и неизменным стремлением сохранить стиль народного эпоса, с таким мастерством, что каждая былина Толстого воспринимается как новый вариант народного произведения»¹.

Припомним начало одной из былин, переработанных Толстым:

СВЯТОГОР-БОГАТЫРЬ

Выезжал ли Святогор гулять в чисто поле,
Никого-то Святогор он не нахаживал,
С кем бы силой богатырской померяться;
А сам чует в себе силу он великую,
Чует — живчиком по жилкам разливается,
Грузно с силы Святогору, как от бремени.
И промолвил Святогор-свет похваляючись:
«По моей ли да по силе богатырской
Каб державу мне найти, всю землю поднял бы...»²

Вот — язык Толстого, слитый с языком народа. Любовь Л. Н. Толстого к народной поэзии выразилась и в том, что в период пребывания на Кавказе им был записан ряд русских народных песен. Часть из них мы встречаем в «Казаках», а остальные — в вариантах к этому роману. «Толстой был одним из первых собирателей фольклора, заинтересовавшихся песнями гребенских казаков», — говорит Э. Е. Зайденшнур в статье «Народная песня и пословица у Л. Н. Толстого»³.

1 февраля 1852 года Л. Н. Толстой записал в Старицкой чеченской деревне две чеченские песни, от своих приятелей — молодых чеченцев Садо Мисербиева и Балты Исаева...

...В заключение повторим то, что говорил Л. Н. Толстой о произведениях народной словесности:

«Песни, сказки, былины — все простое будут читать, пока будет русский язык»⁴.

1961

¹ Песня напечатана в сборнике «Красный декабрь», под ред. Н. Л. Бродского и В. Л. Львова-Рогачевского. М., 1916, с. 101.

² Напечатана в журнале «Южный рабочий», 1902, № 8, с. 13.

³ Гусев Н. Н. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии, т. 1, М., 1954, с. 690—691.

⁴ Толстой Л. Н., т. 22, с. IV.

¹ Яснополянский сборник, 1955. Тула, с. 151.

² Толстой Л. Н., т. 22, с. 103—104.

³ Сб. «Л. Н. Толстой». М., 1951, с. 521.

⁴ Письмо к Страхову Н. Н. от 22 марта 1872 г. Толстой Л. Н., т. 61, с. 278.

Владимир Луговской

1901—1957

Вершиной творчества Владимира Луговского стала книга поэм «Середина века». Он задумывал ее давно, но работать над ней начал в дни Великой Отечественной войны.

«Эту книгу я писал с 1942 года, писал с мукой, с горячностью, с душевными раздумьями о судьбах времени, о судьбе моей страны, о судьбах революции» — так Луговской говорил о «Средине века» в своей автобиографии.

Почти пятнадцать лет создавалась эта книга. Состав и текст ее претерпевал определенные изменения.

До выхода в свет «Средины века», представляющей собой удивительный сплав эпоса и лирики, Владимир Александрович Луговской не дожил. Верстка книги была прочитана и подписана им незадолго до смерти.

Книгу составляют двадцать пять поэм и «Вступление». Ряд поэм, писавшихся для «Средины века», Луговской в нее не включил как незавершенные, намереваясь продолжить работу над ними.

Читатель нынешнего «Дня поэзии» может ознакомиться с фрагментами одной из таких поэм. Она была названа автором «Шаги народной гвардии». Поэма переносит нас в летние дни 1941 года, горестные и трагические в жизни нашего народа, болезненно мучительные в жизни и судьбе самого поэта.

Работу над этой поэмой Луговской начал в 1944 году, вскоре после возвращения в Москву из Ташкента. Одновременно он писал и поэму «Снег», которую закончил к середине 1945 года. К «Шагам народной гвардии» Луговской вернулся лишь в конце жизни, так и не успев завершить поэму.

«Шаги народной гвардии», как и многие другие поэмы «Средины века», Луговской диктовал. Он усаживался в кресле, прикрывал глаза и — импровизировал. Это был первый этап работы. Вслед за ним шла правка, сокращения, беловое переписывание...

В 1986 году Владимиру Александровичу Луговскому, по инициативе которого родился «День поэзии», исполнилось бы восемьдесят пять лет.

Е. Л. Быкова

Портрет Владимира Луговского
работы художника Г. Верейского

ШАГИ НАРОДНОЙ ГВАРДИИ

Вставало солнце за моим окном,
И дикий голос заводил с надрывом
Опять одно и то же — раз, два, три.
Пыль покрывала книги новым слоем.
Бумажные кресты стояли в стеклах,
Уставший за ночь, догорал пожар.
И в шесть утра, шипя, включался диктор
И бодрым голосом передавал
По всей стране последние известья.
А по асфальту били сапоги
Однообразно без конца и счета,
Поскольку счет был краткий: раз, два, три.

.....
Да, раз, два, три. Распахнутые окна
И порошок острый черной сажки.
И грозным пламенем встает Москва.

Победная во всем великолепии
Неисчислимых крыш, и труб фабричных,
И куполов, замазанных поспешно
Зелено-серой, будто брюхо змея,
Невыносимой краской. А вдали
Над Воробьевыми шумит горами
Осенний ветер листьями рябыми,
Доносится до моего окна.
И та пространственность и та природа,
То раз, два, три, которое приходит
По этажам, стуча в мое окно.
Все это боль разлуки, боль победы,
Невиданной еще на белом свете,
И вопли умирающих, и посвист
Конических неудержимых бомб.
Как просто все кругом: стеклянный воздух,
Мотор невидимый, жужжащий в небе,

Бесстыдство всех раздавленных вещей,
 Прощанье с прошлым, нет, не нужно думать.
 Ты сам себя, как муху, раздавил
 На стеклах этой комнаты квадратной.
 Ты скажешь, в эту страшную минуту
 Я не имею права говорить
 Об этих стеклах, о себе, о небе
 В моих глазах. Ты лжешь, читатель мой.
 Я измеренье всех вещей. Я сила
 Такая же, как ты. Я человек.
 И я имею право так увидеть,
 Так понимать, так слышать, так измерить
 Десятки метров вот до этой крыши,
 Что каждый вдруг поймет — вот это жизнь.
 Да — это жизнь. Белесые просторы,
 Однообразное большое небо,
 Седая пыль в тускнеющих углах.
 Лежало облачко в квадрате неба,
 И дикий голос заводил, срываясь,
 Однообразные, как совесть,— раз, два, три.
 Все зданья были перерезаны зеленым,
 Иль черным, или горестно-багровым,
 Гнедые окна на Кремле рябили.
 Вплоть до утра работали зенитки,
 И непонятным даже оставался
 В ночь сохраненный синий абрис комнат.
 Но почему в такой квадрат немой,
 Свистя, вздыхая, не воткнулась бомба
 И не рванула... И далекий росчерк
 Зенитного снаряда обнаружил,
 Что я еще на свете существую.
 И голос раздавался — раз, два, три.
 Штыками взрезывая воздух утра,
 Седые толстячки маршировали,
 Не думая, что завтра им конец.
 Они пойдут, чтобы в веках остаться,
 Беспомощные, маленькие люди,
 Прикладами, штыками, смертным криком
 В осенний день оборонить Москву.
 Такой была она, железная, сухая,
 Вся полная однообразных звуков,
 И легкая над ней вставала смерть.

...Железный ветер дует день за днем,
 И пыль садится на полы и стены.
 Покинуты балконы, пусты окна,
 Не слышу больше детских голосов.
 Но хриплый голос тускло повторяет
 Однообразные, как совесть,— раз, два, три.
 Страницы шевелятся, жмутся тучи
 Расплывчато-лиловыми локтями,
 Плечами сизыми, и на асфальте,
 Мертвея, раздается тесный шаг.
 Ты — господин, ты — мерный шаг природы,
 Ты — твердый ритм, гребущий день за ночью.
 Ты — человек, а впереди тебя —
 Огромное количество столетий,
 Рождений и смертей, ты — раз, два, три.

И, кроме этого, клянусь, на свете
 Нет ничего, лишь сумрак или зори.
 И ты, моя душа, летишь над смертью,
 И все твоё ничтожество сказало
 В однообразном крике — раз, два, три.
 Москва, Москва, в тебе сошлись, как в призме,
 Все семь цветов земного испугленья.

1944—1945

Сергей Наровчатов 1919—1981

ИЗ ДНЕВНИКА

* * *

Пользование образом как поэтическим представлением требует некоей силы анализа и предполагает высшую стадию развитости в сравнении с мифом. Движение мысли по направлению от мифа к поэзии можно наблюдать на явлениях языка, например, параллелизма.

...билая паутина на тын повилася,
 младая дивчононька в казака вдалася...

Два изображения — природы и человеческой жизни — ставятся рядом, как равнозначные и однозначные. Прямого отождествления человека с природой уже нет, но мысль только что вышла из него. Она идет дальше и начинает настаивать на отсутствии такого тождества: прямой параллелизм переходит в отрицательный:

Не ласточка увивается,
 Увивается родна матушка.

Здесь прямо указывается, что объясняющий образ не должен отождествляться с объясняемым. Еще далее следует обыкновенное поэтическое сравнение, где нет и намека на смешивание сравниваемых предметов. Этот переход от мифологического к поэтическому мышлению происходит так медленно, что долгое время оба строя мыслей не исключают друг друга.

* * *

...Эпос древнейший род, затем лирические индивидуальные элементы в эпосе выделяются в самостоятельное целое — лирика (Лира).

Центр тяжести интереса к старинному сказанию переходит от события к человеку, к его внутренней жизни, к его борьбе с другими, — противоречиям судьбы, рока — драма.

* * *

...Есенин в моей жизни занял огромное место,— по сути, через него я осознал себя когда-то поэтом. Это было в мои 13 лет. А перед тем, еще в 12, я читал огоньковскую книжку в палатке пионерского лагеря. Кстати говоря, это было под Рязанью, в барском поместье, принадлежавшем ж.-д. организации, в ведении которой была 2-я школа в Басманном переулке.

Стихи были такими (начало):

Я, быть может, умру под забором,
Иль повешусь на ржавом крюке,
Или стану бродягой и вором,
Пропивая свой век в кабаке...

А теперь — есенинское восьмидесятилетие (и я — пред. юбилейной комиссии).

Дышится легко, свободно и печально...

* * *

...Что такое образ? Это воспроизведение единичного, конкретного, индивидуального случая, имеющего быть знаком, заместителем целого ряда разнообразных явлений: поэзия может быть названа познанием мира посредством образов, символов, и этот способ свойствен всем — и детям, и взрослым, дикарям и ученым.

* * *

...Когда ходили по земле святые,
И слову их внимали племена,
И наша жизнь была с небес видна,
На сей земле поэзия впервые
В живые воплотилась письмена.

И праведным апостольским звучаньем
Наполнился пергамент древних книг,
И звоном то венчальным, то печальным
Звенел славян торжественный язык.

Как образам, нам поклоняться книгам.
Они сумели, смелые, сберечь
В слепую ночь под чужеземным игом
Врагу не покорившуюся речь.

Публикация Ольги Наровчатовой

Юрий Кузнецов

* * *

Не поминай про Стеньку Разина
И про Емельку Пугача.
На то дороженька заказана
И не поставлена свеча.

Была погодушка недоброю,
Ты наломал немало дров,
И намахался ты оглоблею
Посереди родных дворов.

Уж нет дворов — одни растения,
Как будто ты в краю чужом
Живешь, и мерзость запустения
Разит невидимым козлом.

Куда ты дел мотор, орысина?
Аль снес за четверть первача?
И все поешь про Стеньку Разина
И про Емельку Пугача.

Трудись, душа ты окаянная!
Чтобы когда-нибудь потом
Свеча горела поминальная
Во граде Китеже святом.

Валерий Брюсов.
Силуэт Е. Кругликовой

ПРОЩАНИЕ ДУХА

Ни делом, ни словом, ни мыслью
Тебе не подняться вовек
Над этой землей и высью...
Ты ниже земли, человек!

Прощай! Стороной оборотной
Заветная смотрит звезда.
Душа улетает бесплотной
Сквозь двадцать сетей навсегда.

Пусть все поколения живы!..
Но знаешь, названный собрат,
Какие грядущие взрывы
Уже за Сатурном гремят?

Какие в ушах просверленных
Иные сквозят голоса?
Какие в глазах ослепленных
Иные мигают глаза?
Какие в устах оскверненных
Иные свистят словеса?

ОПОРА

На дно своих скорбей глядят глаза
У тех людей с воздетыми руками,
Бичуемых ветрами и снегами,
Им даже слезы вытереть нельзя.

Рогатки голых рук напряжены,
Как будто небо держат над собою.
Они такими вышли после боя.
Никто не виноват. Окружены.

Но мертвая земля прозрела вдруг,
И мертвый воздух разорвали звуки:
«Они сдаются? Поднимают руки?
Пусть никогда не опускают рук!»

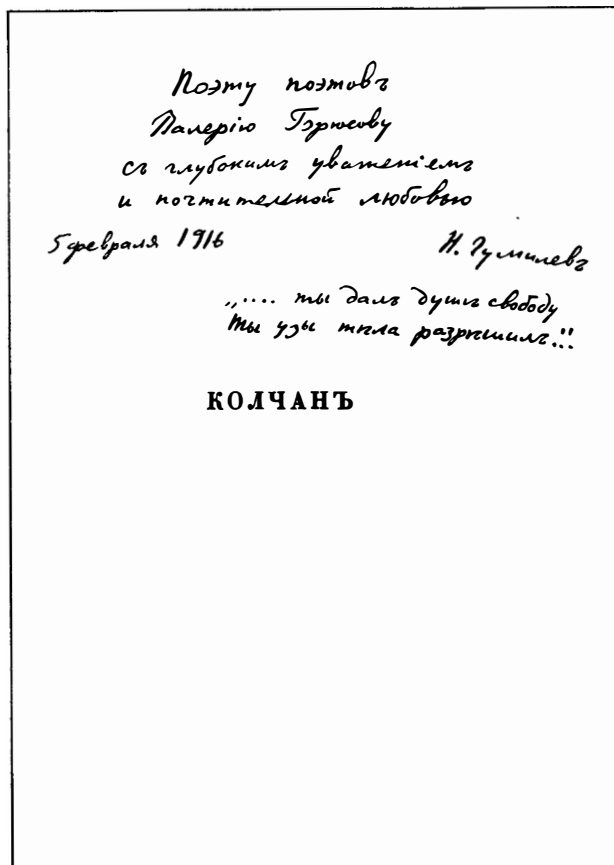
И тяжесть свыше снизошла на них,
Они кремнели, рук не опуская...
Из всех опор невидимого рая
Есть и такая — не слабей других.

Из коллекции книжника

В рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина хранятся письма Н. С. Гумилева к В. Я. Брюсову. Из них видно, как велика была роль, которую Брюсов сыграл в становлении молодого поэта. После брюсовского отзыва на сборник «Жемчуга» («Скорпион», М., 1910) Гумилев благодарно отозвался: «...я вполне счастлив, что Вы, мой первый и лучший учитель, одобрили их. Считать-ся со мной как с поэтом придется только через много лет». В другом письме — вновь признание: «...я знаю, что всем, чего я достиг, я обязан Вам».

Среди поэтических сборников Гумилева, хранящихся в моем собрании, три имеют дарственные надписи автора. Наиболее интересен автограф на сборнике «Колчан» («Гиперборей», М.— Пг., 1916). В надписи автор привел как символ две строки из стихотворения Брюсова «Дедал и Икар». Еще за несколько лет до этой надписи Гумилев упоминал тот же символ: «Простите, что я так самовольно и без всякого на это права навязался к Вам в Икары».

Анатолий Марков

СПЯЩАЯ

В тени лежала ты нагая,
И там, где грудь раздвоена,
Порхала бабочка, мигая,
И села на вершину сна.

О, как она затрепетала,
Когда, склонившись, снял ее!..
— Отдай! — во сне ты прошептала. —
Ты взял чужое, не свое.

ПЕТРАРКА

И вот непривычная, но уже нескончаемая вереница подневольного люда того и другого пола омрачает этот прекраснейший город скифскими чертами лица и беспорядочным разбродом, словно мутный поток — чистойшую реку; не будь они своим попутателям милее, чем мне, не радуй они их глаз больше, чем мой, не теснилось бы бесславное племя по здешним узким переулкам, не печалило бы неприятными встречами приезжих, привыкших к лучшим картинам, но в глубине своей Скифии вместе с худой и бледною Нуждой среди каменистого поля, где ее (Нужду) поместил Назон, зубами и ногтями рвало бы скудные растения. Впрочем, об этом довольно.

Петрарка. Из письма Квидо Сетте, архиепископу Генуи, 1367, Венеция

Так писал он за несколько лет
До священной грозы Куликова.
Как бы он поступил — не секрет,
Будь дана ему власть, а не слово.

Так писал он заветным стилем,
Так глядел он на нашего брата.
Поросли б эти встречи быльем,
Что его омрачали когда-то.

Как-никак шесть веков пронеслось
Над небесным и каменным сводом.
Но в душе гуманиста возрос
Смутный страх перед скифским разбродом.

Как магнит потянул горизонт,
Где чужие горят палестины.
Он попал на Воронежский фронт
И бежал за дворы и овины.

В сорок третьем на лютном ветру
Итальянцы шатались как тени,
Обдирая ногтями кору
Из-под снега со скудных растений.

Он бродил по тылам, словно дух,
И жевал прошлогодние листья.

Он выпрашивал хлеб у старух —
Он узнал эти скифские лица.

И никто от порога не гнал,
Хлеб и кров разделяя с поэтом.
Слишком поздно других он узнал.
Но узнал. И довольно об этом.

ЗАТМЕНИЕ

Ты — солнце, я — день...
Рой случайных подруг
Меж нами описывал замкнутый круг.

Я их ненавидел, я солнце любил.
Я видел тебя, но об этом забыл.

Явилась другая, твой лик заслоня...
Мерцают светила средь темного дня.

Тебя ненавижу, другую люблю,
Но чую небесную тягу твою.

Заухали совы земного конца.
Зажгите свечу! Я не вижу лица!

Не вижу!.. И только корона твоя
Сияет так страшно из тьмы бытия.

Вячеслав Байбаков

ПРАДЕД

Мой прадед не был дураком,
Рекой великою влеком,
С густым замешивал песком
Степную глину,
Стропила солнцем укреплял,
Зарю окна застеклял,
Не камнем землю ковырял,
Косил по клину.

Водохранилищу тогда
Не подчинялась тут вода
И был у каждого пруда
Свой рыбий нор,ов,
А половодье на порог
Несло весенний говорок,
И каждый — все вокруг берег
Без уговоров.

Какой, скажи, без сада дом?
А без хозяйства? И потом —

Колодец вырыть всем гуртом —
Святое дело.
Пускай брала жизнь в оборот,
В обильный год и в недород
Мужал от века крепкий род,
Молва летела:

Мол, хоть зовется байбаком,
Явил себя не дураком,
С речным замешивал песком
Густую глину,
Стропила солнцем укреплял,
Зарею окна застеклял,
Не камнем землю ковырял,
Косил по клину.

Кто помянет не раз добром,
Кто попрекнет большим двором,
А прадед чувствовал нутром:
Пока есть сила —
Паши, ворочай, дорожи,
От нетерпения дрожи,
Потей на тонях и во ржи,—
Земля просила.

Геннадий Касмынин

ОБЛАКА

Помню тебя, голубиная стая,
Белые крылья, согласный полет
Вверх по восторгу — туда, где, блистая,
Облако над голубятней встает,
Будто оно приготовилось к драке,
Чтоб с наглецами расчесться сполна,—
Так поднимается шерсть на собаке
И на клыках закипает слюна.
Первые капли ударили в кровлю.
Мухи попрятались под лопухи.
Склеились листья под ливневой кровью,
И почернели сережки ольхи.
Голуби, милые, падать не смейте
С чистых высот на помет чердака,—
Выше взлетайте — за облако смерти,
Выше и выше — за облака!

МЫШКА МОШКИН

(Из жизни грызунов)

Мышка Мошкин был проворен,
Потому и жил в раю,
Натаскав отборных зерен
В норку темную свою.

Под копну он лез без страха,
Там и сям хотел успеть,
Чтобы серую рубаху
Не последнюю иметь.

Пусть мороз сшибает птицу,
Давит волка, словно вошь,—
Мышка хрумкает пшеницу
И грызет в охотку рожь.

У него запасов — куча!
У него нора — битком!
Не грози напрасно, туча,
Волосатым кулаком.

Под когнями краснотала —
Незаметен, хрупок, мал —
Мышка Мошкин спит устало,
Оттого что есть устал.

Ночь над ним восходит выше,
Серебро ссыпая с крыш...
И плодятся всюду мыши:
Что ни шаг — то в норке мышь.

Вороватая, простая,
Трусоватая, своя —
Там, где гибнет волчья стая
В снежных пустошах жнивья.

Светлана Кузнецова

ТРИ СНА

Что в жизни моей прояснилось?
Как прежде округа темна.
Но нынче под утро приснилось
Мне три металлических сна.

Был первый о серебре-злате,
О смысле извечного зла.
То был, верно, сон о расплате
За чьи-то чужие дела.

Второй был о медной полушке,
О странствиях, о нищете.
Щекой прижималась к подушке
Я, помня возможности те.

И третий, как бритва скользкий.
Легко я забыла о нем.
А он был один настоящий,
Сквозящий железным огнем.

* * *

Не мои, не седые, не мгlistые,
Что самую судьбой суждены,
Этой осенью снятся мне чистые,
Словно чьи-то прибудные сны.

Прохожу я хозяйкою вотчины
В разноцветии летних одежд.
То ль венки из цветов вдоль обочины,
То ль из самых прекрасных надежд.

Небывало отрадно и радужно
В этом посланном свыше раю...
Отчего же так страшно мне за душу,
За печальную душу мою?

* * *

И не думала об измене.
Но опять над ночью седой
Замелькали темные тени
И повеяло вдруг бедой,
Мелкой новостью, мелкой вестью,
Перепадом добра и зла,
Мелкой хитростью, мелкой лестью,
Мелким мщеньем из-за угла.
Вдруг повеяло черным лесом
И засадой черной в кустах,
Мелкой страстью и мелким бесом,
Мелким бисером на унтах,
Мелкой зыбью и мелкой дробью,
Неизбежностью перемен
И такую мелкой любовью,
Что нельзя идти на размен...

* * *

Позабыв на часок про закаты
И про след свой на зыбком песке,
Я достану забытые карты
И раскину на пестром платке.

И опять, доверяясь надежде,
Я закрою на правду глаза.
Ведь согласны служить мне, как прежде,
Все четыре бывалых туза.

Ведь в послушном рисованном мире,
Как положено, встав у руля,
Неразлучны со мной все четыре
Незабвенных моих короля.

Знаю все я, что мне они скажут,
«Да» ответят они или «нет»,

И какой они выход укажут
Мне оттуда, где выхода нет.

«Полно, полно, ведь все оно минет,
Все промчится, пройдет, пролетит,
Тяжесть камня с души твоей снимет,
Да и рученьку позолотит.

Да и рученьку... Перстень игриво
Самоцветом на пальце сверкнет,
И неведенья льстивое диво
К подобрешему сердцу прильнет.

И тогда, у черты этой самой,
Что теряется где-то во мгле:
Королевой, червонною дамой
Напоследок пройдешь по земле».

* * *

Кто там за туманами прячется,
Глядит сквозь морозную ночь?
Сибирь моя, мать моя, мачеха,
Свою проглядевшая дочь.

Давно я ушла бесприданницей.
Ты видишь, как руки пусты?
Себя ощущая изгнанницей,
Взрастила иные цветы.

И нынче под нравоучения
Кричу, свою боль не тая,—
К чему мне твои приключения,
Былые твои соболя?

К чему невозвратные дали,
В которых затерян мой брат,
И годы, что не отрыдали
Над перечнем давних утрат?

Разлуки с тобой не хотела...
За что же, за что я в долгу?
За то ль, что тогда уцелела
На белом, безгрешном снегу?

Павел Богданов

ШЕЛ СОЛДАТ К ПОБЕДЕ

Все, кто на войне служил в пехоте,
Знают: в ней, не как в других войсках,—
Рядовой боец несет в походе
Все хозяйство на своих плечах.

Вещмешок, да скатка, да лопата.
Каска, котелок, противогаз.
Автомат, патроны да гранаты.
Фляга, ложка, сухарей запас.

Бинт да вата,— если будешь ранен,
Перевяжешься, наложишь жгут.
Да еще — пенал в грудном кармане
С адресом твоим, когда убьют...

Воин шел в дыму, в огне сражений,
В слякоть, в зной, и в дождь, и в снегопад.
С полным двухпудовым снаряженьем,
С полной выкладкой солдат.

И была к победе в сорок пятом
Та дорога тяжкая длинна.
И лежала на плечах солдата
Вся война...

Феликс Чуев

* * *

Когда говорят про воругу,
про кущи, где плесень цветет,
я вижу суровую вьюгу,
какая державу спасет.

Ее волевая безбрежность
сметет обывательский хлам,
и вымерзнет чинная мерзость
по всем тараканьим углам.

А может, слабо, не потянем
и вместо подъема — завал?
Недаром Страной Негодяев
Есенин Россию назвал.

Какие державы, народы
растаяли, с карты сошли,
но правда октябрьского года —
как сердце огромной земли.

Выводит оно непреложно
начального гимна мотив,

с которым расправиться можно,
лишь разве планету убив.

И я основательно верю
в последний, решительный бой,
в погибель хапужного зверя,
в победу себя над собой.

Я верю в то чувство святое,
что нас выручало всегда,
вставая над общей бедою,
когда постучится беда.

* * *

— Какое качество особо
вам в людях нравилось всегда?—
Я думал, скажет: жить без злобы,
ведь стала модной доброты.

— Что в людях цените, дедуня,
скажите прямо, бог простит.—
...Желтел укроп. Цвела петунья.
Тихонько дед ответил: — Стыд.

Артур Корнеев

СНИМОК В «ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ»

Среди грозных фотодокументов,
молчаливо выразивших крик,
этот тихий снимок неприметный
как бы неожиданно возник.
Что ж он душу судорогой сводит,
чем ее так тягостно гнетет?..
«На германском авиазаводе.
В цехе сборки. Сорок первый год».

И не в дальней дымке, не в тумане —
на свету, отчетливый навек,—
не ошибка ль?— на переднем плане
человек! Как странно: человек!
Так знакомо он сосредоточен.
Жилы рук набухли тяжело.
Человек старательный, рабочий.
Строгое, усталое чело.

А за ним — так дико и внезапно,
как во сне бредовом и больном,—
аккуратный тот стабилизатор
и паучья свастика на нем!
Да, тот самый... Контур «мессершмитта»
врезан в память детскую мою...
Человек спокоен деловито.
Слесаря как слесарь узнаю.

Не справляюсь с явственной мыслью:
это мне несет он за спиной
то, что лютым ужасом нависнет
в сталинградском небе надо мной.
Он и не почувствует нисколько,
как был страшен этот детский страх,
как дружок мой, шестилетний Толька,
спрятался от бомбы в лопухах.
Не увидит зоркий маг металла
сквозь свои защитные очки,
как металлом этим разметало
вкруг воронки Тольку на клочки...

Труженик,
создатель эскадрилий,
мирный рыцарь хлеба своего...

Кабы зло лишь дьяволы творили,
как же мало было бы его!

Сергей Смирнов

ПРОГРАММА БЫТИЯ

Жить, как самые лучшие жили,
Наступать что ни час, что ни год,
Чтоб во всем, даже в личном режиме,
Никаких послаблений и льгот.

Жить, вставая с багрянцем рассвета,
Славить нашенский мир новизны
И глобально накладывать вето
На любую возможность войны.

Жить, да так, чтобы, зримая всеми,
Не сгибалась душевная стать,
Чтоб, при самом жестоком отсеве,
Гражданином грядущего
Стать! .

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ НОТКА

Был когда-то
по-рыцарски лих —
Сам не свой и, пожалуй, ничей.
О весна устремлений былых,
Ты как магия белых ночей!

Ныне стал как банкрот-казначей.
Жизнь течет, будто деньги взаймы.
И на магию белых ночей
Дышат белые будни зимы.

МИЛАЯ СЕСТРИЦА

Взглянул на уральский сувенир —
однотомник из мрамора, где начертано
мое имя — «Сергей Смирнов», прочитал
на обороте цитату:

«Пусть общаемся все реже,
В этом нет ничьей вины...»

Дальше подпись — М. Зотова (Обыденнова).

Достал из альбома миниатюрную
фотографию военных лет, вспомнил свои
давнишние стихи, присочинил к ним
новые строфы, и вот что состоялось:

* * *

Говорю при всех друзьях-солдатах:
Я здоров до нынешнего дня,
Ибо тридцать шесть и шесть десятых
Значится под мышкой у меня.

Но едва в санбате побываю —
С сердцем никудышные дела,
Каждый раз оно заболевает,
В нем торчит не пуля, а стрела.

И в таком раненье виновата,
Откровенно я вам доложу,
Медсестра из нашего санбата,
Как зовут — убейте — не скажу.

Я ни в чем ее не упрекаю,
Но жалею, сидя у костра,
Что со мною девушка такая
Говорит и шутит, как сестра.

А такой подход, как говорится,
Хуже всех отпоров и преград.
Ой, поймите, милая сестрица,
Я же вам — товарищ, а не брат.

* * *

Маша Обыденнова, Мария,
Мы с тобой «друг другу — не чета».
Но для сочинителя России
Ты — как затаенная мечта.

Припадаю к маленькому снимку,
Вижу двух панфиловцев-бойцов.
Это щелкнул нас в полуобнимку
Фотоснайпер Саша Моклецов.

В эту даль не выправишь билета,
Не аукнешь, не пошлешь письма.
Длится жизнь, горит, как бабье лето.
На повестке — сивая зима.

Вот пишу гражданке, чтимой всеми,
Вопрошаю: где ты, Маша, где?
С кем проводишь нынешнее время
В дорогой своей Караганде?

Светит мне твоя периферия.
Застит свет лирическая мгла.
Маша, ныне Зотова Мария,
Улыбнись, как раньше ты могла!

Вячеслав Молодяков

НА МЕСТЕ БЫВШИХ БОЕВ

Снималось дерево в кино.
В короткий кадр вошло оно:
Дымился лес,
Дымился снег,
К подножью падал человек,—
Шинель дымилась на спине,
Как это было на войне,
Гремевшей здесь давным-давно
И воскрешаемой в кино.
...Последний дубль.
Актер приник
К земле, где спал его двойник.

Мария Аввакумова

* * *

В швейной фабрике,
что в Старице тверской,
выступала поэтесса
со своей тоской.
Двадцать или тридцать
женщин-швей,
от работы оторвалась своей,
отстрочились — вытянули шею:
что там за стихи?
что за идеи?

Только огорчила поэтесса.
Не коснулась
планов и прогресса.
Даже шуткой брякнуть
не сумела.
Все треской тоскливою
глядела
да тоской ленивою
звенела.

Эх, тоска!—
продукт такой расхожий...
особливо в женских коллективах.
Иней одиночества по коже —
старый гость
на буйных женских нивах.

Надо было им добра такого!
Надо было соли —
к пересолу!..
И стена воздвигнулась меж ними:
женщинами грозными
и словом.

КЛЕНЫ

Пристанционные клены
серые да рябые.
Пристанционные клены
осень украсила вяло.
Между столиц отдаленных
«эрки» свистят деловые,
грязи с колес раскаленных
в морду вlepили немало.

Как же вы... что же вы, клены,
гордость природы-мамки,
выросли где не надо,
спутали ноги железом?
Впрочем, оплакивать поздно
чистые те полянки
рядом с отцовой деревней,
рядом с рекой и лесом.

Лист подыму радушный,
как пятерня работяги,
и отогрею словом,
копоти слой сдирая,—
и заблестает сущность
в солнечной всей отваге,
и ослепит основа
радостно-золотая.

О светоносная сила,
нету тебе износу:
ты и под струпьями грязи
дело свое творишь!
...Покуда стоят двужильные,
не быть на пути заносу.
И ты поклонись им, дорога,
за то, что видала Париж.

Станислав Золотцев

* * *

Почему мне запомнилась в юности шумной моей
эта тихая, странная, трудная строчка:
— Как бы ни был ты счастлив,
он должен стоять у дверей,
человек с молоточком...

Человек с молоточком! —

И зачем она стала являться опять и опять
не на память — а в совесть — пронзая годов оболочку?—
за спиною любого счастливца он должен стоять,
человек с молоточком.

...Сад над Ялтой. И выбрал же место чудак
на таком каменистом, безводном угоре:
ни ключа, ни колодца вблизи. А в земельных трудах
не помощник — соленое море.
В доме, столь многолюдном всегда,— ни души.
Ни пылинки на креслах. И впрямь чистота как в больнице.
Но послышалось мне из-за окон в музейной тиши,
будто в стену и в двери настойчиво кто-то стучится.

Марина Цветаева

СИЛУЭТЫ Е. С. КРУГЛИКОВОЙ

«Отпечатано в количестве одной тысячи экземпляров»,— значится в выходных данных книги художницы Е. Кругликовой «Силуэты современников... Поэты», выпущенной московским издательством «Альциона» в 1921 году. Книги необычной, по-своему уникальной; похожая на альбом, она без каких-либо комментариев содержала портреты наиболее известных в ту пору российских стихотворцев, выполненные в старинной технике силуэта.

Елизавета Сергеевна Кругликова (1865—1941) была талантливым графиком, живописцем, мастером офорта и монотипии. В художественных кругах ее знали и как человека широко образованного, чрезвычайно общительного. Она была большим ценителем и знатоком поэзии; поэты-современники пользовались особым ее интересом и расположением. Как свидетельствует в своих воспоминаниях художница А. П. Остроумова-Лебедева, добрые отношения связывали Кругликову с Брюсовым, Волошиным, Бальмонтом, Вячеславом Ивановым. А вот строки из записных книжек А. А. Блока (запись от 19 ноября 1918 года):

«...Мы с Любой пошли в «Привал комедиантов» слушать Луначарского. Друзья и знакомые. Радловы. Горький и Тихонов. Маяковский. Кругликова рисовала меня...»

Силуэты Блока, один из которых вошел в книгу «Поэты», были выполнены Кругликовой по рисункам, сделанным именно в тот день.

Создавая свои силуэты, Кругликова заботилась не только о внешнем сходстве портрета с оригиналом,— ее влекло стремление выразить в силуэте определенные, кажущиеся ей наиболее существенными черты характера портретируемого — характера творческого и человеческого.

Не послышалось, нет. Это, словно кузнец-исполин,
море молотом било, вещало и пело —
что у каждого есть — или должен быть — свой Сахалин,
а сады разводить меж садами — нехитрое дело...

Я в отцовском доме со смородинных листьев росу
пью во сне, просыпаясь от гулко-го звона:
это мой ветеран отбивает косу,
чтобы травы под лезвием брызгали соком зеленым.
И звенит молоток, и глядит на восток
человек, Запад помнящий памятью горькой.
И пылает восток, и звенит молоток,
чтобы я не проспал эту зорьку...

В пору взлетов шальных и веселых удач
и когда попадаю судьбе под колеса,
самой жгучей строкой вспоминается мне земский врач,
человек, «никогда не писавший стихов и доносов».
Чтоб не стать нам подобьями сытых зверей,
неизменно довольных своим закуточком,
пусть на страже стоит он у каждых дверей —
человек с молоточком.

Человек с молоточком.

Нервная острота блоковского облика, строгая классичность в изображении Валерия Брюсова, озорство и запахнутость Василия Каменского, изящество и хрупкость пастернаковского силуэта, открытость, непосредственность молодой Марины Цветаевой, — трудно поверить, что все это передано с помощью самых простых технических средств — ножниц и черной бумаги. В иных портретах мы можем уловить и тонкую, но вполне ощутимую иронию, — очевидны элементы гротеска в передаче пластики Андрея Белого (единственное в книге изображение в полный рост), в грациозном силуэте Мандельштама художница явно намекает на его «пушкинианство», подчеркнута тяжеловесны изображения Маяковского и Волошина. И все это сделано талантливо, выразительно, смело.

Поскольку книга Кругликовой давно стала библиографической редкостью и лишь немногие из вошедших в нее работ воспроизводились позже (силуэты Блока, Пастернака, Цветаевой и некот. др.), «День поэзии 1986» осуществляет своего рода «переиздание» кругликовских «Поэтов». К ним добавлены силуэты М. Горького и С. Есенина, сделанные Кругликовой уже после выхода книги.

Для сегодняшнего читателя это — еще одна живая встреча с теми, чье творчество стало неотъемлемой частью нашей культуры.

В. Ф.

Александр Блок

Лев Озеров

СПУСТЯ ПОЛВЕКА

Память из полувековой глубины своевольно выхватывает то один, то другой эпизоды. Они не всегда связаны друг с другом единством места и времени. Задача состоит в том, чтобы не потворствовать памяти произвольно соединять их по примеру некоторых незадачливых мемуаристов. Вот почему в моем очерке пробелы между эпизодами досадно велики и за давностью лет необъяснимы.

Помню Тициана Табидзе, в тихий летний день идущего к бывшему особняку графа Сологуба, где теперь помещается Союз писателей. В ту пору сидящего в кресле Алексея Толстого еще там не было, цвели деревья. Внутри особняка направо от парадной лестницы был зал, который сейчас по скоростному проекту неведомого архитектора нарезан на клетушки.

Вижу Тициана со спины, мы незнакомы, но я уверен, что это он. Догадываюсь по портретам, появившимся в нашей печати вместе со стихами Табидзе. Поступь, голова, ее наклон, папироса в пальцах. Конечно, это он. В помещении он уже не один, а вдвоем со смуглым, высоким Паоло Яшвили. И его я узнаю, хотя и с ним мы незнакомы. Еще немного, и они уже втроем: Тициан Табидзе, Паоло Яшвили и Борис Пастернак. Последний плавно обводит глазами пространство намного большее, чем этот зал, виновато сияет, как бы желая пригасить свой блеск, о чем-то говорит, до меня доносится не смысл слов, а их сбивчивое гудение. И так будет впредь — они, эти трое. В их непоказном, предельно выразительном единстве. Так будет впредь. Впрочем, для Табидзе и Яшвили недолго, всего два-три года. Пастернаку дано было пережить своих друзей на 23 года. Но и после их гибели при встрече с Борисом Леонидовичем я буду видеть их в жгучем триединстве, рядом, не в некоем мистическом сочетании, живого и теней, а во вполне реальном и исполненном житейского и поэтического смысла.

Вернусь к уже описанному летнему дню и особняку на Поварской (ныне Воровского). Мне надо напрягать память, чтобы установить, кто еще был за столом президиума в тот день и по какому поводу собрались писатели. Отчетливей других присутствовавших помню Либединского (мягкая улыбка), Фадеева (в косоворотке), Демьяна Бедного (кепка в руках), слабей помню Gladкова, Безыменского, Суркова, Ермилова (отчаянно краснолиц). Они сидели рядом, но не воспринимались как некое единое и целое. В моем молодом сознании они возникали как привлекательные еще в ту пору, как интересные для меня, но чужие друг другу люди. Говорю о том, как я воспринимал это собрание. Говорилось громко и много о дружбе, но я не видел, что это друзья и

их водой не разольешь. Я скорее чувствовал некоторую если не отчужденность, то отстраненность друг от друга (а обращались многие друг к другу на «ты» и крепко пожимали руки друг другу). Не запомнил их слов и не буду пытаться их здесь восстанавливать — дело безнадежное и безответственное.

Из этих троих — Табидзе, Яшвили, Пастернак, — помнится, выступал только первый. Тициан передал привет от Грузии и читал стихи, строфу-две по-грузински и целиком в переводе Пастернака. Многие просили, чтобы Пастернак сам прочитал, но он восторженно и самоуничижительно отказывался, заявляя, что ему никогда в жизни не прочитать с такой экспрессией и на таком уровне, на каком их читает Тициан. Он безумно хвалил переводы Тихонова из Тициана и так же говорил, что вряд ли возможен для него такой уровень воспроизведения иноязычного текста, какого добился Тихонов. После выступления Тициана Пастернак, раскланиваясь и извиняясь, ушел. Но рядом с сидевшими Тицианом и Паоло я видел его. Они излучали свет втроем, каждый в отдельности и все вместе. Они, собственно, ничего не говоря о дружбе, были ее живым олицетворением. Иначе сказать: они не уславливались дружить, а жили, дружа. Это было видно сразу и без слов.

Паоло явно томился присутствием на этом заседании. Он был мысленно где-то далеко отсюда. Не умея и не желая играть в заинтересованность и внимание, он по-юношески ерзал на стуле. Пока был рядом Пастернак, Паоло поглощал его глазами, был увлечен постижением бесконечно часто и быстро меняющегося лица и выражения глаз своего друга. Выражение лица не посевало за выражением глаз. Он мог долго смотреть на Пастернака и тем самым оберегать себя от скуки. После ухода Пастернака Паоло поглядывал на Тициана, но видел профили Демьяна Бедного и Суркова, и это безусловно мешало ему. Когда председательствующий (не помню, кто именно) обратился к нему с просьбой выступить, он стал галантно раскланиваться, как артист, выходящий на бис и уже не желающий бисировать.

— Все сказано! — произнес он и сел.

Смотрю на Тициана, слушаю льющуюся лаву его речи. В портрете-посвящении Тициану Пастернак писал:

Таким, как он, Роден
Изобразил Бальзака.

Это — ничего не скажешь — верно. В отношении одного Тициана. Но не родился еще такой Роден, который смог бы изваять всех троих, не три портрета, а то незримое, но огромное, непомерное, невыразимое в слове, что их объединяло. Кому под силу передать, как все трое росли из земли, тянулись ввысь и на высоте соединялись, как соединяется все творческое, все великое.

Именно тогда, в тот летний день, я почувствовал, хотя сформулировал свою мысль гораздо позднее: дружба поэтов (не демонстративная, не показная, а такая, как у Табидзе, Яшвили и Пастернака) моделирует дружбу всех людей. Дружа, они помогали друг другу, делились друг с другом горечью и радостью и еще — любовались друг другом и не стеснялись этого. Я понимал, что любой из этой тройки все мог немедля сделать для второго и для третьего. Редкий случай, когда я не ошибся в своих далеких предположениях.

После гибели своих грузинских друзей Пастернак в труднейшее для него самого время помогал их семьям. Это было небезопасно. В столе Пастернака хранились квитанции о разных платах за две семьи, проживавших в Тбилиси. Вдова Тициана прекрасная Нина Александровна Табидзе и их дочь Танит, которую мы называем в быту Нита, с придыханием и нежностью говорят о Борисе Леонидовиче. Семья Паоло Яшвили обожает русского поэта, сказавшего:

Не зная ваших строк,
Но полюбив источник,

Я понимал без слов
Ваш будущий подстрочник.

Иными словами: так близко соприкасавшимся двум душам не нужны были слова, излишними были заготовленные подстрочники. Дружба рождала такое понимание (уже не только с полуслова, но и без слов), которое и выразилось в творчестве (впрочем, столь разным) этих троих. Ничего нарочитого, придуманного, витринного. Сама жизнь. Описывая эту не поддающуюся слову дружбу, я всего больше боюсь категории схем и вместе с этим пышнословия. Были три жизни. Они переплелись.

Ни разу властью схем
Я близких не обидел,
В те дни вы были всем,
Что я любил и видел.

Это говорит Пастернак в стихотворении, концовку которого я привел несколько выше.

Мне посчастливилось в жизни, хотя далеко неполно, урывками, увидеть и почувствовать это. Я полюбил каждого из этих троих и всех их вместе. Это могуче, когда дружат поэты.

Алексей Кафанов

* * *

Было много у меня детей —
Черный, рыжий, русский,— всех мастей.
Знать, меня не обездолил бог —
Сыпались парнишки, что горох,
Только лишь ладони протяни...
Мальчики мои, а где они?

Не в пример сложилась жизнь моя.
Подросли — и в дальние края.
Каждый по себе наметил путь.
Не собрать их вместе, не вернуть.
Если бы... О чем я говорю?
Чиркну спичкой и курю, курю.

Ведь могло все так быть, черт возьми!
Во главе своей большой семьи
Я сидел бы, седобровый дед,
Словно в праздник, в новое одет.

За одним столом, вокруг меня,
Сыновья, невестки — вся родня.

День как день. Обед. Не торжество.
Я б нарезал хлеб, раздал его.
Мы едим, сидим в кругу родном,
Говорим все вместе об одном.
На другом конце стола — жена,
Мать всех сыновей она одна.

После вышли б все из-за стола.
Заспешили бы. У всех — дела.
Я жену бы поблагодарил,
По привычке старой закурил,
Отгоняя в сторону дымок.
Потому что возле самых ног,

Потому что рядом, на полу,
Куклу нянчит иль кружит юлу,
Дочка, внучка — кто, не знаю я,—
Девочка, любимица моя...
Мальчики, да где ж теперь они?
Дай-то всем им радостные дни!

Марк Лисянский

ЭЛЕКТРИЧКА ИЗ МОСКВЫ

Ель мелькнула за березкой,
В окна бьет волна листвы.
Мчится линией загорской
Электричка из Москвы.

В переполненном вагоне
Жизнь весьма обнажена.
Спит щекою на погоне
Лейтенантская жена.

Стал рюкзак модней корзины,
Сумки всех мастей трещат,
А в авоське апельсины,
Как в ограде райский сад.

Бой смертельный под Касторной
Вспоминает инвалид.
Старичок стоит покорно,
Добрый молодец сидит.

В домино скрестили шпаги
(Чемодан взамен стола),
Забывают работяги
Постаревшего «козла».

Вздев очки, как будто дома,
У привычного окна,
«Новый мир» — последний номер
Открывает старина.

Из прибежища лесного,
Где людей всегда полно,
С ходу Алла Пугачева
К нам врывается в окно.

Едут в лавру две старушки
Замолить свои грехи.
Я пишу, хоть я не Пушкин,
Эти самые стихи.

У МОРЯ

...Жизнь прожить —
что море переплыть.

Виктор Астафьев

В ранние годы,
В поздние годы —
Ждем мы у моря
Лучшей погоды.

Жизнь — это берег,
Жизнь — это море,

Где обитают
Радость и горе.

Ждут нас приливы
Грусти и боли,
Ждут нас туманы,
Ждут нас прибои.

Ветры и бури
Севера, юга...
Это сказал я
Не для испуга.

Ждут нас чужие
Сны и причалы.
Это сказал я
Не для печали.

Ждут под водою
Скалы и рифы.
Это сказал я
Вам не для рифмы!

Ждут нас и встречи
После разлуки,
Светлые души,
Милые руки.

Не унывайте
Под парусами...
Все остальное
Знаете сами.

Мы из-за истин
Вечно судимы...
И прописные
Необходимы!

Так что штурмуйте
Земли и воды,
Не ожидая
Лучшей погоды!

Лев Таран

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Помню, в четвертом классе стащил я у девочки пряник.
Долго во рту держался вкус его — сытый и пряный.
Навзрыд плакала девочка. Кричала — о долге, о чести — пионервожатая.
Но даже не шевельнулись челюсти мои — крепко сжатые.

Недавно я встретил эту девочку — женщину — пожилую уже — почти старуху.
Но и такое время спустя — признаться — не хватило мне духу.

...На пионерском сборе меня — еще больше мучая —
заставили сделать доклад — об этом позорном случае.

В то время — когда страна — залечивает военные раны —
есть вредители — которые — пытаются сорвать наши планы.
В отряде завелся вредитель — пока что не разоблаченный.
Но его еще выведет — на чистую воду — наш коллектив сплоченный.

Всех взбудоражила моя речь — растрогала — разволновала.
А девочка — после подошла ко мне — и в щечку поцеловала.

ЭЛЕГИЯ

*Памяти поэтов Ю. Смирнова,
А. Богучарова, В. Назарова*

Как быстро позабыли Юру!
Как быстро позабыли Сашу!
Как быстро позабыли Славу!
И так же позабудут нас.
Как все они горели ярко!
Как верили в успех и славу!
Кому нужны они сейчас?

Я редко книжки их листаю.
Я наизусть их строчки знаю.
Но дело, в общем-то, не в том.
У книжек желтые страницы.
А мы еще розоволицы
и все еще чего-то ждем.

— Старик,— сказал однажды Юра,—
как говорится, пуля — дура,
а у тебя пуста тетрадь.
Ты пишешь, брат, преступно мало.
Представь себе: тебя не стало —
ведь даже книжку не собрать.

— Старик,— сказал однажды Саша,—
темна земная доля наша,
но мы печататься должны.
Пойми: плоды твоих прозрений —
не для грядущих поколений,
для современников нужны.

— Старик,— сказал однажды Слава,—
в тиши не делается слава.
Чтоб стать великим — мало слов.
Смирение — не воплотится:
чтобы пробиться, надо биться —
и побеждать своих врагов.

Я знаю сам: в литературу
нельзя войти бочком иль сдуру,
не властен здесь ничей приказ...
Как быстро позабыли Славу!
Как быстро позабыли Сашу!
Как быстро позабыли Юру!

...Они не забывают нас!

ЖЕНИШОК

У Кутузовой дочка на выданье...
Злая весть и предсвадебный шок:
из конторы с позором был выдворен
непутевый, дурной женишок.
Как невеста заплакала, бедная,
как ладони прижала к груди!
Но сказала, прямая и бледная,
на пороге ему: «Уходи»
И словца не припас на прощание,
и на окна не глянул — каков!
И, казалось, шатается здание
от его беспощадных шагов.

День проходит, неделя, полмесяца.
И Кутузова с болью глядит:
дочка бедствует, мучится, бесится,
нету сна и пропал аппетит.
И вошла без смущенья Кутузова
в холостяцкий неприбранный быт,
и увидела грязь, и конфуз его,
и ухмылку с похмелья, и стыд.
Вместе с пятою бомбою красного
привезла на такси безобразного —
поздней ночью — в свой собственный дом.
Прямо в ванну с одеждами грязными.
И отмыла шампунями разными.
Был он пьян — и не знает о том.
А наутро свидание с дочерью
и горячие клятвы в любви.
Но чтоб чувства их были упрочены —
у Кутузовой планы свои.
Каждый день — в ожиданье автобуса —
под ее руководством — тайком —
он жует три таблетки антабуса,
уезжает с запекшимся ртом.
От друзей кое-как отгрызается,
пьет с опаскою даже квасок.
И не знает невеста-красавица,
что идет испытательный срок.
Этот срок хоть и долог, да кончится.
Мир и счастье сойдут к молодым.
И так искренне верить мне хочется,
что любовь не развется в дым.

Николай Дмитриев

СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

В магазине тюль давали
И стиральный порошок.
С дисциплиной и дровами
Тоже, в общем, хорошо.

Дремлют убранные грядки,
В чистой комнатке уют.
А чумазые тетрадки
Замуж выйти не дают.

КОСТЕР

С хорошей девушкой одной
Сквозь лес дождливый, шепотливый
Родной ненастной стороной
Я шел, угрюмый и счастливый.

Взгляд упирал в листву и в мать,
В промоин глиняные стенки,

Чтоб только вправо не взглянуть —
Туда, где мокрые коленки.

Я не был на язык остер.
Так чем блеснуть на первый случай?
Конечно же разжечь костер —
Уютный, вьющийся, трескучий!

Он за меня расскажет ей,
Что на земле вдвоем теплей.

Скорей!
Сосновые сучки
Шалашиком располагая,
Шептал я: «Небо, помоги!
Ты посмотри — она какая!

Какие поступь и глаза...»
Но взревновали небеса.
Уже и ветви шевеля,
Дождь разгулялся оголтело.
Шестую спичку вдоль деля,
Я понял, что не выйдет дело.
И правда: зашипев, зачах
Несостоявшийся очаг.

Кто мне ее теперь вернет?
Без поцелуя, под грозою
Простились мы. И вечер тот
Уже как будто в мезозое.
И так немисливо далек
Тот дождь в линейчку косую,
Но я на память уголек
Унес и вот сейчас рисую

Пейзаж с погодою дурной
И под осинкой скользкой, нежной
Ее, следящую за мной
И с любопытством, и с надеждой.

Нина Королева

АЛЬБОМЫ

Берегите альбомы —
Оттиски старины.
В них и радость, и боли,
Эхо первой весны...
Откровенные взгляды
Потускневших времен,
И былые наряды —
Холст, сарпинка, капрон...
Детства жест и улыбка,
Зыбкой памяти взлет...
В этой памяти зыбкой
Нашей жизни восход...

Андрей Чернов

ВЫРЕЙ

Вырей — сказочная, за-
предельная страна древних
славян. Выра — село под Лу-
гой.

Когда над Вырой облака
удерживал я над тобою,
не опрокинув их, пока
не грянули они бедою,

когда, бессилён побороть,
я продышал всего лишь с ноготь
зрачок — и ледяную плоть,
рот ободрав, успел потрогать,—

увидел не тебя, мой свет,
но краем, самым краем зренья,
тот край, где почему-то нет
разъятия и разлученья.

* * *

Что же мне наказанье такое,
эта горькая благодать —
откликаться на имя чужое
и чужую тебя окликать,

быть не вместе, но рядом с тобою
на земле и в пространствах иных,
чтоб приблизиться — и не собою
отразиться в зеницах твоих.

* * *

Мокрой рухлядью сентябрьских лесов
летних голосов не приманить.
Для чего же откликаться на зов
«дили-дили» или «фьюить»?

Мне кружить с тобой по тем голосам.
Здесь и после — в той стороне.
И когда я позабуду тебя сам —
Ты не раз ещё заплачешь во мне.

Вячеслав Иванов.
Силуэт Е. Кругликовой

Анна Ахматова.
Силуэт Е. Кругликовой

Александр Зорин

* * *

Видели, как трактор летит по деревенской улице,
подбрасывая до облаков разгулявшегося лихача?

Из-под самых колес выпархивают курицы,
квохтая и клекоча.

Не так ли и планета наша,
цивилизацией обихоженная,
увешанная аэрозольными смогами,
украшенная мишурой,

похожа на
пыльный проселок, по которому шпарит
этот герой?..

Уступим ему дорогу — мы, городские жители...

Бегуны, моржи, скалолазы-любители,
дружно высыпавшие на профсоюзный пробег,
что-то уже учуяли, что-то увидели,
копаясь в пыли лабораторий и библиотек.

Как на батуте, доченьки, прыгайте на диване!
Я вам спортивный комплекс построю...

Едва ли

духом окрепнете без него...

Не бойтесь расквасить нос...

Чтобы не сплеховали, учились не уставали
и, ловкие, успели бы вырваться из-под колес...

МАМА ОСЕНЬЮ

Как силуэт,
заштрихованный в школьной тетради,—
замерла мама моя в проливном листопаде.

Он косо и плотно штрихует, стеной зависает.
Взгляд ее долгий

срезает,
срезает,
срезает...

Касается золото седины, горит под ногами.
Рембрантовская нищета в позолоченной раме.

Уже очертанья фигуры ее не конкретны.
Зеленая блузка и чеботы еле приметны.

Полощется по рукам парниковая пленка,
заваливаются стволы — закручивает воронка
ликующего листопада... События, лица,
приметы...

И внучки испуганный голос:
— Бабушка, где ты?!

* * *

Мы вышли в космос, расщепили атом.
Мы женщин научились уважать.
«Совсем не обязательно рожать»,—
докажет вам, как дважды два есть пять,
моя жена — паталогоанатом.

В ней бездна женственности и огня.
Работу, дом — бесперебойно тянет.
Порою т а к посмотрит на меня,
т а к тонко, препарирующе взглянет
на кухне, рядом — волос дыбом встанет.

* * *

На пустом урочище лесхоза,
посреди времянок и халуп,
красовалась стройная береза.
Да попала и она на зуб.

По апрельской роздыми вершиной
мазанула шумно, и — конец.
Пень открылся — влажный и обширный,
словно стол, не сосчитать колец.

Бригадир, помешивая кашу,
наблюдал... оставил на огне...
подошел и взял топор, и чашу
золотую вырубил во пне.

И мгновенно стала наполняться
чаша соком сахарным, хмельным.
В самый раз таким опохмеляться.
Пей, начальник, и оставь другим.

Зябкими латунными губами
к озерцу припал, как прокусил
то, что к жизни смутными толчками
поднималось из последних сил.

Владимир Федоров

НАСТАВНИЦА

Егору Исаеву

Нога сама начнет приплясывать
Под шум воронежских полей.
Пляши, певучая Мордасова,
Плясунья юности моей.

Тобой девчурка снаряжается,
В костюм нарядный наряжается
С улыбкой милой на челе.
Так, значит, песня продолжается
На самой песенной земле.

Николай Тихонов
1896—1979

3 декабря 1986 года исполняется девяносто лет со дня рождения Николая Семеновича Тихонова.

Он прожил большую и яркую жизнь. Гусар первой мировой войны, красноармеец, защищавший Петроград от банд Юденича, замечательный поэт и прозаик, один из славных зачинателей советской литературы, неутомимый путешественник, исходивший Кавказ и Среднюю Азию, пламенный трибун, борец за мир, чьи речи слушали в Европе и Африке,— таким остался Тихонов в памяти нашего народа.

Время открывает перед нами все новые и новые стороны блестящего тихоновского дарования. Оно пробуждает в известном — свежее, ранее не замеченное, помогает по-новому осмыслить давно полюбившиеся строки.

Вся творческая жизнь Тихонова была неистовым стремлением к совершенству. Он работал над поэтической строкой с яростью молотобойца, отковывающего плуг, с изяществом художника-миниатюриста, пишущего тончайшими кистями.

Эти качества были свойственны Тихонову с молодых лет. Предельно требовательный к себе, он выносил на суд читателя далеко не все из написанного.

Публикуемые впервые в «Дне поэзии» стихотворения Николая Тихонова входили в первоначальный вариант рукописи его знаменитой книги «Орда», вышедшей отдельным изданием в 1922 году. Это было время, когда поэту приходилось, как он сам говорил, «продираться сквозь дебри слов». Путь к ясности, к чеканной метафоричности и строгости поэтического языка давался Тихонову нелегко. И в этом он был собой: с яростной стремительностью темпов, с мужеством «саморасправ». И судил он себя гораздо строже, чем благожелательная в целом литературная критика, сразу оценившая масштаб дарования поэта.

Стихи публикуются по рукописной тетради, хранящейся в архиве Н. С. Тихонова.

Ирина Чепик

Пристань.

Старуха-пристань чуть скрипит зубами,
Глаза слезятся на ветру,
И волны бьют морщинистыми лбами
С ее коленями веда игру.

Сын прибежал небрежный, дынный, пестрый,
Толкнул старуху лаковым плечом,
И в ухо крикнул про веселый остров,
Где солнце тонет золотым ключом,

Где щеки дер, его сеет у носа
Видный утро, ~~сидит с маком~~
А ветер пробовал украсть златые волосы,
Взблесками приговорил морю жаму

И лоб востра кусал ключом токким,
Старуха сын восторженно кричала
Тыбъ утес, а с прилетом вдогонку
Лезет с орла ключъ Кюмаля.

Автограф Н. Тихонова

* * *

Слов так много у нас в неволе,
Птиц, попавших в ловушку совью,
Моряков я люблю за соль их
Небылиц, разбавленных кровью.

Моряк — любовник науки,
Своей трубкой моря обкурит,
Как готовят пахнет из Куков,
На своей узнает он шкуре.

Дом его — дебри и глубины,
Тамтамы он слушает в хоре,
О том, как он пьет и любит,
Вам расскажут песни маори.

Качаясь в кольцах удава,
В зыбкой руке океана,
Встречает и смерть и славу
С улыбкою полупьяной.

Мы с вами когда-нибудь поедем,
Как ездят покойники в Мекку,
Послами от белых медведей
К настоящему человеку.

* * *

Быть спокойной и терпеливой
Душу приучить не могу —
В каждом шаге ищет обрыва,
В каждом друге — рада врагу.

Душе возвращены лица,
Которым возврата нет,
Как зверь убитый, ложится
Она на забытый след.

Пускай — я буду послушным,
Если небо как воск в огне,
Но в звериной шкуре мне душно,
В человеческой — холодно мне.

ПРИСТАНЬ

Старуха-пристань чуть скрипит зубами,
Глаза слезятся на ветру,
И волны бьют морщинистыми лбами,
С ее коленями веда игру.

Сын прибежал небрежный, дынный, пестрый,
Толкнул старуху лаковым плечом
И в ухо крикнул про веселый остров,
Где солнце тонет золотым ключом,

Где щеки яхт, его сестер, у мола
Румянит утро, споря с маяком,
А ветер пробовал украсть твой волос,
Влюбленным притворяясь моряком.

И лоб волны кусая клювом тонким,
Старухин сын, восторженно крича,
Тебя увез, а с пристани вдогонку
Летели с флага клочья кумача.

ТАНЕЦ

Я — нежеланный, пришлый гость,
Но ты танцуй, танцуй,
Платок пунцовый свой набрось:
Он к танцу и к лицу.

Не по полу нога плывет,
А пол плывет под ней,
Рука поет, рука зовет,
Рука плывет в огне.

Как изогнулся статный стан
Змеей в траве — лови,
Из-за платка, из-за куста
Глаза как соловьи.

Прошла, толкнулась о рукав
Жар-птицей в ветре прочь,
С горы сбежала как река,
Огня и ветра дочь...

И ты, и ночь, и все скользит,
Скользя летит к концу,
Пусть я мертвец — душа глядит,
Танцуй, танцуй, танцуй!

* * *

В ночь, когда умер Калиф,—
родился Поэт.

Телом смуглый и тощий,
Бредил во сне Калиф.
Опустелые, круглые площади
Из меди дней проросли.

Зной сделал его верблюдом
И бил и гнал в мечеть,
Но пел о вере чуда
Резьбы закал на мече.

И когда паутиной истаял
Во тьму опаловый гроб,
Звезда голубиной стаи
Ему упала на лоб.

Светом в очи дрожь дней о саде,
Где веселий алых чалма,
Этой ночью рожден Саади —
Ожерелья Аллы алмаз.

Публикация В. Тихоновой и И. Чепик

Марк Самаев 1930—1986

* * *

Вся в свете, что от мерзлого окна
вливается голубизною зыбкой,
по лестнице спускается жена
с какой-то незнакомой мне улыбкой.

Круги у глаз и бледность ей к лицу,
и взгляд, такой сияюще усталый.
И вот сестра вручает мне, отцу,
с неведомой мне жизнью одеяло.

Я дома разглядел его тайком:
безбровый, красный, пахнет молоком
и терпким соком почки тополиной.

И страшно — полюблю ль его? Но вот
я узнаю свою ладонь, свой рот
и в этом чуде открываю сына.

Нурия Измайлова

* * *

Это похоже на море. Это похоже на жизнь.
Четырехгранная чаша о четырех берегах.
Из четырех прибоев четыре куска земли
страстные волны колотят.
Приняли форму чаши
сами — не мысля иначе.
Сами, вконец истерзаны,
треплют о камни себя.
Не норовят ли в небо,
где солнца владенья обширны?
Но если девятым валом возносятся до небес,
то кроткой водой бесформенной
втекают обратно — в форму.
Это похоже на море. Это похоже на жизнь.

*Перевела с татарского
Марина Кудимова*

Один из рисованных эскизов скульптора В. Клыкова к памятнику Николаю Рубцову в Вологде

ОБРАЗ ПРЕКРАСНОГО МИРА

Когда мы осенью прошлого года на высоком берегу Сухоны под мелким дождичком открывали памятник Николаю Рубцову, я глядел на сотни людей в плащах, телогрейках, куртках, обступивших скульптуру, и думал: почему всего лишь через пятнадцать лет после смерти поэта его поэзия стала столь необходимой народу? Ведь никогда он не был модным, не стремился к известности, не рвался на эстрадные подмостки — ни на отечественные, ни на международные. Нет ни одной записи, ни одного кадра Николая Рубцова на нашем телевиденье, сохранилась лишь короткая радиозапись голоса, и все равно его поэзия каким-то чудом естественно, постепенно и властно выжила, укоренилась и проводит благодатную работу по просветлению душ человеческих... Почему? Да, видимо, потому, что, как бы ни соблазнялась человеческая натура духовным пот-

ребительством — все равно лучшая ее часть, пусть иногда бессознательно, но жаждет идеала, гармонии, света. А ведь именно этими жизнерождающими стихиями живет поэзия Рубцова, и в этом его редчайшее значение для нашего времени, полного, по словам поэта, «тревог великих и разбоя». «Душа» — любимое его слово. Оно встречается чуть ли не в каждом втором стихотворенье поэта. «Душа хранит», «душа звенит, как лист», «с душою светлою, как луч», «до конца, до смертного креста пусть душа останется чиста». Все самое светлое, чистое, солнечное, вечное в человеке связывал Рубцов с этим словом, понимая его так же, как его издревле понимал русский народ. И в этом своем понимании он резко отличался от иных поэтов, толкующих порой душу человеческую чуть ли не как «совмещенный санузел». Вглядываясь в свою душу, он пытался понять душу человеческую и — что особенно важно для нас — душу русскую, с ее извечной добротой, мило-

сердием, и несовременное слово «душа», вобравшее в себя как бы суть рубцовской поэзии, вдруг обратило к нему сердца и взоры современников.

Ну что ж, моя грустная лира,
Я тоже простой человек,
Сей образ прекрасного мира
Мы тоже оставим навек.

Как это перекликается с заветом Александра Блока: «Сотри случайные черты, и ты увидишь — мир прекрасен!» Случайные черты темных сторон жизни никогда не затмевали для Рубцова красоту мира.

...После литературного вечера в Тотьме, посвященного Рубцову, мы возвращались к теплоходу, чтобы отправиться обратно в Вологду. Я нес в руках целую охапку цветов, подаренных школьниками, да еще друзья добавили свои букеты, чтобы положить их к подножию скульптуры, мимо которой мы проходили на пути к теплоходу. В дождливой тьме, то и дело оступаясь в лужи, я прошел по до-

рожке, усыпанной песком, к Рубцову. Огляделся. Под обрывом призрачным сиянием светилась река, над которой угадывалось движение темных дождевых облаков. Вокруг не было ни души. Увязая в мокром песке, я поднялся на возвышение к монументу и хотел было опустить цветы на землю, но почему-то передумал, выпрямился и вложил их в холодные бронзовые руки, почувствовал металлический холод, поднял взгляд: на меня из глубоких глазниц смотрел не Коля Рубцов, а кто-то иной, уже легендарный, от соприкосновения с которым тревога потекла в душу. «Ну, ладно тебе, — одернул я себя. — Это же не Медный Всадник, не Статуя Командора — это твой бывший друг. Он сам приглашал тебя четверть века назад на свою родину, вот ты и приехал».

— Здравствуй!..

Станислав Куняев

Анатолий Заяц

РОДНЯ

...Их было много на челне.
Я слышу, как их души дышат.
Их жизнь, что прожита вчерне,
Уж набело не перепишут.

Народ красивый, крепко сбитый,
Певучий, песенный народ.
И не держали мы обиды,
И не страшились непогод.

Что я без вас, моя родня,
Что я без юности далекой?
Да все равно, что нет меня, —
Один, как парус одинокий.

Они в глазах моих,
В крови,
Работоборцы, бедолаги,
Рабы и рыцари любви,
Солдаты дружбы и отваги.

Я верю в чудо —
Оживут.
Ах, вот они, взгляните сами —
Опять друзья мои плывут
Под золотыми парусами.

Оркестр разрозненный встает,
И солнце кличет жизнь:
— Воскресни! —
И наша молодость поет
Незабываемые песни.

Василий Трубицын

* * *

Знаю: слово — серебро,
А молчанье — золото.
Злом платили за добро
Нам не только смолоду...

Знаю: слово — серебро,
Золото — молчание.
Правдолюбец
Под ребро
Бит бывал отчаянно.

Знаю: слово — серебро,
Золото — молчание.
Но правдивое перо —
Дело неслучайное!

Иван Николюкин

КУБЫРЯЛКА

Брови дугою, высокая грудь,
Мимо проходит — нельзя не взглянуть...
Впрочем: ее тут какая вина,
Если живет одиноко она.
В городе скрылся в подъезде — и амба,
Скройся — в деревне... А баба есть баба.

Тропку один протоптал до порога,
Тропка к тропинке — и вот вам дорога.
Правда, на этой дороге ухабы.
Били ее не единожды бабы,
Окна дробили, сарай поджигали,—
Все бесполезно. Другая едва ли
Сотую б часть этих козней стерпела.
Эта же стерва шутила и пела:
С этой, чертовки, как с утки вода,
Эта в ажурном моменте всегда.
— Что же в постели одной кубыряться?
Если спокойно во всем разобраться —
Муж и мужчина — две разные вещи:
Муж для жены, а мужчина — для женщин.
Я ж не навовсе — на час, что ли, жалко?..

Бабу прозвали в селе Кубырялкой.
— Ей кубырнуться бы с кем ни попало...
— Что же с женатым, парней, что ли, мало?..
— Дура ты! Можа, там школу откроешь?..
— Дура сама, если мужа не стоишь.
Он бы, глядишь, не пошел к Кубырялке...
— Мой никуды, как куделя от прялки...
— Значит, любовь еще ниточкой вьется?..
— Тонкая, бабы, натянешь — порвется...

Так посудачат соседки у хаты,
Каждая — к мужу. Вдруг слышишь:
— Куда ты?
Ишь ты, костюм приодел, причесался!
— Да покурить я к соседу.
— Сознался!
Знаем соседа мы этого: в юбке!
— Что он, шотландец, что ль?
— Скоро уж внуки —
Тоже туда!
— Тьфу вы, чертовы бабы!
Все побесились. А эту хотя бы
Взял кто-нибудь да крюком из колхоза!..
Чудно: из хаты не высунешь носа!
В наших деревнях, особенно летом,
Что за любовь, что за ревность при этом?
В поле, на ферме иль в огороде
Так набалуешься — судоргой сводит,
Так наревнуешься — день-то что год.
Словно сбесился весь бабий народ.

Каждая мужу и сотку, и ласки,
Чуть ли не строит по-девичьи глазки.

Лучший наряд ей и в будни не жалко.
«Чтоб ты пропала... да сгинь, Кубырялка...»
Это у баб.
Мужики, те иначе
Сложные эти решают задачи.
— Вон коммунальная наша идет,—
Кто-то из местных кретинов загнет.
— Нужный товар не пылится без спросу! —
Вторит в ответ ему местный философ.
Третий, премудрый, тот выдаст награду:
— Ставить при жизни ей памятник надо!..

Слышала б тот разговор Кубырялка!
Словом ударит больнее, чем палкой:
«Все вы повиты веревкой одной,
Вроде здоровый народ, а больной.
Если ума не хватает — займите,
Только не вместе ко мне заходите...»

Выпала женщине экая роль!
Тут перед нею любая, изволь:
Любишь супруга — пряди свою нитку,
Пусть не порвется, не будет убытку.
Щиплют куделю, работает прялка...

Где ты стареешь сейчас, Кубырялка?..

Егор Митасов

СТАРИК

Негоже нам, старым, негоже
Старух своих переживать.
Старуха должна быть моложе:
Ей легче одной доживать.

Она и в хозяйстве пригляда,
И верная помощь детей...
Она и схоронит как надо...
И все будет как у людей.

Разъедутся дети и внуки,
А ты и не знаешь — как быть.
Ослабнут и ноги, и руки...
И некому чай вскипятить.

И снится тебе твоя бабка
Красивой, веселой такой...
Очнешься — пошаришь рукой,
А рядом — и пусто, и зябко.

Леонид Латынин

ДЕДОВСКИЙ ЗАВЕТ

В. Моканину

Семижды семь — заветная цифирь,
Умножь года — и вынесет к покою,
И ты упрешься лбом в свою Сибирь,
Там дед полуживой читал псалтырь,
Водя по буквам медленно рукою.

Он говорил: всему приходит срок,
Но затевать судьбу свою не шутка,
Лишь затвердив наказанный урок,
Запри свой дом надежно на замок
И вон ступай, не слушая рассудка.

Тот будет врать, что дело лишь в молве,
В успехе, связях, в хитрости, навете,
Иначе, мол, не выживешь в Москве.
Так гибнет жук, раздавленный в траве,—
Все это ложь и дьяволовы сети.

Наперекор разумным словесам,
Наперекор возвышенным судьбою
Поверь в людей. А мертвым небесам —
И это я не раз проверил сам —
Лишь верят те, кто заняты собою.

Отдай всю жизнь до часа, до штриха
Любой судьбе, что без тебя ничтожна,
Лишь тот не знает главного греха,
Чья жизнь к чужой печали не глуха,
Судьба иная — верую — безбожна.

ОТВЕТ СЛУЧАЙНОМУ СОБЕСЕДНИКУ, СЧИТАЮЩЕМУ, ЧТО ПОНЯТИЕ ЧЕСТИ СЕГОДНЯ ОТНОСИТЕЛЬНО

Что мы — все объелись белены,
Может быть, пьяны или больны?

Посходили медленно с ума,
Души заморочила зима.

Отчего, скажи, тогда, зачем
Честь глупа, а суд последний нем?

Отчего в сраженья за блага,
Словно друга, жалуем врага?

Научились выгодно молчать
И оттенки чести различать,

Позабыв, что цвет ее един
С малых лет до горестных седин,

Что бессменна истина одна
В самые слепые времена:

Это — бог, а это — сатана,
Между ними — бездна и война,

Тьма есть тьма, и свет есть только
свет.

Нет границы. Перехода нет.

Вадим Фадин

ПРОВЕРКА НА ВЫЖИВАНИЕ

Нас грамоте учили и ремеслам,
падениям с небесной высоты,
мы привыкали то к рулю, то к веслам,
то к зрению в разгаре темноты;
учила жизнь, загадочная штука,
мы пробовали всякие пути —
потребовалось вспомнить всю науку,
чтоб тест на выживание пройти.
Была задача проще апельсина:
упасть в одну из заповедных зон
без пороха, еды и парусины,
беднее, чем когда-то Робинзон,
и там, людского говора не слыша,
не раз теряя над собою власть,
все ж — выжить, не прося подмоги свьше
(читайте — с вертолета): не пропасть.
Уже потом, пройдя огонь и воду,
к геологам пристать, коль повезет,
пересмотреть понятия «свобода»,
а также «счастье», «бытие», «народ».
Была ясна вторая часть задачи:
вернувшись в город, в каменный массив,
пусть не узнать особенной удачи,
но — выжить, помощи не попросив.
Уже потом, не потеряв ни веры,
ни совести, ни жизни, ни лица,
переосмыслить прежние примеры
и лишь потом — глаголом жечь сердца.

Моисей Цетлин

МАРУСЯ-АНАРХИСТКА (1918)

Всем телом слившись с броневой машиной,
увешанная лентами крест-накрест
патронов боевых для пулемета,
она промчалась словно триумфатор
по Елисаветграда улицам пустым.
Никифорова, гимназистка в прошлом,
мне показалось Жанной д'Арк тогда,
летающей с лилиями к Орлеану.
Рвет ветер яростный над нею черный стяг.
Ее приверженцы, отчаянная свита,
красавицу бандитку охраняли,
готовые сразить любую тень,
грозящую победной колеснице.
Ей дали бой у города, и я
вернул украденные накануне
две ленты, нужные для обороны.
Хоть мне еще тринадцать не сровнялось,
но я считал себя участником сраженья
и был суров, как гражданин Кале,
в борьбе за безопасность и спасенье
родного города.

ПЕРЛ-ХАРБОР

Потухших вулканов застывшая лава.
Лесистые склоны. Жемчужная гавань.
Перл-Харбор. Коралловых рифов кайма.
Здесь запросто Синюю птицу поймать.

Но нынче Декабрь роковой. И седьмое
Число на стене, как проклятие злое.
Пылающий Диск. Океанский рассвет.
Гроза! Апокалипсис! Азии свет!

По пирсу! По доку! По аэродромам!
Линкор «Аризона» — в огне. «Оклахома»
Кренится. Волна самолетов. За ней —
Другая, клинками японских мечей.

Торпеды к мишеням находят дороги,
И желтые с неба пикируют боги.
И застлана пеплом гавайская твердь.
И пляшет макакой гремучая смерть.

Пусть тянутся тучи тяжелого дыма!
Ликуете?! Будет еще Хиросима!
И будет еще Откровенье и Тьма!
И белый сойдет авиатор с ума!

АЙСОРЫ

Не на Бродвее — на Арбате
Они сидят на всех углах
И за копеечную плату
Вам ваксят обувь. В их глазах —
Двуречье Тигра и Евфрата,
Потоп, ковчег и Арарат,
Вахтангов, Скрябин и Арбат.

Их турки резали когда-то:
Из-за угла выходит брат,
Убитый сотню лет назад.

О древность этих жил и мышц
Под слепотой московских крыш!
И рук кремён. Им тоже век.
Они как темная кора
Деревьев старых, где Аракс.

Ассура первочеловек,
Ты чище, чем Адам в Эдеме,
И стоишь больше, чем поэма!

А двинешь дальше по Арбату:
Перед тобою — Клеопатра,
Роксана иль царица Савы,
А может быть, Семирамида
Сидит и, по унылой таксе,
Столичной девке туфли ваксит.

Ну как могу тебя обидеть,
Презреть твою былую славу, —
Быка крылатого супруга?!

Разрезом глаз, Астарты взором
С богинями легко поспоришь
Великих рек. Почисть, подруга,
Мне башмаки! Дай лучший лак!
Да заблестят! Да будет так!

ГИЕНЕ БУХЕНВАЛЬДА

Ильза Кох вчера удавилась —
Бухенвальда гиена и муза, —
Что ей только, зловещей, приснилось,
Сей валькирии, ведьме, медузе?!

Синегубая, скальп жжет ли лунный?!
Уходи, — поседевшие ключья
Пусть засыплют балтийские дюны
И закроют осенние ночи!

Но Германия жить будет вечно,
И немецкий — когда-нибудь — мастер
Воскресит нам и пепел, и печи,
И по Гоёе и Дюреру страсти.

Николай Асеев
1889—1963

ПРОКЛЯТИЕ ВОЙНЕ!

— Я признаю свою вину,—
сказал он, тяжело дыша.—
Я ненавижу всю войну
до самого зародыша.

Не потому, что — ни во грош
судьба моя не ставится,
а потому, что — фальшь и ложь
повсюду ею славятся.

Не потому, что — мой уют
разрушен ею начисто,
а потому, что — ей поют
молебны и акафисты.

Ее трубят во все концы
батальные художники,
ее певцы, ее жрецы,
красот ее наложили.

Я твердо верю лишь в одно,
что в войнах выражается:
все человечество — на дно
безумья погружается;
и скошен на сторону свет,
и вся земля изохана,
и кроме этой — силы нет,
одна повсюду бог она.

Мне ненавистен ложный лоск
наигранного пафоса,
и визг, и лягз, вошедший в мозг,
осевший в сердце запросто.

Но я не стану в стороне,
не буду ждать, чем кончится;
мое проклятие войне
земле услышать хочется —
беззвучное, бесцельное,
бессильное, бесправное,
оно — мирам предельное,
оно вселенной равно!

Ольга Ермолаева

* * *

Виктору Верстакову

Этот мальчишка суется в огонь...
Вот оно, русское сердце!
Крикнешь ли пуле душманской: «Не тронь
Цвет моего офицерства!»

Ты по каким гарнизонам такой
Взрос на просторах гигантских?..
Господи, разве прикроешь рукой
Наших — на картах афганских?!

Наших ребят, наших лучших сынов —
Прапор там иль салажонок...
Наших десантников и летунов,
Наших шальных медсестренок...

Все ты прошел и остался живой
В этой смертельной работе.
Вспомни же снег перевалов сухой,
Едкую пыль в вертолете!

И за нешумную славу налей.
Думаешь, в небе — Плеяды?
Это брезентовый свет лагерей,
Где в стояках — автоматы.

СЛОВАРЬ ВЕТРОВ

А я все очень горевала,
Слезами растревляла веки,
Один словарь ветров читала
Из всей большой библиотеки.

Один-единственный, любезный,
Где всех ветров сошлись обличья:
Пылкий, сладимый ли, небесный,
Хохлачий, ледниковый, птичий...

И брамсельный, и восходящий,
И вихорь — дервиши пустыни...
Женатый, и руководящий,
И ветр по имени Косыня.

И все ветра в душе ревели —
Аж по-людски не молвить слова...
И вот к Володе мы и к Лере
Пустились в гости в Одинцово.

Тут счастье подает мне знаки,
И перст на губы налагает...
Ах, здесь отдельные собаки
С разбегу двери растворяют!

И, как сады Семирамиды,
Клубясь, огнями помавая,
Над грубой наготою быта
Витают музыка родная.

И, ставя чайную посуду
На тяжело больной планете,
Мы гордо лицеизрели чудо,
И это чудо было — дети.

Ах, эта девочка, что любит
Коней — больше всего на свете!..
Уйду — и музыки не будет.
Пускай хотя бы дует ветер!

Любой! Богемский, гейдельбергский,
И дарданелльский, и венгерский,
Пещерный или тропосферный,
Каньонный, склонный иль макрельный..
Все — баргузин ли, изгирин ли,
Козлиный ли, горно-долинный —

Лишь бы не радиоактивный.
Лишь бы не радиоактивный!

Александр Исполюнов

ПАЛЕСТИНЦЫ

Чужая вода в колодцах, чужое небо над нами,
Но там, куда все дороги ведут, стелясь и пыля,
Там, щедря и извечна, раскинулась за горами
Между рекой и морем Обещанная земля.

Она — земля наших предков и нас кормила, а ныне
Обещана нам изгнанием, скитанием в иных краях,
Украденною улыбкой родившихся на чужбине,
Пайковой горькой подачкой в палаточных лагерях.

Народ бездомных — о доме, о прошлом не забываем,
Рассеянные — мы помним о тех, недавних годах..
По-прежнему эту землю мы родиной называем,
И вкус ее апельсинов еще у нас на губах.

Такое нечасто бывает — чтоб родину брали с бою..
Лишь к ней мы пойдем однажды —
не к славе, не к орденам!

Никто на холмы святые нас не возьмет с собою,
И только ствол автомата укажет дорогу нам.

Придем, поцелуем землю, и нас узнают счастливо
Ее виноградные лозы, ее сады и поля,
Чтоб нам, как прежде, дарила прохладное масло
олива,

Чтоб стала навеки нашей Обещанная земля.

Михаил Шаповалов

ПЛАСТИНКА

Для детей продается новинка:
Запись пения птиц.
Пластинка.

В центре шумного города,
В комнате однооконной,
площадью три на пять,—
Мальчик слушает клекот золотого горла —
Чудо,
которое ему не понять.

Потому что
над ним не парят деревья,
Потому что
нет солнца в его углу.

Соловей и малиновка
не внушают доверья:
Звук — он знает —
воспроизводится через иглу.

И трелью серебряной не удивить
Того, кто развит не по годам..
Но она понятна и мне, и вам.
Слышите?
— Фить-фьють-фить..

ВОРОНА

Как француз во время оно,
Дымом греется ворона,
Восседая на трубе.
А в глазу остекленелом:
Двор,— мальчишка с самострелом
Упражняется в стрельбе.

Не откажешь в сметке птице,
Лучше бедовать в столице
Возле теплых труб и крыш.
Но мальчишка с самострелом
Ищет цель, он бьет умело,
Долго тут не усидишь.

Ах! — и сам я был мишенью,
Трудно привыкал к лишенью,
Без прописки, без угла.
Жил пугливо, как ворона.
Но, по счастью, без урона
Давняя зима прошла.

И, конечно, жаль мне птицу,
Как бездомную сестрицу,—
Скованных морозом крыл..
Только — кар-р! — она взлетела!
А мальчишка с самострелом
Зря стрелу в нее пустил.

Геннадий Русаков

* * *

Я слышу возраст совершенья дел,
матерой плоти и крутого сока.
Довольно я матросил-молодел!
Я нынче жизнь беру с другого бока:

куда ни глянь — пестрят крыла рубак,
работниками скинутых в запале.
И хруст земли, осевшей на зубах,
слышнее хруста костоломной стали.

Ни женщина, ни знание, ни власть
не насыщают. Есть одно — работа.
Пока мы живы — насладимся властью
порой земного севооборота.

А там грядет иная... Что мне в ней!
Мне подобра с собой не развязаться.
Но только б крепче, слаще и больней
зубами в это яблоко вгрызаться!

* * *

Пришла пора старения металла,
а пустяками тешится душа:
все мельтешит, еще не перестала
выкидывать коленца-антраша.

Стоит июль. Дожди нежнее пуха.
Земля гудит, как влажная оса.
И если к ней приставить трубку слуха,
там забубнят глухие голоса.

А ветер птицам крылья обминает...
Нелепо клясться родине в любви:
она и так своих, не видя, знает.
Вершись, июль, и весело живи.

Там просто возраст хочет расплатиться
с самим собой и суд себе творит.
Летит по небу медленная птица,
и он, наверно, с птицей говорит:

— Зачем ты мне так много насулила,
а ничего по росту не дала?
Лишь боль взросления мне горло опалила.
Лишь тень старения мне веки обвела.

* * *

На огромной, вздыбленной, кровавой,
на земле, судившей по столам,
белым хлебом звали хлеб неправый.
Правый был с мякиной пополам.

Ничего, пощипывали, жили.
Три налога на одну козу.
На вдовство. На скудость. На двужилье.
На беду. На горе. На слезу.

Не забуду, мати, не забуду...
Остуди лицо в семи морях.
Ты куда (запомнили — откуда!)
у себя самой в поводырях?

Дай мне стать хотя б твоей травой,
чтоб укрыть родительскую плоть —
это вот, ледащее, живое...
Страшно сеять, боязно полоть.

* * *

Уже приходит август козлорогий.
Округа спит. В округе тишина.
Затих карьер. Умаялись дороги.
Молчит моя огромная страна.

Я в ней умру. Не скоро, но когда-то.
Ночные души тянутся к звездам,
чтоб возвращаться к поминальным датам
на крыши трем районным городам.

Зарайск, Озеры, смутная Кашира...
Потом снега придут в мою страну.
И встану я в студеном месте мира,
и к этим душам руки протяну.

Но жизнь, битком набитую удачей,
голодным счастьем, детской нищетой,
не захотеть и не прожить иначе
ни в этой жизни, ни, наверно, в той.

* * *

Что мне делать? — я книг не читаю:
стало страшно мне книги читать.
Не читаю, лишь память листаю
и никак не могу долистать.

Позабуду — и помню забытых...
Что ж вы стали метлицей-травой?
И хожу я полями убитых,
и не знаю, зачем я живой.

Дайте я хоть покличу над вами,
безымянные, прах, мертвецы!
Только что я с моими словами?
Эх, родимые, деды, отцы...

Всем дыханием, всей моей кровью...
Нет, не выклян, не подниму.
...Что мне делать с такою любовью?
И кому ее нынче, кому?

Виктор Гаврилин

ВИДЕНИЕ В ГРОЗУ

...И вижу мир, где белых молний росчерк
на клочья рвет густую темноту,
и слышу звук: ночной бомбардировщик,
роняя гром, теряет высоту.

Ослабло небо под крылом зловещим,
все тяжелее прорва мегатонн.
Посадки просит голос человеческий,
и небосвод уходит под уклон.

И летних гроз бушует беспорядок.
Аэродромов нет для корабля.
И детище глобальных неполадок
не принимает грешная Земля.

И вне команд, вне курса назначенья
глухая смерть свершает свой полет,
теряется для средств обнаруженья
и, падая, никак не упадет.

Махину занемогшую объемлет
циклона гальванический наркоз,
и вещество само теряет землю,
и переходит в измеренье гроз.

И термояда призрачный носитель
так и летит в необозримой мгле,
он в теле гроз гремит, небесный житель,
и молниями тянется к земле.

Александр Медведев

БАЛЛАДА О ДИКОЙ ПШЕНИЦЕ

Здесь были деревни. От них ничего не осталось.
Осотом зарос понемногу погост.
Земля от людей накопила такую усталость,
что тут же уснула, не чуя метелей и гроз.

Не надо жалеть ни поля, ни поклонные поймы!
Об их одиночестве нам ли скорбеть?
Здесь были деревни. О них еще кое-кто помнит.
Запомнят ли нас? Не спеши и по чести ответь.

Встревожит березы порыв ледяной с океана —
и град по заречью пройдет, как варяг.
А в ясную полночь мерцающим зельем тумана
всклубится глубокий, глотающий эхо овраг.

И то, что звалось яровым ли, озимым ли клином,
не стало, как древле, названья иметь.

Я здесь как пришелец —
в пространстве безмерно-тоскливом,
а вечность спустя здесь хозяином хаживал кметь.

Я в лес углубился, где гул одиночества глуше;
к поляне, что светом как линза полна,
я вышел, блуждая,— и в жарких цветах обнаружил
тропинку одну — ту, что взгляду не сразу видна.

Средь праздных, и жадных,
и тянущих млечную влагу,
и зевы разъявших, нарядных, хмельных
стоял этот знак — серый стебель был тверд,
как отвага.

Не принял он ласки изнеженных пальцев моих.

Размыслив, я понял: то колосом дикой пшеницы
в тайге нелюдимой — и втайне от всех и всего
земля отдохнувшая стала в работу проситься,
как просится глина на круг гончара своего.

Да будет! — пойдут облака волоокие цугом
над полем, где встанет грядущего хлеб.

И дали великие стронутся — медленным кругом —
и в поте замесится глина трудов и судеб.

Лорина Дымова

* * *

Взгляну в глаза твои,
как в молодые годы,
и захочу любви,
не захочу свободы,

чтоб снова испытать
и взлеты, и провалы.
Хочу, чтоб жизнь опять
меня околдовала,

и покорила вновь,
и обманула снова.
...Я вспомню, что любовь —
ожог, удар — не слово!

И стану вновь спрягать
в немислимой отваге
«любить», «мечтать», «страдать»
в душе —
не на бумаге.

ПОЭТ О ПОЭТЕ

Известная нам история отношений О. Мандельштама и А. Белого очень коротка. Мы ничего не знаем об их раннем знакомстве, хотя и располагаем данными об отношениях Мандельштама с другими символистами — В. Ивановым, З. Гиппиус, А. Блоком. К тому времени, когда Мандельштам вошел в петербургский поэтический круг, А. Белый уже редко появлялся в столице. Он много путешествовал, подолгу жил за границей. В начале 20-х годов в статьях и рецензиях Мандельштама не раз упоминается проза Белого. В рецензии на «Записки мечтателя», изданные А. Белым в Берлине в 1922 году, Мандельштам, говоря о знаменитом романе Белого «Петербург», пишет: «Ни у одного из русских писателей предреволюционная тревога и сильнейшее смятение не сказались так сильно, как у Белого». В этой же рецензии в противовес Белому называется Данте,— по-видимому, о Данте поэты будут разговаривать через 10 лет, при личном знакомстве. В статье «Литературная Москва» Мандельштам отдает должное Белому как одному из зачинателей «русской науки о поэзии». Во второй части той же статьи («Рождение фавулы») мы читаем: «Андрей Белый — вершина русской психологической прозы,— он воспарила с изумительной силой...» — от него выводит Мандельштам Пильняка и «Серапионовых братьев».

Андрей Белый.
Силуэт Е. Кругликовой

Однако в целом отзывы Мандельштама о Белом носят критический и даже острополюемический характер. Мандельштам, при всем понимании крупномасштабности литературной фигуры Белого, отталкивают его теософские увлечения и не привлекают ни динамичность стиля, ни широта жанров и тем (от стихов и прозы до занятий поэтикой и кинематографом, от архаичного фольклора до современной науки). По-видимому, все это Мандельштам объяснял свойственным Белому и в жизни, и в литературе «своеобразным стремлением к изяществу, к танцу, к пируэту, стремлением танцуа объять необъятное». То, что вызвало восторг у знавших Белого — Л. Андреева, В. Пяста, М. Цветаевой, И. Эренбурга,— не находит пока созвучия у Мандельштама.

Настоящее знакомство поэтов происходит лишь летом 1933 года в Коктебеле. Коктебель давно близок и дорог им обоим. Это — аттическая земля их молодости. Оба ходят по ней в последний раз. Время сильно уменьшило десятилетний возрастной разрыв между ними. Жизнь отмерила им скудные сроки. Белому осталось жить полгода. Созданное им уже завершено, он сам — живая история. Мандельштам еще полон творческих сил и замыслов, однако многое из того, что он делает,— последнее. Последняя большая проза — «Разговор о Данте». Последние «Московские стихи». Через год начнется последний и самый трудный творческий период — «Воронежские стихи». Прожить ему предстоит еще пять с половиной лет.

О чем разговаривали они тогда в Коктебеле? О многомерной проблематике «Божественной комедии» (в черновиках к «Разговору о Данте» есть запись высказывания, принадлежащего А. Белому)? О братстве всех народов под «куполом культуры», которое негромко, но вполне всерьез провозгласил Белый в одном из писем последнего года своей жизни? Документальным свидетельством коктебельской встречи стала небольшая групповая фотография, где плохо различимы лица, но хорошо передан с помощью нехитрого обрамления «местный колорит». В Коктебеле поэты расстались и, кажется, не встречались больше.

Андрей Белый умер 8 января 1934 года, на пятьдесят четвертом году жизни. Его смерть была воспринята Мандельштамом очень остро. В день похорон, 10 января, был начат реквием ушедшему поэту.

Утрата ощущалась как личная. Смерть Белого означала конец поколения поздних символистов, поэтов, чье творчество отразило «неслыханные перемены, невиданные мятежи». Белый был русским символистом и советским литератором — это отметила газета «Правда» в некрологе 11 января 1934 года.

Похороны Андрея Белого стали главной темой известных стихов Мандельштама, посвященных его памяти. Стихи метафорически передают живой, непосредственно увиденный облик стремительного человека с ясными глазами; двуступища «заплавки» содержат и краткую характеристику внешне противоречивого литературного облика Белого, и фрагмент траурного ритуала (В. А. Фаворский и Л. А. Бруни, делающие зарисовки Белого в гробу). Дальше — опять детали портрета, пунктир биографических событий (занятие естественными науками, ученичество у Штайнера, путешествие по Швейцарским Альпам), похороны. «Случайная фраза», преследующая Мандельштама в день похорон — это реминисценция из «Слова о полку Игореве» («...печаль жирна тече средь земли рускыи»). Библейские Рахиль и Лия выведены так, как нарисовал их Данте в «Божественной комедии».

Стихи были написаны быстро, за несколько дней, но, как рассказывает в изданном комментарии к стихотворениям 1930—1937 годов Н. Я. Мандельштам, их окончательное складывание оказалось долгим и трудным. Рукопись первоначального текста стихотворений была утрачена в мае 1934 года, и поэт диктовал их жене лишь через год, уже в Воронеже. Классический жанр стихов «на смерть поэта» постепенно приобретал форму цикла, орагии, темы с повторами и вариациями — подобно тому, как это уже было у Мандельштама со стихами об Армении (1930) и как будет позже со «Стихами о неизвестном солдате» (1937).

И льется смолкой, сам себе не верясь,
Из ничего, из нити, из темна...

Лиясь для ласковой, только что снятой маски,
Для пальцев гипсовых, не держащих пера,
Для укрупненных губ, для укрепленной ласки
Крупнозернистого покоя и добра.

* * *

Ему кавказские кричали горы
И нежных Альп стесненная толпа.
На звуковых громад крутые всхоры
Его ступала зрячая стопа.

Ему солей трехъярусных растворы
И мудрецов германских голоса,
И русских первенцев блистательные споры
Представились в полвека, в полчаса...

И вдруг открылась музыка в засаде,
Уже не хищнице лиясь из-под смычков —
Не ради слуха или неги ради —
Лиясь для мышц и бьющихся висков,—

Лиясь для ласковой, только что снятой маски,
Для пальцев гипсовых, не держащих пера,
Для укрупненных губ, для укрепленной ласки
Крупнозернистого покоя и добра...

Дышали шуб меха, плечо к плечу теснилось,
Кипела киноварь здоровья, кровь и пот —
Сон в оболочке сна, внутри которой снилось
На полшага продвинуться вперед.

А посреди толпы стоял гравировальщик,
Готовясь перенести на истинную медь
То, что обугливший природу рисовальщик
Лишь крохоборствуя успел запечатлеть.

Как будто я повис на собственных ресницах
И созревающий и тянущийся весь,
Доколе не сорвусь — разыгрываю в лицах
Единственное, что мы знаем днесь.

И европейской мысли разветвленье
Он перенес, как лишь могущий мог.
Рахиль глядела в зеркало явленья,
А Лия пела и плела венки.

* * *

Он дирижировал кавказскими горами
И машучи ступал на тесных Альп тропы,
И озираючись пустынными берегами
Шел через разговор бесчисленной толпы.

Толпы умов, событий, впечатлений
Он перенес, как лишь могущий мог.
Рахиль глядела в зеркало явлений,
А Лия пела и плела венки.

* * *

А посреди толпы задумчивый, бородатый
Уже стоял гравер — друг меднохвойных доск,
Трехъярой окисью облитых в лоск покатым,
Накатом истины сияющих сквозь воск.

Как будто я повис на собственных ресницах
В толпокрылатом воздухе картин
Тех мастеров, что насаждают в лицах
Порядок зрения и многолюдства чин.

* * *

Откуда привезли? Кого? Который умер?
Где — — — — —¹? Мне что-то невдомек...

Скажите, говорят, какой-то Гоголь умер —
Не Гоголь, так себе, писатель... гоголек...

Тот самый, что тогда невнятицу устроил,
Который шустрился, довольно уж легок...
О чем-то позабыл, чего-то не усвоил,
Затеял кавардак, перекрутил снежок.

Молчит, как устрица,— на полтора аршина
К нему не подойти — почетный караул.
Тут что-то кроется,— должно быть, есть причина.
— — — — —¹ напутал и уснул.

¹ Слова утеряны.

Белла Ахмадулина

ЧЕРЕМУХА БЕЛОНОШНАЯ

Черемухи вдыхатель, воздыхатель,
опять я пью настой ее души.
Пристрастьем этим утомлен читатель,
но мысль о нем не водится в глуши.

Май подмосковный жизнь ее рассеял
и сестрорецкий позабыл июнь.
Я снегирем преследовала север,
чтобы врасплох застать ее канун.

Фиалки собирала Сортавала,
но главная владычица камней
еще свои намеренья скрывала,
еще и слуху не было о ней.

И кто она? Хоть родом из черемух —
не ищет и чурается родства.
Вдоль строгих вод серебряно-черных
из холода она произросла.

Я — вчуже ей, южна и чужестранна.
Она не сообщительна в цвету:
нисколько задушевичать не стала,
в неволю не пошла на поводу.

Рубаха-куст, что встрепан и распахнут,
ей жалок. У нее другая статья.
Как замкнуто она, как гордо пахнет —
ей не пристало ноздри развлекать.

Когда бы поэтических намеков
был ведом слог красавице моей,—
ей был бы предпочтителен Набоков.
А с челядью — зачем якшаться ей?

Что делать мне? К вниманию маньяка
черемуха брезглива и слепа.
Неровня ей навязчивый меняла
запретных тайн на мелкие слова.

Она — бельмо в моих глазах усталых
и кисея завесы за окном:
в ее черте, в урочище русалок
был возведен бледно-зеленый дом.

Дом и растение призрачны на склоне
горы, бледно-зеленом, как они.
Все здесь бледны, все зелены, но вскоре
порозовеет с правой стороны.

Ночного света маленькая убыль.
Внутри огня, помоста на краю,
с какой тоской: — Она меня не любит! —
я голосом Сальвини говорю.

Соцветья суверенные повисли,
но бодрствуют. Кому она верна?
Зачем не любит? Как ее по-фински
зовут? С утра спрошу у словаря.

... Нет надобного словаря в читальне.
Не утерпевшей на виду не быть
пусть имя маски остается в тайне —
не Блоку же перечить и грубить.

Записку мне послала Сортавала.
Чья милая, чья добрая рука
для блажи чужака приоткрывала
родную одинокость языка?

Все нежность, нежность. И не оттого ли
растенья потупляет наготу
пред грубым взором? Ведь она — туоми.
И кúквива туоми, коль в цвету.

Туоми пúу — дерево. Не легче
от этого. Вблизи небытия
ответствует черемухи наречье:
— Ступай себе. Я не люблю тебя.

Еще свежа и голову туманит.
Ужель вся эта хрупкость к сентябрю
на ягоды пойдет? (Туомэнмáрьят —
я с тайным раздраженьем говорю.)

И снова ночь. Как удалась мгновенью
такая закись света и темна?
Туоми, так ли? Я тебе не верю.
Прощай, туоми. Я люблю тебя.

* * *

Лишь июнь сортавальские воды согрел —
поселенья опальных черемух сгорели.
Предстояла сирень, и сильней и скорей,
чем сирень, расцвело обожанье к сирени.

Тьмам цветений назначил собор Валаам.
Был ли молод монах, чье деянье сохранно?
Тосковал ли, когда насаждал-поливал
очертания нерукотворного храма?

Или старец, готовый пред богом предстать,
содрогнулся, хоть глубь этих почв не червива?
Суммой сумрачной заросли явлена страсть.
Ослушанье послушника в ней очевидно.

Это — ересь июньских ночей на устах,
сон зрачка, загулявший по ладожским водам.
И не виден мне богобоязненный сад,
дали ветку сирени — и кажется: вот он.

У сиреневых сводов нашелся один
прихожанин, любое хождение отвергший.

Он глядит нелюдимо и сиднем сидит,
и крыльцу его — в невидаль след человечесий.

Он заране запасся скалою в окне.
Есть сусек у него: ведовская каморка.
Там он держит скалу, там случилось и мне
заглядеться в ночное змеиное око.

Он хватает сирень и уносит во мрак
(и выносит черемухи остов и осыпь).
Не причастен сему светлоликий монах,
что терпением сирени отстаивал остров.

Наплывали разбой и разор по волнам.
Тем вольней принималась сирень разрастаться.
В облаченье лиловом вставал Валаам,
и смотрело растенье в глаза святотатца.

Да, хватает, уносит и смотрит с тоской,
обожая сирень, вождедея сирени.
В чернокнижной его кладовой колдовской
борода его кажется старше, синее.

Приворотный отвар на болотном огне
закипает. Летают крылатые мыши.
Помутилась скала в запотевшем окне:
так дымится отравное вареву мысли.

То ль юннат, то ли юный другой следопыт
был отправлен с проверкою в дом под скалою.
Было рано. Он чая еще не допил.
Он ушел, не успев попрощаться с семьею.

Он вернулся не скоро и вчуже смотрел,
говорил неохотно, держался сурово.
— Там такие дела, там такая сирень,—
проронил — и другого не вымолвил слова.

Относили затворнику новый журнал,
предлагали газету, какую угодно.
Никого не узнал. Ничего не желал.
Грубо ждал от смущенного гостя — ухода.

Лишь остался один — так и прыгнул в тайник,
где храним ненаглядный предмет обожанья.
Как цветет его радость! Как душу томит,
обещать не умея и лишь обольщая!

Неужели нагрянут, спугнут, оторвут
от судьбы одинокой, другим не завидной?
Как он любит течение ее и триумф
под скалою лесною, звериной, змеиной!

Экскурсантам, что свойственны этим местам,
начал было твердить предводитель экскурсий:
вот-де дом под скалой... Но и сам он устал,
и народу казалась история скучной.

Был забыт и прощен ее скромный герой:
отсвет острова сердце склоняет к смиренности.
От свершений мирских упасаем горой,
пусть сидит со своей монастырской сиренью.

Алексей Марков

БАЛЛАДА О КОЛОКОЛЬЧИКЕ КРЕПОСТНОГО ПОЭТА ИВАНА МАКАРОВА

Нет, не всякая рукопись вечна!
И потонет, и слижет костер...
Мой сородич, дружок мой сердечный,
О тебе я веду разговор.

...Зимней ночью в жестокую стужу
Раз ящик на дороге застыл,
И жене без кормильца и мужа
Стал единственной радостью сын.

Мать с нуждой в одиночестве билась,—
Мальчик вырос хорош да удал,
Но несчастье большое случилось:
Он стихи за работой писал!

— Лучше барина? Разве возможно?
Что?! Стихи — и дворовый мужик?
Пусть изведает жизни острожной! —
Слышен барский разгневанный рык.—

Негодяя на хлеб и на воду...
В темный погреб... Да что там, в Сибири!
Пусть ослушник почует колоды,
В снеговую провалится ширь!

...Был возок проморожен и тесен,
Леденела в оконце слюда.
...Но таких замечательных песен
Он еще не слагал никогда!

Бесконечны сибирские ночи,
Снеговой неприютен покой.
Тишь вокруг, лишь один колокольчик
Однозвучно гремел под дугой...

Скрип ворот показался приветом,
И безрадостным отдыхом стал
В горький час для бедняги поэта
Александровский страшный централ...

— Что ж, ведет себя, кажется, строго
И с мужицкою долей знаком... —
Надзиратель подумал немного
И поставил его ящиком.

Стал возить он тюремную почту,
Одиноко и горестно жил,
Но под звук колокольчика ночью
Много песен веселых сложил...

Эти песни сибирские ветры
В безответную даль унесли,
Одарив мимолетно приветом
Горьких узников русской земли.

...Многим русским поэтам досталась
Доля вечных гонений и слез.
А его доконала усталость,
Усыпили пурга да мороз...

Он лежал неподвижно и строго,
Опустившись, застыла рука.
Колокольчик умолк, а дорога
Перед ним далека, далека...

Игорь Кобзев

ОСЕННИЙ ЛЕС

О как красиво умирает лес,
Не становясь болезненным и старым,
Лишь озаряя синеву небес
Янтарным, ослепительным пожаром.

Лес принимает, словно праздник, смерть,
В своем конце он краше, чем в начале,—
Чтоб никому не вздумалось посметь
Подумать об утрате иль печали...

Равиль Бухараев

НА КРЫШЕ

Отмечу — нынче Озеро в себе:
вода прозрачна,
высока,
опрятна...

На ближнем крыже — голубом горбе,
белея, тают солнечные пятна.

Привязан бечевой к печной трубе,
перекрываю крышу у знакомых,
молчанием участвую в судьбе
зверей и птиц, цветов и насекомых...

Я только вижу: ежятся кусты
в объятьях налетающей прохлады...

...огнисто-рыжих лошадей хвосты
текут, струисты, словно водопады...

В единстве мощь, сон и покой,
когда — почуяв зов, сцепив ресницы —
моляще конь касается щекой
волнистой гривы светлой кобылицы...

Сияющего облака глоток —
и мошкара в клубящемся трезвонце...
и — мотыльки слагаются в цветок,
в щемящем небе превращаясь в солнце...

И — нынче понимаю птичью речь,
служа насущной надобе-потребе...

Как хорошо,
что смысла не извлечь
из ряби на воде и птицы в небе!

...табун уходит в голубой туман,
и заключает ботала бренчанье
последнее, что вечно не обман:
служенье, бескорыстие, молчанье.

Игорь Ляпин

ТРУБНИК

Я рукою тронул ветку,
Я держу росу в горсти.
Заводскому человеку
Дайте душу ответить.

Дайте неба, дайте леса,
Дайте во поле между.
Я из грохота железа
Очень трудно выхожу.

Я как будто сам из стали,
И под птичий перещелк
Я еще верчу на стане
Кантовательный крючок.

Я еще дышу прокатом,
Весь в поту и весь в огне,
Под развернутым плакатом
«Больше труб родной стране!».

Я смотрю на вещи трезво,
Я давно под ним впитал
В голос — жесткость, в кровь —
железо
И в характер свой — металл.

Там, под гулками гудками,
От деталей до основ —
Все завязано узлами
Пониманья этих слов.

Но еще такую малость
Нужно вовремя учесть:
У металла есть усталость,
В человеке тоже есть.

Вот побуду в роще, в поле,
Из ручья воды напьюсь
И опять по доброй воле
В лямку жесткую впрягусь.

И шагну с подручным в паре
На рубеж на огневой
На земном огромном шаре
Между миром и войной.

До бровей надвину кепку,
Будет сладость не в чести.
Трудно будет человеку...
Дайте душу отвести!

Эдуард Балашов

ИВАН КУПАЛА

Из глуби урочной,
Из вечных хором
Звездой проточной
Оплыл окоем.
Светило по хлебу
Смолой поползло.
Спустилось по древу
Сухменное зло.
Пустыня настала
На море-земле.
Молва отпылала.
И слово в золе...

В селе безызвестном,
В доме без лица
У матери честной,
Честного отца
Случился ребенок
Ни ночью — ни днем,
Он спрыгнул с пеленок,
Как был, стариком:
«Пришел, мол, незваным
По воле огня,
Зовите Иваном
Купалой меня.

Ты — сын мой,— сказал он
Отцу своему,—
В великом и малом
Доверься всему.
Ты — дочь моя в свете,—
Нарек свою мать,—
Тебя будут дети
Из навей имать.
Как сгинут три ночи,
Как минут три дня,
В купальский веночек
Рядите меня.
Костер подымите
На белой заре.
Меня отнесите
В корзине к горе...
Мать губы кусала.
Язык съел отец.
Сплели на Купала
Ивана венец.
В корзину для хлеба
Поклали его.
И пламя до неба
Объяло его.

«Ой, кто не выйдет
На Купальню,
Ой, тот будет
Пень-колода,
А кто пойдет
На Купальню,
А тот будет
Бел береза!»

Мать плакала песню.
Отец хохотал.
И к груди небесной
Купавый припал..

Тут гром прокатился
Над морем-землей.
И день помутился,
Заветрился зной.
И дождь что есть мочи
Пустыню хлестал
Три дня и три ночи,
Пока не устал.

Светлана Сомова

* * *

Ты в окошко ко мне влети,
Словно молния шаровая,
Силой взрыва меня скрути,
Обнимая и обжигая.

Дальше что? А не все ли равно?
Обручаюсь огнем с тобою.
Пусть мгновенье. Оно одно,
Но зато оно — золотое.

Татьяна Бек

* * *

Строились разрухи возле.
Вечный лязг, и треск, и гром.
Даже летом ноги мерзли
В помещении сыром,

Тесном и полуподвальном,
Где обоев цвет несвеж...
В этом братстве коммунальном
Мы росли эпох промеж.

— Вы откуда?
— Мы московские.
— Вы какие?
— Мы таковские.
Твердо знаем, что почем.
К маю пончики печем.

В телевизор через линзу
Нам смотреть не надоест.
Платье — колоколом книзу —
Сновиденье наших мест!

...В благостной неразберихе
На Песчаной, на Палихе
Мы росли, пока не выросли,
Выехали, вещи вывезли
На пустых грузовиках.

И живем — в иных веках.

* * *

Я буду старой, буду белой,
Глухой, нелепой, неумелой,
Дающей лишние советы...
Ну, словом — брошка и штиблеты.

А все-таки я буду сильной,
Глухой к обидам и двуязыльной.
Не на трибуне тары-бары,
А на бумаге мемуары.

Да! Независимо от моды
Я воссоздам вот эти годы
Безжалостно, сердечно, сухо...
Я буду честная старуха.

Павел Калина

КАМЕНЬ

Мы играли на вешнем лугу в силачей —
Тех, что сразу съедают по пять калачей.
Рой пчелиный над лугом желтел и жужжал.
На зеленом лугу серый камень лежал.
Обо всем позабыв, увлеклись мы игрой:
Кто поднимет тот камень — тот будет герой!
Ванька Н., покраснев, с громким криком
поднял,

Гришка О., посинев, с тихим криком поднял,
Женька П., пожелтев, так, без крика, поднял,
Петька Р., побледнев, с тихим стоном поднял.
Павел К.,— это я,— покраснел — не поднял,
Павел К.— снова я,— посинел — не поднял,
Пвел К,— я опять,— пожелтел — не поднял,
Павел К.,— тот же я! — побледнел — не поднял.
Как ни силился, камень не смог я поднять,
И заметил я вдруг огорченную мать:
Постояла она у копны камыша,
Поглядела она, затаясь, чуть дыша,—
И ушла, сеть морщин унося на руках,
А надежда в ее так сияла глазах,
Что сдержать не сумел я растерянных слез...

Уж давно кто-то камень тот серый унес.
На лугу опустелом пожухла трава,
Я, натужась, теперь поднимаю слова.
Да немного тех слов, что могу я поднять,
И за мною не может следить больше мать,
Потому что за синей печальной горой
Умерла она, зная, что сын — не герой.
Но, как прежде, горит ее вера в меня!
И другого мне в жизни не надо огня!
Побледнев, я за Петьку слова подниму,
Пожелтев, я за Женьку слова подниму,
Посинев, я за Гришку слова подниму,
Покраснев, я за Ваньку слова подниму!
Подниму, и сумею, и все я смогу!

Пусть один я стою на осеннем лугу,
Но горами ворочают в СССР
Ванька Н., Гришка О., Женька П., Петька Р.!

БАЛЛАДА ОБ ОГНЕ И ДЫМЕ

Мне, родившемуся в сорок третьем,
военная форма к лицу.
Вечная память погибшему
в сорок четвертом отцу!
Но даже смертью своей
он мир этот вряд ли спас,
поскольку тот дым не рассеялся
и этот огонь не погас.

...Усвоив жаргон солдатский,
устава строгий язык,
что делать — на этой мове
разговаривать я привык.
И пусть говорят мне, что груб
и неуклюж мой слог,—
что скажешь тут — виноват,
но иначе я не смог.
Не отдавал я сердца
в объятья любовных нег,
когда уходил с карабином
в жуткий мороз и снег.
И не в любви признаньем
был занят я той порой,
когда громычал по плацу
тяжелый солдатский строй.
Мир был тогда на грани
судьбы своей роковой,
и не моя заслуга,
что я вернулся живой,
как нету моей провинности
в том, что я мира не спас,
поскольку тот дым не рассеялся
и тот огонь не погас...

Кто же так крепко запутал
наши земные дела,
что ядерных чудищ стаи
нервно грызут удила?
Любуюсь ли я цветами,
гуляю ли с малышом,—
жизнь я рисую
грубо заточенным карандашом.
Гудит ли в ушах тревога,
звонят ли песни в ушах —
я перехожу поневоле на строевой шаг.
Плевать мне на то, что предательски
цветет седина у виска,—
пускай на меня надеются
Родина и Войска!
Я верю в цветение жизни,
я верю, что страшный микроб,
весь этот мир поразивший,
нас не загонит в гроб,
но бдительность и отвага
да не покинут нас,
покуда тот дым не рассеялся
и тот огонь не погас!

Леонид Чашечников

В ЗАПОЛЯРНОМ АЭРОПОРТУ

Теснота в заполярном порту.
Едут люди в далекие дали,
Чтобы выстудить вечными льдами
Бесприютных сердец доброту.
Что их гонит — измена, беда
Или золота отблеск лиловый,
Что заставило их от бывшего
Улетать налегке, навсегда?..
И в Лаврентии, и в Певеке
Бродят сонные человеки;
Им на плечи ложатся годы
В ожидании летной погоды.
А диспетчер похож на отца —
И с лица, и по грузной фигуре.
Он простыл. Он хрипит без конца:
— Нет борта, над Чукоткою буря!..—
Я, наверно, в той самой поре,
Что пора тосковать о добре,
В лютой злобе не видя резона.
Пограничник в тринадцатый раз,
Исполняя дотошно приказ,
Крутит пропуск: особая зона.
Светло-русый, как спелая рожь,
Пограничник на сына похож,
Над писательским медлит билетом.
Жутковато мерцает звезда:
— Работяги, старатели — да,
Но зачем в Заполярье поэтам?..

...Теснота в заполярном порту.
Едут люди в далекие дали,
Чтоб отдать или выстудить льдами
Бесприютных сердец доброту.

Анна Гедымин

* * *

Солдаты уходят. А птицы крикливы,
А лес зеленеет от неба до пят,
И женщины, словно плакучие ивы,
Согбенны и простоволосы стоят.

Я тихо жила, и чужая тревога
Не трогала спящую душу мою.
Но вдруг мне привиделись поле, дорога
И ты, уходящий в солдатском строю.

И вот я целую тебя торопливо...
Ты крупно идешь по алмазной росе...
И вот я стою, как плакучая ива,
И плачу, и слезы скрываю, как все...

Владимир Нарбут

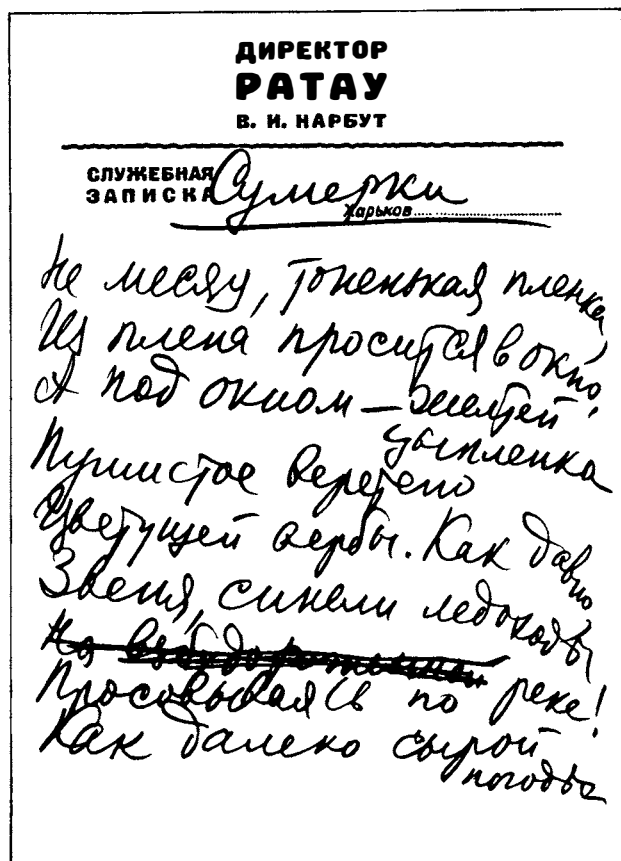
1888—1944

В. Нарбут начинал как акмеист, состоял в «Цехе поэтов» вместе с Ахматовой, Гумилевым, Зенкевичем... «К сожалению, широкому читателю творчество этого самобытного большого поэта мало известно», — писал о нем Михаил Зенкевич в сборнике «День поэзии 1967».

Участник гражданской войны, член партии большевиков, собиратель молодых литературных сил, организатор и первый директор издательства «Земля и Фабрика» (ЗиФ), редактор ряда советских журналов, Владимир Иванович Нарбут оставил нам большое поэтическое наследие, во многом еще не явленное читателю.

Публикуемое стихотворение было включено В. Нарбутом в последнюю прижизненную книгу «Спираль», которая должна была выйти в свет в конце 30-х годов, но не была издана. Двойная дата под стихотворением — след авторской переработки.

Ниже воспроизводится неизвестный автограф поэта, который относится ко времени работы В. Нарбута на посту руководителя РАТАУ в 1920-е годы.

СЕМНАДЦАТЫЙ

Неровный ветер страшен песней,
Звенящей в дутое стекло.
Куда, солдат, брести тебе с ней,
Коль небо кровью затекло?
Сутулый и подслеповатый,
Дорогу щупая клюкой,

Какой зажмешь ты рану ватой,
Водой опрыскаешь какой?
В шинели — вши, а в сердце — вера,
Ухабами раздолблен путь.
Не от штыка — от револьвера
В пути погибнуть: как-нибудь.
Но страшен ветер. Он в окошко
Дудит протяжно и звенит,
И, не мигая глазом, кошка
Ворочает пустой зенит.
Очки поправив аккуратно
И аккуратно сгладив прядь,
Вздыхнув над тем, что безвозвратно
Ушло, что надо потерять,—
Ты сажу вдруг стряхнул дремоты
С трахомных вывернутых век
И (Зингер злится!) — пулеметы
Иглой застрачивают век.
В дыму померкло: «Мира!» — «Хлеба!»
Дни распахнулись — два крыла.
И радость радуго вполнеба,
Как бровь тугую, подняла.
Что стало с песней безголосой,
Звеневшей в мерзлое стекло?
Как полосата грудь матроса!
Как весело-развесел!
И день и ночь пылает Смольный.
Подкатывает броневик,
И держит речь с него крамольный
Чуть-чуть раскосый большевик...
И, старина, под флагом алым —
За партией своею — ты
Идешь с Интернационалом,
Декретов разнося листы.

1918 (1922)

Публикация Н. Бялосинской

Борис Рахманин

ВЫИГРЫШ

Опять в сберкассах пиковое время,
Все стекла в каплях пара, как в росе.
Такое тут с утра столпотворенье,
как будто нынче выиграли — все!
А ведь и вправду так... По всей России,
по всей стране таблицы нарасхват.
И радостно:
«О нет, не погасили,
а выиграли!» —
люди говорят.

Была война. Нахмуренно, сурово,
во имя избавления земли

несли мы — деды, сироты и вдовы —
на стол подписки трудные рубли.
И так безмерно верили удаче,
что чуть про это вспомним — и сейчас,
опять — от счастья сбывшегося плачем...
Был выигрыш не чей-нибудь, а наш!

Хмелея от высокого восторга,
мы ждали наших воинов домой...
Осталась память — облигаций стопка
да извещение с траурной каймой.
А кто вернулся из огня орудий,
в пылу труда забыл про костыли.
И вновь Державе одолжили люди
свои «энзэ», остатние рубли.

А я? И я! Не гость, не посторонний,
судьбой со всеми связанный одной,
и я, салага, юнга, слесаренок,
принес хрустящий — первый! — четвертной.
Любуясь облигацией своею,
бежал домой от заводских ворот.
Я знал: за ней должок не заржавеет,
я знал: кто-кто, а Родина вернет.

Так год за годом... Все румяней, краше
вставал рассвет, считая этажи.
Взошли рубли натруженные наши
сквозь пепелища клювиками ржи.
И в небе ночью, словно в звездном сите,
искали мы земные корабли...
Вот и тираж. Зайдите, погасите...
Нет, вы и г р а й т е кровные рубли!

Так год за годом.
Кто в сберкассе крайний?
Стал в очередь я скромно, а вокруг —
седые, будто пепел, ветераны,
владельцы честных клешневатых рук.
Вон тот явился с полной корзинкой,
а тот вон — с полной сумкой полевой,
а этот облигации резинкой
стянул, а этот — лентой голубой.
И словно вдаль, задумчиво, незряче
глядят в глубины сердца своего.
Глядят с улыбкой... Ну, а как иначе?
Ведь выиграли все до одного.
Каналом стало, школою, плотиной —
соотношенье цен, событий, лет.
...Вот уж и мне вручают два с полтиной,
и драгоценней выигрыша нет!

Виктор Кочетков

* * *

Гляжу с надеждой
фильмы о войне
который год —
хотя надежды мало,—
а вдруг расщедрятся,
а вдруг покажут мне
и ту войну,
что жизнь мою ломала?

Ту,
что я осызгал и обонял
в окопной мгле
от Лисок до Хотынца.
Ту,
что на пленку памяти я снял
бессонными глазами пехотинца.

Валентин Лукьянов

В ДОРОГЕ

Квадратами шахматной пашни
Распахнуты дали ветрам,
И водонапорные башни
Ладьями стоят по краям.

И мир, что на солнце искрится,
Преданьем хранится целей,
И прошлое бережно скрыто
Под луковки белых церквей.

И только — равнина, равнина,
Где кругом идет голова,
Где каждая живность ранима,
Где каждая рана жива.

Полина Рожнова

БАБЬЯ КРАСОТА

За печным столбом
бабья красота.
Навязаться на меня хочет,
ухватить ртом
кусочек от житья.

За печным столбом
бабья красота.

А печной столб —
основа житья.

А в красном углу —
солнце с маревами,
а над дверями —
чисто поле со зверями.

Сидит бабья красота
за печным столбом,
крылья растит —
ястребиные,
когти — совиные.
Напорхнуть хочет
на мои досады,
налететь —
на мои заботы.
У бабьей красоты
одна говорина —
горькая рябина.
И не слово — а сбывище,
и не сердце — а скривище.

Найду железце,
в серп согну,
отобью на шестке.
Острие воткну
в бабье сердце!
Да сон-то никак
хитрую — не одолеет.
На солнце с маревами
она один глаз косит,
а другой
с чиста поля
не сводит.

Владимир Попов

ВЕЧЕРИНКА

Словно красная косынка,
полыхнул тугой закат...
Вечеринка. Вечеринка
не вошла еще в азарт.

Примеряются друг к другу:
смотрят взором томных птах.
Ходят женщины по кругу
в пестрых вышитых платках.

Словно птицы прилетели
бойкие да внятные;
словно с детской акварели —
с золотыми пятнами.

И, нет-нет, стрельнут навывлет —
взгляд во взгляд — случайно вроде...
Гармонист тихонько пилит:
антимонию разводит.

Тут нужна раскачка, верно..
А потом как вскрикнут: ай!
И пошла писать губерния! —
только рот не разевай.

И разрушится преграда:
словно по углям пойдут.
Хочешь стой, а хочешь падай —
сами ноги запоют.

Пляшет красная рубаха —
ох ты, господи, спаси!
Подошла ко мне деваха:
— Ну, пойдем потопчемси!

Баба вышла на середку —
(пуста ложка рот дерет) —
как мужик с луженой глоткой
часту-тушечку поет.

Запоет, что слышно даже
где-нибудь под Тулою..
Руки в боки — словно кажет
самоварье тулово.

Старики стоят смеются —
ухмыляются в усы:
«Парни с девками дерутся,
как с воронами дрозды».

Уплыла гармонь далёко.
Ночь безмолвием полна.
Словно баба с круглым боком
ходит белая луна.

Публикуемая ниже статья Сергея Клыčkова — автора ряда книг стихов, поэтических переводов и переложений, вышедших в 1911—1936 годах, и романов «Сахарный немец» (1925), «Чертухинский балакирь» (1926), «Князь мира» (1928) — появилась в московской литературной газете «Новости» 30 октября 1922 года.

Вот как характеризует современный исследователь литературную ситуацию тех лет: «... в целом в начале 20-х годов писательская масса представляла собой явление крайне неоднородное. Пестрота эстетических платформ отражалась в многочисленных литературных манифестах, которые каждая творческая группировка считала необходимым провозгласить... Искания, рожденные новой революционной эпохой, переплетались здесь с приверженностью к старым буржуазным принципам искусства. Это приводило к поистине кричащим противоречиям...» («Очерки истории русской советской журналистики: 1917—1932». М., 1966, с. 68).

Особенно ярко это проявилось в тогдашней поэзии. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть хотя бы на выпущенные в Москве под эгидой Всероссийского союза поэтов (формально объединявшего большинство существовавших в те годы поэтических течений и группировок) книги «Соп: Первый сборник стихов» (1921) и «Союз поэтов: Второй сборник стихов» (1922). И даже не на сами книги, а на их библиографическое описание в указателе Н. П. Рогожина «Литературно-художественные альманахи и сборники: 1918—1927 годы» (1960).

Ознакомившись всего лишь с первыми строками учтенных в этом указателе стихотворений, написанных членами Союза поэтов — представителями группировок имажинистов, футуристов, акмеистов, эклектиков, центрифугистов, беспредметников и др., — вполне можно согласиться с Клычковым, когда он, характеризуя *массовую* поэтическую продукцию того времени, писал в своей статье: «...творчество (обратилось) в статистику и регистр более или менее удачных подходов, приемов, методов и ухищрений. (...) Какая чудовищная смесь, тарабарщина, разноголосица царит в наше время в искусстве».

Вот еще одно свидетельство не просто очевидца, но активного участника деятельности Всероссийского союза поэтов — сподвижника Есенина по имажинизму И. Грузинова: «Союз поэтов уже несколько месяцев шумел своими выступлениями. Поэтический шум не только наполнял Москву, но переходил далеко за ее пределы: во многих крупных городах Советской Республики появились отделения Союза поэтов» («Встречи с прошлым: Выпуск 3». М., 1978, с. 188).

Тревога и беспокойство за судьбы русской поэзии, высказанные Сергеем Клычковым, разделялись и другими поэтами. Среди них был О. Мандельштам, который в своей статье «Армия поэтов» («Огонек», 1923, №№ 33 и 34) гневно написал об эстетствующих стихотворцах: «Кто же они, эти люди — не глядящие прямо в глаза, потерявшие вкус и волю к жизни, тщетно пытающиеся быть *интересными*, в то время, как им самим *ничего не интересно?*» Александр Ширяевец, лишь в конце 1922 года вошедший в московскую литературную жизнь и судивший о ней как поэт, не примкнувший ни к одному из многочисленных литературных течений, замечал в одном из писем (марта 1924 года) незадолго до своей преждевременной кончины: «Здесь помешательство на *форме*. В смысл не вникают, а уловляют, как *всё сказано*. Думаю, что и это схлынет, как схлынуло многое».

Несомненно, мысли Сергея Клыčkова о поэтическом творчестве будут интересны и сегодняшнему читателю. Статья «Утверждение простоты» дается здесь по газетному тексту с некоторыми сокращениями.

Сергей Субботин

УТВЕРЖДЕНИЕ ПРОСТОТЫ

Война между формой и содержанием, между словом и его внутренним обозначением — извечна.

В наше время эта обостренность — титл, стоящий между чувством, мыслью и ее словесным знаком, — особенно опустошительна. Двойственность бытия художника и поэта из трагедии обратилась в профессию, извечный фатум души в пустое место, а творчество — в статистику и регистр более или менее удачных подходов, приемов, методов и ухищрений. Только примелькались глаза у всех нас, а ведь если так, на минутку, отрешиться от наших обычаев и канонов, зайти как бы самому себе за спину и украдкой осмотреться вокруг — какая чудовищная смесь, тарабарщина, разноголосица царит в наше время в искусстве. И едва ли это разнообразие и пестрота — от избытка, от богатства творческих сил и уверенности в них? Развилась порода поэтов, художников, которую можно назвать полукровкой. В самом деле: за последнее время на наших глазах литературные направления вырастали и гибли с невероятной быстротой, и теперь уже не найдешь почти ни одной литературной группы, в которой не происходило бы внутреннего разложения. Уже одна эта поспешность литературных манифестаций и быстрая смена их знамен — не есть ли прочное свидетельство эфемерности и иллюзорности поэтических исканий нашего времени. Извечная рознь и война формы и содержания завела нас в тупик, по существу мы ничего не добились, искание форм привело к афоризму и уж действительно к какой-то феерической легкости достижения в области формы. Больше того — мы в последних наших исканиях в слове очень существенно потеряли, а не нашли: нам очень дорого стоит эта всеобщая мобилизация бессмыслицы и крестовый поход против человеческого нутра и простого здравого смысла. Внутренняя духовная и душевная пустота и опустошенность и породила уход с головой и со всеми потрохами в так называемое мастерство, само по себе необходимое и должное как одно из производных искусства. Поэт в наше время прежде всего мастер, искусник, а мастер и искусник не всегда еще поэт, подобно тому, как хороший поэт еще не всегда хороший мастер и изощренный искусник. В самом деле, что же мы в конце концов нашли? У нас есть наука о стихе, мы знаем, как надо хорошо и занятно писать повести и рассказы, наши головы забиты различными теориями прозы и стиха, однако стихов хороших не пишут даже те, которые «все знают». Форма стиха, — о, тут, конечно, мы потрудились. Начиная с «Символизма» Белого и кончая Жирмунским и Шкловским, у нас не подлежащие никакому сомнению открытия в области слова налицо, но ведь все это только последующий факт творчества для каждого поэта в отдельности, а не его красный угол. Для огромного же большинства все эти теории и приемы стали чудовищным транспа-

рантом. Согласны, что по этому транспаранту уже никто не пишет плохо, но как раз, должно быть, именно поэтому хороших стихов в обычном человеческом смысле слова мало. <...>

... что же есть истина? Едва ли можно ответить на этот вопрос в <...> регламентарном духе <...> Все будет приблизительно, парадоксально и афористично для наших логиков и эрудитов, а следовательно, и совершенно неубедительно! Но тем не менее мы сказали бы, что истина: простота как составное из бесчисленного множества элементов, теряющих каждый раз характер обязательности и непременности!

Новизна: один старый мудрец говорил о новизне в искусстве, что не все новое в искусстве всегда хорошо только потому, что оно ново, но зато все старое хорошее всегда ново. Вот в этом смысле непреходящей новизны, вечной от века, но разнообразной по векам, поэт, конечно, должен быть нов. Не должен быть только нов «во что бы то ни стало». Подчас иному поэту, талантливому и даровитому, совсем сказать нечего — ибо внутренняя опустошенность сильнее таланта, — вместо того чтобы молчать, ожидая часа возмущения воды, поэт выдумывает новую методологию, маскируется в новые слова, за скорлупой которых еще никакого живого зерна не созрело, — выдумывает, легко сказать, «новую простоту». Поэтому в наше время редок трафаретный поэт: трафарет — страшный жупел, которым, кажется, быка можно убить на месте. Обогащение языка сухим филологическим путем не пойдет, и искусственное омоложение языка не искупит его устарелости. В поэтическом творчестве старости нет — все слова молоды, ибо искусство — вечное царство юности. Каждое слово у каждого поэта живет по-разному, по-разному на слово падает свет из творческих тайников, и все зависит от того, как слово сходится с другим словом, как оно берется с другим словом за руку, чтобы войти в плавный и величавый словесный хоровод. Ведь в хороводе, говорит народ, каждая девка красна, по этому-то самому все слова хороши, нет слов хороших и нет слов плохих. Потому-то и нельзя так вдруг дернуть две-три цитаты с боков и с середины — и восторгаться новизной слова и образа или, наоборот, негодовать на затхлость трафарета и отсутствие новизны. Цельность поэтического произведения, хороводность слов и строк делают и самую удачную цитату неубедительной. Таким образом, еще очень долгое время, до конца дней поэты будут рифмовать кровь — любовь, потому что еще тысячи есть возможностей вдохнуть в это изношенное сочетание каждый раз новый свет. Трафарета нет, — есть только вечное обновление словесной листвы в волшебном саду искусства, где один и тот же лист звенит на тысячи голосов, смотря по тому, как он сплетается с другим листом, впитывая и меняясь голосами в общем шелесте стихотворной ветви. Каждый сильный поэт убивает каждый раз слово и для себя, и для других, выпивая из него весь жизненный сок и краски, как паук из мухи, но слово остается мертвым висеть

на паутине готового создавшегося поэтического образа, пока в него не ударит луч нового озарения, возвращающего ему прежнюю и, может, удесятеренную силу, — все дело не в затасканности этого слова, а в творческой индивидуальности поэта, пользующегося им, в его искренности и глубине, в «длине волны» и ее напряжении, то есть опять-таки в простоте.

Образ: В свое время — в очень недавнее время говорили: образ хороший, но надуманный, а потому не подлинный и не прост. Теперь с этой стороны образ не расценивается, наоборот, надуманность, неестественность и простота образа стали достоинством. Однажды я застал Есенина за такой работой: сидит человек на корточках и разбирает на полу бумажки. На бумажках написаны первые пришедшие в голову слова. Поэт жмурится, как кот на сметану, подбирает случайно попавшие под руку бумажки и из случайных слов конструирует более и менее выигранный образ. Выходило подчас совсем недурно. Прodelывалось все это, может, в шутку, тем не менее для нашего времени и эта шутка показательна: механизация нашей образной речи — явление, характерное не только для имажинистов. Образ перестал быть праздником в строке, нечаянным, чудесным и желанным. Образ на образ прет, давит и лезет почти у каждого поэта и беллетриста, и тем не менее не радует это глаза и слуха, ибо затеряно в этой толпе образов чувство меры, пропорции и простоты, потому что образ не рождается со звездой, а делается, стряпается по своей для каждого поэта манерке. Некогда все слова были образами. Хребет горы, который мы можем встретить в любой географии, не претендующей ни на какую образность, — для дикаря, боящегося тени от облака, был образом ослепительной яркости. Со временем все слова стерлись, потеряли свою первобытную выпуклость и значимость, а искусство поэтической речи нашло чудесное средство каждый раз воскрешать эту выпуклость и яркость через взаимопомощь в слове. Эта взаимопомощь является главным нервом образа; слово слову помогает, почему и должно в строчке стоять плечо в плечо, поддерживая историческую тяжелину исторической речи.

Понятность и непонятность: мы отвыкли от понятной речи. Заумники, имажинисты, центрофужисты, футуристы и все остальные спецы по словесной бессмыслице непонятым языком пишут одни только стихи, но когда им надо декларировать и объяснять себя, защищаться и доказывать правильность своих методов, их поймет ребенок. Таким образом, теоретические размышления наших эрудитов — как крепкие заборы вокруг пустого места. В том-то вся и штука, что место-то огорожено пустое, хотя огородка и добросовестна, а эту пустоту необходимо замаскировать и навести лаки на несуществующую картину. По тому-то самому без трудноватости сейчас редкий поэт обходится, потому что не о чем сказать просто и ясно, — нечего и говорить о том, что трудность в сущности очень «легкая нажива». Гораздо легче сказать непонятно, чем ясно и просто, легче выдумать, состря-

пать заковырку, хотя бы удивительную и поражающую, чем воплотить в простой, живой, осязательный художественный образ человеческую мысль и чувство. Искусство же вечно стремится к самой напряженной наполненности и избытку, поэтому двенадцатый час наших бесчинств пробил. Номинально, конечно, все останется по-прежнему, но внутренняя работа разложения и рассасывания болезни слова будет идти своим чередом, ибо в искусстве все-таки ценно и остается жить только то, что прекрасно и просто.

1922

Публикация Г. Клычкова

Владимир Урусов

* * *

Не зря я рвался и метался
по всей судьбе из края в край —
на углу надувном матрасе
меня несло в скалистый рай!

...Тела проходчиков во мраке
и глотка штольни, черный круг,
и узловатые коряги
избитых в кровь рабочих рук.

Там белый свет, там будет город,
над ним уже летит звезда...
И вновь стекает мне за ворот
святая мокрая вода.

Какие здесь собрались люди!
Увижу, лишь глаза протру,
упрямых гор тугие груди,
ложбины падей на ветру.

Ребята с честными глазами,
сквозь жизнь, прожитую не зря,
пусть нас несет под парусами —
и мы не бросим якоря!

* * *

Производственная поэма,
на рабочую тему крен —
на приборе замкнула клемма,
зря ребята бурили керн.

Досылая за штангой штангу,
упираясь, насупив взгляд,
как на фронте — назад ни шагу.
Это я сделал шаг назад.

Это я согрешил, зараза,
подрубил подо всеми сук.
И ведь надо! — еще ни разу
не отказывал ультразвук.

Успокоил меня приятель
там, у спуска на ствольный двор.
Но в подъемной клетке, предатель,
пнул моею ногой прибор.

Дмитрий Сухарев

ИЗ БЕЛОМОРСКОЙ ТЕТРАДИ

ЛЕТЕЛА ГАГАРА

Летела гагара — над нашей моторкой гагарка летела,
Над нашим мотором, ревушим надсадно,
летела гагара —
Гагара из перьев, из теплого пуха, из брэнного тела,
Но также — из песни, и песню полета
крылами слагала.

Летела гагара над чистым пространством,
над мирным простором,
Над Марьиной Коргой, семью островами, косою,
лесами,
И с пеной на гриве волна не ревела
над нашим мотором,
Над нашим мотором хрустально висела
волна Хокусаи.

А пятнышко туши на чистом пространстве
поморского шелка
Вдали размывалось, а песня полета едва различалась.
И песня прощалась со всей нашей тишью,
пропавшей без толка,
И песня к нам в души, поняв, что без толка,
уже не стучалась.

ОКТАБРЬ

Где селится летом профессор Серавин,
Там я расселился,— но странно ли это?
Хоть я с ним, положим, чинами не равен,
Но все же учтите, что нынче не лето.

И белая ночь стала черной, учтите,
И Белое море черно временами,
Зато — снегопады; зато в общепите
Интимностью пахнет и кормят блинами.

И черные ветви карельских зимовищ
Мне моря не застыят, как застыли летом

Тому, кто сидел в этом кресле и морщась
Укутывал ноги профессорским пледом.

А море, положим, черно временами,
Но Белое все ж оно, как ни вертите,
А это — до смерти; не все ж между нами
Двойная казенная рама, учтите.

ПИРОСКАФ

Пеною волны брызжут в ладью,
Судно с орех, а какая каютина!
Выйду на волю, там постою:
Джинсы Петрушины, шапка Анютина.

Дети мои приодели отца,
Женщины мира котлет понажарили,
Братствует с ветром нега лица
В северном море, в родном полушарии.

Некая Вика прошлой зимой
Мне говорила, мусоля чинарище:
«Знаешь ли, кто ты, голубь ты мой?
Ты старикашка, но — начинающий».

Умная Вика, ты не права,
Я холодеющий, но — молодеющий.
То-то, голубка Токарева:
Ты не видала меня на воде еще!

Пусть поистерся, но потрясен
Тем, что маршруты мои не нарушены.
Чем я не викинг Джеймс Паттерсон?
Шапка Анютина, джинсы Петрушины.

Куртку на молнии сам приобрел,
Пусть уцененная, но — утепленная.
То-то я гордый, как горный орел!
То-то зеленый, как Рина Зеленая!

Наталья Егорова

* * *

Вспоминай: тетя Феня — уборщица в школе
Мусор выгребет из-под стола.
Словно конь молодой, разгулявшийся в поле,
Ходит по полу, ходит метла.

— У, я вас разгоню, окаянные, ну же!..—
Ты грознее, чем завуч, на вид.—
Ну!..— (роняет отличник в испуге свой ужин).—
Ну! Убью!..— (второгодник бежит).

Самовольно добытою призрачной властью
Упивалась всерьез ты и всласть:
Стороной обходило обычное счастье,
Но хоть в этом-то жизнь удалась.

В комнатухе пришкольной под грохот
спортзала

Завершила земные пути.
Две худые подушки, одно одеяло,
Фикус в кадке, засохший почти.

Тетя Феня, прости, мне приснилось однажды
Классе в пятом, как ты налегке
Вознеслась в небеса деловито и важно
Со своею метлою в руке...

— У, я вас разгоню, окаянных, ~~домёрших~~,
Распустились, прогнили дотла! —
Сотни звезд слюдяных разбивая в лепешки,
Заметалась по небу метла.

Я проснулась, крича и отчаянно плача
С детской неумолимостью всей
Над разбитой звездой, над школьной задачей,
А совсем не над смертью твоей.

Александр Лекомцев

Иркутск

ВЗРЫВ

У горы отлетела душа —
В мир небесный ей время пришло —
И, крылами над штольной шурша,
Нам оставила рудное тело.

До чего же богата гора
Золотыми пластами металла!
Мы и знать-то не знали вчера,
Что она это чудо скрывала.

Мы гуляли по ней на заре —
Били рябчиков, травушку мяли,
А по самой вечерней поре
Здесь любимых своих целовали.

Чертыхался начальник во зле,
Говорил: «Возле этой деревни
Ни черта не таится в земле,
А на сопке лишь пни да деревья».

Предрекал нам иные пути
И открытья сулил в глухомани.
...Ты, гора, нас за дерзость прости,
Ну, а душу твою мы помянем.

Виктор Крещик

Новосибирск

ЛЕТНЯЯ ПЕСНЯ НАД ТАЕЖНОЙ РЕКОЙ

Сотканы глаза твои только из добра.
В них ни молкнет музыка — это слышу я.
В них соединяются завтра и вчера,
А сегодня так светло, милая моя.

До травы дотронешься — и трава цветет.
До воды дотянешься — и поет она.

Кажется невиданным облаков полет,
Выдуманной кажется вод голубизна.

Ты молчишь. Молчание лучше слов любых.
Как же это без тебя жить я раньше мог?
Без июльско-солнечных рук твоих нагих —
Непонятно, как я жил, это видит бог!

Полдень вызрел над тайгой, выше тишины,
Выше вежливых громов, шедших вдалеке.
Мы с тобою ничего видеть не должны —
Легкий ветерок прошел рябью по реке.

Реактивный длинный след распадаться стал.
Хрупким, сломанным крылом машет стрекоза,
Подступает желтизна к зелени листа,
По щеке твоей ползет медленно слеза.

Хочешь? Хрупкое крыло я восстановлю.
Веришь? Я постичь сумел тайны красоты!
Я открыто говорю, что тебя люблю,
Ну так что же плачешь ты? Что же плачешь ты?!

Станислав Федотов

Томск

СТАРЫЙ ДВОР

Старый двор, на улицу открытый.
Старый дом, кренящийся давно.
На крыльце — старуха. А под крышей
с рамой скособоченной окно.

Ни стекла в окне том не осталось —
иззиялось черною дырой...
Под весенним солнцем грея старость,
всхрапывает женщина порой.

Вдруг в окошке — детская головка:
щеки — алы, шапочка — бела...
— Здравствуй, баба! — крикнула плутовка
и исчезла, будто не была.

Женщина очнулась, оглянулась,
развернула шали серый ком.
— Здравствуй, внучка! — словно улыбнулась,
спела дребезжащим тенорком.

— Здравствуй, баба! — вымелькнула снова...
— Здравствуй, внучка! — ждет еще, хитра...
Не четыре слова, а — основа
жизни всей, несложная игра.

И уже — не старый двор с подворьем,
не обломки рамы в том окне —

мир счастливый широко отворен
и девчужке с бабушкой, и — мне.

Пусть в сиянье мартовского солнца,
радостный усиливая свет,
«Здравствуй, баба!» — улицей несется,
«Здравствуй, внучка!» — слышится в ответ.

Роман Солнцев

Красноярск

* * *

В. Астафьеву

Зайчишка побелел к зиме,
а снегу нет и нет!
Все время крутится в уме,
а помнить бы не след..
Ну, что мне заяц на холме,
когда горит весь свет?!

Сергей Бойцов

Курган

* * *

В день, когда уходят солдаты,
чтобы не возвратиться,
не плачут лишь дети, что еще не зачаты.
Их молчанье о том, что им уже не родиться.

Юрий Кашук

Владивосток

ПАССАЖИРСКИЙ РЕЙС

Лайнера курильского белые борта...
На четвертой палубе едет вербота.
Едет, как сливаются речки невтопад,
едет, как срывается с кручи водопад.
Эту вот — к подруге случай притулил,
этой — мужа с сейнера вербовщик сулил...
Каждому удачу выдаст по счетам
тот обетованный остров Шикотан...

Укрывает палубу одеяло звезд.
По корме работает ветерок норд-ост.

Океанский ветер просто и легко
на губах романтики сушит молоко.
Как на обнажении сдвинутых пород —
материк и море,
люди и народ...

Геннадий Прашкевич

Новосибирск

ПАМЯТИ КОРЕЙСКОГО ПОЭТА КИМ ЦЫН СОНА

Прежде всего вспоминаю лоб —
выпуклый, желтый. Блестя пластмассово.
он возвышался, как злой сугроб,
над пожелтевшей от времени массой
щек, подбородка...

Сплетенье жил,
съеденных нервами в сварах и драках.
Он по-корейски кричал и выл,
он по-корейски молил и плакал.
— Переводи! — умолял.— Вводи
в лес, где река никогда не смолкает.
В лес, где смятением пахнут дожди,
в лес, где снега, как смятение, тают.
Мудрость и глупость теперь одно!
Кто возразит на шум океана?

И колотили метели в окно,
звезды пылали нежно и рьяно.
И над распадом оплавленных слов,
язык обжигающих, будто свечи,
он умолял говорить про любовь,
и холод сводил его толстые плечи.
И через безденежье, через борта
дней, что иллюзий давно не питают:
— Р о з е,— шептал он,—
б л а г о у х а т ь
з л ы е ш и п ы
н и к о г д а н е м е ш а ю т!

Леонид Завальнюк

* * *

Мне жить не больно.
Жизнь моя легка.
Сложна ли? Может быть.
Но по простым лекалам.
Бескрылая судьба? Беда не велика.
И без полетов можно жить.
Лишь бы душа летала.

Мне жить не больно. Больно быть собой
В кругу родных людей,
Когда в часы тревоги
Они, вздыхая над моей судьбой,
Пытаются спасти меня,
Столкнув с моей дороги.

ПОСЛЕДНЯЯ РУБАХА

Не надо отдавать последнюю рубашку.
Ты ж видишь, у меня рубаха есть.
О щедрость пьяная — пред каждым нараспашку,
Ты кто: черта души или ее болезнь?
Я не племянник-сирота,
Ты не богатый дядя.
Но если уж совсем немоготу тебе
без этих благостных затей,
Ты дай,
Но трезвый дай, в лицо мне прямо глядя.
— Вот, на! — скажи. — Бери.
Я обокрал своих детей.

ЗИМНИЙ РАЗГОВОР С СОСНОЙ- ОТШЕЛЬНИЦЕЙ

Бедняга!
Трудно, видимо, расти на этой стылой
крутизне.
Ведь по природе ты — гигант,
А ишь как измельчала!
Что, очень холодно?
— Да нет,— она мне отвечала.—
По правде говоря, до сей поры
Я холодов не замечала.
Но оттого что ты дрожишь и посинел,
Вдруг стало холодно и мне.
Я понимаю, ты с добром.
Тебя ль мне обижать!
Вот ты сочувственно заговорил со мною,
И прямо сердце млеет.
Но если можно, путник,
Перестань дрожать.
А нет — тогда иди. Ступай себе.
Придешь, как потеплеет!..

ТВОЯ ШУТКА

— Не люблю!..
— Это шутка?
— Конечно же шутка. И только всего.
Что ж ты скис?
— Как сказать, моя умница...
Подойди к человеку на улице
И скажи, что не любишь его.
Посмеется?
Права, посмеется.
Но, нелепую встречу кляня,
Он потом среди ночи проснется,
Раздраженный, недобрый проснется,
Скажет: «ТЬфу!»
А в душе ужаснется:
— А она-то не любит меня!..

КАМНИ

Есть в пьяной нежности
Дождей холодных грусть.
— Придешь еще?
— Приду!..—
А руки скажут: «Кану!»
И тело женщины, столь чуткое к обману,
Оцепенеет вдруг. И станет камнем:
«Ну и пусть!»
И долго, может до конца судьбины,
Она теперь останется такой.
Потом придет на ложе каменный любимый,
А в дом и в душу — каменный покой.
И на осклизлом, плачущем рассвете,
Что источает осень из незрячих глаз,
У них родятся каменные дети,
По-каменному трезвые, как многие из нас.

Владимир Вишневский

* * *

Совсем не видимся, отец,
Уже привычно — обнаружить,
Вернувшись в полночь наконец,
Записку про звонки и ужин.
Бесшумно в комнату войти.
И к зеркалу прищипить в ванной —
«Перед уходом разбуди».
Глотнуть впотьмах воды из крана.
И — сутки прочь. В который раз
Руками развела неделя
Нас — не чужих, отец, а — нас.
Все, кроме малости, успели.
Успел дожить до тридцати.
А вышло — суетно, негордо.

Отец, прости меня, прости!.. —
Подкатывает комом к горлу.
«Прости!» — твержу я. Про себя.
Хотя ведь — что оно, прощенье?..
Трубит неделя, торопя,
И вновь сулит разминовенье.
И ночь, и я тебе — пишу!..
А сутки — прочь. Вода из крана.
А внешне все не так уж странно:
Я слишком поздно прихожу.
А ты уходишь слишком рано.

Александр Городницкий

РОДОСЛОВНАЯ

И мы когда-то были рыбы
И населяли тонкий слой
В расселинах горячей глыбы,
Что именуется Землей.
И нас питала эта влага,
Вскипающая под винтом,
Лишь постепенно, шаг за шагом,
На сушу вышли мы потом.
Об этом помню постоянно
Над крутизной морских глубин.
Милее мне, чем обезьяна,
Сообразительный дельфин.
И я, не знаю, как другие,
Испытываю близ морей
Подобье странной ностальгии
По давней родине моей.
Когда циклон гудит за шторой,
Всмотритесь в утренний туман:
Зовет назад, в свои просторы,
Наш прародитель Океан.
И, словно часть его здоровья,
Дарованная навсегда,
Стучится в жилах наших кровью
Его соленая вода.

Галина Нерпина

МОСКОВСКИЕ ПЕРЕУЛКИ

Вы пальцами руки
В потемки потянулись —
Вы магия
моих
Широкополых улиц.
И солнце на закате,
Рельефы выпекая,

По улицам прокатит,—
И тишина такая!

Мой шаг преувеличен —
Он окликает гулко
Любимые различья
Любимых переулков.

Москвы просторна строгость.
Она хранит печально
Задуманную стройность
Любви первоначальной.

И хлынет дождь хороший,
И многоточьем канет..
Захлопает в ладоши,
Затопают ногами.

Опять весна включилась,
Как музыка в шкатулке.
Но что со мной случилось?—
Мне снятся переулки.

Алексей Крученых

1886—1968

НИКОЛАЮ АСЕЕВУ

Впопыхах отдать
две трудных страшных ночки
за две занозистые строчки,—
это еще мало загребла
старая процентщица судьба.

Нос — на месте,
уцелели ручки, ножки,
отпустила, не сломавши позвоночник,—
значит, еще дешево взяла
старая немаха
железноносая карга.

Так с великой проседью,
криками роженицы —
по железам грохотом кузнец —
слово дымовое
набок бомбой бросится,
измарает кровью
фартуки и простыни,—
и кричит, весь в лихорадке,
молодой отец.

Как родители лелеют
первенца-пискленка розовый комочек,—
так Асеев
    без ума
        от новорожденных
            брыкающихся строчек.

1940

РАЗЛУКА НА ПУСТЫРЯХ

Ты стала такой далекой,
сделалась совсем невесомой,
сумрачных гор протянулась тесьма.
Ты стала таинкой,
ветром влекомой,
не тяжелее письма.

Да и они,
былые курьеры любви,
как видно, забыты тобою
на до-о-олгие дни.
А мою жажду
не залить никакими льдами,
никакой Ниагарой,
так и буду дрожать,
так и буду жариться на огне,
на кострах Танахары.

Эх, забирает, Танька,
до самых корешков!
Разбередил, лопочёшь дико
небыль нелепую,
забываешь метро
и пробродишь пешком
тридцать километров
по колючим пустырям
до утра
незаметно.

1950—1953

Публикация С. Сухопарова

Николай Глазков 1919—1979

* * *

Я весь век свой желаю опередить,
Что не всякий умеет делать,
И себя попытаюсь определить,
Но так, чтобы не определён.

Я поэт своего поколенья,
Стих мой правдив и вещь.

Откровенность на уровне откровенья
Очень хорошая вещь.

Я общепризнанный непризнанный гений,
Легендарный Глазков,
Может быть,
        глупее
            своих творений,
Написанных
        мною стихов.

ДОРОГОЙ ХИКМЕТ!

Вы корабль, а читатель море.
Большому кораблю —
Большое плаванье.
Я Вас очень люблю:
Но, по-моему,
Главное
Не корабль, а море.

У Вас есть читатель: имя ему миллион.
Он
Жизнь и искусство настолько постиг,
Что понимает стих!
Он
Почитает
Всех борцов за свободу и мир;
Но читает
Только тех, кто ему мил
Как поэт.

Товарищ Хикмет!
Вы корабль, а читатель океан:
Имя ему миллион.
Он
Не знает турецкого языка.
Ему надо, чтоб рифмой звенела
Строка,
И нет дела
До рабской точности перевода.
Природа
Стихов такова,
Что переводить надо смело,
Чтоб слова
Были острыми,
Как мечи и копья,
А не тусклыми,
Как копии!

Итак,
Подвожу итог:
Во-первых,
Поэт-переводчик не раб, а соперник!
Во-вторых,
Стих —
Колесо, а не дырка от колеса,

Палец, а не отпечаток пальца!
В-третьих,
Кто не согласен с этим,
Тот ошибается!

* * *

Сумасшедшие гении
Сочиняли стихи или прозу,
Выдавали новейшие мнения
По любому вопросу.
Но новейшие мнения —
Не сильнейшие мнения,
Сумасшедшие гении
Не имели значения.

Я и сам из таких:
Без особого смысла.
Ничего не достиг;
Ничего не добился.

Подружился с сомнением,
Несомненно, печальным,
Чтобы сделаться гением
Совершенно нормальным!

Публикация Р. М. Глазковой

Константин Левин
1924—1984

ЭЛЕГИЯ

И мальчик, который когда-то видел себя
Заратустрой,
Метил в Наполеоны и себялюбом был,
Должен сейчас убедиться —
как это ни было б грустно,—
Что он оказался слабее истории и судьбы.

Что мир перед ним открылся кипящим котлом
военным,
Ворсистым сукном шинельным подмял его и облек.
Что он растворил ему сердце, как растворяют вены.
Что в эвкалипте Победы есть и его стебелек.

Микроскопически тонкий, теоретически суший,
Отнюдь не напоминающий Ваграм
и Аркольский мост.
И терпкость воспоминанья: румын батальон
бегущий,
В зеленых горных беретах,— и тут же обвал
в наркоз...

И тут же зеленые версты, как в цуге,
бегут с санлетучкой.
Набухшие гноем гипсы... Идущий от сердца мат...
А эти всегда беспечны — небесные странники,
тучки.
По крышам вагонов телячьих дождем посевным
стучат.

1945

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Покуда ты не скидан в кучи
И, следовательно, летишь
Как бы иронией летучей
На пустоту полей и крыш,

Покуда снегоочиститель
Тебя не сыплет в кузова,
Ты только часть и только зритель
Грохочущего торжества!

Ты только снег и только вестник
Счастливых дней и полных чаш,
Наш добрый друг, и наш ровесник,
И давний утешитель наш.

Бессмысленно летят снежинки...
И люди забывают вдруг
Свои заботы и починки,
Свой дом и возраст, быт и круг.

Бессмысленно летят снежинки...
И каждая — как сувенир.
И, как поэт на поединке,
Печален и прекрасен мир.

Еще не все в нем безупречно,
Но тем хорош наш белый свет,
Что он отныне и навечно —
Свет, а не суета сует.

Январь 1949

* * *

Есть город в стороне лесной,
Каких не меньше тыщи.
Ты и на карте областной
Его не вдруг отыщешь.

Но этот бедный городок,
Весь пихтами укрытый,
К которому течет приток
Реки незначительной,

Не позабыт средь всех дорог,
Хоть ты семь лет там не был.
И хоть семь лет — не малый срок,
А часть из них в огне был.

Ты помнишь черную реку —
Как точную примету,
Как стихотворную строку
Любимого поэта.

Она настолько далека,
Ее забыл ты имя —
Не ручеек и не река,
А среднее меж ними.

А помнишь, помнишь: в январе
Легко так просыпался,
Водою черной на заре
По пояс умывался.

Но если запоздаешь в строй —
Два получи наряда!
И был тогда ты — рядовой...
Знай, стало быть, порядок.

Далек тот строй, далек тот год...
Навек я благодарен
Тебе, товарищ помкомзвод,
Ты был хороший парень.

Но никогда, но никогда
Не будет нашей встречи.
Темна днепровская вода,
И скрытны ее речи.

1949

Публикация Л. Г. Сергеевой

Василий Казанцев

НОЧНАЯ МОЛОТБА

Машинный след, как бы лыжня,
Идет, идет, идет, маня.
И сквозь года и сроки
Ведет, ведет, ведет меня
В тот темный год далекий.

Там посреди дороги — ток.
Сухой соломы кучи.
Там молотилки стукоток.
Тугой, густой. Тягучий.

И, свет белеющий ля,
Сухая рожь искрится.

И пыли колкая струя
Летит, как ветер в лица.

Там вихрь кружится пылевой.
И сноп блестит, взлетая.
И смех взлетает над землей.
И шутка озорная.

И пыли мечется волна.
И сена светится копна.
...И над сухим зерном — сосна
Сквозит холодной сенью.
...И надо всем живым — война
Стоит тяжелой тенью!

* * *

И в беспросветный час ночной,
И в ясный, светлый час дневной
Гремит над миром, не стихая,
Гремит, не тая, не смолкая!—
Гремит вторая мировая!
Гремит о третьей мировой!

НЕЙТРАЛЬНАЯ ПОЛОСА

— А здесь тебе не худо? Да?
— О да. И тем мне здесь не худо,
Что ни туда и ни сюда
Стрелять не надо мне отсюда.

— Совсем не худо здесь, о да.
— Одно, одно лишь только худо,
Что пули грозные сюда
Летят оттуда и оттуда.

* * *

Хлеб его был не горек, не сладок.
Путь его был не крут, не полог.
Был один у него недостаток:
Зла людского он помнить не мог.

Не однажды, конечно, пытался.
Будоражил себя, растревлял.
Но в конце — неизменно срывался.
Но в конце — все равно отступал.

Зло за это его привечало.
Одаряло вниманьем своим.
Но своим — все равно не считало.
И добро — не считало своим.

И, плескаясь, летела вода.
И текли незаметно года.
И стоял на земле одиноко.

И остался стоять одиноко.
Одиноко, далеко, высоко.
Как высокая в небе звезда!

* * *

Был армяк у Вани
Хуже, чем у всех.
И грустно стало Ване,
Что армяк у Вани
Хуже, чем у всех.

Уж коли одеянье —
Такое ж, как у всех.
И стал армяк у Вани
Такой же, как у всех.

Взглянул на одеянье —
И грустно стало Ване.
Все так же сердце тужит.
Не радуется успех.
Ну, что быть может хуже,
Чем так же, как у всех?

Уж если одеянье,
То лучше, чем у всех.
И стал армяк у Вани
Лучше, чем у всех.

Взглянул на братьев Ваня.
И грустно стало Ване.
И жалко стало Ване
Их поголовно всех.

Не только это хуже,
Чем так же, как у всех.
Но это даже хуже,
Чем хуже, чем у всех!

Юрий Чехонадский

КОНИ РАЗГОВАРИВАЮТ

«Ох, жизнь наша худа!
Дорога длинная,
ямы глубокие,
воз тяжел,
сена — пригоршня,
бока ввалились,
мороз велик,
жара сильна,
слепень кусает,
кнут страшен,
зол хозяин».

«Ох, жизнь наша худа!
Мечи острые,
стрелы каленые,
копья длинные,
кони вражески —
груды железные,
сеча до ночи,
вопли смертные,
трава скользкая,
поле кровавое,
хозяин убитый».

«Эх, жизнь наша красна!
Солнце ясное,
дождик чистый,
воздух хмельной,
пашня пышная,
хлеб богатый,
сено душистое,
работа славная,
хозяин ласковый».

«Эх, жизнь наша красна!
Трубы звонкие,
стяги по ветру,
бег неистовый,
ярость ярая,
враг поверженный,
земля светлая,
воля вольная,
князь на коне».

ТРАГИЗМ

— Бывало, приедет Тургенев,—
(Толстой вспоминал свою жизнь),—
и будто бы сумрачный гений:
«Трагизм,— начинает,— трагизм...»
Трагизм? Да попробуй поспорь-ка!
Ведь жизнь — в самом деле — не рай...
Но так настроенье испортит,
что прямо ложись помирай.
Все время «трагизм» — разве можно?
Откуда такой в тебе мрак?
Часами его осторожно
я все уговаривал так.
Молчит, кое-как отвечает,
потом о другом говорит,
со мной по прешпекту гуляет,
задумчив и мрачен на вид.
За словом словечко — получше,
глядишь, настроенье, потом
расскажет какой-нибудь случай:
«Ну, дело!» — смеемся вдвоем.
Пора уезжать — и, в двуколку
сажаясь, склонит голову вниз,
посмотрит так тяжело и долго
и скажет тихонько — «трагизм!».

Вадим Ковда

ВО ЛЬВОВЕ

А все же он был молодцом:
взобравшись на старый портал,
атлант с разможенным лицом
полдома собой подпирал.

А рядом терпела урон,
одними плечами увита,
на темя поставив балкон,
безноса кариатида.

Напрягши усталые выи,
строенье держали они,
счастливые, что не живые
и что не знакомы они.

* * *

Вы в дымке, далекие годы,
где бабушка, Сталин, война...
Дух дерзкой, тлетворной свободы —
все можно, мы — дети, шпана!

Казалось, что жили теплично.
«Счастливые!» — это про нас.
А как это было трагично,
мы поняли только сейчас.

ТАЯНЬЕ СНЕГОВ

Пойдем посмотрим таянье снегов,
подспудных сил подспудное стремленье,
зимы роскошной муку и паденье,
глухое сотрясение основ.

Пускай узрят озябшие умы
среди талых вод, среди плеска и сверканья,
что это увядание зимы
осеннего не хуже увяданья,
когда спокойно падали листья,
цвели дожди, гнал ветер мглу и сырость...

Все это тоже — милость, милость, милость...
Красива даже гибель красоты.

ВРЕМЯ

Где уж эпоху осмыслить иную —
Эту понять не мешай!
Что же так мучает землю родную?
Вот —
не дает урожай.

Уберегусь ли от мыслей опасных?
Сдавят, и губ не разжать.
Что же так мучает женщин прекрасных?
Вот —
не желают рожать.

Олег Алексеев

* * *

...И при последней звезде
Гуси прошли над селом.
Старый гуменник задел
За провода крылом.
И загудели они —
Струны забытой души,
И засветились огни
В нашей холмистой глуши.
Старый гуменник исчез
Где-то в лапландских лесах.
Сяду один под навес —
Пусто в моих небесах.
Вот и закончился бал
Между коряжин и пней.
В поле торопится пал
Стаей неярких огней.
Вот и закончился бал
Между камней и коряг.
Кто я — славянобалт
Или угрюмый варяг?

* * *

Знать, была беда неотвратима,
Коль пришла, надменна и тиха,
Ветром с ледовитого Витима,
Кутаясь в таежные меха.

В грохоте полночного вагона
На усталом и пустом пути
Снилась мне тропа шального гона,
По которой зверю не уйти.

И предвестьем боли неминуемой
С вязких вешних вяло полей.
Чудились мне хмурые, как тучи,
Связки баргузинских соболей.

Виделись мне в черной той оправе
Четкие чеканные черты.
...По моей судьбе, по чьей-то славе
Не спеша прошли ее унты.

БЕЛОВОДЬЕ

Поэма

I

Священную птицу трепало в токийской лазури,
когда Сигемицу протезом стучал по «Миссури».
Увечье шакала размножено эхом по свету.
Япония пала с позором на палубу эту.
Священной особе микадо и птице священной
песчинками Гоби засыпан колодец Вселенной.
Победу стяжали совместно — иваны и янки.
Горит на скрижали автограф Кузьмы Деревянки.
Во Владивостоке ликует птенец, вырастая.
В воздушном потоке стоит белоперая стая.
Сияет на иве плакучей — роса океана.
В Токийском проливе остынет лавина с Хингана.

II

На сопке Орлинка цунами не хлещет жестоко.
Калинка-малинка и красное солнце Востока.
Пока пацанами протаптываются тропинки,
откатит цунами — и пленных оставит Орлинке.
Они желтокожи, таких мы еще не видали.
На нас не похожи, большую войну проиграли.
Продули вчистую на суше и на океане.
Отчизну чужую постичь ли — киркой в котловане?
Тарашимся скопом, погасим дворовые войны.
Пройдя по европам, по Азии ходит — конвойный.
Махорки притащим — конвойный поделится
с пленным,
с врагом настоящим, однако же — послевоенным.

III

Тебя Расимю в семье твоей звали, татарка.
По синему морю моторка летит и байдарка.
Купалка, рыбалка, и парус, и белая чайка,
и ты не русалка, моя загорелая Райка.
Назвать Расимю? Мы солнцем Востока палимы.
По синему морю не стелется тень Хиросимы.
Очами ордынки сияешь, не ведая горя
на отчей Орлинке у самого синего моря.
Страна Эльдорадо звалась на Руси — Беловодьем.
Так это же рядом! По сказочной Азии бродим.
Камчатским медведем чернеет Орлинка ночная.
Мы Азией бредим, по ней по-хозяйски ступая.

IV

Со временем в отчем жилье, пошатнув переборки,
появится — отчим. У отчима много махорки.
Туман самокрутки не тает в продутом жилище.
В голодном желудке еще безотцовщина свищет!

У отчима веко подрагивает спозаранку.
Василий Вдовенко в Монголии сел за баранку.
Проехал по Гоби, и блещут ночами поныне
алмазные копи небес, равноценных пустыне.
Он выручил в горе маньчжура, уйгура, эвенка.
В Японское море уходит Василий Вдовенко.
Уходит, довольный, в котельном потеть
отделенье.
А пасынок вольный в любом полетит направленьем!

V

Из Владивостока уйду ли, покинув Орлинку?
На судне у кока подкармливаться — не в новинку.
К раздетым-разутым гостям благосклонны матросы.
Махрой и мазутом матросские пахнут расспросы.
Из уличной шайки смутить никого не возможно.
И только у Райки душа напряжется тревожно.
Сияют Курилы за их молодыми плечами.
Стихийные силы дымятся морскими харчами.
Меня без усилий матросы чем хочешь одарят,
покуда Василий Вдовенко вдали кочегарит.
Я хлебные корки на камбузе впрок собираю.
Матросской махорки несет Расима — самураю.

VI

Лавиной с Хингана гроза прогремит глуховато.
На дне котлована сверкают кирка и лопата.
Для ревности нету вполне объяснимой причины.
На девочку эту внимательно смотрят мужчины.
Мне девочка эта назначила время и место.
Границы сюжета не шире душевного жеста.
Но светится Вега, седая мерцает пучина.
Двадцатого века серебряная середина.

Не меркнут нимало ни звезды, ни мачты, ни реи.
Уже грохотало лазурное небо Кореи.
Невидящим взором — ни мора, ни труса,
ни глаза —
посвечивал ворон, священная птица микадо.

VII

Камчатским медведем чернеет Орлинка ночная.
Мы Азией бредим, по ней по-хозяйски ступая.
Страна Эльдорадо звалась на Руси — Беловодьем.
Так это же рядом! По сказочной Азии бродим.

Александр Васютков

МЛАДШИМ БРАТЬЯМ

У вас, у которых и детство-то было иное,
Хотя вы совсем ненамного моложе годами,
Ничто, слава богу, не связано с прошлой войною.
И километраж между нами — как между двумя городами.

Ваш город прекрасен! Столичный, отличный, и чистый, и белый.
Наш город барачный и мрачный, запущенный и загрубелый.
Вон там, на углу, на тележке скрипучей — безногий.
На нем гимнастерка. На ней золотится медаль.
Вы видели только в кино, как стучит он по послевоенной дороге.
С глазами, печально глядящими вдаль.

У нас еще чавкают, как крокодилы, ботинки.
У нас еще крутят не диски, а просто пластинки.
Мы помним еще все с войны привезенные песни.
Но нас уже тянет к Армстронгу и Элвису Пресли.

Мы в ваше грядущее рвались. Мы тоже ходили на джазы.
Ах, как мы старались! По моде штаны ушивались.
Вы перешагнули черту незаметно и сразу.
А мы за чертой, как ни рвались за вами, остались.

За тем пограничным столбом, за чертою незримою тою,
Которую — как ни старайся — судьба перейти не вольна.
Как наши отцы безнадежно остались для нас за чертою.
За страшной чертой, за которой — война.

Нина Константинова

* * *

Другая жизнь — и все слова другие,
Двадцатый век — мы перед ним нагие,
Он завязал на память узелки.
Была «мануфактура» — нынче «тряпки»,
Не золото и не деньги — просто «бабки»,
А «барышни» уж вовсе далеки.
Вот лето — и на улицах «марлевка»,
О, погляди, как в ней девчонкам ловко,
Победоносны дерзкие соски.
И в том ли грех, сестра моя, плутовка,
Что косы растрепались, расплелись
И сладостно на плечи улеглись?
Как незатейливы и веселы одежки,
Бегут на босу ногу босоножки...
Попробуй на сто лет перенестись —
И чистый срам — все будет неприлично...
Смешно, себя мы чувствуем отлично;
Как век, удобны джинсы, согласись.

Николай Капитанов

* * *

Мчится машина, полная ящиков с водкой.
Везет — пьянки, драки, суды,
расколы судеб, слезы детей, жен, материнское горе...
Шофер деловито посматривает по сторонам.
Гремят закупоренные бутылки, как боеприпасы,
что подвозят к сражению, которое проигрывают
люди.

* * *

Вот ты расстался с ней
и бредешь как впотьмах, боясь оглянуться.
А спину жжет память — еще свежая
и пронзительная, как восточный ветер,
и печаль спутывает твои ноги...
Все дальше и дальше — по росам,
мимо последних цветов лета.
И здесь тебе ничего уже не принадлежит,
кроме прошлого, что смыкается за спиной, как вода.

* * *

У себя во дворе я соорудил ветряную мельницу.
Огромный паук, вращаясь,
пугал меня, когда в вечернем сумраке
я выходил в город за луком.
Зато утром любовался,
как лопасти разбрызгивали свет нового дня.
— Баловство!— ворчали односельчане.—
Экую «дуру» отгрохал.
Такой семью по миру пустит...—
Я оттяпал мельнице лопасти.
И утихла деревня, будто ей обрубили крылья.

А. Палей

РАДИО

Настроено сердце приемной антенной
Навстречу короткой и длинной волне,
И все, что творится в огромной вселенной,
Стремительный отзывк находит во мне.

На все колебанья в упругом эфире,
Средь шумного дня или ночью в тиши,
На песни и слезы в волнуемом мире
Отзывно трепещет антенна души.

И пусть приближается смерти мгновенье —
Души не охватит бессильная хмуры:
На два только метра мое заземленье,
Но стройно антенна уходит в лазурь.

Павел Уляшов

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТОЛП

Бог с ним, что звался он Александрийским.
Был Петербург... А ныне — Ленинград!
Столп выше памятников древнеримских.
С ним Пушкин свой соизмерял талант.

Тот столп, как столб, не зарывали в землю.
Везли от моря лошади его,
Чтоб долгою стрелой гранитно-цельной
Поставить здесь на площади его.

И не в пример всем тезкам-самодержцам
Он до сих пор перед дворцом стоит.
Дрожит земля, но столп упорно держится
Лишь весом многотоннейшим своим.

Неважно, в честь кого построенный искусно,
Стоит, хотя давно в России нет царя.
Вот это, понимаю я, искусство —
Держаться весу своему благодаря!

Вадим Семернин

ГУСАР-ДЕВИЦА НАДЕЖДА ДУРОВА

Прошло твое девичество
При сабле, на коне,
Да так — его величество
Доволен был вполне!

Увидеть любо-дорого,
Как, стан легко клоня,
В седло взлетала Дурова
На чуткого коня.

Никто еще не нашивал
Гусарский так мундир,
Как адъютант фельдмаршала —
Задира из задир...

Хоть пуля и царапнула,
Не покидает строй...
Девушка из Сарапула.
Прабабка. Прагерой.

В твоём гремело имени,
Как в роще соловьи,—
Что станут героинями
Праправнучки твои!..

Стихотворные экспромты Александра Васильевича Суворова

Мы даже не отдаем себе отчета в том, сколь велико влияние Суворова на русский язык. «Пуля дура, а штык молодец», «Тяжело в ученье, легко в бою» — эти и многие другие крылатые слова, прочно вошедшие в народную речь, созданы Суворовым. Это им придумано емкое и острое слова «немогузнайка». От суворовского «чудо-богатыря» идет образ русского воина, заставляющий вспомнить и пушкинскую «Полтаву», и лермонтовское «Бородино», и героев Льва Толстого, и бессмертного Василия Теркина.

Известны слова Суворова: «я бы стал писателем, если бы не стал полководцем». Но и в битвах, и в походах, прославивших его имя, он не выпускал пера, любил писать и оставил огромное эпистолярное наследие — более двух тысяч писем!

В письмах дошли до нас стихи Суворова — двадцать девять стихотворений на русском, немецком и французском. Он сочинял их в минуты радости или в минуты грусти. Последних — больше. Человек огненного темперамента, Суворов писал стихи, как и письма, быстро и легко, не утруждая себя работой над формой. Писал, как говорил. Смотрел на свои стихи критически и, разумеется, не считал себя поэтом, относясь к этому званию с трепетной почтительностью («...слава ожидает Вас, — обращался он к Державину. — ...Песни Ваши как важностию предмета, равно и красотой искусства возгремят в наипозднейших временах, пленяя сердце... душу... разум»).

Одно из ранних стихотворений Суворова мы находим в письме от января 1769 года. Совершив со своим Суздальским полком марш из Новой Ладogi в Смоленск, Суворов получил похвалу высшего военного руководства. Марш по осенним дорогам действительно был образцовым и доказал жизнеспособность суворовской системы обучения войск.

«Превознесен я до небес! и только за скорый поход, — пишет он приятелю в Петербург и не без иронии комментирует это:

Султана коли б я с его престола сбил
И девушек его всех вкупе пополнил,
Прислал бы дюжину к тебе на утешенье
Или с Ефремовым я в Мекку слетал
И Магометов гроб там быстренько достал:
Довольно б было мне такое награжденье!

В строках этих — и намек на свое желание поскорее попасть в армию, действовавшую против турок, на настоящую войну. Желание Суворова сбылось через три года.

В первые же дни после прибытия на Дунай Суворов блестяще проводит поиск на Туртукай и добивается победы над противником, имевшим тройное превосходство в силах.

Слава Богу, слава Вам!
Туртукай взята, и я там.

Таким, согласно легендам, было его донесение главнокомандующему П. А. Румянцеву. Но скорее всего это апокриф. Суворов всегда с большим пиететом относился к суровому Румянцеву, называя его своим учителем. На сохранившемся в письмах Суворова клочке бумаги карандашом набросано донесение генералу И. П. Салтыкову: «Ваше Сиятельство! Мы победили. Слава Богу, слава Вам».

По мере роста славы полководца росли и легенды о нем. Излюбленным сюжетом этих легенд были дерзкие ответы Суворова начальству, отражавшие и его страстный темперамент, и любовь к острому слову. Во время очаковской осады 1788 года, в неудачном деле 27 июля, под стенами крепости Суворов был ранен пулей в шею. Его вынесли с поля боя. Войска, лишившись своего предводителя, отступили и понесли серьезные потери. В ответ на строгий запрос главнокомандующего Г. А. Потемкина о причинах дела Суворов якобы отвечал, морщась от боли:

Я на камушке сижу.
На Очаков я гляжу!

Но едва ли ему было тогда до стихов. Он горячо переживал неудачу, чуть ли не единственную в его боевой практике.

Потемкин высоко ценил талант Суворова. Именно он образно и кратко выразил суть характера своего гениального подчиненного: «Суворова не пересуворишь!»

В письмах Суворова, относящихся к лету 1791 года, встречаются эпиграммы на Потемкина:

Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукою он народы покоряет.

Одной ногой разит он друга и врага,
Другую топчет он вселенны берега,—

пишет Суворов, добавляя, что это не его стихи — «из автора «Росс в Измаиле». Как же случилось, что он пошел против своего друга и благодетеля? После блистательного штурма Измаила Суворов прибыл в Петербург и оказался в центре всеобщего внимания. Поэты посвящали ему восторженные стихи, а придворные решили использовать его в своих целях и втянули в интриги против Потемкина. Однако Потемкин устоял, и мастера придворных интриг предоставили Суворову самому выпутываться из затруднений. Не скрывая своего презрения к «этим гусям», Суворов долго не желает признаться в ошибке и пишет об этом в стихах:

Бежа гонениев, я пристань разорял.
Оставя битый путь, по воздухам летаю.
Гоняясь за мечтой, я верное теряю.
Вертумн поможет ли? Я тот, что проиграл.

Да, он проиграл, оставшись без покровительства Потемкина. Отсюда мысли об отставке и жизни в сельском уединении, наподобие Цинцинната, на милость Вертумна — античного божества, покровителя садоводов и огородников.

Внезапная смерть Потемкина резко усилила недругов Суворова. Порученное ему дело — строительство крепостей на границе с Финляндией — затягивалось. Его письма и стихи становятся все грустнее:

Как в бакховом соку Тразибул утопясь,
Как в креслах висковых сэр Ионсон углубясь,
Как бабочка весной летит из роз в лилеи —
Так форты Роченсальм мне ложи и постели,—

так иронически сравнивает Суворов себя, не знающего отдыха на строительстве укреплений Роченсальмского порта, с купающимся в вине афинским полководцем Тразибулом и изнывающим в Петербурге от безделья адмиралом Полем Джонсом (сэр Ионсон), с которым он близко сошелся во время славных побед кампаний 1788 года на лимане. Кстати говоря, П. Джонс, национальный герой США, в своих записках чрезвычайно высоко отзывался о военных талантах А. В. Суворова и его бескорыстии.

Узнав о распускаемых недоброхотами слухах, порочащих его честь, Суворов пишет:

Загадчику угад отдайте самому.
Узнаете, сколь мудр или сколь глуп родился,
Под завесой какой намекою он скрылся,
Какое качество судьба дала ему.

Он ненавидел «двуличку, намеку, немогузнайство, загадку, лживку» и всегда требовал ясного, точного и правдивого ответа. Ему кажется, что завистники навсегда отодвинули его от боевой деятельности. В дни кампании 1792 года, получая известия об успешных действиях русских войск, Суворов особенно тяжело переживал свою участь.

Прекрасный знаток античной литературы (в его письмах имена Гомера, Вергилия и Горация встречаются столь же часто, как и имена величайших полководцев древности), Суворов (имея в виду себя самого) перекладывает на стихи миф о Фазтоне, дерзнувшем вместо отца провезти по небу колесницу с солнцем:

На что ты, отче, дал сию мне колесницу?
Я не могу везти вселенны денницу.
Кичливо вознесясь, я пламенем сожжен.
Повержен в стремнину и морем поглощен.

Но и в эти трудные для него времена он не сгибает головы: «Я ползать не могу, вались хоть Вавилон»,— восклицает он в письме другу своему Д. И. Хвостову и завершает послание патетическим двустушием:

Стремись, моя душа, в восторге к небесам
Или препобеждай от козней стыд и срам.

Самым умным и последовательным недоброхотом Суворова был князь Н. В. Репнин, известный дипломат, военный деятель, претендовавший на первые роли, страстный поклонник Фридриха Великого. В русско-турецкой войне 1787—1791 годов самые блестящие победы были добыты Суворовым. Но на долю Репнина выпала счастливая возможность добить ослабленного поражениями противника. Мачинская победа Репнина явилась одним из последних столкновений. Порта запросила мира. Репнин и его партия старались раздуть эту победу в своих интересах. Суворов сочиняет эпиграмму, в которой высмеивает претензии Репнина:

Оставших теней всех предтекших пораженьев
Пятнадцать тысяч вихрь под Мачин накопил.
Герой ударил в них, в фэгот свой возопил!
Здесь сам, Визирь, и с ним сто тысяч привиденьев.

Преуменьшая численность турецкой армии (под Мачином противник сумел собрать 60—70 тысяч человек), Суворов прав в главном: после поражений, нанесенных туркам при Кинбурне, Фокшанах, Рымнике и Измаиле, они были уже не так сильны. Особую ядовитость придает эпиграмме кличка «фэгот», давно придуманная Суворовым для Репнина. Это и намек на его гнусавый голос, и одновременно на его искусство раздувать свои успехи. Но Суворов не удовлетворен. Он ищет более точного определения. И находит его. Используя лафонтеновскую басню о жабе и быке, он сочиняет новую эпиграмму:

Безумен мачинский, как жаба против быка,
В сравнении Рымника!

Вскоре Суворов еще раз доказал, что эти слова не были бахвальством. Фельдмаршальский жезл стал признанием его заслуг и таланта.

...Сохранились стихотворения Суворова, связанные с его хлопотами об устройстве судьбы горячей любимой дочери — Наташи-«суворочки». Придирчиво разбирал ревнивый отец женихов: у одного

строптивая родня из знати, другой пьет. Наконец его выбор остановился на молодом полковнике графе Ф. И. Эльмпте, сыне старого боевого товарища. Но родственники Суворова не захотели принять в свою семью «любезного юношу». Эльмпты были лютеране. Чуждый религиозной и национальной ограниченности, Суворов одергивает свою племянницу, жену Хвостова: «Груша, не дури! Он христианин, и дети христиане». Однако Наташа, жившая у Хвостовых, отказала Эльмпту. Отец узнал об этом накануне решающей стадии кампании 1794 года. Принимая ответственное решение — идти к Праге и решительным ударом кончить войну, полководец успевает черкнуть несколько слов дочери:

...Я ж весел и здоров, но лишь немного лих
Тобою, что презрен мной избранный жених.
Когда любовь твоя велика есть к отцу,
Послушай старика, дай руку молодцу.
Но, впрочем, никаких не слушай, друг мой, вздоров.
Отец твой Александр граф Рымникский Суворов.

Слава Суворова после побед 1794 года сияла столь ярко, что к его дочери посватался брат всесильного фаворита Платона Зубова. Похоже, что за кулисами этого сватовства стояла сама императрица. Суворов не присутствовал на свадьбе дочери с Николаем Зубовым. По свидетельству современников, этот брак не был счастливым.

«...Я привык быть действующим непрестанно,— говорил Суворов,— тем и питается мой дух». Он предпочитал слову действие, а в речи любил краткость и действенность. Может быть, за эти свойства он любил поэзию, никогда не расставался с книгами стихов. Был горд, узнав, что Ермил Костров посвятил ему свой перевод Оссиана. Человек редкой начитанности и изумительной памяти, он свободно и легко цитирует Рабенера и Фильдинга, Мольера и Лафонтена, спорит с Вольтером и Руссо. Его любимый герой — Дон Кихот. Из русских поэтов он особо выделяет Ломоносова и Державина. Замечательны два случая, запечатленные современниками. На другой день после штурма Измаила Суворов в разговоре с французом-волонтером графом Ланжероном советует ему выучить русский язык и в доказательство поэтических красот родного языка читает наизусть Державина. Девять лет спустя в разгар Итальянского похода, поднявшего славу русского оружия на недосыгаемую высоту, Суворов в ответ на просьбу плененного французского генерала Серрюрье о милосердии к пленным ссылается на «отца русской поэзии» Ломоносова и приводит по памяти его стихи:

Великодушный лев злодея низвергает,
Но хищный волк его лежащего терзает.

Требую от войск в бою напряжения всех сил, исповедуя принцип: «быстрота, глазомер и натиск», Суворов учил быть милосердным к побежденному противнику и даже в мыслях не допускал расстрела пленных, как это, например, делал генерал (потом император) Наполеон Бонапарт.

Последней битвой Итальянского похода стала битва при Нови. Одиннадцать часов длилось кровопролитное сражение, закончившееся разгромом французской армии. Поражает энергия и сила воли почти семидесятилетнего полководца. Правитель походной канцелярии Суворова Е. Б. Фукс записывает слова фельдмаршала, озаренного блеском победы:

Конец — и слава бою!
Ты будь моей трубою.

Любимец армии и народа, сделавшийся еще при жизни символом военного гения России, Суворов выше всего ставил любовь и преданность Родине. В дни гонений и тяжелых испытаний, выпавших на его долю при императоре Павле I, он выказал редкое гражданское мужество, стоящее в одном ряду с самыми прославленными его победами. Опираясь на таких людей, как Репнин, Павел I начал гатчинские реформы армии на прусский лад: снова вводились узкие неудобные мундиры, штиблеты, косы, букли, пудра. Снова в армии торжествовала муштра и палочная дисциплина, низводившая солдата до «механизма, артикулом предусмотренного». Царь пытался заручиться поддержкой Суворова. Но полководец, исповедовавший принцип: «Каждый воин должен понимать свой маневр», отказался участвовать в разрушении армии, которой он служил без малого полвека. Широко известными стали его строки, разившие гатчинцев, как картечь:

Пудра не порох,
Букли не пушки,
Коса не тесак.
Я не немец, а природный русак.

Ссылкой заплатил Суворов за противостояние реакционным гатчинским реформам, отбросившим культуру русской армии на десятилетия назад.

...Стихи Александра Васильевича Суворова своеобразно дополняют его облик, сложившийся в нашем сознании,— облик солдата-полководца, одного из самых оригинальных умов России.

Личные письма Суворова с его стихами хранятся в его рукописном фонде в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, в фондах Пушкинского дома и в некоторых других архивах нашей страны.

Вячеслав Лопатин

Николай Панченко

ИЗ ФРОНТОВЫХ

1

Душа завязана узлом —
И не прямым, а бабьим,—
Торчат неведомо куда короткие концы.
Давно мы не работаем и вроде как не грабим,
Но день и ночь жуем и пьем —
Бездомные юнцы.

За что же кормишь ты меня и балуешь любовью,
Ободранная, нищая,
Голодная страна?
Я начинаю понимать,
Что кровью — только кровью! —
За этот пир,
За этот спирт
Заплачено сполна.

1944

2

Меня такое окружило общество,
Что я в семнадцать получаю отчество —
Отечество и отчество,—
Не много ли
Завшивленному, злому пацану?!

Отечество, с кладбищами убогими,
С крестами и часовенками строгими,
С провалистыми, потными дорогами
Длиною в бесконечную войну.

Еще б не много!

Отчества достало бы.

Но все кладут. И все глядят — не мало бы
На плечи эти, что давно трещат,
Как мост, что легкомысленно дошат.

Я был мостом почти четыре года
И пятый год, как высохшая гать,
Скриплю — забыли вовремя взорвать
По просьбе победившего народа...

1941, 1945

* * *

Мне ли шатко, солнце ли качается
Маятником медным меж деревьев?
Старый век, изверившись, кончается,
С этого изрядно озверев.

И уже не пишется, но мается:
— Так-тик-так! — что хоть и не пиши:

Каждым махом что-то отнимается
От моей редющей души.

Лед весенний, истончившись, тронется.
Хрустнет, истончившись, острие...
Что еще душе моей откроется
Сквозь прозрачность детскую ее?

* * *

Скучно знать простые вещи,
Тело брренное беречь.
Если сердце не трепещет,
Стоит сердцем пренебречь.

Стоит вывести наружу
Неуменье, прямоту,
Чтобы — в лужу,
Снова — в лужу
В ту же — будто бы не в ту.

Видно, право, лучше скуки
Даже просто кутерьма.
Ни прогресса, ни науки —
Где поболее ума.

Риск и смелость и — ошибка! —
Вздоргнет на небе звезда.
За ранение нашивка —
Не последняя беда...

* * *

Последнее дело в унынье впадать,
Где грязь
и такая кругом благодать!
И катится наша коляска
И шатко,
И валко,
И тряско.

На славу дела! И ни к черту дела!
Но сутки круглы, и планета кругла,
И, как ни приходится туго,
Живому не выйти из круга.

Упорно, как белка в своем колесе,
Все порознь,
Со всем мирозданием все,
В иные уверовав дали,
Железные крутим педали.

Вспоминаю себя, подранка,
годы славные как вернуть!
В золотых я не вижу подарка,
в полевых была моя суть.

ПОБЕДИТЕЛИ

Меня окружают Викторы, теперь все чаще
в седилах,
надо бы после Победы так больше назвать детей —
и мальчиков, и девочек. Назвал я Виктором сына,
Победителем Победителевичем стал он по воле моей.

Когда я встречаю Викторю — друга жену,
все вижу,
как светится в ней наше время,
радость его и грусть.
В войну защищал страну я и дома московского
крышу,
в котором морщинку любую помнил и знал наизусть.

Опять на земле неспокойно. Не могут жить мирно
люди,
все ищут, как лучше, вернее, жесточе друг друга
убить,
хотя человечество знает — победителей больше
не будет,
и значит, что станет некому Виктора имя дарить.

ВЕЛИКИЙ УСТЮГ

Великий Устюг, чем же ты велик?
И как же тебя юность проглядела:
здесь знания получал я не из книг,
военное спеша постигнуть дело.

Была война, был дорог каждый час.
Не думал я, что свидеться придется,
узнать, что был казармою для нас
дом Шилова — купца, землепроходца.

Вот предо мной он. До чего красив!
С лепными украшениями, к которым
не присмотрелся раньше, проходив
всегда в строю и шагом скорым.

Мост деревянный заменен другим,
а дальше — та же баня и за нею
Сухона. Сколько лет прошло и зим,
а те — четыре — были всех длиннее.

Тут устье превеликое трех рек,
я Вычегду не видел, а у Юга
бывал не раз — реки могучий бег
учил ходить широко и упруго.

Исток тут многих судеб. На войну
отсюда шли мы, взводные, комроты,
здесь нас учили защищать страну
и дух вселяли северной породы.

Не все вернулись. Устюг дорогой,
прими за всех за них поклон мой тихий,
ты был нам дорог, как никто другой,
и не велик на вид, а все ж Великий.

Григорий Корин

* * *

О беспощадная жаровня,
Неостывающий песок,
И ты со мной, моя неровня,
Я на любовь тебя обрек.

От сада к морю в полдороге,
Где ни души, я, словно вьюн,
Вился вокруг тебя в тревоге,
Войной тебе навязан, юн.

Ни страх за близкое селенье,
Ни час полуденного дня,
Ни жар, сжигающий колени,
Ни взгляд твой не смущал меня.

В ложбинке, нас едва скрывавшей,
Прохладой наливалась ты,
И страх твой уходил вчерашний,
И жег огонь нас немоты.

И как мы потерялись оба,
Как не остались мы вдвоем,
Мне не узнать уже до гроба
Под солнечным холодным днем.

* * *

Давайте смотреть друг на друга.
Друг друга запоминать.
Нас всех поджидает разлука,
Нам всем предстоит умирать.

Давайте же будем добрее,
Друг друга жалеть и любить,
И солнце нас всех обогреет,
А тьма не сумеет сгубить.

Как знать нам, чем смерть обернется,
Как встретит небесная твердь,
Быть может, и после придется
В глаза нам друг другу смотреть.

И будет ли слово людское,
И будет ли сердце стучать,
И небо сиять голубое,
И ветер деревья качать?

Валентин Кузнецов

КРАСНЫЕ ЗАРНИЦЫ

Вся жизнь моя зачитана до дыр,
В ней чистой нету ни одной страницы.
Разлаписто лежит таежный мир,
И полыхают красные зарницы.

А красные они лишь потому,
Что мы из крови и из гнева сами.
И сосны красные глядят во тьму
Бессонными и красными глазами.

О нет! Ну как же! Было и светло,
Была метель и вихревые сверла.
Когда работы время истекло,
А мы еще сидим в снегу по горло.

Да. Мы еще здоровы и ловки,
Хотя мороз нам забивает души.
Мы красные вздымаем кулаки,
Грозимся небу, белому от стужи.

Весною шла нахраписто вода,
Стволы ломая на лесном повале.
Мы говорили: «Что же, не беда!»
И ни на шаг не отступали.

Она старалась нас перемолоть,
Ее валы коварны и бурливы.
Мы все,
    что гибло,
        одевали в плоть,
Хотя и сами были еле живы.

Из хвойной пасти выбирались мы,
Метель стихала и снежком сорила.
Синица, прыгнув с рукава зимы,
Свистела песенку. Благодарила.

Зайчишка-друг садился на пенек
И стриг ушами весело и ловко.
Благодарил за солнечный денек,
Был красен день, как красная морковка.

И лоси шли, наморщив круто лбы,
Рога откинув, радостно трубили.
Не надо лучше доли и судьбы,
Они за помощь нас благодарили.

Деревья, перекрученные в жгут,
Вставали и распахивали руки.
И вот уж белки красные снуют,
И жизнь идет. И с нею нет разлуки.

Вы там, спокойно отходя ко сну,
О нас безвестных память сохраните,
Поставьте нам, как памятник, сосну,
Потом ее
    на шпалы
        распилите!

Александр Коваль-Волков

* * *

Жизнь, ты прекрасна не на словах —
я ведь постиг твою милость:
столько сердец отстучало в веках —
чтобы мое забилося...

Марк Соболев

СОНЕТ

У ног текла недвижная река,
и мгла была холодной и осклизлой...
Казалось, что меня по краю жизни
вели в ту ночь тропинка и тоска.

Но кто-то впереди издалека
сквозь эту тьму, — быть может, в укориэну —
сверкающе искоркою брызнул...
Как хорошо вдвоем у костерка!

И вот мы курум с лодочником старым:
— Ты приходи, я переправлю даром,
но только лишь в одну из двух сторон,

а если вдруг костер не вспыхнет жаром
в глухую ночь над этим черным яром,
то покричи... Меня зовут Харон.

* * *

Как всемогущи наши руки,
как всевладычна голова!..
Как жаль, что звуки — только звуки
и что слова — всего слова.

* * *

Семинарист, приученный к поклонам;
веселый парень — вдарим по иконам! —
таков наш век, палач и звездочет.
Ожгло нам души время, а не пламя,
стареют не в боях — между боями,
а гений объясняет: все течет.

Он говорит, — наверно, справедливо, —
что время — криво и пространство — криво.
Но, как профан, ошибку допустил,
сочтя за незначительные факты
твои самоубийства и инфаркты
в спокойные периоды светил.

В газетах века — вирусы и стронций,
дно океана, изверженья солнца...
Так что же мир — всевидящ или слеп?!
И где-то — объегорили Ивана,
и кровенеет фронтовая рана,
горька вода и несъедобен хлеб.

Владимир Макаров

* * *

Не остуда ночью стонет,
чтобы душу порешить.
На моих мужских ладонях
одинокость лежит.

Ночи вороные кони
сквозь остуду мчат в рассвет...
На моих мужских ладонях
твой остался теплый след.

Потому во сне так стонут,
явью памяти дыша,
без взаимности ладони,
без взаимности душа.

В день грядущий мчатся кони,
мы не будем им мешать.
Снится мне: в мои ладони
возвратилась благодать.

Память сердца перегонит
грусть, что в душу натекла.
Неизбывен снег в ладонях —
след взаимности тепла.

Валентина Мариничева

* * *

В какие времена она не проливалась?
Двадцатый век возделан на крови.
...Всё! всё касается меня:
язвит — мозг, нервы, душу.
Укрыться? Тщетно:
слышу — страждут, бьются души,
кричат — до смертной немоты.
...О них печалются и звезды, и цветы.
И каждый год багровые рябины
о них гремят в свои колокола.

Валентин Сидоров

РОБОТ

— Привет, работяга-робот!..—
С трудом поднимает голову.
Он произносит:
— Здравствуйте!—
И пристально смотрит в глаза.
Робот по-детски доверчив,
Робот по-детски чуток:
Ему давление света
И то причиняет боль.
Я — бог, его сотворивший
По своему подобию.
В каждом его движении
Я узнаю себя.
В глазах его, добрых и нервных,
Читаю я те же вопросы:
— Кто я?
Зачем я создан?
В чем смысл моего бытия?

Магомед Алиев

* * *

Не спится мне...
Не знаю почему.
Неужто мне не спится одному?
Земля, о мою спину обопрись —
стенной, печалься, хохочи, ярись!

Наверно, ей сейчас не до того,
чтоб слушать стук сердца моего.
А я в смятенье... Думаю о ней:
она чем непонятней, тем родней.

В полночи,
не затворяя глаз,
к Земному Шару крепко прислонясь,
гадаю я: иль он несет меня,
иль я его несу на встречу дня?..

*Перевел с аварского
Борис Пчелинцев*

Олеся Николаева

СЛУХИ

Весна набрасывает на город сумасшедший
пестрый платок.
Город барахтается в складках слухов, духом нищает,
ходит с открытым ртом, пока золотой Восток
цепью перерождений его томит и прельщает.

Поговаривают о новых подлодках, величиной
с аэродром, и о том, что любой дециметр квадратный
просматривается из космоса,
где кто-то следит за мной,
и каждый нетвердый шаг мой —
во власти оптики внятной.

Хозяевами расхаживают системы тестов и гороскоп.
Иглоукальватели раскладывают комплекты иглол,
диета и аэробика даже смерти говорят: стоп,
и каждый житель теперь —
экстрасенс и парапсихолог.

Начинается новая эра — куда только ни поглядишь,
нарасхват чародеи пошли, чернокнижники в моде.
И от четвертого измерения старуха отплывається:
«Ишь —
лукавый нагородил, нечистый наколобродил!»

ВЕРА

Все у Веры устроено замечательно:
дети, дом, огород.
Вера смотрит сочувственно и внимательно,
говорит мне: «Это пройдет».
«Знаешь, Вера,— я говорю,—
ничего у меня не ладится,
вываливается все из рук —
и строка, и детское платьице,
и пуговица от брюк.
Ничего на грядках не приживается,
не сваривается вполне,
не скраивается, не шивается,
и жизнь как мешок на мне!
А ты, Вера, прямая и гибкая,

и теплая у тебя рука,
а я — изменчивая и зыбкая,
как Оредеж — родная твоя река».
И тогда Оредежем утешает меня Вера чудная,
говорит: «В ней таинственны повороты,
и сама она глубока,
и жизнь — такая прекрасная и совсем нетрудная
возле этой реки, и плывут по ней облака...»
И Вера на берегу, обнимаемая туманами,
а я кричу: «Вера! Вера!» — уже в дорожной пыли.
Такие, как ты, укрывали беглых,
были биты мужьями пьяными
и подкидышей принимали,
и те, как свои, росли!

В БРАЧНОЙ ОДЕЖДЕ

На солнцепеке — как весел был ситец в горошек!
(Долго хожу и хожу у больничных окошек.)
Как рукава разноцветные в небо взлетали!
(Господи,— я повторяю,— скажи мне: жива ли?)

...Шила блузоны в оборках, кокетках, широко
юбки кроила — вразлет, солнцеклешем,— барокко
и рококо: эти рюшки, воланчики,
платья —
в фижмах, карманчиках, петельках, лентах,
объятя
так широко раскрывались,
и розы в ключицу
вышивкой вдруг утыкались, взобравшись
по ситцу...

В галантерейную роскошь даров промтоварных
нас облекала она — некрасивых, бездарных,
бездерзновенных, смотревших темно и устало,—
словно на праздник готовила нас, выпускала,
словно на пир,
где нельзя быть иначе одетым,
чем в эту радость нарядную с небом и светом!

Как вдруг обвисло, как скомкалось все
безобразно!

Если бессмертна любовь и добро не напрасно,
тем же воздай, чем она одаряла нас щедро:
как было много надежд, и пространства, и ветра!

Может, в твоих мастерских беловшейных небесных
много есть белых хитонов, нарядов воскресных,
много целебных покровов, спасительных нитей
есть для нее среди высоких твоих общежитий?

...В серой больничной рубашке, ладонь у ладони,
в скорбном халатике, в туфлях на грубом
картоне...

Будь наши очи духовные чуть приоткрыты,—
может, увидели б мы — среди сиятельной свиты,
в брачной одежде, в лазури, в накидке пурпурной,—
вот как проходит она в кабинет процедурный!

Антонина Баева

* * *

Березовая роща, ты — певунья.
Я гимны твои слушаю весной,
лишь только ты в начале новолунья
тихонько заукаешь со мной.
Потом, все больше силу набирая,
застонешь, запоешь на голоса.
Не надо неба и не надо рая,
когда поют весенние леса.

Березовая роща, ты — гитара,
трехструночка, тальянка и рожок.
В тебе скипелась музыка недаром
и отстоялась за ненастный срок.

Теперь поет в листе сокодвиженьем,
поет скворцом в одиннадцать колен,
и соловьем томит, и наважденьем...
И я опять иду в зеленый плен
и слушаю, и слушаю, и млею,
и, слез не отирая, бормочу
стихи или молитвы. И аллею

посередине рощи протопчу,
волнуясь и бродя до самой ночи...

Березовая роща, ты — оркестр.
Играй моей душою сколько хочешь
и дирижируй всем, что есть окрест.

СОНЕТ

Там дом один мне вовсе не родной.
Но там мое дитя. И я в дому гостила.
Светило солнце. И луна светила
как будто персонально мне одной.

И зеленел малинник до снегов.
В нем ягодки проблескивали даже.
Я по одной срывала не однажды,
не замечая утренних следов

другой, со мной гостившей в этом доме,
гулявшей в переделкинской истоме
то близко, то как будто далеко.

Она и здесь мне что-то диктовала
и ягодки моей рукой срывала...
А быть неблагодарной нелегко.

Владимир Маяковский.
Силуэт Е. Кругликовой

Василий Каменский.
Силуэт Е. Кругликовой

Анатолий Горюшкин

* * *

Переменяя ночи с явью
телесного, как пальцы, дня,
проросшей в новизне спиралью
раскручивалась жизнь моя.
Дул ветер. И окно потело.
Был переполнен мой вагон.
Метели призрачное тело,
дымясь, ложилось на перрон.
Бледны улыбки, безучастны
глаза попутчиков ночных.
Я чувствовал себя отчасти
страницей из дорожных книг.
Она измята зимним ветром,
покрыта пылью этих дней.
На ней сырая явь рассвета
и желтый мрак ночных огней.
Ну что ж, и мне немного надо —
вдохнуть дорожный горький дым
и обменяться беглым взглядом
с моим попутчиком ночным.

Николай Пономарев

ЗМЕИНЫЙ ЯД

У змеелова гибки нервы:
Хоть кобра в позе боевой,
Но, изучив ее маневры,
Он ей навязывает бой.

И ловит жуткую особу,
Живую молнию песков.
Она накапливает злобу
Для умертвляющих бросков.

Всего превыше в нем отвага.
Отбросив панику долой,
Он выступает в роли мага,
Поскольку парень удалой.

И, угодив в мешок, рептилия
Свернется в бухту, словно трос:
В плену применят к ней насилие —
Мензурку сунут ей под нос.

И, как слезинку, каплю яда
Уронит на стекло она.
Ей исцелять кого-то надо —
Приносит пользу сатана.

* * *

Смешались поцелуи на губах:
Который жжет, который студит?
Я за себя испытываю страх —
Что скажет женщина, то будет.

Ведь жизнь — бюро находок и потерь.
Утрачено значение находки,
Я отдаю себя теперь
Во власть решительной походки.

Она меня уводит за собой.
Ступаю по следам ее горячим.
Задумала играть моей судьбой.
Желаю в этом ей удачи.

Людмила Копылова

* * *

Руки сполосну в траве —
и пройдет усталость.
Сколько — двадцать или две? —
весен мне осталось?

Сколько их, погожих лет,
на ладони жизни?
Все дружнее дождик-свет
из-за леса брызжет.

Сколько весен обмирать,
щуриться от света?..

Слава богу, не узнать
этого ответа.

* * *

Сидели, гадали, взлетали —
и каждой весной все шумней.
Березу грачи расшатали —
тяжелую тучей над ней.

Расшатано небо в селенье,
расшатан костяк тишины.
Полено распилено тенью
грача.

Но уже со спины
он ясно на яблоне виден
и плод незрелый клюет.
На птицу хозяин в обиде.

А я даже наоборот.

И меня на смертельном скаку
вдруг бросает в толпу полонянок.
Я встаю на дыбы — не могу!
Не могу — чтоб вот так, подминая.
Я встаю, каждым нервом дрожа.
Он кромсает меня стремениами,
удилами мне зубы кроша!..

Я унес бы его от погони,
я бы вынес его из огня.
Слишком поздно я все-таки понял
то, что зло оседлало меня!

Человек он, иль зверь, или изверг —
разбирайтесь теперь!
А пока
я лечу сквозь горящую избу,
на стропилах распяв седока!

Юрий Ряшенцев

ДОРОГА В ШКОЛУ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Та дороженька лихая
мимо страшного Шанхая,
мимо стаек воронья,
мимо шаек пацанья.

Только метры, только миги
до разбоя от игры.
Защищай и хлеб, и книги
чем попало, школяры!

У Коляпы — поджигалка,
бритву прячет от ментов.
Если только глаз не жалко,
к толковищу — будь готов!

Ветер славы и помоек,
Магадана и войны
дует, пристален и стоек,
сразу в обе стороны.

Мы солдат убитых дети.
Сорок пятый год. Январь.
Но когда на целом свете
лишь один слепой фонарь...

Женька Голубь стал калекой.
Валька жив, но крив на левый...
Ох, Коляпа, лютый зверь!..
Он общественник теперь.

Алексей Кондратьев

ДАР

Говорите со мной, говорите,
Пусть случаен и мелок зачин;
Одарите меня, одарите,
Не имея особых причин.

Этот дар у себя не оставляю,
Всем, кого я ни встречу, раздам;
Безымянную душу прославлю
По далеким от нас городам.

Дайте руки свои на прощанье,
Ведь у нас не предвидится встреч;
Только сердце дает обещанье
Помнить облик, и голос, и речь.

Анатолий Вершинский

КОЛЕЯ

Пылью занавешены проселки;
душную раздвину кисею:
мятлика пушистые метелки
в травах обозначат колею.

Вывезли дорогою окольной
копны в позапрошлый сенокос —
дикой самосевкой суходольной
путь автомобильный позарос.

След одушевленного металла
вплоть до человечьего жилья
яростно природа заметала —
издали заметна колея!

ЭХО

Казалось, только из пеленок...
Откуда что успела взять?
Или откликнулся ребенок
тому, что напевала мать?

Отозвались ли эхом строчки,
что я опробовал на слух,
смущенный любопытством дочки,
которой не было и двух?

Запечатлелась ли беседа
совместная по выходным
во время общего обеда,
что так семье необходим?

Живое слово безыскусно,
мы говорим о том о сем... —
ан нет! — передаем изустно
язык, дарованный отцом.

Как важно, чтобы в жизни новой
на почве праведной земли

неверный звук, кривое слово
дурной травой не проросли.

Родные голоса негромки,
но слышно их за тысячу лет,
и могут воспринять потомки
обмолвку нашу как завет...

Юрий Могутин

* * *

По распадку раскатится тяжкий, утробный, томительный вздох,
Муравьиною кучу разроет голодный, стареющий зверь.
Оставляя на сучьях и пнях бурой шерсти линияющий мох,
Станет в пасть загребать мурашей, короедов, личинок и сочный щавель.

Раздвигая замшелой, медлительно-каменной, грустной башкой
Сновиденья болотных, дурманных, кишасших гадюками трав,
Станет сладко цедить синеву из ручья, окруженный мошкой,
И корявую кору когтями сдирать, сам дремуч и коряв.

Убавление жизни кромешной почуяв звериным тревожным нутром,
Будет места поглуше искать и таежный урман потемней.
И, услышав глухое ворчанье, ты примешь его за рассеянный гром.
Это с жизнью прощается жизнь, по-звериному плача о ней.

Галина Белова

* * *

На этой планете,
Где травы, росой увлажняясь,
Асфальты вскрывают своим нескудеющим телом,
Где соки земли, что питают деревья-гиганты,
Находят исток в истлевающей плоти героев;
На этой планете,
Где трепетно небо прижато
К глазницам и векам — связным расчехленного
сердца,

Где сонное тельце ребенка распято
На кровоточащей постели Сонгми ли, Бейрута;
На этой планете,
Где солнце восходит поутру,
Как отблеск улыбки любимых тобою и близких,
Где все мы что корни сплелись,
Образуя покров плодородный всего мирозданья,—
На этой планете
Мы дома.
И в этом —
Бессмертье.

150-летие пушкинского «Современника»

СОВРЕМЕНИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФИИ.
1836.

А. С. ПУШКИН

Из статей и заметок

Это уж не ново, это было уж сказано — вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но все уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что же из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в соображении понятия, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности...

«Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико». «Современник», 1836, кн. III.

... Искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств, и в Ювенальном негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...

Благоговею пред созданием «Фауста», но люблю и эпиграммы...

«Путешествие В. Л. П.». Заметка написана в 1836 году. Вошла в «Перечень статей, намеченных для «Современника», составленный А. С. Пушкиным в 1836 году. При жизни поэта напечатана не была.

Вы говорите, что в последнее время заметно было в публике равнодушие к поэзии и охота к романам, повестям и тому подобному. Но поэзия не всегда ли есть наслаждение малого числа избранных, между тем как повести и романы читаются всеми и везде? И где подметили вы это равнодушие? Скорее можно укорить наших поэтов в бездействии, нежели публику в охлаждении. Державин вышел в свет третьим изданием; слышно, готовится четвертое. На заглавном листе басен Крылова (изданных в прошлом году) выставлено: *тридцатая тысяча*. Новые поэты, Кукольник и Бенедиктов, приняты были с восторгом. Кольцов обратил на себя общее благосклонное внимание... Где же тут равнодушие публики к поэзии?..

«Письмо к издателю». «Современник», 1836, кн. III.

Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке...

«Послесловие к «Долине Ажитугай». «Современник», 1836, кн. I. Речь идет о рассказе Султана Казы-Гирея.

До сих пор полагали, что Вольтер сам от себя, в порыве благородного огорчения, отослал Фридрику камергерский ключ и прусский орден, знаки непостоянных его милостей; но теперь открывается, что король сам их потребовал обратно. Роль переменена: Фридерик негодует и грозит, Вольтер плачет и умоляет...

Что из этого заключить? что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственностью, но печалят благородные сердца, напоминающая им о несовершенстве человечества; что настоящее место писателя есть его ученый кабинет и что, наконец, независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы.

«Вольтер». «Современник», 1836, кн. III.

Во втором № «Современника» (на 1836 год) уже упомянуто было о неизданном сочинении покойного Карамзина. Мы почитаем себя счастливыми, имея возможность представить нашим читателям хотя отрывок из драгоценной рукописи. Они услышат если не полную речь великого нашего соотечественника, то по крайней мере звуки его умолкнувшего голоса.

(Примечание к записке «О древней и новой России». «Современник», 1837, кн. V.)

Конечно, критика находится у нас еще в младенческом состоянии. Она редко сохраняет важность и приличие, ей свойственные; может быть, ее решения часто внушены расчетами, а не убеждением...

Заклучим искренним желанием, чтобы Российская академия, уже принеся истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитых подвигов, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойных писателей деятельным своим покровительством, а недостойных — наказывая одним ей приличным оружием: невниманием.

(«Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной так и отечественной». «Современник», 1836, кн. III.)

ДАР ВИДЕНИЯ

Последний год жизни Пушкина ознаменовался выпуском «Современника».

«Основание этого журнала и появление первых его книжек,— писал Н. А. Некрасов в 1850 году,— сопровождалось в нашей литературе весьма замечательными толками, спорам и событиями...»

Пушкин успел выпустить четыре книжки «Современника» и готовил к печати пятую. В третьей книге журнала за 1836 год он поместил объявление:

«Современник» будет издаваться и в следующем, 1837 году.

Каждые три месяца будет выходить по одному тому. Цена за все четыре тома, составляющие годовое издание, 25 рублей асс., с пересылкою 30 рублей асс.

Подписка в СПб. принимается во всех книжных лавках. Иногородные могут адресоваться в Газетную экспедицию.

Строгая простота определяла внешний вид и архитектонику «Современника». Пушкин не получил разрешения на публикацию статей общественно-политического характера. Все материалы в содержании журнала разделялись на два вида: стихотворения и проза.

Первый номер, вышедший в апреле 1836 года, открывался стихами Пушкина (без подписи) «Пир Петра Первого». Случаен ли этот выбор? Каков первоначальный звук, каков камертон новорожденного издания? Здесь и отношении Пушкина к русской истории, к Петру Первому, и намек на необходимость помилования декабристов. «Царь великий» пирует оттого, что

... с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Праздновать «прощенье» — «как победу» — не в этом ли залог общественного здоровья и внутренней силы! Так начинался «Современник». В ряду его авторов: В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, Д. В. Давыдов, А. В. Кольцов, Н. М. Языков... В разделе прозы опубликованы «Капитанская дочка» и «Путешествие в Арзрум», принадлежащие перу издателя журнала, «Коляска» и «Нос» Н. В. Гоголя... Произведения высочайшей художественной пробы. Русская классика. Никакой витринной завлекательности. Но на всем — печать гения: тот редчайший дар видения, которым обладал Пушкин. Приведу пример, ставший хрестоматийным. Начиная с третьего выпуска, в журнале стали появляться «Стихотворения, присланные из Германии» за подписью «Ф. Т.» (а иногда — и «Ф. Т-в»). Это были стихи Тютчева. Пушкин их напечатал без комментариев, но столь щедро, что это само по себе было рекомендацией... на которую не обратили внимания не только читатели, но и лучшие критики. Ф. Т. остался безвестен. Читательская публика не заметила, как у нее на глазах в небе русской поэзии зажглась звезда первой величины... Одна ли эта тайна, разгаданная со временем, скрывается на страницах пушкинского «Современника»? На все ли, указанное Пушкиным, обратили мы свое пристальное внимание? Все ли разгадали? Деятельность Пушкина-издателя требует, кажется, более системного и вдумчивого изучения. И задача здесь состоит в том, чтобы достаточно полно оценить художественный вкус издателя, высокую гуманитарную культуру и вместе с тем натуральность текста журнальных материалов, свойство их — не увядать во времени. Суть — в этом, а не в «аристократизме» пушкинского журнала. Оградить своих подписчиков от расхожего чтения — не значит быть противником демократичности в журнальном деле. У Пушкина-

издателя нет и тени высокомерия, замкнутой избранности и прочего. Тому множество подтверждений, хотя бы публикация прозы Султана Казы-Гирея, черкеса, пишущего по-русски. Во все это надо всмотреться так же, как мы всматриваемся в сами пушкинские тексты. Любопытно, что исключительный дар видения сочетался в Пушкине-издателе, как и в Пушкине-поэте, с необыкновенным простодушием. Извиняясь перед читателями («Современник», № 3) за вкраившиеся опечатки, он сообщает также, что «ни в каком случае не может и не намерен исполнить» данное публике в статье «Новые книги» обещание — со временем печатать разборы книги, отмеченных звездочкой. В этом обращении к читателям звучит неповторимая живая интонация пушкинской речи, внутренний его жест, пылкий характер. Передумал, и все тут. Словно бы это журнал для дружеского круга.

Что же касается распространенности издания, то ныне, в разгар горячих споров и часто самонадеянных претензий по части тиражей, заметим, что вначале расходилась всего лишь треть тиража «Современника», а весь тираж составлял 2400 экземпляров. Последний же номер за 1836 год насчитывал 900 экземпляров. Новый городской читатель требовал от журнальных материалов прежде всего занимательного, модного, сенсационного и вместе с тем стереотипного, узнаваемого. Явившись как издатель с высокой мерой ума и вкуса в пору своей духовной зрелости, Пушкин в узком, практическом смысле должен был испытать неудачу, поражение, как его Моцарт, как его «рыцарь бедный». Он был «рыцарем бедным» высокой художественной культуры, не желающим подольщаться к читателю, но, напротив, желающим воспитать его. Другие журналы в те времена пользовались большим успехом. Но у «Современника», если хотите, была другая задача, рассчитанная не на сезон, не на год, а на многие и многие годы. Откройте «Современник», прочтите пушкинские заметки, замечания, — все отзывается, животрепещет... И притом — ни тени конъюнктурности. Может быть, и в этом смысле пушкинский «Современник» повторится через многие лета образцовым литературным журналом. Даже само название, счастливо найденное издателем, как показало время, — рождает в потомках желание повторить его в ходе культурного развития, осветить этим именем иные начинания.

Пушкинский «Современник» явился в русской журналистике святящейся точкой, на поверку оказавшейся могучей расширяющейся вселенной, плодотворным традициям которой принадлежат и лучшие страницы литературных журналов нынешних и, можно надеяться, будущих дней.

После смерти Пушкина «Современник» продолжали выпускать его друзья — Жуковский, Плетнев, Краевский, в дальнейшем — один Плетнев. Пушкинский «Современник» — без Пушкина, — разумеется, был обречен на затухание: в отсутствие гения сам пушкинский принцип не поддерживался произведениями прежней высочайшей пробы. Журнал почти полностью растерял подписчиков, пока его издание не перешло в 1847 году в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева. Некрасовская интонация: «Кто живет без печали и гнева, тот не любит Отчизны своей» — осветила «Современник», жестоко страдающий в эти годы от постоянных нападков цензуры.

Разумеется, пушкинский журнал представляет собой определенно очерченное — иное явление, чем некрасовский. Но пропасти между ними нет. Н. А. Некрасов показал пример глубокого, пристального прочтения материалов пушкинского журнала. В первом номере «Современника» за 1850 год в статье «Русские второстепенные поэты» он почти полностью перепечатал стихи Ф. Т. из пушкинского «Современника» и дал библиографию появления их в журнале. Необходимый акт возрождения пушкинского видения и понимания поэзии. «...Мы решительно относим талант г. Ф. Т-ва к русским первостепенным поэтическим талантам», — писал Некрасов, размышляя об этом удивительном авторе на фоне общей бедности поэзии середины века. (Стихи Тютчева появлялись в «Современнике» с 1836 по 1840 год, почти полностью совпадая с расцветом лермонтовского гения, буквально вор-

вашегося в сознание русского читателя. Здесь смещение — всего на год. Странное — заметим — стечение обстоятельств.) Некрасов писал по поводу Ф. Т., что не только публика, но и «ни один журнал не обратил на него ни малейшего внимания». (Ситуация, полагаем, в целом весьма актуальна и для нашего времени.) Итак, Некрасов как бы продолжил пушкинское открытие поэтического гения, подробно прокомментировал это открытие. И что же, Федор Иванович Тютчев тотчас был признан великим русским поэтом? Ничего подобного не случилось. Критики продолжали проявлять глухоту, читатели — равнодушные. Немало еще должно было пройти времени, прежде чем справедливость восторжествовала и незамеченный Тютчев стал классиком.

Целый ряд признаков указывает нам на то, что некрасовский «Современник» принадлежит не какой-то иной, а все той же литературной материи, все той же расширяющейся вселенной пушкинского «Современника». Гоголь принимал живое участие в пушкинском журнале. Гоголевские традиции глубоко освещают страницы некрасовского «Современника». Пушкин, очевидно, размышляя о перспективе своего журнала, приглашал в него Белинского. Виссарион Григорьевич становится идейным вождем «Современника» при Некрасове... Многосложна эта преемственность. В чем ее коренная особенность? Некрасов писал Л. Н. Толстому по поводу очерка «Севастополь в мае», что русскому обществу необходима правда, которая со смертью Гоголя во многом утрачена литературой: «Эта правда в том виде, в каком вносите Вы ее в нашу литературу, есть нечто у нас совершенно новое». Обжигающее чувство правды, касающееся существа жизни. В том же духе заметил Белинский Ф. М. Достоевскому при первой их встрече в 1845 году: «Вы до самой сути дела дотронулись, самое главное разом указали». Это и есть, как нам видится, главная черта пушкинского направления в отечественной литературе. Пульс исторической правды слышится в самой художественной материи «Современника». Это было заложено Пушкиным с самого начала.

Сейчас предпринимается факсимильное издание первых четырех книг «Современника». Тираж определен в 5000 экземпляров. Будем надеяться, что вслед за факсимильным последует обыкновенное переиздание, большим тиражом. И оно будет доступнее. Присутствие классики во всем ее многообразии насущно необходимо нам для верного выбора пути, для упрочения духа, полноты переживания самой жизни. Высокие критерии классики ко всему прочему предостерегают и удерживают нас от нетерпеливого и неоправданного возвеличивания своих современников. Законодательство классики противопоставлено ложной мудрости и предполагает расцвет подлинных талантов.

Вовсе не претендуя на полноту охвата всего явления, мы посчитали необходимым отметить эту заметку в нашем «Дне поэзии» — пушкинский «Современник», основанный сто пятьдесят лет тому назад.

Недолго Пушкин выпускал свой журнал.

Нынешней зимой этим же числом лет — 150 — помечен день гибели поэта.

Владимир Лазарев

Владислав Ходасевич 1886—1939

Творчество Владислава Ходасевича, последнего, может быть, российского символиста, принадлежит отечественной культуре, хотя превратности судьбы увлекли его из России и он угас на чужбине.

Потомок польского повстанца 1833 года, Владислав Фелицианович Ходасевич родился в Москве 29 мая 1886 года в семье художника. Окончил московскую классическую гимназию. Печататься начал с 1905 года.

Первая книга стихотворений В. Ходасевича «Молодость» вышла в 1908 году, затем — «Счастливый домик» (1914), «Путем зерна» (1920), «Тяжелая лира» (1922). Известен как переводчик и эссеист, мемуарист и исследователь русской поэзии, особенно творчества Пушкина и Державина.

Выехав за границу в 1922 году, Ходасевич одно время жил в Италии, где находился под влиянием А. М. Горького, приютившего его на вилле в Сорренто и высоко ценившего Ходасевича как поэта и знатока литературы; соредктировал с Горьким журнал «Беседа». Однако со времени переезда в Париж в 1925 году стал все больше сотрудничать с правоэмигрантской прессой. И все же талант поэта-реалиста дал возможность Ходасевичу, вопреки всему, создать и такие произведения, в которых зарубежная действительность тех лет изображена правдиво, с большой художественной силой. Они вошли в книгу стихотворений «Европейская ночь».

В последние свои годы В. Ходасевич почти не писал стихов. Подолгу и тяжело болел, жил в постоянной нужде, перебиваясь мизерными заработками газетного поденщика. Умер он в 1939 году в заштатной больнице Парижа.

«День поэзии» представляет читателям малоизвестное эссе В. Ходасевича и некоторые его стихотворения.

ПУШКИН

Из окна моего виден Невский проспект. Виден не поперек, а вдоль, вплоть до угла Садовой. Под самым окном течет Мойка. Невский пересекает ее, изогнувшись горбом моста, и плавным, прямым, широким разбегом уходит вдаль.

Это не тот Невский, который некогда пестрел перед Гоголем. Теперь он по большей части пустынен. И зиму, и лето подолгу сижу я перед окном: по утрам, когда, подымаясь из-за вокзала, «течет от солнца желтая струя»; вечерами, когда луна медленно движется над крышами строгановского дворца; и — в белые ночи.

Так прошел уже почти целый год, и многое в это время сгорело в сердце, многое в нем окрепло. Я не люблю отходить от окна, и когда надо писать, я кладу бумагу на подоконник. Так делаю и сейчас, когда вы, друзья, просите написать о Пушкине, о нашем преклонении перед ним.

Прежде всего — спасибо за то, что вы поручаете мне первое слово о Пушкине. Постараюсь сказать его со всей прямоотой, не забывая о том, всем ли из вас придется по душе.

Ну, так вот: бить себя в грудь перед кумиром Пушкина, клясться в любви к нему — дело не трудное, безответственное, но за то и ненужное. Лучше бы наша

любовь сказала делом, а не словами. Это главное, что я думаю «о любви к Пушкину».

— Какое же это дело? — спросят меня.

— А какая любовь? — спрошу я.

Ведь как только мы заговорим о Пушкине, так и окажется непременно, что у каждого из нас свой Пушкин, перед которым мы преклоняемся одинаково благоговейно, но не по одинаковым причинам. Наша любовь мотивируется различно и даже внутри каждого из нас переживает свою особую историю. Мой Пушкин — не Пушкин кого-нибудь другого, и мой вчерашний не мой сегодняшний. Чуть только заговорим о Пушкине — начинается «смещение языков».

Однако не хочется опускать руки. Мне думается — кое-что общее можно и должно бы, наконец, вскрыть в наших разных любвях. Должно же оно быть потому, что все мы чувствуем, что есть не только мой или еще чей-нибудь Пушкин, а и наш общий. Что же так дорого всем нам в Пушкине? Почему он наше знамя? (Простите за это слово, оно и затрепано, и не в моде, — а все же свято.)

Есть вещи, которые мы любим, и есть вещи, без которых не можем обойтись. И эти необходимые вещи любим мы иногда меньше, чем просто «любимые», а иногда как будто и вовсе не любим, т. е. не думаем о любви к ним. И часто — это как раз самые необходимые. Таков воздух.

Любимые вещи у нас не одни и те же. Мое любимое — непременно и ваше. Рассказать, за что любишь вот эту вещь, а не ту — не перескажешь, часто не выразишь. Иногда же мы любим одно и то же, но только по-разному и за различные свойства. Как уже сказано — именно такова наша любовь к Пушкину. Невозможно установить, как и за что надобно любить его.

Но и в тех случаях, когда любим мы не одно, а разное, — кто судья: любимое лучше, выше, прекраснее? Любовь оспорима, хоть спорить о ней бесцельно, ибо спор никогда не кончится. Нельзя убедить кого-нибудь, чтобы он любил Пушкина больше, чем Лермонтова или, может быть, Боратынского, или Тютчева, Блока, Фета, Некрасова. И не надо этого делать: не только потому, что «не убедишь», а и потому, что творения Пушкина вообще позволительно предпочесть творения иного художника.

И вот тут-то, на самом, казалось бы, неподходящем месте, т. е. когда я как будто всего ближе к тому, чтобы начать делить людей на поклоняющихся Пушкину и поклоняющихся не-Пушкину, — тут-то и хочется мне выступить за пределы нашего «Круга», ибо чувствую, что наше знамя не есть, не должно быть всего только знаменем «кружка поклонников Пушкина». Под знаменем Пушкина должны стать и уже стояли, как стояли раньше, не только те, для кого создания Пушкина, а не кого-либо другого, являются поэтическим кораном и собранием излюбленных художественных произведений. В том-то и дело, что мы не воздвигаем знамя, а лишь становимся под уже воздвигнутое.

Но, становясь под него и читая на знамени: «Пушкин», — должны мы признать, что имя это, понятие лишь как имя любимого автора «полного собрания сочинений», — разъединяет, а не соединяет. Ведь даже между собой мы не можем установить нечто «обязательно любимое» в Пушкине. Ведь больше того: самая любовь предпочтительно к Пушкину, а не к другому кому-нибудь, не может быть обязательна. Меж тем, какая-то сила влечет под это вот знамя, и нас, и не только нас, — знамя же, лозунг, должно быть именно и прежде всего обязательно и объединительно. Иначе — знамени нет. А отсюда — еще один вывод: из любви к Пушкину, из неизъяснимого очарования его Музы, — знамени не выкроишь. Значит, те свойства, которые делают его имя знаменем, надо искать в другом месте — не в том, что Пушкин нам мил, а в том, что без него нам не обойтись. Не в «любимости» его, а в необходимости, в неизбежности.

Если мы не захотим закрывать глаза и затыкать уши, то нам придется признать, что художественный канон Пушкина, как бы мы его ни ценили, может оказаться кодексом форм, прекрасных, но отживающих (частично или полностью, навсегда или временно, до своей «реставрации»). Эстетика пушкинского периода, который уже кончается, сама по себе недостаточно императивна, чтобы быть знаменем. Сколько бы она ни была «любима» — она не «обязательна», как всякая эстетика. Под знаменем Пушкина стояли, стоят и будут стоять люди различных эстетических убеждений, художники разноликие, мастера разных школ, паладины, именующие не одну даму. Но есть в их подвиге нечто общее, что завещано Пушкиным, хотя, может быть, неотчетливо намечалось еще раньше.

В тот день, когда Пушкин написал «Пророка», он решил всю грядущую судьбу русской литературы, указал ей «высокий жребий» ее: предопределил ее «бег державный». В тот миг, когда серафим рассек мечом грудь пророка, поэзия русская навсегда перестала быть всего лишь художественным творчеством. Она сделалась высшим духовным подвигом, единственным делом всей жизни. Поэт принял высшее посвящение и возложил на себя величайшую ответственность. Подчиняя лиру свою этому высшему призванию, отдавая серафиму свой «грешный» язык, «и празднословный, и лукавый», Пушкин и себя, и всю грядущую русскую литературу подчинил голосу внутренней правды, поставил художника лицом к лицу с совестью, — недаром он так любил это слово. Пушкин первый в творчестве своем судил себя Страшным судом и завещал русскому писателю роковую связь человека с художником, личной участи с судьбой творчества. Эту связь закрепил он своею кровью. Это и есть завет Пушкина. Этим и живет и дышит литература русская, литература Гоголя, Лермонтова, Достоевского, Толстого. Она стоит на крови и пророчестве.

Это просто? Не знаю. Как для кого... И дай бог, чтобы некоторым из нас, в меру их дарований, ока-

залось под силу стать воистину русскими писателями — а не только «поклонниками Пушкина». «Любить» и «преклоняться» легко. Разделить это бремя — трудно.

Владислав Ходасевич

P. S. Мне хочется на минуту вернуться к середине моего письма. Времена меняются, с ними — и жизнь, и форма искусства. Нельзя и не надо превращать пушкинский канон в Прокрустово ложе. Знамя с именем Пушкина должно стоять вертикально: да не будет оно чем-то вроде эстетического шлагбаума, бьющего по голове всякого, кто хочет идти вперед. Пушкин не преграждает пути, он его открывает.

В. Х.

1922

* * *

Не матерью, но тульской крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен. Она
Свивальники мне грела над лежанкой,
Крестила на ночь от дурного сна.

Она не знала сказок и не пела,
Зато всегда хранила для меня
В заветном сундуке, обитом жестью белой,
То пряник вяземский, то мятного коня.

Она меня молитвам не учила,
Но отдала мне безраздельно все:
И материнство горькое свое,
И просто все, что дорого ей было.

Лишь раз, когда упал я из окна,
Но встал живой (как помню этот день я!),
Грошовую свечу за чудное спасенье
У Иверской поставила она.

И вот, Россия, громкая держава,
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя,

В том честном подвиге, в том счастье
песнопений,
Которому служу я в каждый миг,
Учитель мой — твой чудотворный гений,
И поприще — волшебный твой язык.

И пред твоими слабыми сынами
Еще порой гордиться я могу,
Что сей язык, завещанный веками,
Любовней и ревнивей берегу...

Года бегут. Грядущего не надо,
Минувшее в душе пережжено,

Но тайная жива еще отрада,
Что есть и мне прибежище одно:

Там, где на сердце, съеденном червями,
Любовь ко мне нетленно затая,
Спит рядом с царскими, ходынскими гостями
Елена Кузина, кормилица моя.

1922

* * *

Играю в карты, пью вино,
С людьми живу — и лба не хмрю.
Ведь знаю: сердце все равно
Летит в излюбленную бурю.

Лети, кораблик мой, лети,
Кренясь и не ища спасенья.
Его и нет на том пути,
Куда уносит вдохновенье.

Уж не вернуться нам назад,
Хотя в ненастье нашей ночи,
Быть может, с берега глядят
Одни, нам ведомые, очи.

А нет — беды не много в том!
Забыты мы — и то не плохо.
Ведь мы и гибнем и поем
Не для девического вздоха.

1922

ИЗ КНИГИ «ЕВРОПЕЙСКАЯ НОЧЬ»

ЗВЕЗДЫ

Вверху — грошовый дом свиданий.
Внизу — в грошовом «Казино»
Расселись зрители. Темно.
Пора щипков и ожиданий.
Тот захихикал, тот зевнул...
Но неудачник облыселый
Высоко палочкой взмахнул.
Открылись темные пределы,
И вот — сквозь дым табачных туч —
Прожектора зеленый луч.
На авансцене, в полумраке,
Раскрыв золотозубый рот,
Румяный хахаль в шапопляке
О звездах песенку поет.
И под двуспальные напевы
На полинялый небосвод
Ведут сомнительные девы
Свой непотребный хоровод.

Сквозь облака, по сферам райским
(Улыбочки туда-сюда),
С каким-то веером китайским
Плывет Полярная Звезда.
За ней вприпрыжку поспешая,
Та пожирней, та похудей,
Семь звезд — Медведица Большая —
Трясут четырнадцать грудей.
И до последнего раздета,
Горя брильянтовой косой,
Вдруг жидколягая комета
Выносится перед толпой.
Глядят солдаты и портные
На рассусаленный сумбур,
Играют сгустки жировые
На бедрах Etoile d'amour¹,
Несутся звезды в пляске, в тряске,
Звучит оркестр, поет дурак,
Летят алмазные подвязки
Из мрака в свет, из света в мрак.
И заходя в дыру все ту же,
И восходя на небосклон,—
Так вот в какой постыдной луже
Твой День Четвертый отражен!..
Не легкий труд, о Боже правый,
Всю жизнь воссоздавать мечтой
Твой мир, горящий звездной славой
И первозданною красой.

1925

* * *

Было на улице полутемно,
Стукнуло где-то под крышей окно.

Свет промелькнул, занавеска взвилась,
Быстрая тень со стены пронеслась —

Счастлив, кто падает вниз головой:
Мир для него хоть на миг — а иной.

1923

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот — это я?
Разве мама любила такого,
Желтосерого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах,—

¹ Etoile d'amour — звезда любви (франц. букв.).

Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть,—
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем — так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины к причине,
А глядишь — заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Вергилия нет за плечами,—
Только есть одиночество — в раме
Говорящего правду стекла.

1924

Анатолий Жигулин

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Дворянский род Раевских, герба
Лебедь, выехал из Польши на московс-
кую службу в 1526 г. в лице Ивана
Степановича Раевского. Раевские служи-
ли воеводами, стольниками, генералами,
офицерами...

*По энциклопедическому словарю Брокгауза и
Ефрона*

Ян Стефанович Раевский,
Дальний-дальний пращур мой!
Почему кружится лебедь
Над моею головой?

Ваша дерзость, Ваша ревность.
Ваша ненависть к врагам.
Древний род!
Какая древность —
Близится к пяти векам!

Стольники и воеводы...
Генералы...
Декабрист.
У него в лихие годы —
Путь и страшен, и тернист.

Генерал — герой Монмартра
И герой Бородина.
Декабристу вышла карта
Холодна и ледяна.

Только стуже не завяять
Гордый путь его прямой.
Кружит, кружит белый лебедь
Над иркутской тайгой.

Даль холодная сияет.
Облака — как серебро.
Кружит лебедь и роняет
Золотистое перо.

Трубы грозные трубили
На закат и на восход.
Всех Раевских перебили,
И пресекался древний род —

На равнине югославской,
Под Ельцом и под Москвой —
На германской,
На гражданской,
На последней мировой.

Но сложилось веками:
Коль уж нет в роду мужчин,
Принимает герб и знамя
Ваших дочек
Старший сын.

Но не хочет всех лелеять
Век двадцатый, век другой.
И опять кружится лебедь
Над иркутской тайгой.

И легко мне с болью резкой
Было жить в судьбе земной.
Я по матери — Раевский.
Этот лебедь — надо мной.

Даль холодная сияет.
Облака — как серебро.
Кружит лебедь и роняет
Золотистое перо.

СЕРЖАНТ РЫБАКОВ

Осмотрено, мин не обнаружено.
Сержант Рыбаков.
Разминировано. Сержант Рыбаков.

Надписи на руинах Воронежа, 1943

Был он юный, но очень серьезный.
Понимал, как сапер — изнутри,
Над какою погибелью грозной
Колдовал от зари до зари.

Это мы понимали и сами,
Рядовые мальчишских полков.
На три года всего с месяцами
Был он старше, сержант Рыбаков.

Но не страшно мне было нисколько.
Он меня, словно старший мой брат,
Называл по-ребячески:
— Толька!—
Я — по званию:
— Товарищ сержант!

Но тревожно мне было, признаться,
Слышать голос его ледяной:
— Отойди-ка, брат, метров на двадцать
Или спрячься за той вон стеной.

Не случайно была с укоризной
Строгость синих прищуренных глаз.
Ведь сапер ошибается в жизни,
Как известно, один только раз...

И ушли они с фронтом на Запад.
Но остался со мной навсегда
Этот горький тротильовый запах,
Этих лет горевая беда.

Было много и крови, и жажды.
И фугасных,
И прочих силков...
Если вы не ошиблись однажды,
Отзовитесь, сержант Рыбаков!

ПРЕКРАСНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Прекрасная специальность —
Опытный вальщик леса.
Если хороший напарник,
Если пила остра.
Если мороз не очень
И звонко поет железо.
Если найдется минута
Покурить у костра.

Тяжелая специальность,
Если пила — ручная.
Если норма большая
И плохие харчи.
Но обратись к восходу,
Новый день начиная.
И на судьбу земную
Не сетуй и не ропщи.

Опасная специальность,
Если на снежном склоне
Крутит колючий ветер,
Не дает повалить сосну.
Если в худых рукавицах
До крови стерты ладони
И нет никакой надежды,
Что увидишь весну...

Был вальщиком, стал поэтом.
Не потерял интереса
К тревожному шуму сосен,
К дальним путям журавлей...

Прекрасная специальность —
Опытный вальщик леса,
Надеюсь, не пригодится
Больше в жизни моей.

ДОМ БЛОКА

Жизнь поэта после смерти —
Вечный спор добра и зла...
Книги, дали и повети,
Память, злая, как стрела,
И опять — осока, ветер,
Чем душа его жила.

Что ж, музей, конечно, нужен,
Но уж если нет его,
Пусть пока метель покружит,
Пусть пока ласкает стужа
Этот взгорок для него.

Жаль, конечно, что спалили,
Дымом к небу вознесли.
Огонек всегда любили
На Великой на Руси...

И пока все длился спор
Был ли дом, а может, не был,
Стали полем — пол и двор,
Потолок — высоким небом.

НАПУТСТВИЕ

Моим студентам

Будешь вольною птицей.
Будешь яркой звездой.
Будешь гордо кружиться
Над землей, над водой —

Если будет в тетради
Только правда одна,
Если легкости ради
Не пригубишь вина.

Не того, что хмельное
На победных столах,
А того, что больное
Жаждой славы и благ.

Эти сладкие «яства»
Нам, поэтам, — беда.
Ведь при них от лукавства
Не уйти никуда.

Лишь бы правды погуще,
Как Твардовский сказал,
А не райские кущи
И стотысячный зал.

И медалей — не надо:
Суета и хвальба.
Нам, поэтам, награда —
Это наша судьба.

И была бы тревога
За Отчизну, страну.
Остальное — от бога,
Как рекли в старину.

Владимир Леонович

КАПИТАН

Из книги «Портреты»

I

Перемычка всю ночь фильтровала.
Инженер заглянул: озерцо
перерезало дно котлована...
— Сто чертей! — побелело лицо.
И кругом ни души. Где бригада?
Он в контору — там нету. Он сгреб
всех, кто был в коридоре: завсклада,
машинистку... — Куда это? — Надо! —
Бюллетенщицу: — Вот те лопата!
— Что такое? — Однако, потоп! —
Вся конторская пестрая челядь
всполошилась, кто как, налегке,
в самосвал погрузилась, и через
пять минут самосвал на реке.
Лихо ехали, развеселились —
инженер был угрюм и не рад...
Там лопаты уже не годились —
в котловане шумел водопад.

II

Есть минуты, когда инженеры
в полусне словно дети стоят
пред стихией. Минуту назад
принимались решенья и меры —
все пропало! Дохнула она
свежим хаосом, духом соблазна...
И стоит он, и шепчет: «Согласно
уголовному...» Вот тебе на!

III

Так и замерли над водопадом,
а струя тяжела и седа...
Но вперед протеснился завскладом
и: — Внимание, слушай сюда! —
Было кратким его повеленье:
нагрузить самосвал. Что к чему,
непонятно. Явилось явление —
оставалось дивиться ему.
Перед бедствием неминучим
по закону сюжета возник

наш герой — кладовщик, завгорючим,
капитан-отставник.
Не спеша он в кабину садился —
поглядите, с лица как застыл, —
это что еще? — перекрестился,
тронул «МАЗ», на гравийный настил
выбирается, едет на кромку —
что ты делаешь, выбьет как пробку! —
наезжает — и — грузно в промоину,
руль свернув, самосвал забурил...
Взбеленилась вода! Подождал, закурил,
обернулся — глядит... Хорошо ему!
На подножку ступает — вода по колено,
и лицо его — обыкновенно.

IV

Тут я сделаю паузу, выдох —
котлован не потопит река —
и скажу хоть два слова пока
о ночных сторожах-инвалидах —
о товарищах кладовщика.
На строительствах комсомольских —
вечно жалуются кадровики —
составляют охранное войско
эти странствующие старики.
Ни имущества, ни прописки,
сух и на ногу снова легок,
ветер носит его транссибирский
и на запад, и на восток.
Что за племя! Ни корня, ни крова,
даже имени: просто «дедок».
И причина смиренья такого
молодым никому невдомек.
Все помалкивает, поддакивает,
словно памяти нет за душой,
в чай коричневый корку помакивает,
днем приткнется на койке чужой...
Ночь идет, совершается участь
человека с берданкой в руке.
Велика этих кадров текучесть
на колючем сухом сквозняке.
Тело дряхлое в грозном тулупе
свяло, скорчилось. Сыплет снежок
из кромешной невидимой глубины,
засыпает стрелка... — Эй, дедок!
Жив ли, нет?

V

Капитан презирает
ветхий штат подчиненных своих,
им с опаской оружие вручает,
оставляет с опаской одних...
Днем впотьмах он сидит как в засаде,
как в пещере какой атамана,
и в глазах у него «не укради»,
и на бочке граненый бердан.
Кавалер орденов и штрафник,

понимавший атаки и штурмы,
в нашу жизнь, как ни бился, не вник,
где мы с вами умны и культурны.
Вот он бочку ребрастую катит:
— Отцедили солярку... Шпана,
цуценята! Подушки не хватит —
вам — за мною нести ордена...—
Едет траурная колонна,
и звенящая речь микрофона
по поселку далеко слышна...
Впрочем, это из области сна
и, быть может, шаблона.

VI

Но закончим ту главную сцену.
Был он жив и хорош — полчаса,
а завидев виновницу-смену,
сам пошел на нее как гроза.
Бранью встречной, однако, покрытый,
при народе при всем, на миру,
он хватился движеньем забытым
за невидимую кобуру!
Тут совет разделился во мненьях.
Хоть бригаду никто не хвалил,
посильнее святого знаменья
жест последний всех нас впечатлил.
Как уж там согласились в итоге,
я не помню, но долго смотрю,
как шагает он прочь, без дороги,
по изрытому пустырю...

VII

Эти древние гальки и глины
голубыми выходят на свет.
Эти были — еще не былины,
в них еще и поэтики нет.
Но меня поразила — осанки
и пути его прямизна
по отвалам и рвам, по изнанке,
где земля голуба и юна.

Аркадий Канькин

«ЧЕЛЛЕНДЖЕР»

Каким враждебным небо стало,
когда, взломав полдневный блеск,
возникло крошево металла
и следа пенного расплеск.

И горькая беда земная —
утраты траурная мгла,
иное все отодвигая,
на миг планету обвила.

Печально всматривались страны,
как весело, в который раз,
шли астронавты по экрану,
приветствуя улыбкой нас.

Шли к кораблю они, красивы
той человеческой красотой,
что возникает в терпеливой
страде общенья с высотой.

Шли, в ту не ведая минуту,
что вдалеке уже видна
и мчится, изогнувшись круто,
их погребальная волна.

Борис Викторов

* * *

Правит лодкой Василий
по реке марсианской,
ярко-красной и синей,
довоенной рязанской,

правит лодкой Георгий
по реке беззаботной,
нескончаемо-долгой,
незабвенной, суббстней,

правит лодкой Арсений
мимо рощи закатной,
завтра — под воскресенье —
повернет он обратно...

Завтра, 22-го, Василий
«Мы вернемся»,— ответит Марии,

завтра, 22-го, Георгий
скажет: «Сломим поганого змия»,

завтра, 22-го, Арсений
«Мы спасем тебя»,— скажет России.

Портрет Бориса Слуцкого работы художника Б. Жутовского

Борис Слуцкий
1919—1986

* * *

Я был кругом виноват, а Таня мне
все же нежно сказала:— Прости!—
почти в последней точке скитания
по долгому мучающему пути.

Преодолевая страшную связь
больничной койки и бедного тела,
она мучительно приподнялась —
прощенья попросить захотела.

А я ничего не видел кругом —
слеза горела, не перегорала,
поскольку был виноват кругом
и я был жив,
а она умирала.

* * *

Мне легче представить тебя в огне, чем в земле.
Мне легче взвалить на твои некрепкие плечи
летучий и легкий,
вскипающий груз огня,
как ты бы сделала для меня.

Мы слишком срослись. Я не откажусь от желанья
сжимать, обнимать негасимую светлость пыланья
и пламени
легкий, летучий полет,
чем лед.

Останься огнем, теплотою и светом,
а я, как могу, помогу тебе в этом.

ПЕРЕОБУЧЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВУ

Я обучен одиночеству.

Я когда-то умел это делать,
знал эту работу:
встать пораньше, лечь попозже,
никому не мешая
и не радуясь
никому.

Долгий день в промежутке от утра и до вечера
провести, никому не мешая
и никому не радуясь.

Я забыл одиночество.

Точно так же, как, проучившись лет восемь игре
на рояле

и дойдя до «Турецкого марша» Моцарта
в харьковской школе Бетховена,
я забыл весь этот промфинплан,
эту музыку,
Бетховена с Моцартом
и сейчас не исполню даже «Чижика-пыжика»
одним пальчиком,—
точно так же я позабыл одиночество.

Точно так же, как, выучив некий древний язык
до свободного чтения текста,
забыл алфавит —
я забыл одиночество.

Надо все это вспомнить, восстановить,
перевыучить.

Помню, как-то я встретился
с составителем словарей того древнего,
мною выученного и позабытого
языка.

Оказалось, я помню два слова: «небеса»
и «яблоко».

Я бы вспомнил все остальное —
все, что под небесами и рядом с яблоками,—
нужды не было.

Подхожу к роялю и тычу пальцами в клавиши:
о-ди-но-че-ство!

Выбиваю мотив одиночества.

У меня есть нужда
вспомнить, восстановить, реставрировать,
вновь освоить,
перечувствовать до конца
одиночество.

* * *

Мужья со своими делами, нервами,
чувством долга, чувством вины
должны умирать первыми, первыми,
вторыми они умирать не должны.

Жены должны стареть понемногу,
хоть до столетних дойдя рубежей,
изредка, впрочем, снова и снова
вспоминая своих мужей.

Ты не должна была делать так,
как ты сделала. Ты не должна была.
С доброй улыбкою на устах
жить ты должна была,
долго должна была.

Жить до старости, до седины
жены обязаны и должны.

Делая в доме свои дела,
чьи-нибудь сердца разбивая
или даже — была не была —
чарку — в память мужей — распивая.

ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД

Жена умирала и умерла —
в последний раз на меня поглядела —
и стали надолго мои дела,
до них мне больше не было дела.

В последний раз взглянула она
не на меня, не на все живое.
Глазами блеснув,
тряхнув головою,
иным была она изумлена.

Я метрах в двух с половиной сидел,
какую-то книгу спросила листая,
когда она переходила-предел,
тряхнув головой,
глазами блистая.

И вдруг,
хорошая на всю болезнь,
на целую жизнь помолодела
и смерти молча сказала: «Не лезь!»
Как равная,
ей в глаза поглядела.

* * *

Мой товарищ сквозь эту потерю прошел
лет пятнадцать назад,
и он вспомнил, как выход нашел:
— Телевизор купи,— говорит,— телевизор
и сиди вечерами, впери в него взор,
словно ты в доме отдыха ревизор
или провинциальный провизор.

Я с момента изобретения
телевидения не люблю.
Тем не менее, тем не менее
телевизор я вскоре куплю,
потому что, как ни взгляну,
все четыре программы полезны,
чтоб засыпать образовавшуюся бездну
и заполнить установившуюся тишину.

* * *

То, что было вверено, доверено,
выпускать из рук не велено,
вдруг
выпустил из рук.

Звук прервали, свет потух.
То, что было на меня записано,
от чего вся жизнь моя зависела,
отлетело, легкое как пух.

Улетело тихо, как душа,
имя, что душа моя вытверживала,
то, что на плаву меня поддерживало
до конца. Даже чуть-чуть дыша.

От редколлеги:

Бориса Слуцкого не стало, когда шла работа над этим сборником.
Подборка стихотворений, напечатанная здесь, была подготовлена и передана редколлегии им самим.

Мы публикуем также статью Евг. Евтушенко — его непосредственный отклик на кончину поэта.

* * *

Небольшая синица была в руках,
небольшая была синица,
небольшая синяя птица.
Улетела, оставив меня в дураках.

Улетела, оставив меня одного
в изумленье, печали и гнев,
не оставив мне ничего, ничего,
и теперь — с журавлями в небе.

НЕВОСПОЛНИМОСТЬ

Потеря Слуцкого невосполнима. Да есть ли вообще восполнимые потери? Настоящая поэзия из жизни не вынимается, но пока поэт жив, — даже если сегодня он пишет хуже, чем вчера или позавчера, или вообще не пишет, — всегда существует возможность нового, почти неожиданного подарка...

Последнее десятилетие его жизни было тяжким. Он потерял многих друзей, и, прежде чем смерть взяла его самого, она отобрала у него прекрасного, нежного, всепонимающего человека — его жену. Отобрала душевное здоровье. Но все-таки он был жив, продолжали печататься его стихи, и во всех нас теплилась хотя бы слабая надежда, что он выздоровеет. Так не случилось. Война догнала его, добила...

Он сам о себе пророчески написал: «ангельским, а не автомобильным сшибло, видимо, меня крылом». Человек этически безукоризненный, он допустил, насколько я знаю, только одну-единственную ошибку, постоянно мучившую его, мучившую вместе с ежеутренней головной болью, доставшейся от старого фронтового ранения. Но мало ли людей совершают ошибки, а вот мучаются далеко не все. Уровень мук совести — это уровень самой совести. Ошибка, мучившая его, состояла в том, что однажды, в трудный момент жизни одного старшего поэта, он несправедливо выступил против него. Слуцкий сполна расплатился за это, но не только своими муками, а несовершенством других подобных ошибок. Я, воспитанный не только его поэзией, но и им

самим, столько раз пригретый, накормленный им, снабженный деньгами, которые у него всегда находились для других, оказался по-мальчишески жесток к нему; и на некоторое время наша, почти ежедневная, дружба прервалась. Я забыл о том, что он смертен.

Прав ли был Слуцкий, когда он писал: «Грехи прощают за стихи. Грехи большие — за стихи большие», — я не знаю, но его мольба, обращенная к потомку: «ударь, но не забудь. Убей, но не забудь» — пронзает своим предсмертным мужеством самоосуждения.

Теперь его нет, но каждый из нас, кто еще не потерял веры в завещательную силу слова, остался наедине с оставленной им поэтической исповедью. Теперь можно сказать то, что почему-то не принято говорить при жизни: назвать его великим. Да, я убежден: Слуцкий был одним из великих поэтов нашего времени. Во-первых, он создал свою поэтику, и его стихи безошибочно узнаваемы. Но этого мало. Такие талантливые поэты, как Северянин или Кирсанов, тоже безошибочно узнаваемы, а вот великими их все же не назовешь. Великий поэт — это воплощение своей эпохи. Слуцкий воплотил ту ее часть, которая не была воплощена такими его великими современниками, как Пастернак, Ахматова, Твардовский, Заболоцкий, Смеляков. Я бы присоединил к этому списку и Симонова, ибо бессмертные его стихи «Ты помнишь, Алеша...» или «Жди меня» при жизни автора были заслонены в глазах послевоенных читателей его публицистикой, его драматургией и прозой — тоже талантливой работой, но отнюдь не бессомненной.

«Кельнская яма», «Писаря», «Госпиталь», «Последнюю усталостью устав...», «Хозяин», «Бог», «Хуже всех на фронте пехоте...», «Я говорил от имени России...», «Давайте после драки...», «Баня», «Лошади в океане», «Старухи и старики», «М. В. Кульчицкий» — это шедевры не только русской, но и мировой поэзии. Сказанного Слуцким слова из общей песни не выкинешь. Он нашел свою единственную, слущкую форму для тех сторон эпохи, которые не укладывались ни в пастернаковскую артистичную строфику, ни в классицизм Ахматовой, ни в «остраненность» Заболоцкого, ни в фольклоризированный стих Твардовского, ни в «красный, как флаг, винегрет» Смелякова, ни в киплинговскую интонацию Симонова. Сейчас к стиху Слуцкого подпривыкли, а ведь когда-то он шокировал своими якобы «прозаизмами», своей подчеркнутой неизящностью. К сожалению, до сих пор из сборника в сборник Слуцкого кочуют многие «отредактированные» нашими редакционными пуристами строки, а некоторые строки до сих пор инерционно вычеркиваются, как например, в стихотворении «М. В. Кульчицкий»:

Есть кони для войны и для парада.
В литературе тоже есть породы.
Поэтому я думаю — не надо
об этой смерти слишком горевать.
Я не жалею, что его убили.
Жалею, что его убили рано —
не в третьей мировой, а во второй.
Рожденный пасть на скалы океана,
он занесен континентальной пылью
и хмуро спит в своей глуши степной.

Могу представить те доводы, благодаря которым выбросили эти замечательные строки — «безжалостность», нагнетание «неизбежности третьей мировой войны» и т. д. Все эти доводы несостоятельны. Истинная любовь выше «жалостности», а Слуцкий любил Кульчицкого, как, может быть, никого на белом свете. Упоминание о третьей мировой войне не есть нагнетание ее «неизбежности», а есть лишь предупреждение об ее нависающей над нами трагической тени, о чем сегодня сурово и откровенно говорят не только поэты, но и политические лидеры. Эти строки, наконец, затаенная мольба хотя бы об отсрочке смерти близкого друга, об отсрочке, к несчастью, уже невозможной. Эти стихи — не только художественное, но и моральное новаторство.

Слуцкий оказал огромное влияние на поэзию

нашего поколения, расширил представление о резервах формы и содержания. Я, например, как поэт, возможно, был бы совершенно другим, если бы не было Слуцкого. В заимствовании, конечно, не переходящем в плагиат, я ничего предосудительного не вижу: это лишь доказательство силы первоисточника. Слуцкий долгое время будет одним из первоисточников учебы в поэтической мастерской. Его ошибки — или недостатки — жизненные и поэтические — тоже должны быть уроком. Жизненный урок таков: лучше перехвалить другого поэта при жизни, чем хотя бы один раз оскорбить его. Поэтический урок таков: собственная поэтика, какой бы самостоятельной она ни была, может быть сковывающей, ограничивающей, самозасушивающей. Несмотря на огромную стилевую разницу Слуцкого и Твардовского, у них есть общее: почти полное отсутствие стихов о любви. Конечно, прав был Роберт Фрост, однажды заметивший, что все стихи, о чем бы они ни были, — это стихи о любви, но все-таки, но все-таки... У Слуцкого поразительное историческое мышление, сильный логический ум, но ему иногда не хватает чувственного восприятия, нюансовой тонкости, звуков, запахов, природы. Разумеется, нельзя говорить о поэзии по принципу: «Если бы к носу Ивана Кузьмича...» — но тем не менее у нас есть волшебный пример пушкинского «всеотклика», пушкинской радужности, включающей и черный цвет, пушкинской стилевой и духовной всеобъемлющести. Во всех послепушкинских поэтах хоть чего-то да не хватает по сравнению с самим Пушкиным...

Сегодняшняя поэтическая ситуация, несмотря на все бодрые доклады, оставляет грустное впечатление. Поэтому каждая потеря настоящего поэта вопиет о необходимости восполнимости. Потери не восполняются подражательством. Но нельзя восполнить потерю большого поэта и неучебой у него. Перескакивание через опыт больших поэтов губительно, а Слуцкий принадлежит именно к тем поэтам, чей опыт драгоценен.

Невосполнимость потерь может быть все-таки восполнена благодарной, но отнюдь не слепой, а трезво анализирующей памятью и рождением новых великих поэтов, которых заждалась земля русская.

Но все новые великие поэты — это цветы, благодарно выросшие на могилах своих предшественников, — да простится мне такой высокопарный, банальный, а все-таки точный образ.

*Евг. Евтушенко
Апрель 1986*

Ольга Постникова

ЛИНИЯ ЭЛЕКТРОПЕРЕДАЧИ

Никуда не уйдешь, никому не отдашь
Этих сродных с эпохой движений невольных.
Нет, уже не получится русский пейзаж
Без решетчатых вышек высоковольтных!

Что же вдруг мое сердце так начало жать
В этой просеке светлой при птичьем отлете?
Под электролинией жилы дрожат
Проводами в красной оплетке.

И во мне — напряжением горней тоски,
Этой хваткой бетонною, сгорбившей спины,—
Ярый ток, порожденье сибирской реки,
Водопадом надежд, низверженьем с плотины.

И магнитное поле великой страны
Гнет, и греет, и держит, и гонит.
Мы с тобой навсегда в этот пульс включены!
Не ознобом, а вечным биеньем весны
В нас простор этот взорванный стонет.

* * *

За все благодарю тебя, родня,
Генетики поденщица великая,
Родня, что до сегодняшнего дня
Выглядывает из меня, выкрикивает.

Прабабки предприимчивость и пьянство,
И распродажа жалованных нив,
И юных теток вегетарианство,
Батистовых учительниц наив.

Зови меня на запах чебреца,
Веди меня через поля запашные
Туда, где живы без вести пропавшие
Брат матери и младший брат отца...

О, дай полтавских тихих причитаний
И нежных полотняных сповиваний!
И мне на каждом вдохе припевать,
И мне на каждом слове придыхать!

Ты набожностью бабкиной дари,
Но не безумной Кати богадельнею,
Ты сестриной тоскою говори,
Картавостью, задышкой двухнедельною.

И страстью комсомольскою железной,
Чем с матерью похожи посеячас,
Той связанной с базедовой болезнью
Особой выразительностью глаз.

А я люблю и стать, и норов твой!
Срослось два рода в дерево единое:
На яблоне с казацкою гордынею
Владимирской смиренности привой.

Кинемеханик девятнадцатого года,
Мой дед мне дал живучести без меры...
Но дашь ли добросовестности Веры,
Сестры, сгоревшей при пожаре химзавода?

БЕРЕЗА

Сколько робости в стати высокой,
Простоватости и доброты!
Сколько выпито сладкого сока,
Сколько драно с тебя бересты!

И, раскинув наивные пасмы
Окропленных весною ветвей,
Задыхаясь пылью темно-красной,
Ты летишь, как на плач сыновей.

Прибежала, застыла, накрыла
Всем цветением бабьей поры,
Всем напором любви, до надрыва
Тонкой пленки, атласной коры.

У дорог, на торфяном болоте
Белый лес, как село без мужчин.
Сколько кроткой изъязвленной плоти,
Сколько черных могучих морщин!

Будто выбухли вены и как бы
Весь избыток души затвердел,
Но несет отмирающий камбий
Вешний плеск в поднебесный предел!

* * *

Среди русских святых почти нет женщин.

Оглашенья не ждали, их все миновали каноны.
Даже имя не скажут — молиться о ком,— не проси!
Мыть полы да полоты!— вот такие мольбы
да поклоны.
Испокон как закон: «Мало женщин святых на Руси!»

Не божба, а борьба, а страданье-старанье.
Не держали икон, а кормили чужих да слепых.
Нет, не раны распятыя, какие обычные раны:
От иглы посуконной, от сольвычегодской рапы...

И когда канонадою трубы призывные грянут,
Голосами родства выкликая по имени нас,
В разнотравье могил наши тетки и матери встанут,
Запоет Волго-Дон, хором праведниц выйдет Кузбасс.

Петр Красноперов

САЛЮТ НА МОСТУ

Звезда взрывается в полете,
И мост, и Кремль озарены.
Октябрь — я твой — как плоть от плоти,
Корпускула твоей волны.
Вот снова россыпь фейерверка
И небом высвечены лбы,
И справа зданье Мосэнерго
В четыре крейсерских трубы.

ДЕРЕВНЯ АННА

(Из армейской тетради)

Анна, к добру, я знаю,
Нас к тебе занесло,
Как странно твое названье,
И как же оно тепло.
Знать, тебя окрестили,
Кого-то сильно любя.
И чтобы постичь Россию,
Нам нужно постичь тебя.
Мы весело расстаемся,
На кочках гремят борта,
Ты нас провожаешь солнцем,
Загадочна и проста.
Ты дышишь тепло и чисто
Туманом полей своих.
По белому свету мчится
Синий наш грузовик.

НОЧНОЙ САМОЛЕТИК

Жужжащий звук к окну меня позвал,
Шумела полночь тьмой зеленоватой.
Я в лунном свете самолет узнал,
Которым в детстве я играл когда-то.
Отважный краснозвездный ястребок,
Утраченный! — откуда он здесь взялся?
Он прежде никогда летать не мог,
Лишь по полу гудя передвигался.

О, как мне больно стало за него,
Зависшего над улицей серой,
Он силился догнать мое окно
И сесть на подоконник порыжелый,

Соскальзывал, пропеллером стуча,
Взывал ко мне, к единственному другу,
И догадавшись, слабо стрекоча,
Взлетел в мою открытую фрамугу.

Его завод пружинный иссякал,
Он трепетал, как существо живое...
Я самолет под крылышки поймал,
Целуя друга тельце жестяное.

ПЕГАС

Пегас, веселая лошадка,
Чуть больше крупной стрекозы,
Гонитель мертвого порядка,
На кухне грохнувший тазы,
Слетал откуда-то с комода,
Всем возраженьям поперек,
И жадно пил настойку йода,
Засунув морду в пузырек.

Татьяна Кузовлева

СТРАСТИ

Матч. Заплыв. Регата. Эстафета.
Дети. Юниоры. Мастера.
Полыхают в небе над планетой
Стадионные юпитера.

Гул восторга.
Ненависти вспышка.
Стрелок торопливый оборот.
...Лысоват, сутуловат, с одышкой,
Человек по городу идет.

Смотрит добродушно и не гордо,
Будничной заботой поглощен.
Новому спортивному рекорду
Не завидуетнисколько он.

На себя поварчивает в шутку,
Не спеша толпе наперерез.
Он из тех, кто трудится нешумно,
С возрастом накапливая вес.

Он из тех, кто далеко не юным —
К сорока! — выходит в мастера.
Рукоплещут не ему трибуны,
Не его слепят юпитера.

Не его на пьедестал почета
Возвести торопится судья.
Но ему доверена работа,
И ему доверена семья.

Каждый мерит мерою своею
Жизни повседневную страду.
Для кого-то — страсти по хоккею,
Для кого-то — страсти по труду.

А Я МОГЛА БЫ ТАК?..

Бывает так:

Закат

Свой мягкий свет расплещет,
И смолкнет все вокруг;
И вдруг увидишь ты:
Все дерево молчит,
А лист один трепещет,
Как будто побороть
Не может немоты.

Невидимым ветрам

Он отдан на расправу
Иль сам тревожит их,
Уснувших на лету?
Какую весть несет?
Какую тайну, право,
Удерживать в себе
Ему невмоготу?

Блестать, когда вокруг
Любой словами блещет,—
Отвага не нужна
Для этого, увы.
Все дерево молчит,
А лист один трепещет...
А я могла бы так?
А вы, могли бы вы?..

Герман Валиков 1927—1981

КАК ШЛИ

Молча, непарно, хоть и в две строчки,
Не поднимая лица,
Поодиночке, поодиночке...
Сколько их?.. Нет им конца.
Стужа под сорок. Зубы колотит
Сыпкая, знобкая дрожь...
Тот на отлете, тот на полете —
Разве их всех переждешь?

Будто вразвалку, сбоку дороги
Еле бегут мужики.
А у иных на загривках треноги,
А у иных кожухи.
А за иными постромки да лямки —
Санки на лыжном ходу.
На подбородках лед, как стеклянки,
Лица, как в рамках, во льду.

Молча, угрюмо, хмуρο по-волчьи,
Как заводные — след в след,

Поодиночке... О, это молча
И не задумчиво, нет...
Думать?— а впору ль?.. Диски да фляжки,
Каски, мешки, котелки...
И без того им дышится тяжело,
Думанье тут не с руки.

Шаркают палки, горбятся спины,
Кряхта да хрястанья шум.
А у иных на загорбках станины...
Ни разговоров, ни дум.
Думать не время, сумки, подсумки,
Выкладка вся целиком.
Жми — нажимай да держи себя в струнке,
Тут уж не будь индюком.

Думать?— а силы, поди, на исходе.
Много ль надумаешь тут?..
Не в кавалерии и не в пехоте
Делают дело — бегут —
От горизонта до горизонта,
Пересекая лозье,
Молча, не думая, в сторону фронта
Делают дело свое.

Молча — не думая? не вспоминая?—
Может, давно уж во сне?
Не догоняя, не обгоняя —
По бесконечной лыжне...
Может, минута — выронят палки,
Легонько, как под уклон,
Молча, не думая, с ходу — вповалку,
В мягкий медлительный сон...

Может, давно одолела морока,—
Может быть, спят на бегу?
Может быть, снится лишь — поле, дорога,
Тихий поселок в снегу.
Может, и сам я им снился, и только,—
Мальчик-то был или нет?—
Вдруг на дорогу вскочивший без толка,
Вдруг отскочивший в кювет...

Живший потом... и, пожалуй, неплохо,
Хоть и характером слаб,
Худо ли бедно вкусивший эпоху,
Сбоку припека хотя б...
Живший, конечно, и тако и сяко,—
Было всего до черта,
Не без обид и скорбей, и, однако,
Весело в общих чертах...

Живший... живущий на радость двум детям —
Девицам, что без царя,—
Крутятся, вертятся, может, лишь этим
Лыжникам благодаря,
Этим — в измоте, как на излете,
Лица уставившим в снег,

Головы в плечи — будто в дремоте...
Может, давно уж во сне...

Может, лишь снятся все эти лямки,
Санки на лыжном ходу,
На подбородках лед, как стеклянки...
Можно ли спать на ходу?
Может, со мной лишь было такое —
Снился чудовищный сон...
Спал я, быть может, и всхрапывал — стоя,
Был переполнен вагон...

Ездили так — в тесноте, не в обиде,
Впрочем, о чем говорить...
Сны — ахинея, хоть стоя, хоть сидя...
Снов наяву не забыть.
Вспомню вагоны в утренней давке,
Вспомню, как сон погляжу...
Хлесткая, злостная пляска на лавке:
— Встань-ка, постой-ка... Спляшу!..

Пел инвалид, от натуги оскалясь,—
В левой — рубли, пятакки,
В правой глаза — по ладони катались,
Голые пятачки,—
Шел будто памятник, одервенело,
Слепо и зло, напролом...
Впрочем, все это не к месту, не к делу,
Все это было потом...

К делу одно лишь: нет керосина
И не вернешься домой...
Издали гляючи, очень красиво
Лыжники мчат по прямой.
Две вереницы в белом просторе
Вьются в морозной пыли,
Будто прозрачные, на косогоре
Тают в белесой дали.

Нет керосина, нет и не будет,
Время: а быть ли Москве?
Тянутся, тянутся лыжные люди...
Сколько их в дальнем леске?
Еле бегут они сбоку дороги,
Пар изо рта на плече...
Заняты руки, заняты ноги,
Головы заняты — чем?

Думать — немислимо! Сумки, подсумки,
Санок чехленая кладь...
Что-то неладное в этом рисунке,
Что-то неясно опять:
Молча — не думая? не вспоминая? —
Вдоль однозвучной лыжни,
В ясном сознании... Впрочем, не знаю,
Может быть, спят не они.

Может, уснул, а во сне и приснилось:
В тусклой иной глубине
Вновь засыпаю, скажите на милость,
Сон наплывает — во сне,
А в сновиденье том, и не боле,—
Брезгу предзорья сродни —
Белые тени, белое поле,
Белое небо над ним...

Публикация Д. Валиковой

Фаик

МГНОВЕНЬЕ ВО ВЛАСТИ КОШМАРА

1

Я прилег на песок — и подумал о счастье.
О том, что любимая рядом со мной.
О жесте признанья, доверья и ласки.
О детях, имеющих мать и отца.
О переплетенье неопытных рук.
О теле, избывшем безумную боль.
И я улыбнулся устало. И тут же
Я понял, что все это — древний напев,
В котором отчетливо слышатся чайки,
И море, влюбленное в берег и в небо,
И ветер, который коснулся щеки.
За ветром и бабочка села на бровь.
Я спал. Только чувствовал э т о. И вдруг...

2

Застыла волна наподобие гипса.
А небо, как будто проклятье веков,
Над тем, что пустыней и то не зовется,
Нависло, звуков почти не слышать.
У берега — дохлые рыбы. А ветки
Стеклянных деревьев не помнят листвы.
От чаек крикливых одни только перья
Остались. И эти следы на песке.
И крик вырывается мой: «Это кто же,
Какой же безумец содеял такое?
Кто сделал цветущую землю погостом,
Где нет ни могил, ни скульптур?!» И тогда
Мой крик достигает обугленных скал.
И сыплется пепел оттуда, с вершины,
Еще не остывший, стекая к ногам.
И вновь тишина. Да такая, что слышно,
Как там, в отдаленье, глодает огонь
Остатки добычи. А клочья тумана
Касаются стен с кирпичом почерневшим.
Там лозунги мира висели вчера.
Так вот он каков, безнадежности пепел,
С которым соседствуют смерть и закат.

«Да будьте вы прокляты!»— я закричал.
 И тут же очнулся. А волны кипели.
 Горячий песок осыпался с виска.
 И клетку грудную таранило сердце,
 Хоть был я мгновенье во власти кошмара.
 Любимая, что-то почувствовав, сразу
 Прижалась ко мне осторожно плечом.
 И я прошептал:— Не тревожься, родная.
 Ну разве не счастье, что чайки кричат
 И вьются над морем и сушей, и мальчик,
 Весь залитый солнцем, бесстрашно плывет!

Перевел с азербайджанского Владимир Моценко

Виктор Широков

УТРЕННЯЯ ТРОПА

Утренняя толпа
 сдержанно-тороплива.
 Утренняя тропка
 не изогнется криво.

Выбежать на большак
 прямо стремится, с ходу.
 Резкий серьезный шаг
 утром присущ народу.

Думаю, что крупней
 утренние заботы.
 Утром всегда видней,
 с кем ты, какой и кто ты.

Игорь Тарасевич

КОТЛАС

У краешка карт всесоюзного атласа
 есть место слиянья железных дорог.
 Над площадью старого города Котласа
 я их изучал, как великий стратег.

По первой, ведущей далеко за Белое,
 никто не позволит мне двинуть войска.
 Там страны, там льды, там просторы немилые.
 Я в них пропаду, как соринка в песке.

Вторая, восточная, только что слажена
 на нитку живую — за синий Урал.

Уехал, уехал, но там, где не хожено,
 пока продолженья пути не узрел.

А третья дорога, мне сердце щемящая,
 на юг ли, на запад — сказать не проси.
 О северный край и земля неродящая,
 где вьются метели, пути занося!

Борис Романов

МОНОЛОГ РЕСТАВРАТОРА

Переименуем все на свете
 и перезабудем навсегда —
 и развеет наши души ветер,
 выест очи мертвая вода.

Все, что, поспешивши, расточили,
 мы любовью станем воскрешать.
 Вроде бы и начисто забыли,
 но, глядишь, припомнили опять...

Словно никогда и не бомбили,
 словно не взрывали никогда,
 облаком сенной трухи и пыли
 осыпая страшные года.

Если невозможное возможно
 и не затерялись чертежи —
 из земли поднимем осторожно
 отжитого века этажи,

камни отсырелого подвала,
 галереи, черные ходы,
 стены, на которых оставляла
 чья-то жизнь беспечные следы.

Если наша память безучастна —
 бессловесны тени старины,
 стены поднимаются напрасно
 и, как декорация, смешны.

Владимир Портнов

* * *

Мешки бумажные нарезав на тетради,
 Отец израненной рукою линовал.
 И я сначала утюгом их гладил,
 А уж потом задачки в них решал.

Но их разглядить было невозможно:
 Измятины — как рытвины дорог.
 И как перо ни вел я осторожно,
 Без кляксы обойтись, увы, не мог.

В мешках возили почту на трехтонке.
В мечтах святых весь город писем ждал.
Но чаще приходили похоронки.
Отец израненной рукой их раздавал.

А как-то раз, раздув коптилку пуще,
Он сел со мной за стол перед огнем,
Сказал: «Уж нету сил... Пиши погуще...
На фронт вернусь... Тетрадки экономь».

И много лет уже я без отца.
И много лет храню одну тетрадку,
Так и не разутюженную гладко,
Не разлинованную до конца.

Анатолий Поперечный

* * *

В покосных травах тишина,
И медом пахнет медуница.
И вновь степному сердцу мнится
Седая хата в три окна.

Там я прозрел, там я окреп,
Запомнил там родню на стенке,
Где, словно родич, сам Шевченко,
А на столе — «Кобзарь» и хлеб.

К ним прикоснуться — как к святыне —
И услышать, как из глубин,
Слова молитвы — присно, ныне,—
«Не укради» и «не убий»...

Дуб на подворье в три обхвата,
В степи могила за холмом.
И в центре жизни всей — та хата:
И храм, и просто отчий дом.

* * *

Я куплю на Курском, в день отхода,
В кассе №3 один билет —
В городок, где русская природа
На меня прольет свой тихий свет.
Опечалит ива у затона,
У моста рябина обожжет,
Словно от малинового звона,
Сердце отболевшее замрет...
«Что же это?» — я спрошу тихонько
У старушки в клетчатом платке.
А она промолвит: «Ты Николку
Не видал ли моего в Москве?!...»
Что же это? Я спрошу у ветра.
Кто же это здесь наколдовал?

Кто сберег от века и навета
Ту церквушку, этот вот подвал,
Где когда-то были «Пиво-раки»,
А теперь — торчит в очках гравер,
Медленно рисуя на подарках
Незамысловатый свой узор.
Ах, старик, такая незадача,
На кольце разлучном, на душе,
Выгравируй, я шепчу, удачу,
С завитком судьбы на вираже...
К инвалиду в темной телогрейке
Подойду, и рядом погрузу,
И куплю зачем-то лотерейку,
А потом — корабликом пушу —
По ручью, бегущему к затону
Тихо догорающего дня.
Пусть найдет билетик тот зеленый
Кто-то посчастливее меня...

Вадим Сикорский

МЕХАНИЗМ

Когда мне ночью спится плохо,
включаю памяти ночник,
склоняюсь над любой эпохой,
как скрупулезный часовщик.
Смотрю сквозь тишину. Все видно
в увеличительном стекле:
младенец в яслях спит невинно —
предтеча счастья на земле,
над ним склонилась мать, и святы
ее бессонные глаза.
В ночи пружины ветра смяты,
не зреет черная гроза...

А жизнь идет, конца не видно.
Весь в волчьей шерсти, в черной мгле,
другой младенец спит невинно —
предтеча горя на земле:
вдруг небеса перекопали
громов мгновенные лучи,
слепцы кресты перековали
на смертоносные мечи.
С чьего-то злого предрешенья
сожжен, разрушен мирный кров...
Иль, может быть, для орошенья
полезна человечья кровь?
И без нее бы не взрастали
ни травы, ни цветы, ни лес,
хлеба всходить бы перестали,
а птицы петь в лучах небес...
Кровь из земли сосут деревья,
кровь из земли сосут цветы.
Вампиров черные поверья
не зря пришли из темноты.

...Есть мощный механизм природы,
первопричина всех причин,
первопружина всех пружин —
от черных недр до небосвода.

Пульс у обоих бьется ровно.
Невинны оба. День. Светло.

Двадцатый век. Как все огромно.
Две шестерни: добро и зло.

Олег Чухонцев

* * *

На Каме-реке и на Белой-реке —
леса под водой и леса вдалеке,
большая вода с островками;
затоплены русла, и на море вод
то вынырнет куст, то труба прорастет
на Белой-реке и на Каме.

И реки не знают своих берегов!
Весной, когда паводки сходят с лугов,
стожки подмывая и елки,
с верховий уральских по фронту реки
плывут, как утопленники, топляки,
их ловят, я слышал, у Волги.

Волна ли, война ли — живой бурелом;
огни мы прошли восьмизначным числом,
гранитные выставив святцы,
а ныне и воды должны перейти,
вода позади и вода впереди,
и с криками чайки кружатся.

Страна моя! Родина братских могил!
Наверно, небедно нас бог наградил,
коль пашни свои затопили
и боры свели ради пресных морей
и сами для будущей жатвы своей
по водам свой хлеб отпустили.

Ну что же, распашем речной чернозем,
по руслам затопленным к устью пойдем,
и пресное станет соленым;
вокруг и под нами струящийся мрак,
а звезды на Каме как царский пятак,
а воздух шибает озоном.

Широкая ночь упирается в грудь.
Постой, подыши. Ничего не вернуть,
лишь волны гуляют на Каме.
Мотор пневматическим бьет молотком.
И сердце стучит, но о ком? и о чем?
Ни зги не видать за буями.

Майя Луговская

* * *

Бессонные ночи расспросов, рассказов...
Улыбки сменяются гневом.
То раем, то адом становится разом
Та жизнь, что дарована небом.
Люблю, негодую, ревную и плачу,
Смеюсь, задыхаясь от счастья.
И вновь понимаю, как мало я значу
Пред чашей земного причастья.

* * *

В чем бессмертье?
В том, что сегодня
Я опять говорила с тобой.
Наслаждаясь твоею строфой,
Возвращалась из преисподней.

В ненадежности бытия,
В каждом слове грозила надежда.
И казалось, что, может быть, я
Вновь воспряну и стану прежней.

И опять опаленные крылья
Поднимали меня в вышину.
И, пронизан космической пылью,
Снова мир мне сулил тишину.

В чем бессмертье? Что в нем такого?..
В том, что нам остается
Слово.

Александр Межиров

* * *

Конечно, ты дитя. Но я о свойстве,
Которое в тебе заключено:
Ты что-то знаешь о мироустройстве,
Чего другим постигнуть не дано.

Конечно, ты дитя. Но все загадки,
Все тайны ты постигла наперед,—
И что-то знаешь о миропорядке,
Чего никто на свете не поймет.

И, как в природе, так в твоём горниле
Порок и добродетель позабыли
Свой изначальный смысл. Единый сплав
Образовав и чем-то общим став.

* * *

И с фронта, и с тыла,
И слева, и справа
Ему постоянно грозила
Расправа.

За то, что со всеми
В единой системе
Он жил,
Но ни с этими не был, ни с теми.

* * *

Был больше всех греховен и порочен
И перед всеми виноват кругом,
И щеки не остыли от пощечин,—
Но не об этом речь, а о другом.

О том, что жизнь прошла. И сплю в могиле.
И вижу сон о том, что на земле
Виновен был, — да не за то судили
И присуждали к плахе и к петле.

Скрипит во сне ступенька эшафота,
Вся лестница прямая без перил...
Да только не за то судили что-то,
Ах, что-то не за то, что натворил.

Суд над мной.
Земной,
Под небесами,
Не Страшный,
Не за то, в чем виноват
Виновный,
А за то, что судьбы сами
Творили,
Натворили,
Натворят.

Герман Абрамов

ЛЕСНИК

В бору, под щебетание и шелест,
Полянкой, как по своему двору,
Идет лесник с коричневой шеей,
Похожей на дубовую кору.
Глазами спрашиваю: «Будем знаться?
Как жизнь?»— и выжидательно гляжу.
Пытливые глаза его искрятся —
И в свете их ответ я нахожу.
Как лес дубовый, крепкой он породы.
И верен он призванью своему.
И что с того, что убегают годы?
Он все еще дитя природы!
...Невольно позавидуешь ему...

Владимир Осинин

ЯДЕРНЫЕ ЗАРЯДЫ

Они молчат в контейнерах упрямо
И к зову человеческому немые.
Пора поверить: существует яма,
На дне которой оказались все мы.

Заряды... Каждый черным смерчем бредит.
Но жить простою хочется мечтой:
Тому, кто их навеки обезвредит,
Мир памятник поставит золотой.

Евгений Ерхов

ПОСЛЕВОЕННОЕ

И миновал июнь... Еще один!
И все его рассветы были мирны,
и тот, в который две уставших мины
плуг вывернул, и к ним
по травам синим
солдат на поединок выходил...

Все в мире шло привычным чередом:
роса зернилась, наливался колос,
перепелята пробовали голос,
и поворачивалась, словно глобус,
под ним Земля в движении своем.

А он все шел... И время для него
остановилось, сжатое в мгновенье!

...Трава росла, Земля прощалась с тенью...
И мы проснулись — как от удивленья,
что с нами не случилось ничего!

ОФИЦЕРЫ

Мы соберемся, офицеры,
когда уложим спать солдат,—
у нас в запасе вечер целый
и ночь свободная... Виват!

Вдали от городов и весей,
близ обжигающих атак
и весел наш кружок, и тесен,
как пальцы, сжатые в кулак.

И погрустим — и нас ужалит,
бывает, изнутри слеза...
И это тоже на скрижали
никак не занести нельзя.

Все, что с живыми станет с нами,
забвенью не хотим отдать,
чтоб
и запечатленным в камне
не идолами нам стоять!

Виталий Шенталинский

* * *

Я оттуда, где ветер чист,
где встает ледяной рассвет,
где земля словно белый лист,
на котором ни слова нет.

Те места отпеты пургой,
там рукою подать до звезд,
там — один на один с судьбой —
выпрямляешься в полный рост.

И не с тем в снеговой пыли
лезли мы по сетке широт,
чтобы сесть на краю Земли,
ноги свесить за горизонт!

Что экзотика! Книжный фарс.
За нее и гроша не дам.
В книжках вы не найдете нас,—
нашу жизнь прочтут по следам.

МЫС УЭРИНГ

Юность, юность!
Дикий берег.
Перелетные снега.
Дай мне пеленг,
мыс Уэринг,
позови издалека!..

И память закрутится, словно кино,
дорога покатится вспять.
И, как наяву, все, что было давно,
со мною случится опять.
Надвинется с севера белая мгла,
сверкнет и уколет мне грудь
Полярной звезды ледяная игла.
И сердце откликнется — в путь!

Потом распахнется простор ветровой,
во льдах загудят корабли.
И встанут олени, убитые мной,
и пули влетят в карабин.
Моржи протрубят, раздувая усы,
на всю океанскую гладь,

и в нору берлоги до самой весны
заляжет медведица спать.

И снова воскреснет из мрака пурги,
на базу вернется живой
мой друг, что в ледовой разведке погиб,
как воин на передовой.
И, вспыхнув во тьме, ничего не боясь,
еще не скорбя ни о чем,—
«Ну где же ты был? Я тебя заждалась!»—
любовь мне уткнется в плечо.

Владимир Казаров

БАРАК В ОСТАНКИНЕ

Былая родина моя,
Барак в Останкине!
Хотел тебя увидеть я,
Да все не сталкивались.
И вот по улице родной
Иду, как в детстве,—
Что ж, память сердца, голос твой
Молчит, бездействует?
Ведь я мальчишкой бегал здесь —
Трусишка, ябеда.
Цветочки были не бог весть —
По ним ли ягодки?
Я изменился, развернув
Судьбу забытую,
И вышел в люди, сняв вину
За честь забытую.
Мне жаль того, над кем здесь вор
Глумился, шкурничал,—
Не узнаю в себе его,
Как эту улицу,
Где детства моего барак
Снесен с сараями
И нет уже того двора,
Что мнился раем мне.
И я стою на месте том,
Где мусор грудился.
Мой пруд давно одет в бетон,
А морем чудился.
И лишь дворца сиротский вид
Пред новью рослою —
Остатком минувшей Москвы
И прежней роскоши,
Как будто жизнь, убравши хлам,
Лишь суть оставивши,
Как этот мой барак смела,
Снесла Останкино.
И мне ли здесь искать свой дом?
Куда тут деться,—
Чужая улица, как то
Чужое детство.

Алексей Прасолов
1930—1972

ЦВЕТЫ ИЗ НОЧИ

Это название не придумано нами: оно пришло из мира Алексея Прасолова. Человеческого и поэтического, где этот образ живет — на глубине. И выражает, быть может, самую сокровенную его грань: строгую чистоту и окрыленность, высокое стремление: «явьсь однажды и останься самим собою навсегда», веру в конечное торжество человеческой сказки, которая — читаем в одноименном стихотворении — «темна и глубока»...

В публикуемых нами новых фрагментах¹ из писем поэта к автору этих строк («День поэзии 1981» уже представлял некоторые из них) читатель сможет воочию убедиться, как рождалась Сказка Алексея Прасолова.

Она рождалась из жизненной, ничем не сдобренной прозы — поэтому с самого начала резко отмежевываясь от «красивостей», от «романтической безделушки», от «фантазии в общепринятом смысле», от «яркой летучести жизни», от «игривости воображения».

Она рождалась из ощущения серьезности дела, которое надо было сделать в кратчайшие жесткие сроки (а письма охватывают именно эти годы становления поэта — 1962—1965), когда он, на 33-м году жизни, по собственному признанию, «стал писать по-новому, то есть по-старому, как писали до меня... стал писать о том, что думаю и чувствую...», вырабатывать собственное отношение к классической и современной поэзии, писать и учиться одновременно, становиться в деле и осмыслять содеянное...

В разгуле шума новизны, захватившей в начале 60-х годов многих способных поэтов, Алексей Прасолов с редким достоинством и мужеством переживал выпавшие на его долю трудности, свое одиночество, свою «ночь», справедливо полагаясь на то, что «последним средством жизни и страдания остается сам человек» (Андрей Платонов).

И в этом смысле он был и остался платоновским «сокровенным человеком», нежно и терпеливо создающим — «а где расти, нам не поспоришь: кому — зола, кому — песок» — свою Сказку — темную и глубокую. Всмотритесь в нее...

* * *

«Не люблю я ни в стихе, ни в жизненной, ничем не сдобренной прозе красивостей, пусть даже притянутых по наивности и по отсутствию чувства меры и вкуса для выражения «полноты чувства».

8/V 1962 г.

* * *

«Знаю, как во многих, прошедших свой путь среди жестоких, тупых, добрых, но недалеких, милых, но забытых, слабых и сильных людей,

¹ См. наши публикации: «Алексей Прасолов — в письмах». — «Литературная учеба», 1978, № 1; «Собеседник», вып. 3. М., 1982; Прасолов Алексей. Стихотворения. М., 1983.

среди разнообразных до контраста условиях, — во мне отражалась и откладывалась, как годовые кольца, вся эта сложность, противоречивость жизни. И некому, кроме книг, было учить меня разбираться во всем этом...»

3/1 1963 г.

* * *

«Сегодня, вот только что, прочитал, нет, встретился и простился с Маленьким принцем... Я увидел прекрасный, редкий и, наверное, неповторимый сон Двадцатого Века. Есть же люди, умеющие и в жестокое время (и, может быть, именно поэтому) видеть и передавать такие сны — мудрые, нечеловечески тонко сплетенные из чего-то зримого, но неосязаемого, изящного и непостижимого. Сент-Экзюпери написал о Маленьком принце незадолго до своего конца... наверное, людские души (отдельные, редкие) всегда издают свой последний лебединочистый, прощальный крик... Я понял, почему так дорога тебе эта сказка. Мы сохраним ее до времени — нашего и когда-нибудь, уйдя от всего ненужного тихо и медленно, прочтем ее... До чего же едко и тонко смеется Сент-Экзюпери! Один король чего стоит! А деловой человек, владеющий звездами! А остальные — вплоть до закружившегося фонарика! Благодарю тебя за Маленького принца — без тебя мы с ним вряд ли были бы знакомы.

Рисунок А. Прасолова. Из архива И. Ростовцевой

Я сберегу его как залог нашего с тобой, общего. После Маленького принца люди кажутся в ином свете, книги, где одна громоздкая реальность,— чересчур земными и темными. Удивительная сила — искусство: оно делает со своими подданными, что хочет. Будь оно на троне короля, самые скотоподобные генералы у него становились бы и мотыльками, и чайками, не спрашивая, разумно сие или глупо».

7/I 1963 г.

* * *

Я вспомню сказку Сент-Экзюпери, как мудрый сон, что не любому снится. Среди пустыни в час глухой зари услышу голос Маленького принца. Искал он розу в знойной полумгле на дальней, им покинутой планете. И за пять тысяч роз не отдал на Земле одну неповторимую на свете. Ее могли в разлуке защипать — кому страшны, кому страшны четыре наивных в детской дерзости шипа от всех недобрых в ненадежном мире!¹

29/I 1963 г.

* * *

«Спасибо жизни: даже будучи отрезанным от нее, я получаю от нее все то же драматически-обостренное в чувстве, которое во мне со времени, как я вышел в жизнь».

1963

* * *

«Есть лагерь истины (подчеркнуто А. П.—И. Р.). И наша задача — держать друг друга в этом лагере до конца. Инакомыслящие в нем сразу видны, как чужие. Быть в пределах большой истины правоты — вот что должно быть нашим определяющим. Тогда определяются друзья и враги».

27/V 1963 г.

* * *

«Во всех «молодых», да и «взрослых» сборниках почему-то выпирают черты внешней биографии, а мне хочется черт биографии — внутренней, биографии души. Буду это вырывать — из глубины. Со срывами, с муками — но это».

8/X 1963 г.

¹ Публикуется впервые.

* * *

«Надо брать то, что стоит выше сделанного, исходя из готового внутренне».

13/I 1964 г.

* * *

Я вглядываюсь в рядовые лица.
Я поверяю рядовые дни.
Они согреют — дай им только слиться.
Они померкнут — лишь разъедини.

В крутом смешенье добрых и недобрых,
О сердце, переплавь их и отлей
Из тысяч лиц — один высокий облик,
И время зримое — из неприметных дней¹.

31/I 1964 г.

* * *

«...Не забывай, что Твардовский есть Твардовский. А я — только пытающийся назваться Прасоловым». (В этом письме от 12/2 1965 приведено стихотворение «Я слышал, корявое дерево пело...», состоявшее в первоначальном виде из шести строф: к трем известным строфам, неоднократно публиковавшимся, были добавлены строфы, которые печатаются ниже.— И. Р.)

И огромное дерево кроной безлистой
Встрепенулось и вынесло в низкие тучи
На корявых ветвях буревое единство
И печально и грозно сплетенных созвучий.

Над останками трав помертвело-бессочных
Бушевало в степи многожильное древо,
Как фонтан исполинский, как первоисточник
До конца неизведанных русских напевов.

Поднимал я лицо и стоял, задыхаясь.
Жизни свежий глоток исцелял меня снова,
Всколыхнулся в душе ослепительный хаос
И потребовал стройного смысла и слова.

12/II 1965 г.

* * *

«Лучше А. Т. Послать 2 стиха, но чтобы они хоть в чем-то были прежними и новыми одновременно».

(Далее идут стихи «Я хочу, чтобы ты увидела...», «На берегу черно и пусто» и третий, «нечаянный», — «Кресты со звездами». — И. Р.):

¹ Далее идет стихотворение «Сосед мой спит...» — впоследствии печаталось без этого начала: здесь публикуется впервые.

Кресты со звездами
Теснятся вместе,
Те — гладко тесаны,
А те — из жести.
Бродили юноши,
Томясь бездельем,
И старший, сплюнувши,
Сказал:— Идея!—
Нетрезвой шалостью —
Кусок фанеры:
«Добро пожаловать,
Пенсионеры!»

О юность — грешное
Брожение сока,
В тебе намешано
Всего — до срока.

Но скорбно музыка
Прошла по центру,
В открытом кузове
Цветы и ленты.

Жилище тесное —
И нет возврата.

На почте пенсия
Без адресата.
Дорога ровная
Желта, как горечь,
И похоронная
В моторе скорость.
А ленты черные —
«Любимой маме»,
Что со скрещенными
Лежит руками.
Не дрогнет веками
На голос сына,
И сердцу — не к кому,
Хоть близких — сила.

И вот — не жалуйся
И горькой грани:
Фанера с шалостью
Совсем недавней.

Над гробом матери
Как будто скалясь,
Для сына-автора —
Цела осталась.

Ах, сгинь ты к дьяволам!
И стыд и горе
Набухшим яблоком
У парня в горле.

О юность! Верю я
Брожение сока.
Добро незрелое
Да будет к сроку.

Блеснув изьянами,
Томимся в муке...
И кто-то заново
К нам тянет руки ¹.

РМБЗ. 9. 1. 63.

- * * *
1. Среди удивительной плоти румын,
Среди ирландской красноты
Застыла будничная душа
Или юная высшая красота.
  2. ~~Волной таинственной и пугливой~~
Она из рунора лилась,
И мир был трепетно озвучен,
Как будто знала её душа власть.
  3. ~~Или кто-то не достигая сути,~~
Востанной только ей одной,
Все звуки, без каких немыслимы
Дальше отлученно — земной.
Кому-то вдалеке отлученно — земной.
  4. ~~Но почему не выходящий —~~
~~Или кто-то не выходящий —~~
~~Или кто-то не выходящий —~~
~~Или кто-то не выходящий —~~
  5. ~~Или кто-то не выходящий —~~
~~Или кто-то не выходящий —~~
~~Или кто-то не выходящий —~~
~~Или кто-то не выходящий —~~
  6. ~~Или кто-то не выходящий —~~
~~Или кто-то не выходящий —~~
~~Или кто-то не выходящий —~~
~~Или кто-то не выходящий —~~

* * *

«Мир, мир... столько видишь, слышишь, ждешь — затронет что-то в глубине, заставит дрогнуть. И только в отдельные минуты, закрыв глаза, удастся вызвать из внутренней глубины этот же мир, но в его ином, смягченном, осмысленном освещении — и тогда душа чувствует свое, и ей тепло в этом мире, и боишься за это тепло».

3/V 1965

Вступительная заметка, публикация и комментарий И. Ростовцевой

¹ Публикуется впервые.

Михаил Львов

* * *

Дохнуло
ветром катастрофы
Вдруг
от Чернобыльской АЭС.
И полетели прахом строфы
Моих рифмованных
словес.
Быть интересным перестало —
Коль под угрозой
жизнь сама —
Все... Ничего не нужно стало,
Включая радости письма.
Все обесмыслилось —
в мгновение —
И почернело все окрест.
И было это дуновение —
Предупреждающий —
всем —
перст...

* * *

Поэзия! Ты — служба крови...

И. Сельвинский

— Ваша кровь
вседающая?—
В пункте крови спросила сестра.
Это надо понять — как «насушная»?
Как — спасение всем выдающая?
Вот ведь как!
В это вникнуть пора!
Вот такой быть должна и поэзия —
Первой группы!
Пригодной для всех!
Тем —
нужнее она и полезнее!
Тем — важнее
поэтический цех.

* * *

Во сне все перепуталось,
сместилось,
Что — нынче есть,
что было век назад...
Внезапно
у Твардовского —
мне снилось —
Прочел я строчку:
«Нравственный набат»!

Проснулся —
как разбуженный набатом!
Иль — в самом деле
это он писал —
Когда-нибудь давно... в шестидесятом?
Или — оттуда
подал мне сигнал?

ПОЭТЫ

Плакатами
и лозунгов раскатами
Работали —
не путались в ногах.
Остались
и — останетесь —
распятыми
Вы на кресте бессонниц —
в тех ночах.
Идеями, понятными глобально,
Останутся деяния Вождей.
А вы —
построчно,
индивидуально —
Иль — безымянно —
в памяти людей.

Ян Гольцман

* * *

Пустынные песни. Покоются они неспроста.
Пора поклониться простору поклоном земным:
Пустынные воды, пустынные эти места,
Они не позволят родиться напевам иным.

Конечно, природа — не мануфактура, а храм,
Лечебница духа, всеобщий родительский дом.
Пора поклониться распахнутым настезь борам,
Струе родниковой за то, что идет подо льдом.

Разлюбил подруга, считавшийся другом — предаст,
Но вовремя в зелень оденутся пряди ветлы,
Все так же нетронут январский сияющий наст.
И белые ночи все так же печально-светлы.

Никто перепелкой свистать не принудит дрозда.
Какой передвижник напишет октябрьскую медь?
Пустынные песни, поются они неспроста:
Ни ветер, ни ворон не станут бессмысленно петь.

Надежда Григорьева

* * *

Пятидесятилетние акселератки
Играют в теннис и в бадминтон.
Пятна косметики, как заплатки,
На лицах, крытых в румяный тон.
Смех их вымученный, натужный,
Челки, маечки, крем — загар...
Они стараются жизни дружно
Ракеткой в лицо нанести удар.
Удар. Они догоняют юность,
Которая пролетела зря.
Раньше все составляло трудность,
Но по колено теперь моря.
Седоголовые акселератки,
Чьи-то бабушки, чьи-то жены,
Жизнь захватывают, как пиратки,
Зло, измученно, напряженно.
Им нечего больше судьбы бояться,
Им некогда больше людей таиться.
Забрала улыбок скрывают лица...
Им не за что больше друг с другом драться.
А что не сбылось, уж тому не сбыться.

НА ЛЕСТНИЦЕ

Фигурой скорби женщина на лестнице.
Ступеньку одолела — и стоит.
И кажется, пиджак пудовый тесен ей.
И тихий взгляд обиды не таит.
В авоське свекла, и кефир, и булочка...
Хрипит дыханье. Ноги как столбы.
Веселая, видать, была прогулочка
До гастронома, до своей судьбы.
Стоит и ждет. И силы возвращаются,
И можно шаг, пожалуй, предпринять.
Стоит и ждет. Ей падать запрещается,
Поскольку будет некому поднять.

ЭТА ЖЕНЩИНА

А эта женщина сказала:
— Я не такая-то с вокзала.
Я не за деньги, я за ласку,—
И отряхнула водолазку.
Как необжиты и убоги
Ее размытые черты,
Как мелко кудри завиты,
Как сбились туфельки с дороги.
Она совсем неровня мне —
Целованная кем попало,
Усталая, как на войне,
В которой только отступала.
Но что-то есть еще за нею,
Какая-то пустая малость.
Она за дверью рассмеялась —
Я так смеяться не умею.

Алексей Королев

* * *

Вожделенной достигну цели,
посягну на любые дали,
лишь бы близкие не болели,
а далекие не страдали.

Преуспею в рисковом стиле,
в гиблом поднаторею деле,
лишь бы близкие не казнили,
а далекие не скудели.

А возьму на полтона ниже,
и окажется, может статься,
что далекие стали ближе,
а до близких не докричаться.

ПЕРВАЯ ГРАДСКАЯ

Не выпрашиваю поблажки я,
сдюжу, ежели хватит выдержки.
Не пускался бы во все тяжкие,
не лежал бы теперь на вытяжке.

А ходи я всегда по струночке,
не открыл бы до самой смерти я
беспредельного милосердия
у зареванной этой дурочки.

ПОПЫТКА

Попытка прыгнуть выше головы
куда достойнее иных попыток.
А если обнаружится —увы!—
что ты не так, как подобает, прыток,
и упадешь во мнении молвы —
не вешай носа, невелик убыток.
Дадут и за тебя, как только дух
переведешь, нерыпавшихся двух.

Игорь Волгин

СТИХИ О БРАКОРАЗВОДНОМ ПРОЦЕССЕ

Я не знаю, мой ли это промах —
действие подземных величин:
вся земля в разрывах и в разломах.
О причинах, впрочем, умолчим.

Что за толк отыскивать причину
столь обыкновенного конца?

... Осторожно наемкнули сыну.
Сын взглянул на мать и на отца.

Дальше — больше.

В месяце июле,
дабы гнев твой праведный утих,
я вернул тебе твои кастрюли
с благодарной памятью о них.

В мировом порядке все в порядке,
ежели первично бытие.
Соберу и я свои манатки.
Будь здорова!

Каждому — свое.

Ты умножишь сонмы разведенков.
Я пойду — свободный пилигрим!
... Но на нас взирает
наш ребенок —
тот, который, к счастью, неделим.

Он глядит угрюмо, исподлобья,
он очей не сводит с нас двоих.
Нежный отрок,
тайное подобье
мук моих и радостей твоих.

Я бы смог помериться с судьбою.
Но когда над ним витает рок —
погоды, опомнись, бог с тобою —
я в такие игры не игрок!

Мне, признаться, мало утешенья
созерцать во всей его красе
славное одно сооруженье,
что на детской держится слезе.

Ибо нам за вечным недосугом
различить и некогда и лень,
что, ни в чем не схожие друг с другом,
мы одну отбрасываем тень.

Где любовь, и ненависть, и жалость,
плач на реках и обиды дрожь?
... Это с кровью кровь перемешалась —
их уже водой не разольешь.

Владимир Пальчиков
(*Элистинский*)

ЗЕНИЦА НЕБА

Быть может, это вам не очевидно,
а небо с глазом сходны все одно —
в нем радуг есть цветное волокно,
как на сетчатке нити светофильтр.

О сходстве сем и солнце говорит нам:
за синей толщей воздуха оно
желтеет, как за телом стекловидным
на дне глазного яблока пятно...

Ну, ладно (вы мне скажете), положим,
чудны твои сравнения, но что же...
Куда ты гнешь извилистую речь?

Да я о том все, знаете ль, намеком,
что надо б нам, как собственное око,
и небо наше чуткое беречь.

Зоя Велихова

МОСКВА

Где-то там, в цветочный дождь одето,
Вечное нестынувшее лето,
Как на Балеарских островах.

Обветшало чуть и постарело,
Все свои мелодии пропело,
Сильно понавязшие в зубах.

Чтобы вдруг не упустить момента,
К рождеству, за солнцем, с континента
Снова гость озябнувший валит.

Кактусы цветут, и пальмы зреют,
Северные ветры дуть не смеют.
Им туда свободный путь закрыт.

Ну а здесь, в Москве, январский холод,
Что ни говори, и лют, и молод,
Только поднимай воротники.

И опять крепчает год от года,
Силой веет главная погода
Вдоль закованной в гранит реки.

Из-под челки, солнцем просквоженной,
Вижу день, совсем преображенный,
Город, не похожий на себя.

Высоки в морозной дымке шпили,
И летят гурьбой автомобили,
Кузовами яркими слепа.

В день такой, наверно, каждый знает
То, что в дни другие забывает,
Вспоминая только иногда.

Сонные проулки обернулись
Воодушевленьем белых улиц,
Мчашихся неведомо куда.

Здесь метель не скоро крылья сложит.
Вынести никто другой не сможет
Небывалой снежной кутерьмы.

Самолета след в лазури санный.
Что зима без вьюги окаянной,
Да и что мы сами без зимы?..

Михаил Шелехов

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я кружево города брошу в суровую грязь,
Крестами ворон к заповедной пришитой холстине!
Родная природа над нами утратила власть,
И хмурый асфальт снова душу провел на мякине.

Отдал бы я дом за царевы палаты лосей,
Отдал бы я дом — за медвежью печать на березе.
Но дом мой стоит на угожьях машин и людей,
Куриные лапы избушки — цемент приморозил.

И, зубы сжимая в печальной своей правоте,
На ощупь иду я — в березовой млечности памяти!
Я что-то царапал ножом на болотной звезде?
Быть может, прочту, если буду любить
и не плакать.

По гатям болот, по лежащему камню звезды,
По дудке кукушьею — иду к своему изголовью!
Где бросил я жизнь, как ракушку по склону воды,
Где давешний мальчик глядит на лягушку
с любовью.

СТРЕМЯННАЯ ПЕСНЯ

И людей посмотрел, и себя показал!
Весел пир, и дружина — что надо.
И по кругу я пил, и с ножа я едал,
И певал соловьем среди сада.

До свидания, други в зеленых садах!
Оставляю почетное место.

Я поеду туда — сам не знаю куда!
И добуду судьбу и невесту.

Все едино, которой водой захлебнусь!
То ли мертвою, то ли живую...
Суждено на роду — на лягушке женюсь
И оставлю царицу вдовою.

Не себя показать, не людей посмотреть...
Мне по нраву иная потеха.
Красным всадником листьев сквозь ночь
пролететь,
Проскакать белым всадником снега!

ОГОРОД

У акведука Яузы-реки,
У камушков семнадцатого века,
Копаются в землице старики —
На борозде последнего ночлега.

На штукатурке битого жилья,
На кислой почве лунных сочетаний
Работает упорная моя
Россия, побеждающая камень.

Мой старченька, огнеупорный род,
Кидает в землю редьку и капусту!
Как бы стрелу — в планетный недород,
В безродную строительную пустошь.

Плывет бензином радуга-дуга,
Уносит клочья ядов по этапу,
А лебеди сидят на берегах
И чистят замазученные лапы.

В атаке на технический разбой
Страдает Русь над сором и над глушью,
Так тяжело склоняясь над землей,
Как будто ей заглядывает в душу.

И пусть себе в останкинских домах
Не разглядеть той дедовской забавы!
Светла земля на сточных берегах
От лебедей, летящих вдоль канавы!

И, может быть, Россия не умрет
Лишь потому, что где-то посадили
Над горькой речкой — тихий огород
И мертвый щебень круто посолили...

РЫБОЛОВ

Он свое удило из капрона
Поднимает, как двуручный меч!
В тихий вечер краткого сезона
На природе некого беречь.

Вырвет жабру, будто ноготь пальца.
Кровь сотрет на жале вороном.
Человече хочет поиграться,
Человече хочет поиграться...
Все страшной игрушки день за днем!

Доигрались мы до ржавой лужи
И опять сидим над дважды два!
Старых истин свет горит не хуже,
Чем в костре ворованном дрова.

Вы постойте, желтые кувшинки!
Не тоните в атомном ведре.
Век двадцатый катится к картинке
В Красной книжке или в букваре...

Станислав Куняев

* * *

Памяти матери

Что мне делать с печалью своей —
неужель остудить ее нечем?
Может, ветром с осенних полей
или словом каким человеческим?

Что мне делать со смертной тоской,
как развеять по белому свету?
Но кричит воронье над рекой:
— Слов таких не бывало и нету!

Помоги мне, родная река!
Я ль не пил твою вечную воду?
Да сплывет по теченью тоска
меж твоих берегов к небосводу.

А вокруг побелели поля,
почернели речные излуки...
Так прими же, праматерь-земля,
бедный прах в материнские руки.

ИЗ ЖИЗНИ ПОМОРОВ

Трех мужей схоронила старуха,
у старухи два сына спились,
а о третьем ни слуха ни духа,—
видно, где-то затуркала жизнь.

Вот сидит она — руки смежила —
на скамейке у древних ворот.
На запястье тяжелая жила
то набухнет, то вдруг опадет...

* * *

Окину взглядом Север и Восток,
песчаную и ледяную сушу,
и не географический восторг,
а мысль прожжет мятущуюся душу —
о том, что предки шли не торопясь,
осваивая реки и наречья,
не для того чтоб износилась связь
полустальная, получеловечья.
Землепроходцам — исполать и честь,
и полководцам — исполать и память
за то, что нефть, и лес, и хлопок есть,
и есть простор, где оборону ставить.

* * *

Там, где липы в душистом цвету
обнимаются с вечным простором,
пациенты гуляют в саду
за старинным кирпичным забором.

Кто витает душой в облаках,
кто пытается судьбу на ромашке,
ковыляя на тощих ногах,
две старухи играют в пятнашки.

Братья меньшие, знать, неспроста
вам понятнее звери и злаки,
коль слюна из разверстого рта
нежно тянется, как у собаки!

Монастырский покой. Тишина
для дебилов, забвенья нашедших...
А еще говорим, что война
это дело умов сумасшедших!

Обижаем невинных людей
в наших распрях межконтинентальных!
Нет, война — это схватка идей,
это — дело субъектов нормальных.

Это — замысел, воля, расчет.
Это — планы нормального люда...
Жизнь в дурдоме неслышно течет,
сумасшествие — мирное чудо.

Олег Хлебников

* * *

— Уроки разлуки...
Чему ты училась, чему?
От муки до муки
свой путь проторяя во тьму?

А если училась,
изволь свое знание явить!..—
Ответит: — Явилась
любить.

— Любить? Ну а эти,
все эти измены твои?!
— Явилась,— ответит,—
стать больше любви.

— О чем ты? О чем ты!
Любовью живем, — говорю.
Вздыхнет облегченно:
— На том и горю.

— Гори! — возликую.—
Сжигай себя в этом огне!
— Тебя и сожгу я,
прости,— улыбается мне.

* * *

Это место называлось Культбаза —
от протянутой культы до лабаза.

А в домишке нашем деревянном
жили-были Катерина с Валерьяном.

Летом у домишки ромашки.
А зимою — пó снегу блестяшки,

ночи — как собачий вой — длинны..
Нет теперь в живых Катерины.

Забрала к себе подружка Валерьяна.
Но приходит он сюда раным-рано,

за семь верст, из каменного склепа —
поглядеть на землю и небо.

Он стоит один у палисада,
где Екатерина когда-то

два куста малины посадила.
Разрослась малинка на диво.

Эх малинка ты моя калинка! —
сама падала в ладонь, как дождевка...

Это место называлось Культбаза.
Жалко, складного не вышло рассказа.

* * *

Всем нужно того же, чего и тебе,
и ты, только ты этой дружной толпе
не нужен — но есть подозренье,
что где-то, в такую же очередь, в ряд
другие такие же люди стоят
и ждут твоего появления.

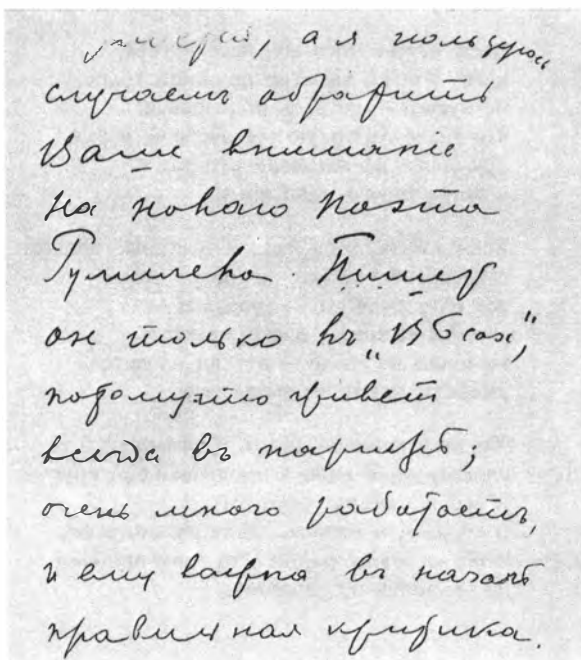
Всем нужно того же... К дыханью виском
в автобусе том же, омнибусе том,
все едут туда же — туда же! —
и тоже выходят, и все же хотят
не шило на мыло — детсад на детсад
сменить, чтобы ехалось глаже.

Хотят у окошка сидеть и сам-друг
глядеть увлеченно в продышанный круг —
и все же места уступают
и старым, и малым... Еще нужно всем,
чтоб все были рядом. Но этих проблем
до старости не замечают.

Неопубликованные страницы «Чуковский»

12 марта 1908 года молодой Алексей Толстой писал мне из Парижа в Петербург:

«...я пользуюсь случаем обратить Ваше внимание на нового поэта Гумилева. Пишет он только в «Весах», потому что живет всегда в Париже; очень много работает, и ему важна вначале правильная критика...»

Вскоре, в том же 1908 году, Гумилев приехал в Питер, и на первых порах я не нашел в нем ничего привлекательного. Он показался мне каким-то церемонным, высокомерным и чопорным. Лицо пепельно-серое, узкое, длинное, на щеках ни кровинки, одет фатовато, на заграничный манер: цилиндр, лайковые перчатки, высокий воротничок на тонкой и слабенькой шее.

Ни в какой моей помощи (как почудилось Алексею Толстому) он в те времена не нуждался. Влиятельный журнал «Аполлон», только что основанный Сергеем Маковским, принял его с распростертыми объятиями. Юный поэт сразу очутился в избранном литературном кругу: Вячеслав Иванов,

Максимилиан Волошин, Михаил Кузмин и другие приняли его радушно, как равного. Он стал одним из самых приметных сотрудников молодого журнала.

К этому времени он успел напечатать немало стихов, но все его гимны экзотическим ягуарам, носорогам, самумам, пустыням, слонам показались мне на первый взгляд слишком эстетскими, слишком искусственными, хотя я и признавал изощренность их поэтической формы. О том, что эти стихи неспособны, говоря по-старинному, эмоционально воздействовать на душу читателя, Гумилев и сам заявил с огорчением в одном из своих лучших стихотворений того давнего времени — в щемяще-поэтичном «Жирафе», где он безуспешно пытается успокоить, обрадовать, утешить тоскующую петербургскую женщину своим восторженным рассказом о том, что на свете существует красавец жираф, бродящий в дебрях Африки, близ озера Чад:

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Но страдающей женщине нет дела до гумилевских жирафов. Взгляд ее по-прежнему грустен. И поэт, не зная других утешений, по-прежнему тщетно пытается очаровать ее той же экзотикой:

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав?
Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Но женщина продолжает рыдать. Меньше всего на земле ей необходимы жирафы. Это стихотворение, где поэт сокрушается о своем литературном бессилии,— одно из самых сильных во всей его ранней лирике. Оно предвещало того Гумилева, каким он открылся нам в последний год своей жизни: свободного от всяких посторонних влияний и наконец-то обретшего свой собственный голос. И странно было думать, что «Жираф» — стихотворение, написанное чуть ли не двадцатилетним юнцом,— такое оно зрелое и крепкое.

Я часто встречался с Гумилевым и в театрах,

и на выставках картин, и у Сологуба, и на вечерах «Аполлона», и у Вячеслава Иванова, но отношения наши оставались холодными.

В 1912 году я в качестве редактора сочинений Оскара Уайльда, выдаваемых приложением к «Ниве», обратился к Гумилеву с «заказом» перевести терцины английского автора «Сфинкс». Он перевел их умело и быстро. Мы обменялись учтивыми письмами, но сблизились лишь в 1918—1919 годах, когда Горький позвал нас обоих работать в издательстве «Всемирная литература»...

Наши добрые чувства друг к другу не раз подвергались суровой проверке. Он по предложению «Всемирной литературы» перевел одно из самых «колдовских» стихотворений английской поэзии «Балладу о старике «мореходе» («The Ancient Mariner») Кольриджа. Перевод показался мне слабым. На одном из заседаний нашей ученой коллегии я (в присутствии Горького) выступил с резким осуждением перевода, главным образом за то, что в нем совершенно не передан музыкальный магический стиль гениального подлинника. Я был уверен, что с этой минуты нашим дружелюбным отношениям конец. Велика же была моя радость, когда через несколько дней Гумилев подарил мне свой перевод «Морехода» со следующей великодушной надписью:

*Дорогому Корнею Иван
чуковскому*

*на память о его критике
моего перевода (нас
не посорившей)*

окт. 1919

Н. Гумилев—

«Дорогому Корнею Ивановичу Чуковскому на память о его критике моего перевода (нас не посорившей). Н. Гумилев. Окт. 1919».

Эта надпись так взволновала меня, что я немедленно клеил ее в Чукоккалу. Здесь было живое свидетельство, что заносчивость у Гумилева напускная, что это самозащитная его броня против недругов, а в кругу тех, кого он считает своими, он непритязателен, необидчив и прост.

То же случилось и позднее в издательстве З. Гржебина, когда он представил Горькому проредактированный им том стихотворений А. К. Толстого. Я говорил больше часу, отмечая немислимые ошибки редактора, и он опять-таки отнесся к моим «зоиладам» беззлобно.

Как-то он позвал меня к себе. Жил он недалеко, на Ивановской, близ Загородного, в чьей-то чужой квартире. Добрел я до него благополучно, но у самых дверей упал: меня внезапно сморило от голода. Очнувшись в великолепной постели, куда, как потом оказалось, приволок меня Николай Степанович, вышедший встретить меня у лестницы черного хода (парадные были везде заколочены).

Едва я пришел в себя, он с обычным своим импозантным и торжественным видом внес в спальню старинное, расписанное матовым золотом, лазурное блюдо, достойное красоваться в музее. На блюде был тончайший, почти сквозной, как папиросная бумага,— не ломтик, но, скорее, лепесток серо-бурого, глиноподобного хлеба, величайшая драгоценность тогдашней зимы.

Торжественность, с которой еда была подана (нужно ли говорить, что поэт оставил себе на таком же роскошном блюде такую же мизерную порцию?), показалась мне в ту минуту совершенно естественной. Здесь не было ни поэмы, ни рисовки. Было ясно, что тяготение к пышности свойственно Гумилеву не только в поэзии и что внешняя сторона бытовых отношений для него важнейший ритуал.

Братски разделив со мной свою убогую трапезу, он столь же торжественно достал из секретера оттиск своей трагедии «Гондла» и стал читать ее вслух при свете затейливо-прекрасной и тоже старинной лампы.

Но лампада потухла. Наступила тьма, и тут я стал свидетелем чуда: поэт и во тьме не перестал ни на миг читать свою трагедию, не только стихотворный текст, но и все ее прозаические ремарки, стоявшие в скобках, и тогда я уже не впервые увидел, какая у него необыкновенная память.

Впоследствии я убеждался в этом не раз. Зимой 1921 года он каждое воскресенье заходил за мной, и мы шли через весь город на Петроградскую сторону к нашей общей знакомой, Варваре Васильевне Шайкевич, большой поклоннице его поэзии, и, покуда мы шли по пустынному, промозглому, околоченному, тихому городу, он всю дорогу читал мне стихи Иннокентия Анненского и свои, новые, сочиненные только что, в последние дни. В ту зиму он создавал их во множестве, порою по нескольку в день. Было очевидно, что только теперь его дарование созрело вполне, оставив далеко позади все «Жемчуга» и «Колчаны».

Он помнил эти новые стихи наизусть, помнил даже черновые варианты — и читал эти варианты один за другим, словно они были у него перед глазами.

Я и теперь, когда читаю его «Лес», «Шестое чувство», «Заблудившийся трамвай», «Слово», «Память» в его сборнике «Огненный столп», — лучшие из всех, когда-либо написанных им, вспоминаю глухотатый, немного простуженный и совершенно новый для меня голос поэта, каким никогда он не читал

своих прежних стихов. В голосе этом уже не было пышной торжественности. Что-то молитвенно-кроткое слышалось в той интонации, с которой в «Заблудившемся трамвае» он произносил имя Машенька, такое русское, никак не вмещавшееся в прежнем его словаре, где полновластно царили такие имена, как Лай-це, Андромеда, Маб, Семирамида, Лилит.

Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить.

Это был новый Гумилев, наконец-то преодолевший холодную нарядность и декоративность своей ранней поэзии.

У Варвары Васильевны он чинно садился в кресло, прямой, как линейка (в креслах он никогда не разваливался), и, прихлебывая красное вино, которое каким-то чудом сохранилось у нее от старых времен, вновь прочитывал ей все свои последние стихи. Однажды мы застали у нее А. М. Горького, который незадолго до этого и познакомил нас с ней. Алексей Максимович, умевший слушать чужие стихи с необыкновенным вниманием, веско сказал Гумилеву:

— Вот какой из вас вырос талантище!

... Тогда было распространено суеверие, будто поэтическому творчеству можно научиться в десять — пятнадцать уроков. Желающих стать стихот-

Портрет Николая Гумилева работы художницы Н. Войтинской. 1909 год

ворцами появилось в то время великое множество. Питер внезапно оказался необыкновенно богат всякими литературными студиями, в которых самые разнообразные граждане обоего пола (обычно очень невысокой культуры) собирались в определенные дни, чтобы под руководством хороших (или плохих) стихотворцев изучать технику поэтической речи.

Так как печатание книг из-за отсутствия бумаги в те дни почти прекратилось, главным заработком многих писателей стали эти занятия в литературных кружках. Гумилев в первые же месяцы стал одним из наиболее деятельных студийных работников. И хотя он никогда не старался подольститься к своим многочисленным слушателям, а, напротив, был требователен и даже суров, все они с первых же дней горячо привязались к нему, часто провожали его гурьбой по улице, и число их из недели в неделю росло. Особенно полюбили его пролеткультовцы. Те из них, что дожили до нашего времени, и сейчас вспоминают его с самыми светлыми чувствами.

Между тем курс его был очень труден. Поэт изготовил около десятка таблиц, которые его слушатели были обязаны вы зубрить: таблицы рифм, таблицы сюжетов, таблицы эпитетов, таблицы поэтических образов (именуемые им эйдологией¹). От всего этого слегка веяло средневековыми догматами, но это-то и нравилось слушателям, так как они жаждали верить, что на свете существуют устойчивые, твердые законы поэтики, не подверженные никаким изменениям, — и что тому, кто усвоит как следует эти законы, будет наверняка обеспечено высокое звание поэта. (Счастье, что сам-то Гумилев никогда не следовал заповедям своих замысловатых таблиц.)

Даже его надменность пришлась по душе его слушателям. Им казалось, что таков и должен быть подлинный мастер в обращении со своими подмастерьями. Гумилев с самого начала уведомил их, что он «синдик «Цеха поэтов», и, хотя слушатели никогда не слыхали о синдиках, они, увидя его гордую осанку, услышав его начальственный голос, сразу же уверовали, что это очень важный и многозначительный чин. В качестве синдика он, давая оценку тому или иному произведению студийца, отказывался мотивировать эту оценку: «Достаточно и того, что ваши строки одобрены мною» — или: «Ваше стихотворение я считаю плохим и не стану говорить почему».

Как это ни странно, студийцам импонировала такая методика безапелляционных оценок. Они чувствовали, что Синдик — властный, волевой человек, что у него сильный и цельный характер, и охотно подчинялись ему. Ни о чем другом, кроме поэзии, поэтической техники, он никогда не говорил со своими питомцами, и дисциплина на его занятиях была образцовая.

Мне случалось бывать в том кружке молодых

¹ Эйдолон — образ (греч.).

поэтов, которым руководил Гумилев. Кружок назывался «Звучащая раковина», собирался он в большой и холодной мансарде фотографа на Невском проспекте. Там, усевшись на коврах или на гряде мехов, окруженный восторженно внимавшей ему молодежью — главным образом юными девушками, среди которых было несколько очень талантливых, Гумилев авторитетно твердил им об эстетических догматах, о законах поэзии, твердо и непоколебимо установленных им. И в голосе его была повелительность.

Около этого времени, — кажется, в 20-м году — у него родилась дочь Елена — болезненная, слабая девочка, и перед ним встала задача, почти непосильная в ту пору ни для малых, ни для великих поэтов: ежедневно добывать для ребенка хоть крохотную каплю молока. Мое положение было не легче: семья моя состояла из шести человек и ее единственным добытчиком был я.

С утра мы с Николаем Степановичем выходили на промысел с пустыми кульками и склянками. (Забуду ли те осенние месяцы, когда вместе с беллетристикой Даманской я вел на станции Разлив по Финляндской железной дороге литературный кружок в общежитии двухсот проституток, собранных с проспектов Петрограда?) Выдавались такие месяцы, когда в неделю мне приходилось вести одиннадцать литературных кружков — в том числе и в Горохре (Городская охрана), в Балтфлоте, в артели инвалидов, в Доме искусств. Гумилев вел кружки в Пролеткульте, в Институте живого слова, в «Звучащей раковине» и проч. Мы оба — у военных курсантов...

Но Гумилев был не склонен к малодушному ропоту. Иногда мне казалось, что он даже как будто радуется широкой возможности приобщить молодежь к поэзии, хотя, конечно, в глубине души предпочел бы всецело отдаться своему призванию поэта. Каждую свободную минуту он возвращался к литературной работе: создавал новые циклы стихов, переводил «Орлеанскую девственницу» Вольтера (вместе с Георгием Ивановым под редакцией Мих. Лозинского), целыми ночами работал над переводами своего любимого Соути, баллад о Робин Гуде и т. д.

Может быть, здесь будет уместно отметить, что Александр Блок относился к этим стиховедческим студиям враждебно. О молодежи, которая тянулась к гумилевскому «Цеху поэтов», он говорил, что у них фабричное производство стихов... «Он считал, что поэту нужна общая культура, нужны знания, но нельзя «научить писать стихи», а студии воображают, что здесь-то они и научатся этому делу», — пишет Надежда Павлович в своих проникновенных воспоминаниях о Блоке.

Натура энергичная, деятельная, отлично вооруженная для житейской борьбы, Гумилев видел даже какую-то прелесть в роли конкистадора, выходящего всякий день на добычу. На первый взгляд он

был хрупок и слаб, но мускулы у него были железные. В этом я не раз убеждался, любуясь, с каким профессиональным искусством действует он тупым топором, рубя на топливо вместе с другими счастливыми уцелевший каким-нибудь чудом деревянный забор, быстро превращаемый ими в промерзлые, занозистые щепки.

Однажды с нами случилась беда. К годовщине Октябрьских дней военные курсанты, наши слушатели, получили откуда-то много муки. Каждому из нас, «лекторов», они выдали не менее полупуда. Весело было нам в этот предпраздничный день везти через весь город на своих легких салазках такой неожиданный клад. Мы бодро шагали рядом и вскоре где-то близ Марсова поля завели разговор о ненавистных Гумилеву символистах.

В пылу разговора мы так и не заметили, что везем за собой пустые салазки, так как какой-то ловкач, воспользовавшись внезапно разыгравшейся вьюгой, срезал наши крепко прикрученные к салазкам мешки. Я был в отчаянии: что скажу я дома голодной семье, обреченной надолго остаться без хлеба?

Но Гумилев, не тратя ни секунды на вздохи и жалобы, сорвался с места и с каким-то диким воинственным криком ринулся преследовать вора — очень молодо, напористо, с такой безоглядной стремительностью, с таким, я сказал бы, боевым упоением, словно только и ждал той минуты, когда

Портрет Корнея Чуковского работы художницы Н. Войтинской. 1909 год

ему посчастливится мчаться по снежному полю, чтобы отнять свое добро у врага. Кругом было темно — из-за выюги. Сквозь тусклую и зыбкую муть этого мокрого снежного шквала люди — даже те, что брели по ближайшей тропе, — казались пятнами без ясных очертаний. Гумилев мгновенно стал таким же пятном и исчез. Я ждал его в тоске и тревоге.

Вернулся он очень не скоро и, конечно, ни с чем, но глаза его сияли торжеством. Оказывается, в этой мгле он налетел на какого-то мирного прохожего, который нес свой собственный мешок на спине, и, приняв его за нашего вора, стал отнимать у него этот мешок. Прохожий со своей стороны принял его за грабителя: громко закричал караул, и у них произошла потасовка, которая, хоть и кончилась победой прохожего, доставила поэту какую-то мальчишескую — мне непонятную — радость. Он воротился ко мне триумфатором и, взяв за веревочку пустые салазки, тотчас же возобновил свою обвинительную речь против символизма, против творчества Блока, которую всегда начинал одной и той же канонической фразой:

— Конечно, Александр Александрович гениальный поэт, но вся система его германских абстракций и символов...

И больше о нашей катастрофе — ни слова.

Я напомнил ему, что в «Аполлоне» минувших времен он отзывался о поэзии Блока восторженно, называл его «чудотворцем стиха». Он ответил, что

любит блоковскую поэзию по-прежнему, но это поэзия призраков, туманностей, скорбей и рыданий и т. д., и т. д., и т. д. Нужно ли говорить, что я был всецело на стороне Блока, когда слушал бесконечные споры Гумилева и Блока во «Всемирной литературе».

Весь этот боевой эпизод, происшедший на Марсовом поле, — эта смелая погоня за мнимым грабителем и отчаянное сражение с ним (хотя тот и оказался гораздо сильнее), все это раскрыло передо мной самую суть Гумилева. То был воитель по природе, человек необыкновенной активности и почти безумного бесстрашия. Все мы знали, что на германскую войну он ушел добровольцем, едва лишь услышал первое сообщение о ней, и за смелость, проявленную им в кровопролитных боях, получил два солдатских Георгия. Знали мы и о том, что безусым мальчишкой, только что со школьной скамьи, он тайком от родителей убежал почти без копейки в свою любимую Африку (1907) и что впоследствии, чуть только вступил на литературное поприще, снова умчался туда — на этот раз в самую глубь континента — в Эфиопию — охотиться за слонами и львами — путешествие тягостное в те времена, когда не было ни радио, ни самолетов, ни автомашин. Кроме того, он с самыми скудными средствами тогда же успел побывать и в Италии, и в Греции, и в Англии, то есть буквально исколесил всю Европу — непоседа, странник, охотник, боец.

Страница Н. Гумилёва

Рисунок Н. Гумилева в «Чукоккале»

... В обывательской среде к Гумилеву почему-то очень долго относились недоверчиво и даже насмешливо. Кроме как в узких литературных кругах, где его любили и чтили, его личность ни в ком не вызывала сочувствия. Этим его литературная судьба была очень непохожа на судьбу его первой жены, Анны Ахматовой. Критики сразу признали ее, стали посвящать ей не только статьи, но и книги. Он же — и это очень огорчало его — был долгое время окружен каким-то злорадным молчанием. Помню: стоит в редакции «Аполлона» круглый трехногий столик, за столиком сидит Гумилев, перед ним груда каких-то пушистых, узорчатых шкурок, и он своим торжественным, немного напыщенным голосом повествует собравшимся (среди которых было много посторонних), сколько пристрелил он в Абиссинии разных диковинных зверей и зверушек, чтобы добыть ту или иную из этих экзотических шкурок. Вдруг встает редактор «Сатирикона» Аркадий Аверченко, неутомимый остряк, и, заявив, что он внимательно осматривал эти шкурки, спрашивает у докладчика очень учтиво, почему на обороте каждой шкурки отпечатано лиловое клеймо петербургского городского ломбарда. В зале поднялось хихиканье — очень ехидное, ибо из вопроса сатириконского насмешника следовало, что все африканские похождения Гумилева — миф, сочиненный им здесь, в Петербурге.

Гумилев ни слова не сказал остряку. На самом же деле печати на шкурках были поставлены отнюдь не ломбардом, а музеем Академии наук, которому пожертвовал их Гумилев.

Тогда я не понимал, но впоследствии понял, что его надменное отношение к большинству окружающих происходит у него не от спеси, но от сознания своей причастности к самому священному из существующих искусств — к поэзии, к этой (как он был уверен) высшей вершине одухотворенной и творческой жизни, какой только может достигнуть человек.

Слово «поэт» в разговоре Гумилев произносил каким-то особенным звуком — ПУЭТ, и чувствовалось, что в его представлении это слово написано огромными буквами, совсем иначе, чем все остальные слова.

Эта вера в волшебную силу поэзии, «солнце останавливавшей словом, словом разрушавшей города», никогда не покидала Гумилева. В ней он никогда не усумнился. Отсюда, и только отсюда, то чувство необычайной почтительности, с которым он относился к поэтам, и раньше всего к себе самому, как к одному из носителей этой могучей и загадочной силы...

Публикация Е. Ц. Чуковской

Николай Гумилев 1886—1921

ИЗ ЦИКЛА «ОЗЕРО ЧАД»

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет,
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вожда,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запахи немислимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далеко на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

ПРИРОДА

Так вот и вся она, природа,
Которой дух не признает,—
Вот луг, где сладкий запах меда
Смешался с запахом болот.

Да ветра дикая заплачка
Как отдаленный вой волков;
Да над сосной курчавой скачка
Каких-то пегих облаков.

Я вижу тени и обличья;
Я вижу, гневом обуян,
Лишь скудное многообразие
Творцом просыпанных семян...

Земля, к чему шутить со мною:
Одежды нищенские сбрось
И стань, как ты и есть, звездой,
Огнем пронизанной насквозь!

ЛЕС

В том лесу белесоватые стволы
Выступали неожиданно из мглы.

Из земли за корнем корень выходил,
Точно руки обитателей могил.

Под покровом ярко-огненной листвы
Великаны жили, карлики и львы.

И следы в песке видали рыбаки
Шестипалой человеческой руки.

Никогда сюда тропа не завела
Пэра Франции иль Круглого Стола.

И разбойник не гнезвился здесь в кустах,
И пещерки не выкапывал монах.

Только раз отсюда в вечер грозовой
Вышла женщина с кошачьей головой,

Но в короне из литого серебра
И вздыхала, и стонала до утра.

И скончалась тихой смертью на заре
Перед тем, как дал причастье ей кюре.

Это было, это было в те года,
От которых не осталось и следа.

Это было, это было в той стране,
О которой не загредишь и во сне.

Я придумал это, глядя на твои
Косы, кольца огневеющей змеи,

На твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная бирюза.

Может быть, тот лес — душа твоя,
Может быть, тот лес — любовь моя.

Или, может быть, когда умрем,
Мы в тот лес направимся вдвоем.

ПАМЯТЬ

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла,
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.

Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,

Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня.

Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак рощ.
Лист опавший, колдовской ребенок,
Словом останавливавший дождь.

Дерево да рыжая собака —
Вот кого он взял себе в друзья.
Память, Память, ты не сыщешь знака,
Не уверишь мир, что то был я.

И второй... любил он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звоны лир,
Говорил, что жизнь — его подруга,
Коврик под его ногами — мир.

Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать богом и царем,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.

Я люблю избранника свободы,
Мореплавателя и стрелка.
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака.

Высока была его палатка,
Мулы были резвы и сильны,
Как вино, впивал он воздух сладкий
Белому неведомой страны.

Память, ты слабее год от году.
Тот ли это или кто другой
Променял веселую свободу
На священный долгожданный бой.

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.

Я — угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей
Как на небесах и на земле.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

И тогда повеет ветер странный,
И прольется с неба страшный свет,—
Это Млечный Путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет.

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Прекрасно в нас влюбленное вино,
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которую дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой?
Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти все мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Все ж мучится таинственным желаньем.

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья.

Так век за веком — скоро ли, господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

ИНДЮК

На утра памяти неверной
Я вспоминаю пестрый луг,
Где царствовал высокомерный,
Мной обожаемый индюк.

Была в нем злоба и свобода,
Был клюв его, как пламень, ал,
И за мои четыре года
Меня он остро презирал.

Ни шоколад, ни карамели,
Ни ананасная вода
Меня утешить не умели
В сознание моего стыда.

И вновь пришла беда большая,
И стыд, и горе детских лет:
Ты, обожаемая, злая,
Мне отвечаешь гордо: «Нет!»

Но все проходит в жизни зыбкой —
Пройдет любовь, пройдет тоска,
И вспомню я тебя с улыбкой,
Как вспоминаю индюка.

СЛОВО

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро, и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ТРАМВАЙ

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы:
Передо мною летел трамвай.

Как я вскочил на его подножку,
Было загадкой для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Поздно. Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь рощу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы прогремели по трем мостам.

И, промелькнув у оконной рамы,
Бросил нам вслед пытливый взгляд
Нищий старик, — конечно, тот самый,
Что умер в Бейруте год назад.

Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет.

Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят — зеленая,— знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.

В красной рубашке с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.

А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала.
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла!

Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренною косой
Шел представляться императрице
И не увиделся вновь с тобой.

Понял теперь я: наша свобода
Только от неба бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.

И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.

Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине,
Там отслужу молебен о здравье
Машеньки и панихиду по мне.

И все же навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить.

Павел Антокольский

1896—1978

ИЗ РА Н Н И Х С Т И Х О В

ЧЮРЛЁНИС

Чюрлёнис шел по Млечному Пути.
Он увидел рожденье звездной бури.
И ангелы из золотой лазури
К его ногам пытались снизойти.

И говор волн, и рокот струн еще
В его ушах звучали наваждением,
Но чей-то голос окрылил плечо,
Раздвинув мрак внезапным пробуждением.

И он сошел зачем-то в этот мир,
И в заревах Любви и Созерцанья
Он повторил Искусством мирозданье
И созвал нас на свой богатый пир.

Идите все смотреть его картины
И в символах прочтите до конца:
Художник — путь. Но этот путь единый,
Единый путь распятыя и венца.

1916

* * *

Я искал тебя так долго в городах, домах и башнях,
Я весеннюю балладу перечел двенадцать раз.
Но скользили незнакомки между замыслов
вчерашних,
И напрасно, словно шпаги, расходились встречи
глаз.

Я ищу тебя упорно. Я смотрю в глаза всем
встречным.
Если можешь мне ответить, если хочешь — выходи.
Если хочешь, буду умным, буду пьяным
и беспечным
И каким тебе угодно,— все равно я здесь один.

Как назвать тебя — не помню. Как порадовать —
не знаю.
Как понять твой голос темный — не узнаю никогда.
Вижу стены, а над ними спит, как демон,
полночь злая.
И летят в ночную пропасть, словно вёроны, года...

1916

* * *

Странное бремя дала мне судьба.
Это не серп и не заступ раба.
Это не меч, и не крест, и не лук,
Даже не флейта — серебряный друг.

Мечется кто-то в ночной тишине.
Чается что-то в седой старине.
Пестрое, глупое платье шута.
Алые, злые, кривые уста.

Детская кукла и отблеск ножа.
Просьба о чуде и крик мятежа.
Странное бремя... Как будто во мне
Тысячи глаз, незакрытых во сне.

Тысячи жизней и тысячи ран.
Тысячи копий, пронзивших туман.
Тысячи добрых и злых голосов,
С дикою песней идущих на зов.

1916

* * *

Я только исполняю свой обет.
Я слушаю спокойно и бесцельно
И голоса, и свист летящих лет,
И песни звезд, и грохот подземельный,
И говор дня, и полуночный бред,
И звон мечей, и звон тоски свирельной.

К чему я притворяюсь вновь и вновь?
Зачем я помню все, что здесь случится?
Зачем я претворяю плоть и кровь,
Игру и боль, и ночи и денницы,
Все золото и всю мою любовь
В венок из черных слов — в мои страницы?

1916

Публикация А. Л. Тоома

Этот экземпляр сборника «Стык» был подарен Сергеем Городецким (председателем Московского Цеха Поэтов) Викентию Викентьевичу Вересаеву в связи с сорокалетием литературной деятельности писателя. В стихотворной надписи Городецкого отмечен интерес Вересаева к античной культуре и к поэзии в частности.

Что же касается самого сборника, то в нем при желании можно усмотреть прообраз будущего «Дня поэзии». Книга хранится в составе библиотеки В. В. Вересаева у родственников писателя.

Публикация В. М. Нольде и Е. А. Зайончковского

Из книги
В. В. Вересаева
№

СТЫК

ПЕРВЫЙ СБОРНИК СТИХОВ
МОСКОВСКОГО ЦЕХА ПОЭТОВ

с предисловием
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
и
С. М. ГОРОДЕЦКОГО

МОСКВА 1925
Издание Московского Цеха Поэтов

*Другу античности покой,
зрелища тех Викентий,
Зре советам несущему
тоска зрелую твою,
Мастеру слова привет
от Московского Цеха Поэтов —
С просьбой выполнить важно
дружеское наше желание:
Сорок рабочих годов
сроком такля же удвоить!*

Московский Цех Поэтов

Председатель М. Ц. П.

Сергей Городецкий

Москва.
1925-7 г.

Из мировой поэзии

Новые переводы

Франсуа Мари Аруэ Вольтер

1694—1778

ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИЮ

О новом судят столь сурово
Лишь потому, что это ново.

Плохим стихам былых времен
За что такое предпочтенье?
Пусть кто-то ими был пленен,
Не радует нас это чтение.
Завистник скажет: «Дух мне мил,
Что в старых книгах обитает».
Но он не мертвых возлюбил:
К живым он ненависть питает.

НА КОМЕДИЮ ДЕТУША «ТЩЕСЛАВНЫЙ»

Детуш изобразил, как он считает,
Тщеславного в комедии своей;
Но не в комедии тщеславье выступает,
А в предисловии, что предпослал он ей.

НА ЛАМОТА

Жюри возглавивший Ламот
Венки поэтам раздаёт,
Талант их отмечая
И лаврами венчая.
И что же? Вдруг слепым он стал
И стал глухим при этом:
Осину лавром посчитал,
А Дюжарри поэтом.

ЭПИГРАММА

Подражание антологии

В лесной глуши во время оно
Змея ужалила Фрерона.
И что же? Здравствует Фрерон:
Змея подохла, а не он.

ИЗ СЕНЕКИ

Не трепещи, коль близок твой черед.
Не нужно ни надежд, ни утешенья.
Ты хочешь знать, что после смерти ждёт?
Представь себя до своего рожденья.

МОЛОДОЙ ДАМЕ, КОТОРАЯ ПЕЛА НА ЗВАНОМ УЖИНЕ

Какое наслажденье ей внимать!
И как смотреть мне на нее опасно!
Так совершенно все в ней, так прекрасно,
Так молодо, что как тут не сказать:
Уж поздно мне чего-то ждать напрасно
И слишком рано ничего не ждать.

Перевел с французского
Михаил Кудинов

Джон Донн
1572—1631

ПРОЩАНИЕ,
ЗАПРЕЩАЮЩЕЕ СКОРБЬ

Как души кроткие — без мук
Отходят, горестей не множа,
Во тьму, — пока друзья вокруг
У смертного томятся ложа:

Вот так — без слез, без слов — сейчас
Простимся в тишине, пора нам!
Кошунством было б — напоказ
Святзыню выставлять профанам.

Страшат толпу толчки земли,
О них толкуют суеверы:
Но скрыто от людей вдали
Дрожание небесной сферы.

Любовь подлунную томит
Разлука бременем несносным:
Ведь суть влеченья состоит
В том, что потребно чувствам косным.

А нашу страсть влеченьем звать
Нельзя: ведь чувства слишком грубы;
Душой взаимообладать —
Вот цель, а не глаза и губы.

Связь наших душ над бездной той,
Что разлучить любимых тщится,
Подобно нити золотой,
Неисто щимо волочится.

Как ножки циркуля, вдвойне
Мы нераздельны и едины:
Где б ни скитался я, ко мне
Ты тянешься из середины.

Всегда лицом к моей судьбе,
Склоняешься, как бы внимая, —
До той поры, когда к тебе
Вернет меня стезя кривая.

Твоя лишь твердость (в этом суть),
Великая в большом и малом,
Окольный замыкает путь
И сводит все концы с началом.

Перевел с английского
Григорий Кружков

Адам Мицкевич
1798—1855

СТРАННИК

(Из «Крымских сонетов»)

Лежит у ног моих прекрасная страна,
Над головою синь, вокруг живые лица,
Так что же сердце в дальний край стремится
И в невозвратные веки времена?

Не соловьев Байдара песня мне слышна,
Не дев Салгира — шум лесов литовских снится,
Мне влажный мох топтать приятней, чем дивиться,
Как золот ананас и ягода красна.

Я далеко! Щедры ко мне чужие дали!
Так что же до сих пор вздыхаю я о ней,
О той, которую любил на утре дней?

В отчизне дорогой, что у меня отняли,
О верном друге всё напоминает ей,
Но в мой ступая след, вздохнет она? Едва ли.

Перевел с польского
Борис Романов

Райнер Мариа Рильке
1875—1926

* * *

Молчать хорошо богачу и счастливцу,
Что у них жизнь — уют и покой,
Но нищему люду
Молчать не годится,
Он должен кричать: «Смотри, я слепой!»
Или: «Я знаю, что скоро ослепну».
Или: «Болел я и все не окрепну».
Или: «Сын умирает мой».
Или: «Мне не на что хлеба купить!...»

Но этого может не хватить.

Толпа мимо них равнодушно проходит,
И нищие
Песни тогда заводят,
И очень неплохо каждый поет...

Но странные люди — им только бы пели
Кастраты прелестные в папской капелле.
Лишь бог ради нищих нисходит с высот,
Ведь внухи богу давно надоели.

СТРОГАЯ МИНУТА

Тот, кто плачет сейчас где-то там, далеко,
Отчего-то плачет там, далеко,—
Плачет по мне.

Кто смеется сейчас где-то там, далеко,
Отчего-то смеется там, далеко,—
Смеется надо мной.

Кто бредет одиноко где-то там, далеко,
Одиноко бредет так далеко —
Ищет меня.

Кто сейчас умирает где-то там, далеко,
Умирает один так далеко —
Видит меня.

ЛЮБЯЩАЯ

Так тоскую по тебе, что мимо
Рада бы самой себя пройти.
Знаю я, что непреодолимо
То, что так уверенно и зримо
Ты поставил на моем пути.

Прежде я была недвижной камня,
Камня возле тихого ручья,
Не нужна была ничья рука мне,
Да и я сама была ничья.

А теперь весенние недели
Словно оторвать меня сумели
От угрюмых, бессловесных лет,
Словно жизнь мою в одну минуту
Дали в руки теплые кому-то,
Кто не знает, есть я или нет...

Перевел с немецкого
Евгений Храмов

Теннесси Уильямс

1911—1983

БЛЮЗ КУХОННОЙ ДВЕРИ

От простуды старуха моя померла.
Сигареты курила и дряхлой была:
Ребра как на корсете, прядки желтых волос...
Ее ветер из кухонной двери унес.

Но и я не моложе ничуть, чем она.
Сигареты курю и сижу у окна.
Да и выгляжу вовсе неважно теперь...
Запирайте покрепче проклятую дверь!

СТРОКИ, РОЖДЕННЫЕ НА РАССВЕТЕ

За окном рассвет.
Я умру.
Но почему?
А почему бы нет?

Жив пока.
Время идет.
Небо
Посветлело слегка.

Сити продрог,
Словно молвил бог:
«Города
Встают с рассветом всегда».

Будит восход
Всех в свой черед.
Тянется нить,
Чтоб подтвердить:

«Десятый этаж.
Еще живу.
Вместе с ним
Шевелюсь наяву...»

Словно рек господь:
«Смерть послать? Нет!
Пусть-ка встретит он
Еще один рассвет!»

Перевела с английского
Елена Печерская

Хафиз
1325—1389

ГАЗЕЛЬ

Радостный ветер, к любимой лети на рассвете.
Стукни в окно, разбуди мою милую, ветер.

Ей передай: приближается время свиданья,
час приближается — самый желанный на свете.

Прошелести, прошепчи: умирает в разлуке
любящий твой — хоть на миг затоскуй о поэте.

В каждой строке у него сокровенная тайна.
Только захочешь, откроешь сокровища эти.

Только захочешь, спасешь от гибели друга,
муки его тяжелее, чем жажда и плети.

Только захочешь, развяжешь пленительный пояс,
любящий сам попадет в блаженные сети.

Персы и турки равно понимают Хафиза —
в каждое сердце любовь ударяет, как ветер!

Перевел с фарси
Михаил Курганцев

Рабиндранат Тагор

1861—1941

* * *

Если вы позовете: «ма» — обновится земля сама,
с древних гор, с любого холма
ливень каменный грянет.
Больше нет на свете чужих, и пусть молния пробежит
по сердцам, и каждый, кто жив,
братьям руки протянет.
Если вы позовете: «ма» — дрогнет мир и отступит тьма.
Пламя сердца, глаз и ума
расцветет, не увянет.
Солнце яркое в вышине возвестит и тебе, и мне:
не в легендах и не во сне
это время настанет.
Если вы позовете: «ма», братья, рухнет наша тюрьма.
Ветры, тучи, дожди, грома —
вся природа восстанет,
чтобы в бурях растаял след безотрадно прожитых лет,
и над нами истинный свет
негасимо воспрянет!

* * *

Давайте вместе соберемся, сойдемся отовсюду,
объединимся, прикоснемся к единственному чуду:
порвем оковы и в объятья родимые рванемся —
как сыновья, а не сироты, мы к матери вернемся!
Мы все равны перед отчизной — индусы,
мусульмане!
Мы — миллионы душ и жизней, мы — капли
в океане!
На зов проснемся, отвернемся от суеты своей:
земля святая — мать родная скликает сыновей!

Перевел с бенгальского
Михаил Курганцев

«ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ»

Стояли они у картины —
Саврасов, «Грачи прилетели».
Там было простое, родное.
Никак уходить не хотели.

Случайно разговорились,
Поскольку сыскалась причина.
— Саврасов. «Грачи прилетели».
Хорошая это картина.

Мужчина был плохо одетый.
Видать, одинокий. Из пьющих.
Она — из не больно красивых
И личного счастья не ждущих.

Ее проводил он до дома.
На улице было морозно.
Она бы его пригласила,
Но в комнате хаос и поздно.

Он сам напросился к ней в гости
Во вторник на чашечку чая.
— У нас с вами общие вкусы
В картинах, как я замечаю.

Два дня она драила, терла
Свой угол для скромного пира.
Пошла, на последние деньги
Сиреневый тортик купила.

Под вечер осталось одеться,
А также открытку повесить —
«Грачи прилетели». Оделась.
Семь, восемь, и девять, и десять.

Семь, восемь, и девять, и десять.
Поглядывала из-за шторы.
Всплакнула. И полюбовалась
Коричневой розой на торте.

Себя она не пожалела.
А про неудавшийся ужин
Подумала: «Бедненький тортик,
Ведь вот никому ты не нужен...»

Наверно, забыл или занят..
Известное дело — мужчина..
А все же «Грачи прилетели»
Хорошая очень картина...

* * *

Мне деловито так: люблю.
Мне так спокойно. Между прочим.
Меня же гонит — улю-лю! —
любовь, дыша собакой гончей, —
по улицам, и в снег, и в дождь,
между машин, в дворы чужие...
А мы с тобой — только родные.
Ты лишний раз не обоймешь.

* * *

Сидеть в обиде невозможно,
уж лучше вылезти насквозь,
как заколачиваемый гвоздь...
Колоть, царапать, жечь подкожно.
Или, как пуля, напролет
прорваться, яростно сверкая...
Как правда чистая, нагая,
к которой грязь не пристает.

* * *

Моя душа открыта,
как щедрая сума.
Как торба — сеять жито.
Как с хлебом закрома.
Ее зимою птахи
всю выскребли насквозь.
Голодные собаки
глодали, словно кость.
Ее, почти как птицы,
родные теребят.
Она еще годится:
гостинец для ребят.

* * *

Сердце беспокойно сжалось,
барабанит гулко в грудь,
целый день переমেжалась
тьень со светом,
с горем грусть...
Ах, куда же подевалась
радость, ладящая в путь,
радость — легкая ладья,
уносившая меня?
Что давала ноги мне
важенки ветроподобной,
прикрепляла на спине
крылья бабочки свободной.

Грела утренним лучом
землю райскую свою
и за праздничным столом
собирала всю семью.
Радость — крылья за спиной,
день звенящий, заводной,
ярмарочный, майский, детский,
разноцветный праздник мой!

Валентин Устинов

ДВА МИФА

Молнию считают огненным
драконом, падающим с неба
и могущим оплодотворять
женщин...

*С. Соловьев. «История России
с древнейших времен»*

Купаются женщины в летней воде —
не ведая,

что над рекою
два мифа сошлись в порубежной вражде.
То буря столкнулась с покоем.

Один приволок на верблюжьих возах
визжащий оранжевый запах.
И молнии змеями в узких глазах
струились с востока на запад.

Второй притащил на равнинных плечах
в сраженьях спасенное знамя.
И куполом храма сияло в очах
высокое синее пламя.

А женщины плавали в руце богов.
Столетние грозы блистали.
И молнии грянули с двух берегов,
вошли в них — и завязью стали.

От первого мифа родился дракон,
суля потрясенья и горе.
Второй вызвал сына из женщины —
он
отцом наречен был Егорий.

И дал ему молнию в руки отец,
вдохнул в него верность и веру.
И сел на державную мысль молодец —
и пикой дракона повергнул.

Но миф возродился —
бессмертен Восток.
Он высеял зубы дракона.
Легендами выкормил каждый росток.
Из пламени высек законы.

Столетия сжав в занемевшей вражде,
он в молнии память прессует.
Купаются женщины в древней воде,
а молнии даль полосуют.

РОМАНС О НЕПОРОЧНОМ ЗАЧАТИ

Как только поспеет в долине калина,
то небо вокруг закружит.
— Родная, смотри, как овальна долина:
как раз в полусферу души.

Над чудом, над тайной зеленая верба
просторно простерла крыла.
— Любимый, любимый! В душе моей вера
овальной долиной легла.

Не веровать в веру под ивой нелепо,
когда заалеет любовь.
— Родная, смотри: над долиною небо
круглит свою страстную кровь.

И встала зарница! И грянуло сталью
меж небом и долом, враскрой.
— Любимый, любимый! Души моей тайну
твоей полусферой укрой.

Когда зарождается в мире былина —
летит по вселенной разряд.
— Родная, не бойся: то небо с долиной
е д и н у ю душу творят.

Пылает желание жизни воронкой,
долиной под небом лежит.
— Любимый, любимый! Я чую ребенка
для этой бессмертной души.

БАЛЛАДА О ТЕНИ, МОЛНИЯХ И ВОСХОДАХ

И я прошу, и ты прости.
К. Случевский

Любимая, забыть ли дни,
когда вишневым цветом годы
влюблялись в солнечные своды —
не различая, кто в тени
пил черный скудный пот природы,
желая волю обрести...
Любимая, припомним годы.
Я их простил — и ты прости.

Взгляни теперь: любви сродни,
он рос — и встал поверх свободы.
Лишь молний длинные огни
способны огрмить обводы.

Но ты к нему сквозь непогоды
себя не в силах вознести...
Любимая, проходят годы.
Я их прощаю — ты прости.

Но от себя — не отвернись!
Еще душевных взрывов всходы
летят сквозь молнии в зенит
и здесь пылают — как восходы.
Любви мучительные роды...
На волю душу отпусти!
Любимая, подходят годы —
я их прошу, и ты прости.

Пусть прослышем как сумасброды!
Любить — честнее, чем грустить,
а в утешенье лгать сквозь годы:
и я прошу, и ты прости...

Геннадий Суздалев

БАЙКИ

Николаю Тряпкину

Не всегда натура — дура,
не всегда туман — обман.
Самодельную культуру
не заменит графоман.

Слово доброе — награда
для любого искони.
Незаслуженная радость —
радость, как ни поверни.

Без обмана, без утайки
собираю соль затей,
и придумываю байки,
и баюкаю детей.

В этих байках все как надо,
все на месте, как в судьбе.
Слово — дело.
Нет разлада.
Высший суд — в самом себе.

Эти байки без подвоха
для компании честной...
И кому живется плохо,
пусть последует за мной.

Игорь Мазнин

ХЛЕБЫ

На всенародную потребу
Своим трудом добытый хлеб,
Лишь ты один угоден небу,
Другой — преступен и нелеп.

Другой — забвению порука,
Другой, как кровный враг, жесток,
С другим —
Мы все съедим друг друга...
Не отнимай
чужой кусок!

* * *

Нас только то переживет,
В чем будут наши кровь и пот,
И помощь матери-отчизне,
В чем отраженье нашей жизни
Во всем своим
сочтет народ...

А все — без совести и чести,
Без вдохновенья и любви
Из лести сотканые песни,
И по отдельности, и вместе —
Навек
освищут соловьи...

Виктор Узлов

ВОЙДУ Я В ДОМ

Войду я в дом. И сброшу с плеч суму.
Вот мой порог. Окончена дорога.
Я пыль с сапог не торопясь стряхну
И постою, задумавшись немного.
Родимый край. Родная сторона.
До слез в глазах все близко и знакомо,
И нервы, как звенящая струна,
Обмякнут вдруг у стен родного дома.
И долгий путь, и трудные бои,
И раны, что на теле и в душе,
Они теперь как будто не мои,
Не значат ничего они уже,
Когда такая тишина вокруг,
Когда звезда горит на небосводе.
И как давнишний закадычный друг
Тебе звенит кузнечик в огороде.

Александр Лаврин

РОЩА

Позабыв, как слово шелестело
У листвы сентябрьской на губах,
Я подумал: мне какое дело,
Что сегодня роща улетела,
Затерялась в белых облаках.

Что вам снится, чащи вековые,
Иль дремота нынче не берет?
Только пни чернеют по России,
Прикорнув, как псы сторожевые,
Лапы-корни вытянув вперед.

Я такой еще не видел боли,
Чтоб насквозь прокусывать рукав!
Ветер с бритвой носится на воле,
Наизнанку вывернуто поле,
Как тулуп для ряженных забав.

Ах, умельцы, братья-дровосеки,
Все мы люди, все мы человеки,
Мы еще столетье подождем,
Чтобы снова золотили реки
Листопады пополам с дождем!

КОМЕТА

Когда забивают домашнюю птицу
В промозглый и хмурый канун покрова,
Я дверь открываю, как жизни страницу.
Душа моя, чем ты сегодня жива?

Ужели хохлаток гусиною кожей,
Зобами налитых свинцом индюков?
Иль плоской со стекшейся кровью, похожей
На зеркало смерти, на бездну миров?

От лунного света натерты, как мелом,
Не в родинках — в брызгах дегтярной крови,
Живут мои руки отдельно от тела,
И сердце забыло о прежней любви.

Была моя память одеждой прикрыта,
А я и поверил, что жизнь недолга,
Покуда не шлепнулась в это корыто
Застывшая боль — голова индюка!

Так вот почему эта бездна готова
Принять и меня через тысячу лет —
Беспечно, как будто от слова до слова,
От смерти до смерти шагает поэт!

Когда же, от запаха крови хмелея,
Пойду из сарая в родительский дом,
Над садом промчится комета Галлея
И волосы черным заденет крылом!

Илья Эренбург.
Силуэт Е. Кругликовой

Константин Бальмонт.
Силуэт Е. Кругликовой

БОЛЬНИЧНЫЕ СТАНСЫ

Любовь моя, Надя Измайлова,
Двенадцать годочков без малого,
Уснула на белой кровати
В соседней четвертой палате.

Ах, после ночной операции
Склонились над нею акации,
И птицы почти без усилия
Пронесят прозрачные крылья.

Когда заморозка кончается,
На ниточке сердце качается,
Мгновенье еще — и очнется
На дне ледяного колодца!

Успеть за секунду до гибели,
Чтоб крепи кирпичные выбили
Худые мальчишечьи руки
В мукé штукатурной и мукé!

Мы вылетим в окна широкие,
Где звезды глядят волоокие,
И рядом — к кровати кровать —
Мы будем по небу летать.

Кто болен, тот жив и надеется,
Что гипс, как мука, перемелется.
Лишь память, как ветки акаций,
Все будет над сердцем склоняться...

Ольга Наровчатова

* * *

Меня пронзает свет звезды,
И красота чужих мелодий,
И плеск воды, как вздох беды,
Через меня насквозь проходит.

Снежинок легких светлый пляс
Небесным светом в душу льется,
И темнота недобрых глаз
Во мне надолго остается.

Но предстоит еще идти,
С холма вечернего спускаться...
И где-то силы обрести
О тень свою не спотыкаться.

Нина Бялосинская

РЕКА ВЕЛИКАЯ

I

Цыганская плоть и напор простых темно-красных
пионов
Теснит невесомость, лиловую легкость сирени.
А мы еще дети — мы этого не понимаем.
Мы эти букеты веселой рукой принимаем.
И в складчину мальчикам дарим.
И в армию их провожаем.
А не на войну.
А она уже восемь часов как сечет,
А сеча уже отработала полную смену,
А старший на год—уже распростерт
И теснит своей плотью цветы...

Но поезд уходит не в полдень.
Еще без пяти.
Мы все еще дети —
Еще ничего мы не знаем.
Мы мальчиков наших застенчиво не обнимаем.

Уже без пяти.
Расстаемся, не обручены...

II

Недолет...
Перелет...
Недолет, но ближе...
К нам пристрелка идет.
Перелет, но ближе...
Это с Пушкинских Гор —
мы немного ниже —
немец бьет.
Перелет...
Недолет, но ближе...

Знаю — с Пушкинских Гор.
Дальнобойной пушкой.
А того не пойму,
что с горы, где Пушкин,
как профессор Благой
объяснял пехоте.
Только в части другой,
а не в нашей роте.

Недолет...
Перелет...
А случись прямое —
не узнала б, что лежу
под Святой горою.

III

А мы не на Опочку — мы на Остров пошли.
И могилу Пушкина не я освободила.
Мы братские солдатские могилы нашли —
Я брата в них искала. Но не находила.

От него было письмо в сорок первом году:
«Назначили меня командиром отделения.
Нахожусь на Островском направлении.
Завтра, наверное, в бой иду...»

Ничего, что я до Пушкина сейчас не дошла.
Я еще к нему съезжу, если буду живой.
Хорошо, что я могилы брата не нашла.
Может быть, еще отыщется он живой.

Ни брата нет.
Ни могилы его нет.
А в Михайловском была я.
Через тридцать лет.

IV

Эти странные стихи —
Слишком просто,
слишком проза.
Как гуденье паровоза,
низковаты и сухи.
Как подбитый грузовик
от поверженной дороги —
проседают, однобоки,
тащат груз свой напрямик.
Одноцветные почты,
словно скатки и пилотки,
однозначны, как обмотки,
сколько их ни перечти.
Не нарядны.
Неприглядны.
Серомытое былье.
Из пожарки.
Из каптерки.
Как девичество мое.

Нина Локшина

В БУХЕНВАЛЬДЕ

Туда ведет дорога из бетона,
Дорога слез... Но воздух странно чист.
И тишина — ни шороха, ни стопа.
И странно, что дорога не кричит!

Иван Слепнев

ИГРУШКИ

Мальчик мой стреляет из игрушки —
автомат и легок, и блестящ...
На порог выкатывает пушки
и кладет солдатиков на плащ.

Хоть его ребяческие тайны
и волненья мягкие, как воск,—
мыслит не по возрасту глобально,
оперирует родами войск!..

Мне понять его, конечно, можно,
сам ходил в атаку не одну...
Но с годами, кажется, тревожной
мальчики копируют войну.

Иван Кууру

КРАСНЫЕ КОНИ

Мальчишества красные кони,
В зной соленый, москитный, слепой,
От покосов за быстрой рекою
Кто там гонит вас на водопой?..

И, слепнем беспощадным искусаны,
И не верящие грозovým облакам,
Сотни копен на волокушах вы
Сволокли к высоченным стогам!

И поить, и купать в быстрой речке
Тех коней доверял нам не раз,
Ни седла нам не дав, ни уздечки,
Инвалид-бригадир в дивный час...

Говоря: «Это добрые кони!
Это бывшие кони войны,
Вы гоните-ка их поспокойнее,
Быть безжалостными вы не должны»...

Но трусцы очевидна нелепость
И для конских и детских голов:
И те кони давали почувствовать эпос,
Переходя на галоп!..

Геннадий Иванов

* * *

«Или в ноздри песок, или деньги в карман», —
Так помор говорил, выходя на путину.
Уплывал в неизвестность, во мрак и туман,
И смотрела жена ему в спину.

...Беломорский песок под ногами скрипит.
Нынче время настало другое —
Пароходов огромных один только вид
В сердце чувство внушает покоя.

Но покуда есть море и есть небеса,
Реет, реет меж ними тревога,
Отражаясь тоской у помора в глазах,
Прихватившей еще у порога.

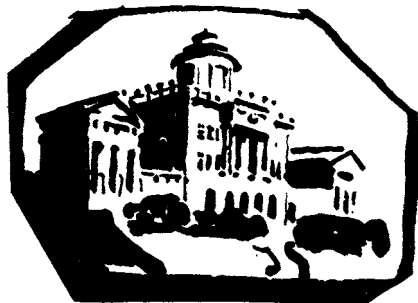
Марина Тарасова

ПИШУ О МОСКВЕ

Пишу о Москве. Знаю голос и взгляд
ее стародавних и новых домов,
гнездятся они, где однажды был сад,
бревенчатый рай, полный диких плодов.

А позже тяжелая копоть МОГЭСа
чернила тугих занавесок крахмал,
валила черемуха в полуподвал,
а все ж было емким, пронзительным детство
и людным, как старый московский вокзал.

Пишу о Москве, не могу по-другому.
Пусть снег тополиный как прежде метет.
Сквозь годы гляжу — и от каждого дома
здесь ниточка жизни навстречу идет.

Марина Вирта

* * *

Полна коммунальная кухня горячего пара.
Вполголоса плачет соседка — артистка Тамара,
Ее годовалая Танька заходится басом,
И кто-то стирает пеленки, склонившись над тазом.
Есть что-то запретное в сбивчивом их разговоре,
И я, малолетняя, робко толкусь в коридоре,
Пытаясь подслушать. И сводит мне скулы истома,
Укрытая в недрах большого московского дома.
Соседка Тамара, о как я от страха дрожала,
Я вас обожала, я мысленно вам подражала.
Я думала: вырасту, буду, как тетя Тамара,
Степенно коляску возить вдоль Тверского бульвара,
Ходить по соседям в немыслимом белом наряде,
И плакать на кухне, и Нину играть в «Маскараде».

Наум Басовский

* * *

Посреди ежедневных забот
я припомнил военный завод
и при нем городок невеселый,
где свистели метели зимы,
где из беженцев сделались мы
этих мест новоселы.

Там, где с явью мешаются сны,
я, однако, не помню весны
и не помню тем более лета:
в наши судьбы и в наши дома
ежедневно входила зима
белоснежного цвета.

Было холодно, голодно там,
и выросли мы не по летам,
и вплетались на режущей ноте
в начинавшийся туберкулез
звон трамвая и скрежет колес
на крутом повороте.

Мы выросли, и все ж про запас
наше детство осталось при нас
в этом холоде, словно в бальзаме.
Мы остались большими детьми —
потому и остались людьми
на гигантском базаре.

Возвращаясь с базара домой,
кто с покупкой, кто просто с сумой,

кто в молчании, кто в разговоре,—
замечаем:

с движеньем не в лад
наши детские тени лежат
на шершавом заборе.

Забываем надолго о них,
но хранит мою душу двойник,
и в часы, когда я на излете,
мне напомнит потерянный рай
громким пеньем бессмертный трамвай
на крутом повороте.

Олег Кочетков

ЛУННЫЙ СВЕТ

Подоила корову, пшена дала курам
И опять за околицу, к дремному логу.
Отрешенна, глядит с истомленным прищуром
На туманную даль, на пустую дорогу.
Долго-долго глядит и кусает травинку,
Задрожав, обмякает плечами крутыми.
И ладонью отряхивает слезинку,
И все шепчет одно предвоенное имя!
И уходит, почувствовав в горле першенье,
Подолом прошуршав по репьям и осоту.
И кидается, зная одно лишь спасенье,
Головою и сердцем — в работу, в работу!
А в ночи, налитым белым телом горячим
Согревает постель, и простынка льняная,
Ее груди тугие как есть обозначив,
Льнет к соскам ее твердым, их горечь смиряя.
И от женской от ласки ее неизбытой
Лунный свет изнывает и словно густеет...
Только лунному свету объятья открыты,—
Лишь один он на свете обнять ее смеет,
Он целует все годы ее и жалеет.
И она с ним в обнимку стареет, стареет...

БИТА

Мы в подвале и зябком и темном
Славно жили, и был я — малец.
И на свалке, на шлачной, за домом —
Пристрастился играть в «расшибец».
Был азарт — бросить битую пометче,
Чтоб впритирочку, в самый чтоб «кон»!
После — в круг, наклоненные плечи
И монеток расшибленных звон.
Жили в счастье и горе великом —
Что живущим тогда было жаль?
И считалось особенным шиком —
Приспособить под битую — медаль.
За какою кромешною далью
Позабыть ее гордый металл,

Как бросался я ловко медалью
И избитую мелочь сгребал?
Что теперь — запоздалый мой лепет:
Был соплив, мол, чего понимал!
(Проиграл я медаль, проиграл!)
Смысл не в том, что ее не нацепит
В День Победы отец на пиджак,—
Смысл в другом — что-то вышло не так!..

Эдуард Бабаев

ПЕРВОЦЕЛИ ННИКИ

Все свои — дорожники, шоферы,
Добрая команда, долгий путь,
За полночь глухие разговоры,
Чтобы за баранкой не уснуть.

И машина шла по доброй воле,
Волоча пуды на колесе.

След ее затерян в чистом поле,
Там теперь бетонное шоссе.

Надежда Веселовская

ПАМЯТНИК ГЕРОЯМ ПЛЕВНЫ

Совсем непохоже, что это шлифованный мрамор.
Казалось бы — гладкое дерево.

Нынче, как встарь,
Стоит этот памятник, словно безмолвного храма
Искусно изрезанный, маленький черный алтарь.
И странно читается надпись на нем:

«Гренадеры —
Товарищам павшим...» И, вставши к былому лицом,
Почувствуешь зной, испаренья осадной холеры,
Предчувствия в чуждой земле перед тяжким

концом...
Прапрадед мой был в знаменитой осаде
под Плевной.

И там наяву насмотрелся, наверно, сполна,
Как здесь, в барельефах,
прорезанных с горечью гневной,

Заносится кверху
ножей и сапог кривизна...

А крест, возвышаясь над сценой жестокой
расправы,

Где мать и дитя перед смертью своей обнялись,
Спешит зачеркнуть совершенное

слева направо
И сверху — вниз.

Михаил Гаврюшин

ПОЛИГОН

Обуглилось небо, сгорая с востока на запад.
Корявые тени, в песок просочившись, померкли.
И гюрзы вдыхали кирзовый натруженный запах,
Качаясь под музыку ротной вечерней поверки.

Отвара верблюжьей колючки — на донышке фляги.
Закат напоил нас горячим багровым отваром —
Густым, словно краска, какую извел Верещагин
На русскую кровь и на форменные шаровары.

А там, где барханы всосали звезду Чингизидов
И рухнули стены последней хивинской заставы,
Как старый Тимур, чертыхался ефрейтор Саидов,
Долбя глинобитную твердь строевого устава.

Леонид Гурченко

ДАЛЬНИЙ ПЕРЕГОН

Опал от старости большак. И по бокам
Деревья толстые. Куражится упадок.
Асфальт растрескался. Смертельный беспорядок.
Порожние машины хлещут по ночам
В пробоины пути с короткого разгона.

И только тяжкий «МАЗ» большого перегона
И самоосвещенный напряженьем сил,
Он кажется на вид ровесником светил,
Гудящих на кругах ночного небосклона,
Или полям, реке, камням в карьере дальнем —
Шоферское лицо как барельеф на скальный.

Виктор Василенко

В ЧЕГЕМСКОМ УЩЕЛЬЕ

Вверх устремленная громада
невероятною стеной,—
с нее волной течет прохлада,
насыщенная тишиной.

Она полнеба охватила
и держит — так огромна страсть!
Ничем не одолима сила,
что небу не дает упасть!

Владимир Дагуров

НОЧНАЯ ПТИЦА

К чему это чудо — не знаю,
а, впрочем, не все ли равно:
какая-то птица ночная
в мое залетела окно.

В кубическом скучном пространстве
магический сделала круг —
и комната стала прекрасной,
и все оживилось вокруг.

Наверное, все ж не случайно
меняла она небосклон,
ведома неведомой тайной,
на люстры малиновый звон.

Не знаю повадок я птичьих —
зачем залетела сюда?
А может быть, в этом обличье
мне знак подавала судьба?

Недаром, на люстре обсохнув,
расправила птица крыла
и снова в открытые окна
умчалась, где море и мгла.

Созвездья сияли в просторе,
но дверь на засов я закрыл,
и синие окна зашторил,
и лег на кровать я, бескрыл...

В наследии Клюева важное место занимают его статьи и письма, содержащие суждения поэта о жизни общества, творчестве, искусстве, театре, литературе... Наиболее ранними произведениями Клюева такого рода, появившимися в печати, являются отрывки из его писем 1907—1908 годов, процитированные Александром Блоком в статьях «Литературные итоги 1907 года» и «Стихия и культура» (из контекста блоковских статей очевидно большое впечатление, которое произвели на Блока эти письма начинающего поэта-крестьянина). «Простите мою дерзость,— писал ему Клюев,— но мне кажется, что если бы у нашего брата было время для рождения образов, то они не уступали бы вашим. Так много вмещает грудь строительных начал, так ярко чувствуется великое окрыление!..»

Недавно нами обнаружено письмо Клюева к редактору и издателю В. С. Миролубову от 16 апреля 1915 года, в котором поэт так сформулировал свою творческую позицию: «В меня не вмещается ученое понятие о том, что писатель-певец дурно делает и обнаруживает гадкий вкус, если называет предметы языком своей родной местности, т. е. все-таки языком народным. Такое понятие есть лишь недолговечное суеверие. Народная назывка — это чаще всего луч, бросаемый из глубины созерцания на тот или иной предмет, освещающий его с простотой настоящей силы с ее огнем-молнией и мягкой росистой жалостью, и не щадит читателя, заставляя его пробиваться сквозь внешность слов, которые, отпугивая вначале, мало-помалу оказываются обладающими дивными красотою и силой,— есть для поэта святое дело, которое лишь обязывает читателя иметь большой запас сведений и обязывает на большое с его стороны внимание» («Огонек», 1984, 1, № 40, с. 25).

В первые послереволюционные годы Клюев, как и другие русские художники, напряженно размышлял над проблемой «искусство и революция». 4 апреля 1919 года в газете «Звезда Вытегры» появилась первая из его статей, содержащих размышления на эту тему,—«Великое Зрение». Поводом для выступления послужил поставленный на сцене уездного театра фарс «Женатый Мефистофель». Статья дается здесь по газетному тексту с небольшими сокращениями.

В стихотворении 1932 года «Ночь со своднею-луной...» поэт полемически заостренно пишет об истоках и значении своего творчества. Стихотворение печатается со списка, выправленного по автографу, хранящемуся в ИМЛИ.

ВЕЛИКОЕ ЗРЕНИЕ

В провинции всегда хотят быть по моде и во что бы ни стало оригинальными (знай наших), важничают, манерничают, гордятся «филозофией» местного экзекутора и всяческим «галантерейным» обращением, которым сто лет тому назад так восхищался гоголевский Осип. Кажется, там всё знают, ничем не удивишь, а поживешь — и видишь, что нигде так не ошеломляются, как в провинции. И чем же?— Позапрошлогодними столичными модами. Но всего омерзительнее, когда такая ошеломляемость, напаяв на себя пышные «френчи» или деловитейшую «кожанку», начинает понукать музами, воображать

себя человеком от искусства, то есть проводником этого искусства в народ...

Разумеется, ни одной кожаной и галантерейной голове не домекнуть, что подлинный народ всегда выше моды, что его воротит «наблевать» от «френчей» в алтаре, что народное понимание искусства, «великое зрение», как бают наши олонецкие мужики-сказители, безмерно, многообразно, глубоко и всегда связано с чудом, с фаворским светом,— будь это «сказание про царица-Андрияница» или скоморощья веселая дудка.

Крепостное право, разные стоглавые соборы, романовский «фараон» загнали на время истинное народное искусство на лежанку к бабке, к рыбацье-му ночному костру, в одиночную думу краснопева-шерстобита,— там оно вспыхивает, как перья жар-птицы, являясь живоносной силой в черных мужичьих упряжках. «И-и-и-х, если бы не думка-побаска, нешто бы я жив был»,— вздыхал недавно мой бородач-однодеревенец, которому я посоветовал сходить в (...) театр с целью проверить на нем облагораживающее действие «Женатого Мефистофеля» (или чего-то в этом роде). Оказывается, что мой бородач, к счастью, ничего не слышал и не видел из всего, что происходило на подмостках, а, сидя на плетеном стуле, погружался в свою певучую глубину, весь вечер слагая про себя стихи:

Я от страха добыл огня,
Зажигал свечу полуночную;
Как пришла порушка сутемная,
Собирались ко мне гады клеучие,
Напоследки выползал Большой Змей —
Он жжет и палит пламенем огненным.

Кто способен вдуматься в эти строки, для того ясно, что зажженная свеча — это художник, живущий в сердце народном, и что Большим Змеем в данном случае оказался «Женатый Мефистофель», то есть, то вонючее место, которое лишь самое черное невежество и «модный» вкус уездной закулисной накипи может выносить на Великое Народное Зрение как искусство, как некий свет, который должен и во тьме светить.

Неужели русский народ отдает свою кровь ради того, чтобы его душу кормили «волчьей сътью», смрадной завалью из помойной ямы буржуазных вкусов и пониманий?

...Ни экзекуторы, ни крапивное семя из разного рода канцелярских застенков не могут усладить Великое Зрение народа в искусстве, пролить чудотворный бальзам красоты на бесчисленные раны родины, а только сам народ — величайший художник, потрясший вселенную красным громом революции.

Эй, гряди, крепкий и бессмертный!

* * *

Ночь со своднею-луной
Правят сплетни за стеной,
Будто я, поэт великий,
Заплетаю в строки лыки,
Скрип лаптей, угар корчаги,
Чтобы пахло от бумаги
Черемисиной, Рязанью,
Что дородную Маланью
Я лелею пуще муз,—
Уж такой лабазный вкус
Красоту копить, как сальце,
По-барсучьи жить в подвальце —
Мягкой, устланной норе
По колено в серебре,
В бисере по локотки;
Что Распутина силки
Ставлю я горбатой Пресне,
За ухмылки да за песни
У меня бесенок в служках,
Позашиваны в подушках
Окаянные рубли!..
Вот так сусло развели
Темень и луна косая
Про лесного Миколая,
Про сосновый бубенец!..
Но, клянусь, не жеребец
Унавозил мой напев,
В нем живет пустынный лев
С водопадным вещим рыком,
Лебедь я и шит не лыком,
Не корчажным впоен суслом —
Медом, золотом загуслым
Из ладони смугло-глыбкой!
Над моей ольховой зыбкой
Эта мреяла ладонь,
И фатой сестрица-сонь,
Утирая сладкий ротик,
Легкозвонной пчелкой в соте

Поселилась в мой язык.
За годами гуд и зык
Стали пасекой певучей.
Самоедине иль чукче
Я любовней поднесу
Ковш мой — ярую росу,
Из подземных ульев браги,
Чем поэтам из бумаги
С карнаухой Жучкой-лирой:
Я не серый и не сирий,
Не Маланьин и не Дарьин,—
Особливый тонкий барин,
В чьем цилиндре, строгом банте
Капюшоном веет Данте,
А в глазах, где синь метели,
Серебрится Марк Аврелий,
В перстне перл — Александрия,
В слове же опал — Россия!
Он играет, нежный камень,
Речкой, облачком, стихами
И твоим, дитя, письмом —
Голубым, лесным цветком,
В нем слезинок пригоробшня.
Расцвела моя Опошня
(Есть село на Украине,
Все в цветистой жбанной глине).
Мой подвалец лесом стал:
Вон в дупле горит опал,—
Сердце родины иль зыбка
С чарою ладонью глыбкой
Смуглой печки — плат по щеки?
За стеной молчат сороки.
Видно, лопнула луна,
Ночь от зависти черна,
Погоняя лист пролетный,
Подноготицу и сплетни!

*Ноябрь или декабрь 1932
Вступительная заметка и
публикация С. Субботина*

Александр Ширяевец 1887—1924

Уроженец приволжского села Ширяево Александр Васильевич Абрамов, известный любителям поэзии как Александр Ширяевец, в ранней юности (1905 год) был вынужден покинуть родные места. Большая часть его недолгой жизни прошла вдали от родины — в Туркестанском крае, бывшем глухой окраиной тогдашней Российской империи. И тем не менее, живя вдалеке от литературных центров России, поэт сумел-таки сказать свое самобытное, живое слово, не затерявшееся во «мгле библиотек».

Ширяевец был неутомимым тружеником. Неустанно работал он над совершенствованием своих сочинений. Печатавшаяся в туркестанской периодике с 1908 года, лишь через пять лет он решился обратиться за советом и оценкой своих стихов к известным поэтам того времени — вначале к Аполлону Коринфскому и Николаю Клюеву, а затем к Ивану Бунину, Валерию Брюсову, Сергею Городецкому... В конце ноября 1913 года он писал И. А. Бунину из Чарджуй (ныне г. Чарджоу Туркменской ССР): «Только писанием и отводишь душу, но все время меня гложут сомнения, все время мучат вопросы: стоит ли? Есть ли во мне хотя микроскопическое дарование? (...) И вот, не зная Вас лично, но зная как писателя, обращаю к Вам потому, что в современной литературе Вы стоите вне всяких партий и кружковщины, и думаю, что Вы дадите самую верную оценку моим стихам» («Волга», 1969, № 6, с. 179). Ответ Бунина на это письмо неизвестен, но о нем Ширяевец упоминает в своем следующем письме к Бунину от 3 февраля 1915 года: «Ваша прошлогодняя открытка с Капри скрашивает мою жизнь и заставляет больше работать над собой». Здесь же Ширяевец просил поместить два его стихотворения («Стенька Разин» и «Зимнее») в сборник «Клич», редактируемый Буниным.

Сохранился ответ Бунина на второе письмо молодого поэта (он был опубликован Т. Беляевой в ее статье «Александр Ширяевец и Иван Бунин», помещенной в сборнике «Творчество писателя и литературный процесс», Иваново, 1982; здесь дается непосредственно по фотокопии автографа, хранящейся в ЦГАЛИ):

«Многоуважаемый Александр Васильевич, рад был бы сделать для Вас что-нибудь. Вы несомненно талантливы, — даже в стихотв(орених) «Стенька», которое мне очень не понравилось, потому что оно пахнет лубочн(ой) олеографией, Коринфским, Скитальцем и т. д., есть живые проблески, — но беда в том, что «Клич» уже давно готов и положительно перегружен стихами. Все же попытаюсь устроить одно стих(отворение) — «Зимнее» — которое очень хорошо задевает по сердцу. Не выйдет — не пеняйте.

Жму Вашу руку и желаю настоящей работы над собой. Пишите только свое, живое, то, что в Вашем сердце и вокруг Вас — хотя Чарджуй.

И в. Б у н и н

22 фев(аля) 1915 г. Москва, Долгий пер., д. № 14».

Стихотворение «Зимнее» и в самом деле появилось в «Кличе» (Бунин уведомил об этом своего корреспондента специальным открытым письмом от 5 марта 1915 года). В своем сборнике «Записка» (1916) Ширяевец посвятил «Зимнее» Бунину. А бунинские слова, завершающие это его краткое, но такое теплое, ободряющее письмо молодому поэту, стали своего рода камертоном для последующей творческой деятельности Ширяевца. В 1917—1919 годах он пишет целый ряд стихотворений о Туркестане (сам он называл их «туркестанские мотивы»), которые затем вошли в сборник «Край солнца и чимбета» (1919).

1920—1921 годы оказались для поэта весьма плодотворными — именно тогда окончательно обретает он свой голос, пишет множество самых разных по жанру и тональности стихотворений — повествовательных, лирических, са-

тирических, шуточных... До сих пор в печати появилась лишь небольшая их часть.

В «Дне поэзии» публикуются по автографам некоторые из стихотворений Ширяевца 1920—1923 годов. Автографы хранятся в рукописном отделе Института мировой литературы имени А. М. Горького и в ЦГАЛИ.

«МАГАМ»

О «маги» рифм, изысканных донельзя,
Волхвы с бульваров Питера, Москвы,
Не стоите вы пуговицы Эрзы
И волоса с конёнковской главы!

К чему плести венки сонетов кислых?..
Разливом книг вливаться в города? —
Цветущий жезл в перчатках ваших высох,
В вас крови нет! — гематоген! — вода!

19 ноября 1920 г.

* * *

Свети, о Месяц, над угасшим, снова!
К венкам забытым, Солнце, правь пути!..
— Что задышало с кисти Васнецова,
Перо, стихом звенящим расцвети!..

В старь, где вязалась русская основа!
В ярь скифских дней, где расплескалась мочь!..
— В ладью!.. — В моря жемчужные родного!..
— Стрибожьи внуки!.. внуку ль не помочь!..

16 декабря 1920 г.

БАБА

— Мурло-го! — масленицы шире!
Зад кормленных башкирских кобылиц.
Тесно грудицам в ситцевой порфире,—
Эк народишь Добрынь и полениц!

С такого груза и земля заплачет...
— Чаво?.. — кобелы.. мотри — в подол
запрячу!

1920 или 1921

* * *

Моя королева — Русь,
Лесная, Речная, Степная!
Все сказы ее наизусть
Я знаю, ее лишь не знаю!

Кладь заклятые свои
Издравле хранит она строго...

Не знали и деды мои,
Быть может, не выдаст и богу...

За Птицей чудесной я мчусь,
Запевы я Сирина чую!
Моя королева — Русь!
Ей песни и жизнь отдаю я!

1920 или 1921

БОГАТЫРСКИЙ СЛЕТ

— Васнецов и Нестеров, Суриков и Рерих,—
Богатырский слет!
— Им не надо каменных, огненных Америк,
Мил им русский лед...

— Чья возьмет — посмотрим! да еще поспорим,
Чей-то дольше век!..
— Из-под льда родного хлынут к солнцу морем
Песни буйных рек!..

15 января 1921 г.

О ВДОВУШКЕ И ВДОВЦЕ

Высокохонько
Луна!
Светит на дубровушку...
Далекохонько
Жена,—
Можно ехать к вдовушке!..
— Ах, ты вдовушка-вдова,
Отчаянна голова!
Привечай-ка, вдовушка,
Хаяну головушку!..

Замутилася
Луна,—
Быть дождю-ненастию...
Воротилася
Жена
С мужем в одночасие...
— Светик жenuшка-жена,
Не хватила ль ты вина?..
Весела, как от венца!..
— Загостилаcь у вдовца!..

1921

Из коллекции книжника

В первые годы советской власти было утверждено решение об издании Полного собрания сочинений А. С. Пушкина. Эта работа объединила двух людей — поэта-редактора В. Я. Брюсова и издательского деятеля М. И. Щелкунова. В рукописном отделе ИМЛИ хранятся письма поэта к издателю. Вот строки одного из них, датированного 27 ноября 1919 года: «Последнее время Вы оказали мне много услуг, за которые я Вам очень признателен. Но состояние мое таково, что я вновь обращаюсь к Вам с просьбами. Захворав опять, я опять перенес 2 операции и лежу в самом жалком положении, без сил двигаться. Надеюсь, что еще оправлюсь и смогу чем-либо отплатить Вам за Ваше внимание ко мне...»

Стихотворение-посвящение на первом томе собрания сочинений В. Брюсова («Сирин», СПб., 1913—1914) написано автором через несколько дней после этого письма.

Анатолий Марков

Михаилу Нисину
Щелкунову
Дружеский дар
автора.
1919 год. Валерий Брюсов

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВЪ

ТОМЪ I Общание.

Мы встретились тудно, ни видимъ мало,
Но благодарю душу в Тебѣ з признал.
Ты подал мне руку, когда у пробаве
Сквозилъ з по по вланиой наклонности скал.
Прими благодарность за эти мгновенья,
За слово чуждья, за дружеский соб,—
И, если мне вновь суждена вдовушениа,
Твоей образ восстанет в размерности строф!

Валерий Брюсов
5 декабря 1919.

ПРЕДКАМ

О предки лаптеносные, недаром
Неясных столько вы сожгли лучин! —
Они во мне запенились пожаром
Любовей красных, гробовых кручин!

Над реками, лесами, ковылями,
Приветной жизнью, над крестом могил
Взмахну я алоцветными крылами,
Пьян с родников старинных певчих сил!

1920 или 1921

* * *

Гром пробухал в небе темном,
Запутался в травах дождь.
— Экий день пахучий, сдобный!
Как же сам не расцветешь!

На охапке мокрой сена,
Засмеявшись надо мной,
Ты, в рыдване, что царевна,
С поля ехала домой.

— Смейся — смейся! — не заплакать,
Не с такую я судьбой!
Вот замесим в осень слякоть,
Только — рядышком с тобой!

22 января 1923 г.

*Вступительная заметка и публикация
Сергея Субботина*

Валерий Хатюшин

ТВОЯ ЛЮБОВЬ

Что будет между мною и тобой?..
Какой укор услышать мне придется?
Но все еще из ночи снеговой
твоя любовь в мой стылый дом крадется.

И не впустить ее уже нельзя,
и прокляну себя, коль ей открою..
Она глядит мне с улицы в глаза,
глядит в глаза и плачет над собою.

Дверь отворить — замерзнуть навсегда.
Не отворю — так сердце разорвется.
С каких-то пор твоя любовь — беда?
Так ястреб над своей добычей вьется.

Мне, как ни странно, некуда уйти.
Везде твоя любовь меня находит.
И вот сижу я снова взаперти,
она ж стоит в окне и глаз не сводит.

Впущу ее — не станет ей теплей,
и нужных слов найти я не сумею.
Не лучше ли погибнуть вместе с нею...
Но что я значу без любви твоей?

Сергей Поделков

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я искал ее в дальних дорогах,
в ночь Ивана Купала в лесах,
весь охваченный скорбной тревогой,
стежки метил мой ищущий шаг.

За плечами в заветной котомке
жили песни да ветер густой..
И я шел сквозь сплошные потемки —
год за годом, верста за верстой.

И как путник, сгоревший от жажды,
слышит рокот ручья издали,
я узнал на рассвете однажды
очертанья родимой земли.

О, как птицы над нею звенели!
Как блистали, гудя, города!
Что я помню — седые метели,
ворох листьев, болот череда...

Счет шагам и печалям потерян,
я стою на отрадном кругу..
Как же так? — вдруг раскинуты двери,
я стою и смотрю. И не верю.
И не верить никак не могу.

Как же так? Как же быть? Может, мне бы,
чтоб стряхнуть с себя жесткую ложь,
спеть бы жгучую песню о хлебе?
Но зачем? Коль под тающим небом
дышит спелая тяжкая рожь.

Коли весны, чей мечется трепет,
никогда не сгорают дотла,
коли родина — песня — над степью
молодые простерла крыла.

Значит, здесь позабыто ненастье,
значит, поиски здесь оборву,
значит, ты воплощение счастья
на земле. Навсегда. Наяву.

БЕРЕЗА

И что еще припомнилось тебе:
рев стада, скрип телег, ночные грозы?
Какой обязана была ты ворожке
стоять года, раскинувшись, береза?

Каким ветрам, скажи, не отдалась,
на черном большаке кого боялась?
Гудела, подымалась и рвалась,
и, напрягаясь, ныла, будто парус.

Каких тревог наистовых могла
сберечь, безмолвьем крытая вершина:
то ль свист разбойный, пение щегла
иль голос девичий перед зажином?

Не под тобой ли, испокон веков
томимы жаждой счастья, спозаранку
раскидывали скатерть-самбранку
некрасовских семь горьких мужиков?

И далеко — на сотни верст кругом,
среди каторжного бездорожья
раскатывались стон и звон острожный,
гон псов и неизбывный гром рогов.

О птицами взлетающие дни!
Июльский зной. Оставлена работа.
Вой бабий. Рекруты за поворотом
прощаются навек в твоей тени.

И сам я в забытье не утоплю
печаль невест, моление о хлебе:
как свадьбы проезжали во хмелю,
как иерей во ржи служил молебн.

И так до дней, исполненных огня
и жгучей славы встреч необычайных,
где — взмах клинка, и — тяжкий храп коня,
и клетот рвущихся в полях тачанок.

И в буйстве клевера цветет людская честь,
а избылье ржи сверкает в росах...
И ты стоишь по-прежнему, береза,
шумишь листвою, не в силах произнесть:

прошло былое, как мгновенье сна,
чиста и искренна, как Галатея,
лежит земля, весной покорена,
от оперенья веток молодца.

ГЕРБ ГОРОДА ЗМИЕВА

Иду!

Заря, заря.

Доносится шуршанье.

Следы выдавливает мой башмак.
Над краснотой песка дрожащий черный знак,
знак вопросительный.

Обострено вниманье.

Земля, вместилище существ живых,
как я боялся в детстве змей твоих.
Вот и сейчас —

на кратком расстоянии
трепещет жала волосок, шипит гюрза,
пружиной вскинулась,

жгут властные глаза,

наполненные колдовским сияньем.
А ты, град Змиев, держишь над собою
свой герб — рептилию; с какой любовью
в пространстве коронована она;
но для защиты злорадия ей дана;
и, золотясь, красавица змея
на красном поле — как судьба твоя!

Я камня не ищу и не ломаю жердь,
беру змею,

настойчив и бесстрашен,
и я ее лью в золотую чашу,
и ядом смерти поражаю смерть.

Владимир Семакин

* * *

То гиблый мох на пень-колодине,
то все мертво, как на луне, —
и вдруг проснусь: да я ж на родине! —
и так отрадно станет мне...

Я большей радости не требовал:
бывало, выйду из сеней —
и солнца ласковее не было,
и неба не было родней.

И не смущали неурядицы:
под этой высью голубой
все утрясется, все уладится,
казалось мне, само собой.

И утряслось бы неминуемо
все то, что мнилось маею,
когда б не злыдни — всею уймою
и всей зловещей чернотой.

Хлопок разбойничьего выстрела —
и там, где травушка в меду,

валы огня не в два, не в три ствола...
И где конец? В каком году?

Но знамя не было уронено,—
его напрасно крыло мглой!
Не вечны мы, но вечна Родина,
как это небо над землей.

* * *

Могло не быть Адама с Евою,
но, спору нет, святая страсть —
людская, изначально-первая —
с кого-то все же началась.

Я не разгадываю ребуса,
откуда есть она пошла.
Еще и смерти в мире не было,
когда любовь уже была.

Александр Щуплов

* * *

И тяжело, и весело, и страшно,
и пролетел по жизни холодок.
И городок в глазах позавчерашний,
почти что двухэтажный городок.

Там светится киношка чистым светом
и тополь у гостиницы стоит.
И лужи пахнут летом, пахнут летом,
и память больше нужного болит.

Там ты в своей рубашечке подснежной
с печеньем в забинтованной руке,
с неосторожной, медленной, поспешной
любовью, что покамест вдалеке.

Ты спишь на том боку, где бьется сердце,
не допуская мысли о свинце.
И только бровь изогнута, как серпик
на детском и светящемся лице.

И отливает жизнь защитным цветом
и беззащитной юностью твоей.
И лужи пахнут летом, пахнут летом,
и ночи — все короче и темней.

Не знаю — буду ль в будущем я счастлив,
ну а пока, забросив шапку ввесь,
разбитой жизни склеиваю части.
И не заметно, что разбита жизнь.

Владимир Лапин

* * *

Как хорошо березняку, и лугу,
И озеру: они нужны друг другу,
Не думая об этом, не гордясь
Уменьем выражать естественную связь
В расчете на чужое восприятие.
Все это выдумки: что дерево надело платье,
А травы примеряют жемчуга,
Что озеро дано им, чтоб глядеться,—
Какая ж это сказка для младенца,
Хоть нам она, конечно, дорога.

Приходит срок увидеть все как есть —
и растеряться,
Что не назвать всего как есть нам ни за что.
Вот я и счастлив тем, что не хочу стараться
Отсеивать сквозь решето —
Как хорошо березняку, и лугу,
И озеру; мы все нужны друг другу.

РАССВЕТ

Сдуру не сдуру и не от ума
Тянет микстуру восточную тьма:
Так ей предписано волей рассвета —
Вот и усвоилось действие это —
Пей и не думай: дают задарма.

Казус и норма — рождение дня;
Огнеупорное, выпив огня,
Преобразуется начисто в пламя:
Новое качество, новая память,
Старые — словно бы и не родня.

Ох это рабство сведения в край!
Будто бы «здравствуй» нельзя без «прощай».

Людмила Шикина

* * *

Солнце красное во знамени,
Широки шаги отца.
Задержаться, если б знали мы,
У родимого крыльца,
Задержаться — чтоб запомнились
Навсегда его глаза...
Пролетала туча по миру —
В нас ударила гроза.
А тогда, еще до этого —
До свинца над головой,

Развевало знамя ветрами
Над победой трудовой.
Шел отец,
Серпу и молоту
Присягая всей душой,
Шел отец легко и молодо
По дороге по большой.
Песня птиц — в небо ясное,
А оттуда — над травой...
Полыхало знамя красное
У отца над головой.

Пятилетки, пятилеточки —
Хлеб, дороги и жилье...
«Поглядите, мои деточки,
На Отечество свое,
Поглядите, мои малыше,
Как дороги нележки...»

Полдень,
Солнце...
Щеки впалые,
За плечами вещмешки...
Большаком, где шли ударники —
Голос в голос — мужики,
Шли дивизии ударные,
Шли ударные полки.

* * *

Эта тайнопись речи,
Врачевание ран,
Это солнце на плечи
И на озимь буран,
Это лист не кленовый —
Белый лист под рукой,
Это снова и снова
На душе непокой.
Это то расстояние —
До незримой звезды.
Это то расставанье —
Где лукавы цветы,
Лунный отблеск полны
В отшумевшем огне...
Где от века донныне
Все тревоги во мне.

ВЕСНОЙ РАСЦВЕТУТ НЕЗАБУДКИ

С каким обреченным упорством
Старуха, в перчатках беспалых,
Семян — по копейке наперсток —
Весь день на ветру предлагала.
Семян многолетней ромашки,
Семян голубой незабудки...

А рядом,
Пиджак нараспашку,
Ни глаз, ни лица не забуду,
Стоит ее сын,
Караулит,
Считает в ладони копейки.
Пивная гудит словно улей,
Дружки его ждут на скамейке.

И сына опомниться просит
Старуха сквозь горькие слезы,
Старуха, седая как осень —
Когда опадают березы.

Мне жалко, мне больно,
Мне жутко.
И я подставляю кармашек.
«И мне — на пятак незабудок,
И мне — на копейку ромашек...»

И вот ни шнурков, ни тетрадок...
И чем мне помочь ее горю?
Я сею цветы между грядок,
Я сею цветы на пригорке...

А сын ее пьет беспробудно,
Шумит, что женою не понят.
...Весной
Расцветут незабудки,
А осенью
Бабку схоронят.

Софья Петренко

* * *

Звезда — разведчица, такая ранняя,
В пространстве чистом между туч,
Она, посланница от мироздания,
Нам вопрошающий метнула луч.
На нашу дальнюю и синеокую
Планету гор, морей, снегов,
Неповторимую под поволокою,
Полупрозрачную из облаков.
Мы здесь и в радости, мы здесь и в горести
Свой предначертанный проходим путь.
Как нам ответствовать звезде по совести
Про смысл рождения и жизни суть?
В раздорах исстари увязли по уши,
Вражды, борения несем печать.
При всей премудрости мы несмысленыши,
Нам легче спрашивать,
Чем отвечать.

Павел Дружинин
1890—1965

СТИХОТВОРЕНИЕ, СОХРАНИВШЕЕСЯ В ПАМЯТИ
ЧИТАТЕЛЯ

Поэт Павел Дружинин был выходцем из пензенских крестьян. Его творчество ценили А. М. Горький, М. В. Исаковский, А. А. Прокофьев за прекрасное знание народной жизни и живой народный язык.

Помню, как за несколько лет до смерти поэта один мой знакомый прочитал мне наизусть стихотворение Дружинина, которое начиналось строкой «Пляшет нэп отвратительный танец»,— он запомнил эти стихи с двадцатых годов. Я записал стихотворение и при встрече с Дружининым показал ему листок.

— Да, это мое стихотворение,— сказал Павел Давыдович,— но у меня его нет, и я не помню, где оно было напечатано...

Однажды я стал читать эти стихи поэту Якову Шведову. Шведов с первой же строки подхватил и прочел стихотворение по памяти до конца.

— Это было напечатано в московской комсомольской газете «Юношеская правда» зимой 1923/24 года,— сказал с уверенностью Шведов.

Тогда я стал просматривать подшивки старых газет и действительно нашел в «Юношеской правде» от 12 января 1924 года стихотворение Павла Дружинина, которое называлось «С галерки».

Есть, по-видимому, в этих стихах какая-то поэтическая сила, заставляющая их запомнить.

Так иной раз к нам возвращаются стихи, сохраненные памятью читателя.

С ГАЛЕРКИ

Пляшет нэп отвратительный танец,
Скалит зубы торгаш-гармонист.
А с галерки поэт-оборванец
Вниз бросает презрительный свист.
Это я, чьи карманы навывлет,
Это я, из-под Пензы мужик,
В ваши черные смокинги вылил,
Как в помойную яму, свой крик.
Это я, в облинявшей фуфайке,
Вас, нарядных, по роже — бичом!
Жрите, чавкайте сдобные сайки,
Подавитесь моим калачом!
Знаю я, вы одели шелка чьи,
Чьи согрели вам пузо меха,
И за все ваши блага свинячьи
Я не дам запятой из стиха!

*Вступительная заметка и публикация
А. В. Храбровицкого*

Светлана Соложенкина

* * *

Пчелы никогда не спят —
мерный гул ночного улья...
Никогда не спят и пули,
только медлят и молчат.

Никогда не спят весы:
лунный свет упал на чашу
или зернышко росы —
стрелки точный вес укажут.

Никогда не спит любовь,
даже в спящем человеке.
Потаенным солнцем — вновь
проступает через веки.

Тишина. Ночной покой.
Аист — чуткий часовой.
Красноватый отблеск Марса...

Обелиски держат строй.
От бессонницы такой
не придумано лекарство.

Борис Примеров

* * *

Лишь начнут семиструнные зори
Семимильный прыжок через лес —
Семихолмие, семиозерье
Обратятся в семь див и чудес.
Семь чудес, семь неписанных видов
На густой урожай конопли,—
Вы откуда? — Откуда планида
И откуда начало земли?
Вы откуда? — А все из оттуда,
Где, предчувствуя хлеб на столе,
В семь потов запрягаются люди
И идут по мохнатой земле.
Перед ними — родная долина,
На которой который уж год
До крови закусил малина
Перепаханный августом рот.
Перед ними, как взор полководца,
Поднимающего полки,
Знаменитое местное солнце,
Солнце луга, опушки, реки.
Луг сегодня так мастерски подан,
Так блистателен он и пригож,

Что по правде сравнится с ним полдень —
До чего ж он на полдень похож!
Будто доверху полная кружка
Спелых ягод — к великому дню,
Посидеть приглашает опушка
И отведать лесного меню.
А река размахнулась в невод! —
На все стороны, вширь и в длину,—
Я ловил в него запад и север,
Я таскал из него тишину.
Семь потоков проливал над уловом,
Когти зноя ласкали меня,
Никогда я не жил на готовом,
Не чурался воды и огня.
И никто никогда не обидит
Ни за что, ни вблизи, ни вдали
Семь чудес, семь написанных видов
На простор именитой земли.
Не убить сапогами дорогу
Наповал — ни сегодня, ни впредь.
Есть родная земля, слава богу,
Есть за что на земле умереть!

Вадим Рабинович

РАССМАТРИВАЮ СТАРИННУЮ ГРАВЮРУ

Вот книжка про средневековье
Лежит на столе у меня.
В ней сурик горит — вместо крови —
И охра цветет — для огня.

Красиво продымлены лица.
Костров золотой штрих-пунктир.
Бенгальский огонь инквизиций.
Игрушечный грохот мортир.

Старушка подбросит поленья,
Не зная, за что и зачем...
Бенгальский,
Но с чем по сравненью?
Потешный.
В сравнении с чем?

Я знаю, что около Ипра
Всего лишь за восемь часов
Одиннадцать тысяч погибло
Без дальних каких-нибудь слов.
И вдовая плакала баба.
И сирое выло дитя.

Но бани кровавой масштабы
Глобальны...
Сравненье продля,
Я вижу Треблинку, Дахау,

Хатынь, Хиросиму, Сонгми...
Неловко об этом стихами
Пред ставшими пеплом людьми.

Но чую:
В крошечности ржавой
В полнеба военный лоскут
Под видом восхода алеет.
И небо завесить не чаёт
В полнеба военный лоскут.
И вот уже сурик — кровавый,
И жаркие охры гудут
На старой наивной гравюре.

И крик раздирает мой слух.
— Позвольте!
И небо — в лазури,
И ваши делишки — в ажуре,
И правопорядок — de jure,
Свободны — и тело, и дух,
Но...
Крик, раздирающий слух,
На этой старинной гравюре.

Ольга Герасимова

НЕСТОР

В земляных, потаенных пещерах,
В мозговой темноте бытия
Не угаснет прощальной химерой
Золотая лампада твоя.

То, чему ты молился ночами
И чему поклониться не мог,—
Куполами, крестами, мечами
Пусть проходит, как легкий дымок.

Ты вселенскую книгу читаешь
И, сгорая на звездных кострах,
Вечной муки трудов не бросаешь,
Наделяя бессмертием — прах.

Все — бессмертно, в чем искорка веры
Освещает нутро бытия...

В мозговых, потаенных пещерах
Да святится лампада твоя!

Василий Степанов

ТЕТИВА

... И люди кричали, не зная покоя,
Мой предок поспорил с веками:
Он в лук изогнул деревцо молодое,
Он долго трудился над первой стрелой,
Граня неподатливый камень.

Он к луку приставил стрелу неумело.
И, сбросив усталости бремя,
Рванул тетиву — и стрела полетела,
Пронзая пространство и время...

Холодной стрелы первородное жало
Бегущего зверя сразило...
В тиши тетива, как живая, дрожала,
Струною звенела уныло.

И люди, умолкнув, глядели, как дети,
На силу, представшую миру.
Одни в ней увидели молнию смерти,
Другие — волшебную лиру.

Лев Озеров

ВРЕМЯ

Оно берет в свою орбиту
И, не предупреждая нас,
Ведет... Забыть свою обиду
И отданный неверью час.
Не слыша стука метронома
И маятника. Уловить,
Как вызревают ядра грома
В твоей крови. И жить, и жить...
Что значит время? Кто поможет
Загадку разрешить? Темно.
Мы следуем за ним? А может,
За нами следует оно?

* * *

Из-за деревьев, бронзою пыля,
Восход опять являет миру смелость.
Скрипучая, как яблоко, земля
Одним бочком отчаянно зарделась.

Какая ветка держит этот плод,
Какая ветка от какого древа,
Не знаю я, но так могуч восход,
Авророй называлась эта дева.

Мои рассветы где-то за спиной,
И сколько их еще у нас в запасе,
Куда еще поспеем по земной,
А может быть, и по небесной трассе?

Усталая скрипит земная ось,
Но до сих пор любимы мы ею.
Ее потрогать нам не удалось,
Она вдали мерцает, как идея.

Останься, тайна, в недрах бытия,
Как атому, не дай ей расщепиться.
Звени, звени, воздушная струя,
Лети, лети, неведомая птица.

* * *

Птица держит небо в клюве
И напоминает мне
О чудесном стеклодуе
В гусь-хрустальной стороне.

С человеческим дыханьем
В это гнущее стекло
Осторожное сиянье
Медленно перетекло.

Успеваю удивиться
У фабричного окна,
Как трепещет в клюве птицы
Сизая голубизна.

Владимир Шлёнский

В СТЕПИ

Ночная степь.
Неясный шорох.
Нечеткий контур в пустоте.
Луна рождается в просторах,
в своей извечной простоте.
Простор сулит рождение мысли.
Напев приходит сам собой.
Путь Млечный
брызгами кумыса
засветится над головой.

Дым очага все выше, выше.
В степи огонь сродни цветку.
Я в песне степняка услышу
родную, русскую тоску.
Горят расплавленные маки.
Степь нас в объятья приняла.
И золотые аргамаки
грызут в горячке удила.

Среди мировъ вь перзатѣи... свѣтитъ
 Непохожѣе я повсюду и му...
 Не потому, чтобъ я ее люблю,
 А потому, чтобъ я Гоголевъ и дружишъ...
 Меще мѣтъ сомѣтае гдѣ-то.
 Я въ нее одинъ иду ошваръ...
 Не потому, чтобъ я ее свѣжу.
 А потому, что и къ ней не надо свѣж
 И. С. 5/IV/1909.
 Машеньку

Этот автограф знаменитого стихотворения Иннокентия Анненского «Среди миров...» относится к последнему году жизни поэта. Хранится в рукописном отделе ИМЛИ. Воспроизводится впервые.

Из коллекции книжника

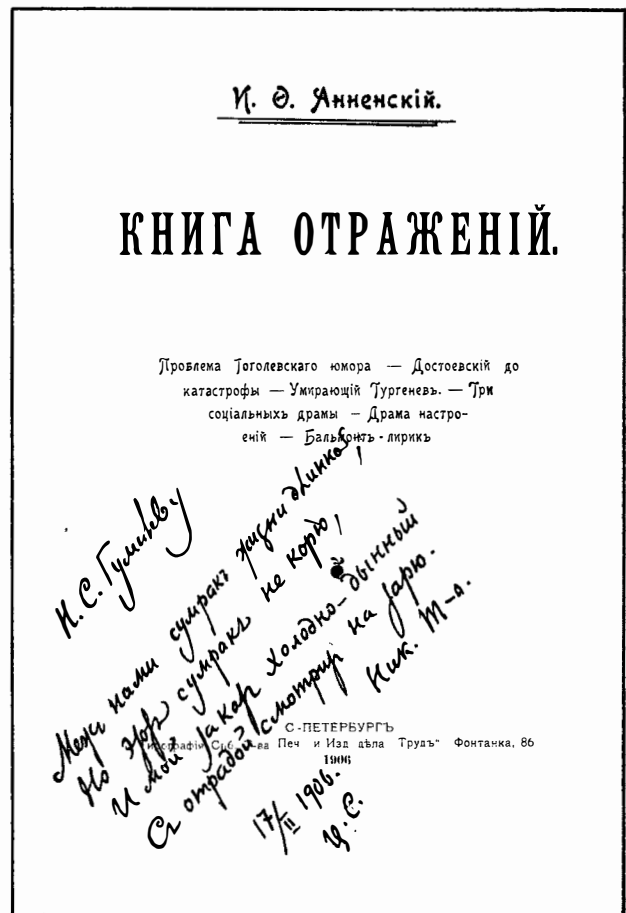
И. Ф. Анненский был директором Николаевской гимназии в Царском Селе, где учился Н. С. Гумилев. Четверостишие Анненского, написанное им на «Книге отражений» (СПб., 1906), свидетельствует о живой связи поэтических поколений (подпись Ник. Т-о — псевдоним Анненского). Увидеть в расцвете талант Гумилева Анненскому не удалось, но первые успехи поэта были им отмечены в рецензии на сборник «Романтические цветы» (Париж, 1908): «Темно-зеленая, чуть тронутая позолотой книжка, скорей даже тетрадка Н. Гумилева прочитывается быстро. Вы выпиваете ее, как глоток зеленого шартреза. Остается ощущение чего-то сладкого, пряного, даже экзотического: обжигает, но чуть-чуть... Сам Н. Гумилев чутко следит за ритмом своих впечатлений, а лиризм умеет уже подчинять замыслу. И это хорошо...»

Сохранился черновик другого варианта рецензии (ЦГАЛИ) — представляется интересным высказывание Анненского: «Зеленая книжка отразила не только исканье красоты, но и красоту исканий. Это много. Поэт ли Н. Гумилев, я не знаю, но в нем есть, по-моему, две стихии поэта: чувство ритма и фантазия. А кроме того, и что особенно важно, он любит культуру...»

Смерть И. Ф. Анненского в 1909 году оборвала наметившееся сближение поэтов... Гумилев написал стихотворение «Памяти Анненского» — оно открывает сборник «Колчан»:

...Был Иннокентий Анненский последним
 Из царскосельских лебедей.

Анатолий Марков

«Стихи ли твои специальность...»

Достоевский как стихотворец

27 мая 1869 года Достоевский обращается к А. Н. Майкову: «Да вот еще: пишете рифмой... Если не будет рифмы (и не будет почаше хорей) — право, вы дело погубите. Можете надо мной смеяться, но я правду говорю! грубую правду!»

Прозаик дает рекомендации стихотворцу; дилетант советует профессионалу. Причем речь идет не о каких-то общих и поэтому близких каждому художнику проблемах искусства; нет, обсуждаются вопросы, казалось бы, специальные, прикладные: размер, рифма...

Для многих отечественных прозаиков (Карамзина, Гоголя, Тургенева) стихотворство — класс приготовительный. Принято считать, что Достоевский избежал этой участи.

«Он любил поэзию страстно, но писал только прозой, потому что на обработку рифмы не хватало у него терпения»¹, — простодушно замечает современник, очевидно полагая, что отсутствие рифмы сильно облегчает жизнь писателя. Но вот что — мимоходом — сообщает дочь Достоевского Любовь Федоровна: «Мальчики (имеются в виду Достоевский и его старший брат Михаил. — И. В.) подбирали рифмы, составляли эпитафии и стихотворения...»²

С братом Михаилом все ясно: позднее он станет известен как поэт-переводчик. Что же касается брата Федора, то он, по-видимому, забавлялся.

В 1844 году, разбирая перевод шиллеровского «Дон Карлоса», 23-летний Достоевский пишет брату: «...может быть, всего-то пять, шесть строчек дурных. Я взял смелость кое-где поправить, также кое-где сделать стих позвучнее».

Автор письма не ограничивается замечаниями чисто редакционного характера, а позволяет себе творческое вмешательство в чужой поэтический текст. Он говорит о стихах как человек посвященный.

«Любопытно бы знать, — осторожно замечает первый биограф Достоевского О. Ф. Миллер, — не стихами ли писал Федор Михайлович начатые им драмы (то есть самые ранние, не дошедшие до нас произведения. — И. В.)». Вопрос этот хотя и риторический, но вполне резонный...

Известно: он прекрасно знал русскую поэзию. Известно: он был одним из глубочайших ее интерпретаторов (стоит вспомнить хотя бы пушкинскую речь). Известно, наконец: он замечательно исполнял чужие стихи.

Все это свидетельствует о понимании. Но понимать еще не значит мочь.

Может быть, отсутствие у Достоевского «серьезных» лирических стихотворений объясняется не столько нехваткой профессионального терпения (вряд ли на «Бедных людей» его требовалось меньше, чем «на обработку рифмы»), сколько чрезвычайно высоким представлением о миссии поэта, об особой природе поэтического дара.

Его собственные поэтические опыты немногочисленны и носят в основном служебный характер. Это либо стихи, написанные «на случай», либо стихотворные вкрапления в прозаический текст. Последние демонстрируют творческие усилия его героев: своего рода «литература в литературе».

Представляет ли эта «стихотворная периферия» самостоятельный художественный интерес? Литературоведы хранят на этот счет почти полное молчание¹.

Сюжет между тем заслуживает размышлений.

Только однажды (в 1854—1856 гг.) Достоевский отважился выступить в качестве поэта-профессионала. Пребывая после каторги в Семипалатинске в качестве рядового, а затем — унтер-офицера, он сочиняет патриотические стихи. Тема была весьма актуальной: начиналась война с коалицией.

¹ Ризенкампф А. Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. — Литературное наследство, т. 86. М., 1973, с. 325. Первый биограф Достоевского, публикуя этот отрывок, слегка подредактировал Ризенкампфа, заменив «рифму» на более академическое — «форму» (См.: Биография, письма и заметки из записной книжки. — Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского, т. 1. СПб., 1883, с. 35, 1-я паг.).

² Достоевский в изображении его дочери. М.— Пг., 1923, с. 12.

¹ Укажем лишь на давнюю статью Л. П. Гроссмана «Гражданская казнь Ф. М. Достоевского» (Литературное наследство, т. 22—24. М., 1935), где речь идет о сибирских стихотворениях писателя — главным образом об их идеологической направленности, эффектно определяемой автором как «церковно-монархический империализм». См. также: Альм и И. Л. О роли стихотворных вставок в системе романа Достоевского. — «Slavia», Прага, 1984, № 3—4.

Первая попытка вторгнуться в пределы чужеродного жанра обнаружила теплые, хотя и не очень ловко выраженные поэтические чувствования. Однако дальнейшие упражнения в версификации (приуроченные ко дню рождения вдовствующей императрицы и заключению мира) дышали натужным пафосом и лирическим хладом. «Читал твои стихи и нашел их очень плохими. Стихи не твоя специальность», — лаконически заметит ему старший брат, не подозревавший о будущих откровениях капитана Лебядкина.

Впрочем, сам Достоевский, обычно крайне взыскательный к тому, что выходило из-под его пера, в настоящем случае остается совершенно равнодушным. Он прекрасно сознает, что его стихотворные опусы преследуют чисто утилитарную цель. Именно поэтому он не намерен обсуждать их литературные достоинства. «Хороши ли, дурны ли, — сообщает он А. Е. Врангелю о результатах своих поэтических подвигов, — но я послал здесь по начальству с просьбою позволить напечатать. Просить же официально (прошением) позволения печатать, не представив в то же время сочинения, по-моему, неловко. Поэтому я начал со стихотворения».

Он начал со стихотворения, дабы добиться разрешения «вернуться» в литературу. Он желает напомнить о себе власть имущим, напомнить о том, что он как-никак литератор («прочтите, перепишите и постарайтесь, чтобы оно дошло до монарха»). При этом он как бы хочет облегчить своим адресатам читательскую задачу: избирает наиболее уместный с их точки зрения литературный жанр.

Все сибирские стихотворения написаны как оды и выдержаны в высоком штиле. Демонстрация приема носит откровенный (слишком откровенный) характер. Кажется, автор намеренно собрал здесь все цветы одической речи. Не претендуя на оригинальность, он стремится использовать уже готовые идеологические клише:

Спасемся мы в годину наваждений,
Спасет нас крест, святая вера, трон!

Он говорит с властью на ее языке:

Звучит труба, шумит орел двуглавый
И на Царьград несется величаво!

Этот величаво шумящий орел, по-видимому, нимало не коробит эстетический слух одописца: сам образ взят напрокат.

В строчках, обращенных к вдове Николая I, образы автора и адресата тоже достаточно условны. А лексика и интонация ориентированы на сентиментальную (в середине XIX века — безнадежно устаревшую) поэтику:

Душа рвалась к тебе с горячими мольбами,
И сердце высказать хотелось словами,
И, в прах повергнувшись, вдовица, пред тобой,
Прощенье вымолить кровавою слезой.

Нелепо подозревать Достоевского в умысле. Он затевал слишком ответственное дело, чтобы позволить себе хотя бы тень усмешки. Но усиленное нагнетание торжественных одических штампов, казенная патетика и т. д. и т. п. — все это диссонировало с тем реальным поэтическим звуком, который преобладал в поэзии 50-х годов. Достоевский создает своего рода литературные «обманки». Это действительно «очень плохие» стихи, но зато прекрасные жанровые имитации.

В реальном литературном контексте стихи Достоевского, независимо от воли их автора, обрета-ли объективно пародийный оттенок.

Однако справедливо ли полагать, что стихотворство для Достоевского — дело вовсе непривычное? Он свободно владеет техникой версификации. Порой — настолько свободно, что оказывается на грани допустимого:

Мы веруем, что бог над нами может,
Что Русь жива и умереть не может!

Щегольское поигрывание рифмой (довольно рискованное в таком специфическом тексте!) намекало на непроявленные (а может быть — и тщательно скрываемые) авторские возможности.

Поэзия предполагает свободу.

Летом 1866 года 44-летний Достоевский гостит в Люблине под Москвой — в семье сестры. Его племянница М. А. Иванова вспоминает, что, занятый работой над «Преступлением и наказанием», он тем не менее принимал деятельное участие в забавах и игрищах обитавшей на дачах молодежи. Особенно если эти развлечения принимали вербальный характер.

Люблино принадлежало богатым купцам Голоф-тееву и Рахманину. В день своих именин они обычно устраивали званый обед, на который наряду с именитыми московскими негодьями приглашались и окрестные дачники. Такое приглашение получил и Достоевский. «Сестра Вера Михайловна очень уговаривала его пойти на обед, он отказывался, наконец согласился с условием, что скажет в качестве спича приготовленные стихи. В. М. Иванова захотела заранее узнать, что он придумал, и Достоевский прочел:

О Голофтеев и Рахманин!
Вы именинники у нас.
Хотел бы я, чтоб сам граф Панин
Обедал в этот день у вас.
Красуйтесь, радуйтесь, торгуйте
И украшайте Люблино.
Но как вы нынче ни ликуйте,
Вы оба все-таки .....!»

Пафос этого произведения (и, можно сказать, его социальная направленность) заметно отличаются от стилистики его сибирских творений. Правда, и сверхзадача здесь несколько иная.

«Низким» жанром Достоевский владеет ничуть не хуже, чем высоким.

«Ода в честь доктора Карепина» (Саня Карепин — молодой и не очень умный племянник Достоевского, над которым дружно потешалась вся люблинская компания): в стихах появляется профессиональный эпиграмматический блеск.

Тень Державина
Танцует, как медведь,
Поет, как филин, он.

Поэт

Такую отповедь
Не выношу я! Вон!

Конечно, такая каламбурная рифмовка (заметим, как искусно смещено ударение: медведь — отповедь) немислима в стихах, предназначенных начальству. Но она вполне уместна в антиоде. Уж не рассчитывался ли подобным образом автор со своим вынужденным стихотворческим прошлым? Но вот что самое удивительное.

По дороге по железной
Шел племянник мой Карепин,
Человек бесполезный
И собой великолепен! —

этот экспромт тяготеет более к эпиграмматике XX века. Комический эффект достигается соединением характеристик, имеющих различное назначение: деловой («человек бесполезный») и сугубо декоративной («собой великолепен»). Так, пожалуй, могли бы изъясняться сатириковцы.

Тончайший нюанс: в жизни герой не выговаривал букву «р». Рифма «Карепин — великолепен» изысканно обыгрывала это немаловажное для современников обстоятельство.

Саня! Ваших всех хотений
Я пророчу вам успех! —

и снова речевой жест, заставляющий вспомнить «игровую» поэзию нынешнего столетия.

Так выявляются глубинные возможности стихового юмора: не только смысл, но и само сочетание слов, синтаксические запинания и стилистические неувязки становятся причиной и предметом смеха.

Достоевский работает слогом.

Конечно, создавая свои стилистические пародии, он опирается на опыт предшественников (в первую очередь — Козьмы Пруtkова). Но автор, если воспользоваться выражением Ю. М. Лотмана, не только «воспроизводит механизм плохой поэзии»¹. Он воспроизводит тип сознания, с которым литература еще не сталкивалась.

Когда жена П. Г. Антокольского, актриса Зоя Бажанова, услышав стихи молодого Заболоцкого, неожиданно для всех воскликнула: «Да это же капитан Лебядкин!» — она высказала поразительную истину.

¹ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972, с. 128.

Вспомним поэтические упражнения героя «Бесов».

Жил на свете таракан,
Таракан от детства,
И потом попал в стакан,
Полный мухоедства.

От этой лебядкинской «басни» ведут два пути. Один — к детски непосредственной, «наивной» «Мухе-Цокотухе» Чуковского. Другой — менее явный — к жутковато-веселому алогизму обереутов (недаром Н. Олейников взял лебядкинские строки эпиграфом к своему «Таракану»).

Словесная ущербность сигнализировала об ущербности души. Таракан, попавший «в стакан, полный мухоедства», предупреждал о провалах мирового смысла, о том, что под тонким слоем культуры «хаос шевелится».

Краса красот сломала член,
И интересней вдвое стало.
И вдвое сделался влюблен
Влюбленный уж немало.

Трагикомический персонаж «Бесов» пытается выразиться как можно изящнее. Но сам он эстетически глух, и соединение двух этих обстоятельств порождает рифмованных монстров. Через несколько десятилетий Заболоцкий избрал для описания своей циркачки схожий тип сознания. Его герой-повествователь «трепещет» и спешит излить свое томление в литературно «приличных» формах:

Но вот одежды беспокойство
Вкруг тела складками легло.
Но напрасно!
Членов нежное устройство
На всех впечатление произвело.

Совпадение почти дословное.

«В качестве языка любви, любовной лирики,— говорит Л. Гинзбург,— «галантерейный» язык выражает сознание людей, уверенных в том, что на месте ценности — мерзость, но что в хорошем обществе о мерзости говорят так, как если бы на ее месте была ценность... Это язык подложной эротики, мещанского эстетизма»¹.

В самом деле:

Тут девочка, пресветлый ангел,
Виясь, плясала вальс-казак...
Прелестный образ и почти что нагишом!
(«Цирк»)

Герой «Бесов», адресуя лирические излияния девице Елизавете Тушиной, не скрывает своих серьезных намерений:

Тогда брачных и законных наслаждений желаю
И вслед ей, вместе с матерью, слезу посылаю.

¹ Воспоминания о Заболоцком. М., 1977, с. 123—125.

«Девки» из стихотворения Заболоцкого «Цирк» тоже жаждут matrimoниального исхода и посему покорно сносят сомнительные ласки своих нетерпеливых кавалеров:

Она же, к этому привыкнув,
Сидела тихая, не пикнув,
Закон имея естества,
Она желала сватовства.

«Любви пылающей граната лопнула в груди Игната» — это лебядкинское признание могли бы повторить герои Заболоцкого, плотоядно следящие за экзерсисами юной циркачки. Даже животные и дети с этой точки зрения выглядят не особенно привлекательно:

Лошадь белая выходит,
Бледным личиком вертя,
И на ней при всем народе
Сидит полновесное дитя.

(«Цирк»)

Когда Заболоцкий, «нимало не смутившись», ответил Зое Бажановой, что стихи его — вовсе не пародия, а он так видит, он говорил правду. Но — не всю правду. Ибо в его художественной системе, «остраняющей» (и, добавим, нередко отстраняющей) реальность, «лебядкинское» существует как один из рабочих приемов. Козноязычная, «дефективная», подчеркнута нелитературная стилистика «Столбцов» призвана была оттенить небла-

гообразии того, что изображалось. Богатейшей возможности графомании, в которой всегда есть нечто клоунское, передергивающее, невольно пародирующее «серьезное» действие, — все это использует Заболоцкий для дискредитации «графомании» особого рода: бессмертной мировой пошлости¹.

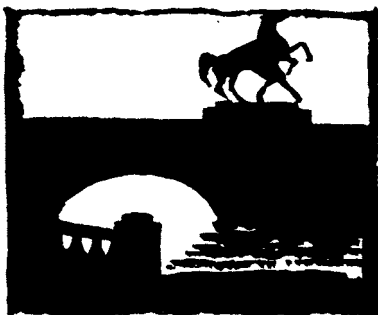
«Смотрите, как на стихи, но не более, — комментирует капитан Лебядкин свои любовные послания, — ибо стихи все-таки вздор и оправдывают то, что проза считает дерзостью».

Это уже целая художественная методология. Стихи — «вздор», так как сами по себе они ровно ничего не значат. Они могут служить только для целей прикладных (не аналогичную ли функцию выполняли сибирские оды Достоевского?). Но именно такой подход к поэзии — как к простому эстетическому камуфляжу прозы — делает стихотворную речь самопародийной.

Его верноподданнические, откровенно «лобовые» стихи оказались на грани пародии и не смогли выполнить своей художественной задачи. В то же время стихи иронические, «нелепые», пародийные по определению с такой задачей справились блестятельно и в известном смысле сделались «пророческими».

Для русской поэзии XX века опыт этот — поучителен.

¹ Подробнее об этом см. в нашем предисловии к одно-томнику: Заболоцкий Н. А. Стихи и поэмы. М., 1984.

Портрет М. М. Бахтина работы художника Ю. Селивёрстова

БАХТИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Стало уже хорошей традицией публиковать в «Дне поэзии» размышления М. М. Бахтина. Не так давно на страницах «Литературной газеты» Николай Скатов в своей энергичной статье «Ценности культуры и культура ценностей» писал о необходимости создания такой духовной атмосферы, в которой можно будет ожидать новых Твардовских, Шолоховых, Бахтиных. Да, это наши современники, но они уже возвышаются над нами как цель и идеал. И одно из существенных условий движения к ним — полное овладение их наследием.

Михаил Бахтин как литературовед посвятил свои основные усилия осмыслению природы художественной прозы, которая была понята к началу его деятельности гораздо менее глубоко, чем поэзия. Но все же и о поэзии Бахтин высказался исключительно весомо — уже хотя бы в плане сопоставления ее с прозой.

«Поэт,— писал он,— определяется идеей единого и единственного языка... Поэт должен вступить в полное, единоличное владение своим языком, принять равную ответственность за все его моменты... Каждое слово должно непосредственно и прямо выражать замысел поэта; никакой дистанции между поэтом и его словом не должно быть... Повсюду только одно лицо — языковое лицо автора, ответственного за каждое слово, как за свое... Ритм еще более укрепляет и стягивает единство и замкнутость плоскости поэтического стиля и постулируемого этим стилем единого языка... Мы чувствуем то глубокое и сознательное напряжение, с каким подымается единый поэтический язык произведения из разнородного и разноязычного хаоса современного ему живого литературного языка». В силу этого «язык в поэтическом произведении осуществляет себя как несомненный, непререкаемый и всеобъемлющий... Мир поэзии, сколько бы противоречивых и безысходных конфликтов ни раскрывалось в нем поэтом, всегда освещен единым и бесспорным словом... В поэзии одно слово о сомнениях должно быть как слово несомненным».

Вот почему, говорит Бахтин, «язык поэтических жанров, где они приближаются к своему стилистическому пределу, часто становится авторитарным, догматичным... Поэтому-то на почве поэзии возможна идея специального «поэтического языка», «языка богов», «жреческого языка поэзии» и т. п.»

Обо всем этом чрезвычайно важно сказать со всей определенностью, ибо в современном литературоведении и критике широко распространены совершенно несостоятельные устремления. Многие авторы, рассуждающие о лирической поэзии — и классической и современной,— настойчиво пытаются «применить» к ней те идеи и положения Бахтина, которые раскрывают своеобразие художественной

прозы,— например, понятия «многоголосия» (полифонии), «чужого слова», «последовательного диалогизма» и т. п. Эти попытки по сути дела нелепы, ибо, апеллируя к Бахтину, они в то же время целиком и полностью извращают его концепцию, перенося на поэзию те идеи, которые в бахтинском учении определяют особенную природу художественной прозы, принципиально отделяющую ее от собственно поэтического творчества.

При этом необходимо понять, что своеобразие слова в лирической поэзии всецело вытекает из своеобразия ее художественного смысла.

Характеризуя пушкинское стихотворение «Разлука» («Для берегов отчизны дальней...»), Бахтин писал:

«В этой лирической пьесе два действующих лица: лирический герой (объективированный автор) и она (Ризнич), а следовательно, два ценностных контекста... при этом второй контекст, не теряя своей самостоятельности, ценностно объемлется первым (ценностно утверждает ее); и оба этих контекста в свою очередь объемлются единым ценностно-утверждающим эстетическим контекстом автора-художника, находящегося вне архитектоники видения мира произведения (не автор-герой, член этой архитектоники)».

Для предельной точности рассуждения Бахтин прибегает здесь к сложной терминологии. Но смысл его концепции вполне ясен: в стихотворении есть лирический герой и героиня, образ которой, при своей относительной самостоятельности, все же, так сказать, заведомо подчинен «контексту» лирического героя.

Бахтин показывает далее, что в первом варианте начальных строк стихотворения образ героини вообще был лишен самостоятельности:

Для берегов чужбины дальней
Ты покидала край родной...

Затем Пушкин преобразовал эти строки:

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой...

Здесь уже, говорит Бахтин, «момент пространственного движения из чужбины в отчизну дан... в ее (героини.— В. К.) эмоционально-волевом тоне. Однако он конкретизован здесь одновременно и в контексте жизни автора, как событие в ценностном контексте его жизни: ты покидала. Для нее (в ее эмоционально-волевом тоне) она бы возвращалась... Это с его единственного места в событии она «покидает»... В его эмоционально-волевом тоне дан и конкретный архитектурный момент, выраженный эпитетом «дальней». Здесь событийно не существенно, что ей придется совершить длинный путь, а существенно, что она будет далеко от него».

В «ценностном контексте героя» воплощены и следующие строки:

В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать...

«Хладеющие руки старались удержать,— говорит Бахтин,— в своем пространственном окружении, в непосредственной близости к... тому конкретному центру, который осмысляет, ценностно уплотняет и отчизну, и чужбину, и даль, и близость, и прошлое, и краткость часа, и долготу плача, и вечность забывания.

Томленья долгого разлуки
Мой стон молил не прерывать.

И здесь преобладает контекст автора».

Бахтин раскрывает это «господство» автора как незбываемый закон лирической поэзии. В тех случаях, когда поэт по тем или иным причинам не считается с его требованиями, он неизбежно ослабляет свои творческие возможности. Речь идет, разумеется, о лирической поэзии; поэзия повествовательного характера вполне совместима с художественными принципами прозы. Так, например, в поэмах Твардовского полностью звучит «чужое» слово, в них воплощено «многоголосие», речевая и — соответственно — смысловая полифония. Но едва ли можно оспорить утверждение, что ранняя лирика Твардовского значительно уступает по своей художественной ценности его поэмам. И это во многом объясняется своего рода перенесением в лирику принципов повествовательной поэзии. Последствием Твардовский решительно изменил самую основу своего лирического творчества, утвердив в нем, если воспользоваться бахтинским определением, «языковое лицо автора, ответственного за каждое слово, как за свое».

* * *

В связи с вышеизложенным может возникнуть некоторое недоумение: не ведет ли это «господство» автора в лирике к какому-либо «субъективизму»? Но концепция Бахтина немыслима без еще одного смыслового пласта,— пожалуй, наиболее глубокого.

Бахтин раскрывает корневую подоснову той природы собственно поэтического слова, о которой мы говорим. Оно, это слово, по самой сути своей не является чисто «индивидуальным». В поэзии, в лирике, утверждает Бахтин, «авторитет автора есть авторитет хора. Лирическая одержимость в основе своей — хоровая одержимость... Я слышу себя в другом, с другими и для других... Возможный хор — вот твердая и авторитетная позиция... Я нахожу себя в... чужом голосе... Этот чужой, извне слышимый голос, организующий мою внутреннюю жизнь в лирике, есть возможный хор, согласный с хором голос, чувствующий вне себя возможную хоровую поддержку

(в атмосфере абсолютной тишины и пустоты он не мог бы так звучать; индивидуальное и совершенно одинокое нарушение абсолютной тишины носит жуткий и греховный характер, вырождается в крик, пугающий себя самого и тяготящийся самим собою; одинокое и сплошь *самочинное* нарушение тишины... неоправданно цинично. Петь голос может только... в атмосфере возможной хоровой поддержки)».

Нечто близкое по духу нахожу я в строках Николая Рубцова:

И пеня нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...

Мысли Бахтина — это не только «теория». Его тревожила тенденция «разложения лирики, обусловленная ослаблением авторитетности внутренней ценностной позиции другого вне меня, ослаблением *доверия* к возможной поддержке хора... Лирика жива только доверием к возможной хоровой поддержке... где ослабевает доверие к хору, там начинается разложение лирики».

Бахтин набрасывает вчерне заметки «К вопросам самосознания и самооценки в теоретическом и историческом плане», подчеркивая «важность этой проблемы для самых существенных вопросов литературы».

«Мир населен,— пишет Бахтин,— созданными образами *других* людей (это — мир других, и в этот мир пришел Я); среди них есть и образы Я в образах других людей. Позиция сознания при создании образа другого и образа себя самого; сейчас это узловатая проблема... Начать с анализа примитивной позиции самосознания: человек у зеркала. Сложность этого явления (при кажущейся простоте)... Простая формула: Я гляжу на себя глазами другого, оцениваю себя с точки зрения другого. Но за этой простотой необходимо вскрыть необычайную сложность взаимоотношений участников... Как Я представляю себя самого, когда думаю о себе. Я ставлю себя на сцену, но не перестаю ощущать себя самого в себе. Невозможность ощущения себя целиком вне себя, всецело во внешнем мире, а не на *касательной* к этому внешнему миру...

Зависимость от другого человека перед зеркалом. Стоя на касательной к миру, я вижу себя целиком находящимся в мире, таким, каким Я являюсь только для других... Эта зависимость от другого (в процессе самосознания и самооправдания) — одна из основных тем Достоевского... С «объективной» точки зрения существует человек, личность и т. п., но различие между Я и другим относительно: все и каждый является Я, все и каждый является другим. Аналогия с иррациональным различием... предмета и его отражения в зеркале. И тем не менее Я чувствует себя исключением, единственным Я в мире (остальные все другие) и живет этим противопоставлением. Этим создается этическая сфера абсолютного неравенства Я всем другим, вечного и

абсолютного исключения Я... Какие же явления жизни и творчества лежат именно в этой сфере, определяются специфическими законами этого исключения? Все может быть связано с этой сферой, ложь, знание и незнание (нарочитое незнание), иллюзии о себе и самообман».

И все же, заключает Михаил Бахтин, «большинство людей живет не своей исключительностью, а своей дружостью. Исключительность материализуется и становится паразитической (эгоизм, честолюбие и т. п.)».

И, вполне понятно, истинная поэзия не рождается на почве «исключительности», не знающей «хора».

Вадим Кожин

Михаил Бахтин
1895—1975

В ряде своих фундаментальных работ М. М. Бахтин исследовал природу смеховой культуры. Мы публикуем его дневниковую запись, связанную с этой темой.

ИЗ ЗАМЕТОК О КОМИЧЕСКОМ

Определение Канта: «Смех вызывается ожиданием, которое внезапно разрешается ничем». К этому близка и мысль Спенсера: смех есть показатель того, что усилие привело к пустому месту. Все это — формальные определения, кроме того, они игнорируют в смехе момент *радости, веселья*, который есть во всяком живом и искреннем смехе. Дело в том, что это «ничто», которым разрешается ожидание или усилие, воспринимается и оценивается смехом как нечто радостное, положительное, веселое, освобождающее от мрачной серьезности и значительности *предстоящего* (все оказалось вздором, пустяком); отрицательный же полюс (момент) смеха направлен именно против ожидания, против усилия, которые заранее квалифицируются смехом как официальные, вздорные, надутые; смех развенчивает серьезность этих усилий и ожиданий; это радостное освобождение от серьезности. (Если бы серьезность усилия или ожидания оценивалась без положительного, то их неуспех не вызывал бы смеха.) Кроме того, смех по самой природе своей неофициален: он создает фамильярный праздничный коллектив по ту сторону всякой официальной жизненной серьезно-

сти. Чучело, кукла, механизм — это развенчанные серьезности, это — карнавальный «ад», это старость, претендующая на жизнь.

Бергсон игнорирует также, что то пространство, в котором кувыркаются, падают, дерутся клоуны, выскакивает чертик на пружине, двигается картонный плясун, нарастает снежный ком,— пространство топографическое, где верх и низ (и другие направления) имеют абсолютное значение; нельзя понять все эти явления вне той арены, той площадки, где они совершаются, вне телесно-космических координат их. Вся теория Бергсона знает только отрица-

тельный полюс смеха. Смех — это мера исправления; комическое — это недолжное. Трудность анализа подлинно комического (смехового) определяется тем, что отрицательное и положительное в явлениях комического неразъединимо слиты, между ними нельзя провести четкой границы. Основная идея верна: жизнь смеется над смертью (мертвым механизмом). Но органическая *материя* жизни в смехе положительна.

1940

Публикация В. Кожина

Игорь Поступальский

АЙ-ТОДОР

Скалой отвесной Ай-Тодор
над Черным морем поднялся...
Отсюда хищный римский взор
далеко видел паруса.

Монеты, клейма кирпичей,
остатки каменных оград,
обломки копий и мечей
об этом нынче говорят...

Фракийский различив рельеф
на обветшалом алтаре,
а сбитых букв не рассмотрев,
о давней думал я поре.

Еще был Рим несокрушим,
слали легионы на Восток,
но гарнизон, пришедший в Крым,
жил средь смятений и тревог...

Оттуда, из-за синих гор,
грозила скифская орда...
Давно веков закончен спор,
вновь Риму не прийти сюда...

Маяк твой видят, Ай-Тодор,
в ночи советские суда!

Елена Ананьева

* * *

Вот стены. За порогом дождь и мгла.
А в доме сладко, вкусно пахнет медом,
как будто в доме трудится пчела.
Дом лечит боль настойкой крепкой йода.

Как будто миг — и ты совсем не тот
(утешен, исцелен и расцелован).
Вся суета, весь холод, мрак и лед
забыты,— значит, домом околдован.

Ничто не потревожит мир души.
И вроде вовсе не было надлома.
Уютно. Славно. Знай себе пиши.
Возрадоваться можно только дома.

Лишь там, где время с четырех сторон
тебя обнимет доброю рукою,
смежает веки сладкий, теплый сон,
и ласков мир... Ты помнишь про такое?

Лишь только дома раскрепощена
душа и думы не полны соблазнов.
Лишь только здесь я вновь защищена
от глупых слов и ненавистей разных.

И лишь тогда восторг и торжество
пред сущим миром, где беззлобен ветер,
душа вберет. И в радости — его
откроет снова. И ухнет этим.

Владимир Бурич

* * *

За годы своей жизни
я собрал огромную коллекцию взглядов

Синие
серые
зеленые бабочки взглядов
покоятся в круглых коробочках суток

Одни выглядят так
как будто их только вчера поймали

другие в полете обгорели

с третьих стерлась пыльца

они стали бесцветными
цвета костного мозга
цвета ненависти
цвета страха.

* * *

И выпит день

В полоске желтого заката
чаинки-воронье

ЛИЦО И РУКИ

Открою глаза —
цветные осколки
взорвавшейся бомбы дня

Закрою руками лицо —
поймаю ночь
две трепещущие птицы глаз

* * *

Ледник
Римской империи
отступая
оставил в долинах Европы
валуны изваяний

Они стоят
в центре скверов
среди астр и петуний

Запоздалое признание
варварских народов

Вячеслав Куприянов

* * *

XX век —
уравнение с двумя неизвестными
знающими все друг о друге
скрывающими все о себе

мистер дважды икс
со скрипкой идущий по телеграфной проволоке
над волнующимися материками

скоро
даст ему свою решительную единицу
словно учитель плохому ученику
словно посох слепому —
XXI век

Вера Чижевская

УЗЕЛ

Настоящее кажется мне
узлом
между прошлым и будущим.

Прошлое тянет назад —
будущее влечет вперед.

Крепче сжимаю пальцы,
чтобы не развязался узел.

Ольга Полену

* * *

По тихим сияющим заводям
Скользят чайки,
Режут зеркало вод...
Чайки, катающиеся на коньках
По гладкому серому зеркалу на самом краешке
Балтики.

Фантастический каток —
Между громадой моря
И соснами,
За которыми — остроконечные крыши и шпили.

Тимур Зульфикаров

СТРЕЛА

Стрела летела и пела вольная в вешнем веселом небе небе небе
Человек шел и пел в вешних травах младенческих колыбельных лепетных
А потом они встретились
А теперь оба лежат неподвижно в травах безвинно втуне веющих
веющих веющих

Господь зачем была эта встреча? стрелы и человека?
Господь кому теперь травы веют? невеселые...

ПОЭТУ

Поэт Тимур Акбар Давлат Абдураззак Азья Уаль
Всю жизнь ходил со свежей ширазской розой в руках.
Никто не знал, откуда он доставал ширазские розы зимой.
Когда пришли к нему шесть ночных палачей, чтобы убить его,
Он поднял розу высоко в руках и сказал:
«Стреляйте в меня, но не попадите, не разбейте, не развеите розу,
Чтобы, как я, не осыпалась, не расплескалась до срока своего».

Так должны жить и умирать поэты,
Если они должны умирать...

Мариэтта Шагинян.
Силуэт Е. Кругликовой

Михаил Кузмин.
Силуэт Е. Кругликовой

Марина Русецкая

* * *

Птичка
Возьми хлеб на моей ладони
Птичка посидела посмотрела вспорхнула
и улетела
Маленький страх смерти
И на этот раз
Победил жизнь.

Венедим Симоненко

ПЕТУХИ ВРЕМЕН

Петухи времен пропели,—
В наступленье новый нрав:
Рвутся творчества пределы,
Служат делу полимеры,
Лазер, плазма, новый сплав,
Межпланетный телеграф...
Заполняются пробелы...
Можем то, что не умели,
То, о чем мечтать не смели.
Космонавты, корабли,
Косность прежнюю поправ,
Мчимся, время оседлав!..
Есть за что и есть к чему
Поворочаться уму,
Поупорствовать рукам —
Молодым и старикам!

Спартак Куликов

СКАЗКА

Ты, Егор, хотя силач,
но не трогай
ночью
гирь,
а не то на детский плач
в форточку
влетит снегирь.
Склонет родинку с тебя
и вернется
в лунный мрак,
вкривь и вкось золу скребя,
вылезет
из печки
рак.

* * *

Что бусы? Пусть приметные.
Ты — тайна новизны.
Не видывали смертные
такой голубизны.

В ней ласточка проносится,
шалья и не шалья,
в ней — вся праздноголосица
июльского шмеля.

Людмила Прозорова

МОИМ СТУДЕНТКАМ

Девочки загорелые
С плечиками обожженными,
Станете вы зрелыми,
Станете вы женами
И матерями нежными,
Учителями жесткими...
Девочки мои прежние
Тоже были подростками!
Но не стареть можете?
Сделайте одолжение!
Не растерять молодость —
Выход из положения.
Не расставайтесь с Музами —
Старости избежите вы,
Не забывайте музыки
Вашего общежития.
Только не равнодушными,
Лишь бы к другим участливы
И навсегда подружками!
Девочки, будьте счастливы.

КАЧЕЛИ

Раскачай меня на качелях,
Раскачай меня до сосны,
Чтоб забыла я о кочевьях,
Раскачай меня до весны!
До моих до шестнадцатилетних,
До моих незабвенных друзей...
Стану пуха июньского легче,
Не жалею высоты, не жалею!
Раскачай до любви первой,
Там она высоко живет,
Где у речки под старой вербой
Понапрасну мальчишка ждет.
Раскачай меня хоть до крыши,
Словно не было всех потерь,

Олег Маслов

Благовещенск

АМУРСКИЕ СЕЛА

Ехал с гостем я столичным
По сторонке по родной,
И названьям сел привычным
Удивлялся спутник мой:

— То Полтавка, то Тамбовка,
То Ивановка дымит...
Где ж экзотика Востока,
Где амурский колорит?

И назвать их неужели
Поновей не смог никто?
— Все могли, да не хотели,
И спасибо им за то.

Так случилось, что издревле
Люди тут не лили кровь
За ухоженные земли,
А осваивали вновь.

И в названьях не стареет
Эвенкийский говор здесь —
Есть и Зея, и Буря,
Тында есть и Тында есть.

А в равнинах хлебопашных
По берегам великих рек
Основали предки наши
Села русские навек.

И, храня Отчизне верность,
В память дедовской земли
Именами всех губерний
Эти выси нарекли.

Так без всякого засилья
Отразилась, и вполне,
География России
На амурской стороне.

Николай Шамсутдинов

Сургут

ЛИЦО ВДОХНОВЕНИЯ

Заря пробьет навывлет редколесье,
Свод грохота замкнет полукольцо
На полюсах...
Газопровод, вот здесь я
Узнаю вдохновение в лицо.

Я шел газопроводом — по излому
Страстей и судеб... И, неповторим,
Он честно открывал мне, молодому,
Как в такт сердцебиению — людскому,
Железному — ворочается ритм.
Газопровод, заполнив собою
Все дни мои, он требовал так жить,
Чтоб не строкой, а целую судьбою
В неукротимый мир его входить,
Он становился внятен и привычен...
Я припадал, словно Антей — к Земле,
К созвучьям, растворенным в переключке
Народа и металла на заре.

Идут, не иссякая, через сердце
Его колонны, люди, фонари...
Вот так и начинают песнопевцы
Промышленной, натруженной зари!

Александр Романов

Новосибирск

* * *

Не там ли, где кости уныло
в глубинах земли залегли,—
все то, что не сказано было,
блуждает, не видя ни зги.

За корни хватается. К свету
стремится, листово шурша...
Но речь непонятную эту
никак не осилит душа.

И только Россия родная,
себя понимая —
с трудом
ту речь, из глубин поднимая,
векам перескажет потом...

Баир Дугаров

Улан-Удэ

ЗВЕЗДА КОЧЕВНИКА

Мужчине — путь, а женщине — очаг.
И чтобы род мой древний не зачах,
роди — молю и заклинаю — сына.
Стрела летит, покуда жив мужчина.

Мужчине — дым, а женщине — огонь.
И чтоб в бою мой не споткнулся конь,
я должен знать, что юрту греет пламя,
как предками завещанное знамя.

В мужчине — дух, а в женщине — душа.
Травинка держит небо, трепещет.
Без очага, без сына, без любимой,
как одинокий смерч, развеюсь над равниной.

Иван Яган

Курган

КОЛОДЦЫ

«Из колодца вода льется...»
Не люблю таких колодцев.
По душе мне те колодцы,
Где водица достается.

Звонко срубленные срубы,
В кольца схвачен вороток.
Поработай, чтоб пригубить,
Чтоб хватить огня глоток.

Поломай немного спину,
Чтоб потом, припав к ведру,
Невзирая на ангину,
Пить, холодную, в жару.

Пить не так, как пьют из блюдца,
Пить — чтоб выпить полбадьи,
Пить и видеть, как смеются
Из воды глаза твои...

Леонид Мерзликин

Барнаул

МАЛЕНЬКО НА КОННОМ ДВОРЕ

На конный двор ходил я рано
К Ивану, куму своему,
Маленько в радость для Ивана
И в ублаженье самому.

Курил, слоняясь между дышел,
Мне говорили: — Он вот-вот
Маленько был, маленько вышел,
Маленько вскорости придет.

И он являлся к нам в камору
И норовил куда бы сесть,
Без никакого разговору
Я понимал: маленько есть.

Когда, еще вкусив от бога,
Он плелся в обществе кобыл,
То сообщал мне как-то строго,
Что у кумы маленько был.

Прощались мы отнюдь не рано,
Я брел по лужам, за кювет
И сокрушался, что Ивана
Со мной в пути маленько нет.

Его кум-кумушка, а то бишь
Моя законная жена,
Маленько злилась: — Ить угробишь
Себя и обувь, сатана!

Когда, друзья, все это было!
Да, да. При той еще поре.
Вчера последняя кобыла
Маленько сдохла на дворе.

Владимир Высоцкий
1938—1980

ДВА СУДНА

Всему на свете выходят сроки,
А соль морская въедлива, как черт,
Два мрачных судна стояли в доке,
Стояли рядом, просто к борту борт.

То, что поменьше, вбок кривило трубы
И пожимало баком и кормой:
— Какого типа этот тип? Какой он грубый!
Корявый, ржавый, просто никакой.

В упор не видели друг друга
оба судна
И ненавидели друг друга
обоюдно.

Он в аварийном был состоянье,
Но и она не новая отнюдь.
Так что увидишь на расстоянье —
С испугу можно взять и затонуть.

Тот, что побольше, мерз от отвращения,
Хоть был железный малый с крепким дном.
Все двадцать тысяч водоизмещенья
От возмущенья содрогались в нем.

И так обидели друг друга
оба судна,
Что ненавидели друг друга
обоюдно.

Прошли недели, их подлатали,
По ржавым швам шпаклевщики прошли
И ватерлинией вдоль талий
Перевязали корабли.

И медь надраили, и краску наложили,
Пар развели, в салонах свет зажгли —
И палубы и плечи распрямили
К концу ремонта эти корабли.

И в гладкий борт узрели
оба судна,
Что так похорошели
обоюдно.

Тот, что побольше, той, что поменьше,
Сказал, вздохнув: — Мы оба не правы —
Я никогда не видел женщин
И кораблей прекраснее, чем вы.

Та, что поменьше — в том же состоянье,
Шепнула, что и он неотразим:

— Большое видится на расстоянье,
Но лучше, если все-таки вблизи.

Кругом конструкции толпились,
было людно,
Но оба судна объяснились
обоюдно.

Хотя какой-то портовый дока
Их приписал не в тот же самый порт —
Два корабля так и ушли из дока,
Как и стояли, вместе, к борту борт.

До горизонта шли в молчанье рядом,
Не подчиняясь ни теченьям, ни рулям.
Махала ласково ремонтная бригада
Двум не желающим расстаться кораблям.

Что с ними? Может быть, взбесились
оба судна?
А может, попросту влюбились
обоюдно?

1971

СКАЖИ ЕЩЕ СПАСИБО, ЧТО ЖИВОЙ

Подумаешь — с женой не очень ладно!
Подумаешь — неважно с головой!
Подумаешь — ограбили в парадном!
Скажи еще спасибо, что живой!

Ну, что ж такого — мучает саркома?
Ну, что ж такого — начался запой?
Ну, что ж такого — выгнали из дома?
Скажи еще спасибо, что живой!

Плевать — партнер по покеру дал дуба!
Плевать, что снится ночью домовой!
Плевать — в «Софии» выбили два зуба!
Скажи еще спасибо, что живой!

Ну, ладно — ну, уснул вчера в опилках...
Ну, ладно — в челюсть врезали ногой...
Ну, ладно — потащили на носилках...
Скажи еще спасибо, что живой!..

Неважно, что не ты играл на скрипке,
Неважно, что ты бледный и худой,
Неважно, что побили по ошибке.
Скажи еще спасибо, что живой.

И нечего играть с судьбою в прятки,
Так что давай, кривая, вывози!
А в общем, все нормально, все в порядке,
И все, как говорится, на мази.

Да, правда: тот, кто хочет — тот и может!
Да, правда: сам виновен, бог со мной!
Да, правда! Но одно меня тревожит:
Кому сказать спасибо, что живой?

1973

Владимир Карнеко

ЛОЖЬ

Давайте лгать!
Я ныне славлю ложь.
Когда тебе жена,
вздыхая, скажет,
что постарела:
— Вот, морщинки сплошь...—
Солги, что — нет!
Не дрогнув бровью даже.

Давайте лгать!
Когда в печали друг
придет к тебе и спросит:
— Не мешаю? —
Пусть сто забот,
сто дел
стоят вокруг,
солги, что — нет!
И угости, хоть чаем...

Давайте лгать!
Но упаси вас бог
запомнить
заповедь простую,
переступить
невидимый порог,
где просто ложь
заменит ложь святую!

Лиля Нанпельбаум

ПРОСТОТА

Не бывает просто простоты.
Примитив.
А простота — искусство.
Это не цинично и не грустно.
Это так же сложно, как цветы.

Простота как найденный ответ,
Мир и умножавший, и сложивший,
Словно все цвета в себя вместивший,
Чистый и спокойный белый цвет.

Яков Белинский

ГРАФОМАНЫ

Громоздят за названьем названье.
Мельтешат, как плохое кино.
В неизбежное соревнованье
им вступить с совершенством дано.

Не помогут им гимны обильных
славословий. Ни тенор. Ни бас.
Совершенство — оружие сильных.
Это — шанс, и беспронгрышный шанс.

Беспощадно работает время,
пусть решенья его далеки,
но бессмертно сияет над всеми
совершенство алмазной строки!

Новелла Матвеева

НОВЕЙШИЙ РАСЧЕТ

Что ж — атом разделен. Свидетельствует колба
Одной субстанции в другую переход!
«Вот превращение, к которому так долго
Влеклись алхимики!» — Юнг позже изречет.

Но ошибется он. Совсем иного толка
Тех старых простаков наивный был расчет:
Хотелось изобрести им золото. И только.
Тогда как Резерфорд ни что о изобретет;

Гриб Ничегокиус. Взбесившееся «Нету».
Сверхсвищ, способный вспять перевернуть планету.
Что хуже этого еще могло стрястись?

Могло. Стряслось: расизм! Мечтает он куда,
Что истребленье рас — всех разом! — выход в чудо,
И на взрывном броске мнит к солнцу вознестись!

УЛЫБКА ДЕЛЬФИНА

Да, улыбается дельфин. Улыбка эта
Скрывает под своей таинственностью дивной
Спор бдительного сна с тягучестью рассвета,
Сплав прямодушия — с хитринкою наивной.

В ней греческих богов немеркнувшее лето,
Непризнаванье зла, непониманье лжи в ней,
Но просьба и вопрос — извечный, непрерывный,
Не замечающий, как долго нет ответа...

Андрей Битов

ОДНОМУ ПРОЗАИКУ

Новаторство — подобье лени:
Вперед бежал иль вглубь копал?..
Тебе ль я размечал мишени,
Чтоб ты в них снова не попал?

Быстрее — шагом вместо бега:
Куда и с кем вперегонки...
Что раньше — альфа иль телега?
Всех лучше — старые стрелки.

Из старой пушки — новый выстрел:
Как твой, прочел я свой рассказ...
Тебе ль в длину метал я бисер?
Твердил про технику броска?

Я постигал — а ты усвоил...
С волшебной лампой Аладин,
Один я был в том поле воин —
Ты в этом поле не один.

Меня сменило поколение,
Мне изменяет вещество:
Порок и соль хрустят в колене —
Там отложилось мастерство.

Болят мозоль, скрипит сустав,
И узы отношений ржавы...
На подъездных путях устав,
Мы трогаемся... Как вы правы!

Ах эта польза усвоенья! —
Редет зуб, тусклеет глаз...
И заклеят меня в измене
Стареющий позднее на час!

Рувим Моран

О БЕССМЕРТЬЕ

Кассеты с голосом поэта —
Консервы из его стихов.
Что надиктовано, напето,
Есть достояние веков.

Так думал бедный сочинитель,
Приобретя магнитофон.
Ему препятствий не чините —
Мечтою он заворожен.

Пусть он ничтожно мал — не смейте
О нем с насмешкой говорить.
И не в надежде ль на бессмертье
Стремится человек творить?

Максимилиан Волошин.
Силуэт Е. Кругликовой

Слушай гореть. Во всем дорогов думи.
Скажи: где путь к невидимому граду?
— Останавись. Войди в мою ограду
И отдохни; и слушай не дыша,
Как нить журчит, как шепчет вершины
Осокорей, звенят в водт кубышкины...
Учись внимать молчанью садов.
Дыханью трав и запахам убитов.

Максимилиан Волошин

Автограф М. Волошина

Михаил Поздняев

ВОСПОМИНАНИЕ О СТУДИИ ЗВУКОЗАПИСИ

Ю. Левитанскому

«Что пишешь?» — спросили. Стихи, отвечаю,
стихи — пишу ежедневно, на магнитофонную ленту,
а после их режу и клею, согласно моменту,
всё чищу — от вздохов и всякой иной шелухи.

Не лес вырубаю, но голос кромсаю чужой,
корнаю под корень — и рыжие стружки похожи
на прядки волос или узкие полосы кожи,
огнем обожженной, а все не отмершей, живой.

О трижды кромешное дело мое: отлучать
дыханье от тела, как будто его обезглавить,
дышать самому — и чужое дыхание править,
и кстати, в придачу, зарплату за то получать.

Зато мне и стало понятно, что взявшийся петь
так внятно, чтоб эхо тишайшие вздохи хранило,
при жизни проходит такие тиски и горнила,
что ножницы с клеем уж как-нибудь можно
стерпеть...

И громкость убавят, и пылкость слегка охладят,
и гулкую паузу между словами подрежут —
но тихие вздохи прорвутся сквозь грохот
и скрежет эфира горящего — и до земли долетят.

Юрий Поляков

ГОДОВЫЕ КОЛЬЦА

Теплолюбивые растенья,
Привыкшие к погожим дням,—
Малейшее сгущенье тени
Мерещится бедою вам,
А были прашуры покрепче!
Найдешь по кольцам годовым,
Когда слова гортанной речи
Гнал над полями горький дым.
А ведь еще страшнее было,
Когда, размашисто легка,
Под корень прашуров рубила
Самодержавная рука!
Кровь и страдания без меры,
Ложь и безверие в груди —
Такие селекционеры,
Что заступы и отведи!..

СЛУЧАЙ

Ты стал судить себя не слишком строго,
Ты стал немногословен и тяжел,
И с каждым днем накатанной дорога,
Которую напрасно ты пошел.
Ты был неряшлив, стал теперь опрятней.
Стал слаще есть, вкусней, но меньше пить.
Что до любви — тебе о ней приятней
Порассуждать, чем просто полюбить.
Ты слишком поглощен прибавкой веса
Общественного.

Так оно верней.

И, словно звери из дурного леса,
Стихи уходят из души твоей.
Ты перещелкал, как зверушек в тире,
Все жизненные цели.

Больше нет.

... Живет в большой нетиповой квартире
Типично состоявшийся поэт...

Юрий Лакербай

ОБМЕН

Часы с календарем
Меняю на кукушку,
Откуковала и закрыла счет.
Серебряный браслет —
На светлую речушку,
Удравшую в леса из торфяных болот.

Возможен вариант:
Кукушку и речушку,
Серебряный браслет,
Часы с календарем
Меняю
На одну победную пирушку
В честь моего коня.
Владел таким конем!

Меняю
Скакуна и звонкую пирушку,
Часы с календарем,
Браслет из серебра,
Скупой кукушкин счет
И светлую речушку
На то,
Что создал бог из моего ребра:
На выяснение чувств по поводу любви,
На слезы без причин,
На праведную ложь,
На цвет раскосых глаз,
То близкий к голубому,
То пепельно-стальной,
Как амузгинский нож .

ТАНЕЦ С БУРКАМИ

Покажи — не сочти за труд,—
Буду снова от счастья пьяным,
Как над сценою нас несут
Бурки —
Черные дельтапланы!

Если тесно нам станет тут,
Мы найдем другие поляны:
По созвездьям нас понесут
Бурки —
Черные дельтапланы!

Если песню возьмем с собой,
Ту,
Что даже в камнях звучала,
На пустынной звезде любой
Будет нашей земли начало!

Егор Самченко

ВОРОБЕЙ

Воробей — это птичья собака.
Я не знаю — за что, но по вещему знаку
Он присел пред моим окном.
Я сейчас чирикну о нем!

Дня четыре ко мне прилетал,
На заре на меня кричал.
И ему я грозил кулаком
И лежал пред окном.

Я бессильно лежал на спине.
«Прогони»,— я сказал жене,
И она прошла на балкон.
«Ты кричал на него, а он,—
Говорит мне жена всерьез,—
Посмотри, что он нам принес».

И несет на ладони мне
В наступающей тишине
Три зерна и тряпицу лапши —
Для души!

Воробей — это птичья собака.
Прилетает по вещему знаку,
У него без промаха взгляд —
Нет, не друг мой, а маленький брат.

В 4.49 он лает мне в окошко,
Несу скорее крошку —
Мы завтракаем с ним,
И я непобедим!

ВАСИЛЕК ВО РЖИ

На отца похож и на мать,
Костей звать.

Что-то рифмы не вижу — без рифмы!
Вот вам белый стишок
Между строк:
Я назвал бы его бы — Ванечка,
Здравствуй, Ваня-сынок!

Ни у матери, ни у отца
Нет такого:

Нарисуй мое слово,
Нарисуй переключку лица,
А потом золотые,
Густые —
От того до того виска —
И скажи им, чтоб торчали слегка,

Ибо он как зорька в семье,
И похож, но и сам по себе!

За веснушкой веснушка бежит
И вокруг по щеке кружит.
Чтоб его не спугнуть, сию,
Ухом я на него гляжу —

Лет двенадцать ему, а он
Весь как есть как звездочка, радостью
И свободой, а не наглостью
Одарен.

В электричке сидим, шатаемся.
Как разведчики, мы улыбаемся.
Почему в электричке светло?
Он глядит на меня в стекло.

Нос как пуговка, а глаза
Словно маленькие небеса.
Очень тут большой интерес —
В этой паре синих небес.

«Тьфу ты!»— мысленно я плюю,
Чтоб не сглазить радость мою.

Рыжий? Нет, не скажи.
Василек во ржи!

Сергей Попов

ПАМЯТНИК

А в мыслях — неучастие во лжи,
А на душе — безмерная печаль.
Попробуй слово тихое скажи,
Попробуй соскреби с лица эмаль.

Окаменею, но не упаду!
Я обработан новым веществом.
Вот Аполлон, белеющий в саду,
Вот Дискобол, вот Девушка с веслом.

Я памятник... Но не себе, а им.
Сегодняшний фальшивый древний грек,
Я принял позу и намазал грим,
Но что-то выдает — здесь человек.

Обман покоя, твердости обман...
Здесь человек, под камнем бьется плоть,
И чуткий к фальши статуй хулиган
Пытается мне руки отколоть.

Инна Кашежева

МУЧИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС

Сколько скрытого коварства
в сложной простоте добра!
Повстречались два кавказца,
начинается игра.
Все понятия сместились,
комплиментам нет числа,
два приветствия скрестились:
каждое — на полчаса.
В этом восхищенном мире
все идет в иной цене:
ты шашлык — а я четыре,
ты коньяк — а я тройне.
На Кавказе очень развит
этот способ, этот вид:
кто кого перекавказит,
кто кого перещедрит?
Каждый взгляд подобен солнцу,
речи музыкой звучат.
Незнакомец незнакомцу
лучший друг и нежный брат:
их широкая натура
потрясает всякий раз...

Почему литература
не похожа на Кавказ?

Николай Мартынов

БОГИНЯ

Как будто вздрогнули от гуда
По всей земле колокола!
О, боже мой, какое чудо,
Какая царственность прошла!
Как одарила нас очами,
Какою негой обожгла!
Как будто где-то за плечами
Два легких вскинулись крыла.
И впереди —
До звезд дорога.
И грез нахлынувших
Не счесть.
Мы говорим, что нету бога.
Возможно.
Но богини — есть!

Марат Акчурун

* * *

Вот уже недалеко лететь
осталось. Нагай-птица опять
оборачивается. Он с груди
у себя мясо срезал и ей по-
дал.

Сказка о молодильных яблоках

— Охота тебе по ночам
Летать на взъерошенной птице,
Томясь по округлым плечам
Какой-то капризной девицы?

Любовь — ненасытная тварь —
Клюет своего пассажира,
Не помня о том, что он царь
Ему непонятного мира.

— Таможенник глупый, молчи!
Тебе ли судить о пернатых.
Ведь ты не летаешь в ночи,
А дрыхнешь в штанах полосатых.

И как ты любовь ни зови,
Но ты ведь от зависти злобен:
Разборчива птица любви,
И ты для нее несъедобен.

КРАТКО О КОРОТКОМ

Короткая басня. Сатирическая миниатюра. Эпиграмма с басенными признаками или же приметам фельетона, стихотворный каламбур с разнообразными рифмами — простыми и сложными, точными, ассонансными, с внутренними и всякими прочими. Улыбчивая миниатюра многообразна, то она звучит мгновенным откликом на общественно значимое и конечно же актуальное явление международной жизни, то выражает свое активное отношение к животрепещущим явлениям внутренней жизни, вопросам политики, делам хозяйственного порядка, проблемам искусства, литературы и всего того, что вносит в повестку нашей повседневности сама жизнь.

Миниатюра, на мой взгляд, дает максимальную смысловую нагрузку каждому слову и каждой строке. Тут краткость основа основ, но краткости ничуть не отменяет своеобразной сюжетности, жизненности, подтекста, запоминаемости, предельной разговорной интонации, емкости содержания, значимости явлений, политической остроты и злободневности. Здесь, я бы сказал, в предельно сконденсированном виде пульсирует современность, актуальность, типизация явлений и характеров.

Жанр сатирической миниатюры — не забава, не так называемое «хохмачество», не «капустник» на клубной писательской вечеринке, а доподлинно большая литература, берущая в свой кристальный фокус нашеньскую горячую повседневность. Не зря сатирики придумали, что смех — дело серьезное.

Как показала практика, немногословность миниатюры, раскрытие дополнительных граней содержания нуждаются в талантливой иллюстрации. Скупой, остроумный штрих вступает в органическое единство со словом и строкой, они взаимно дополняют друг друга и придают короткой сатирической миниатюре добавочную выразительность, поэт и художник предстают перед читателем как бы в едином лице. Само собой разумеется, что такого рода соавторство требует «выхода готовой продукции» обязательно с государственным Знаком качества. Истинная творческая удача немислима без этого знаменательного знака.

Оружие сатиры, во всех его разновидностях, требует от автора ясной классовой позиции, он обязан пристально видеть подлинных противников, дабы вести по ним огонь, а не стрелять бесприцельно.

Я бы сравнил работу в сатирической миниатюре с поиском редкого металла, драгоценного камня или же с кропотливой работой ювелира. Тут уместно вспомнить слова Маяковского: «...Изводишь, единого слова ради...» Но зато и радуешься, когда является удача. Вроде бы и всего-то двустрочие или четверостишие, а глядишь, оформилось, отграничилось, обрело остринку, самостоятельность и пошло в жизнь, в людской обиход, стало для кого-то пусть и малым, но духовным активом. С удовольствием вспоминаю, как один профессиональный охотник однажды прислал на имя редактора Ефима Пермитина в альманах «Охотничьи просторы» несколько поговорок, считая их народными, среди которых — в одну сплошную строчку — было вписано мое сатирическое четверостишие:

В кресле
Вряд ли нужен Сам,
Если
Все решает зам.

Но не буду чересчур самоцитироваться.

«Сатирички» требуют кропотливого обращения со словом, иногда ее доводишь до так называемой «печатной кондиции», буквально «озверев от помарок» и переделок. А лучшие удачи встречают доброжелательный прием у разновозрастного читателя, чему свидетельством письменные и устные отклики сограждан.

Одним словом, я нет-нет да откладываю в сторону лирику да эпiku, публицистику да так называемые песенные тексты и сажусь за обработку сатирической строки. Она, по моему разумению, обязана быть доходчивой, прицельной, взыскательно инструментальной (но без перебора в инструментровке!), художественно самостоятельной, политически безошибочной, запоминающейся сразу. Сюда можно добавить сколько угодно других желательных свойств и качеств, но лучше всего делать сие в самих миниатюрах, что я и осуществляю, в меру своих способностей, вот уже несколько десятилетий подряд.

Владимир Костров

НЕЧТО МАЛОКУЛЬТУРНОЕ

У них в делах анархия и жуть,
Но чувства и у них идут по плану.
Чтоб женщине на нечто намекнуть,
Японец составляет икебану.

А что задумал этот самурай?
Какой обычай спрятан за обличьем?
А ты сиди
И думай-разбирай:
А может, в том букете неприличье?
Обыкновенный кукиш или шиш
Замаскирован розой и люпином?
Несите хрен, укроп и лук любимым —
Нас икебанами не удивишь!

Нам Кинешма дороже, чем Париж.
Мы любим Афродит из пены банной,
И посылают нас за икебаной
Так далеко, что и не повторишь.
Нас икебанами не удивишь.

Я предпочту намеку — прямогу.
Пусть нравственность глядит недремным оком.
Не правы те,
Кто видит красоту
В обычае коварного Востока.
Суй палец в дверь — и точно, прищемишь.
Нас икебанами не удивишь!

* * *

Я люблю надвинуть креном
Козырек на правый глаз.
Я люблю окрошкой с хреном
Заправлять российский квас.

Я люблю траву зеленую,
Наличник над крыльцом
И частушкой соленой
Хрущу, как огурцом.

Но не давит мне в печенку
И не колет под ребро
Ни шотландская юбочка,
Ни тирольское перо.

Мы и сеяли, и веяли,
И ели ананас.
Ну а Хейли?
Ну и Хейли
Мы читали, и не раз.

Лев Щеглов

* * *

Не ной в стихах, поэт,
Пусть только сердце ноет.
Страданье не сонет,
Оно совсем иное.

На боль размера нет,
Ни ямба, ни хоря,
Не ной в стихах, поэт,
Болея и старея.

Осталась тыща бед
От праведного Ноя.
Не ной в стихах, поэт,
Нет праведного ноя.

Сергей Мнацаканян

НАДПИСИ

Он глядит — и страданье во взоре,
затянуться б разочек-другой:
«ПРОСЯТ ТОВ. НЕ КУРИТЬ В КОРИДОРЕ»,
но не просят курить в проходной.

Вдохновенная чудится ода,
потому что, где дверь в кабинет,
лаконичная надпись у входа
сообщает, что «ВЫХОДА НЕТ»...

Транспарант облупился, как фреска,
пережил шесть начальников он,
и звучит трагедийно и веско:
«ПРОСЬБА НЕ ЗАНИМАТЬ ТЕЛЕФОН».

На стене намалевана морда
и подписана — «Вася, привет!..»--
и о том, что «...НА ВРЕМЯ РЕМОНТА»
извещает мужской туалет...

Эти просьбы подобны молитве:
не курить, не сорить, черт возьми,
не плевать, не кататься на лифте,
не кричать и не хлопать дверьми!

Кто бы, в самом-то деле, без дрожи
стал внедрять, словно Новый завет,
это право на скверах рвать розы
и со стуком входить в кабинет.

«Посетителей в верхней одежде»
не приняв, как плутов и невежд,

кто-то словно питает надежды
на открытие нижних одежд...

Канцелярские строги законы,
но попробуй таблички убрать —
будут все занимать телефоны,
и плевать, и шуметь, и чихать

на порядок, что создан веками,
и без всяких уступок молве
будут люди махать кулаками
и ходить на своей голове!

...На бегу замирают таланты:
«посторонним проход воспрещен»,—
и скорбят о своем транспаранты,
точно крылья летящих времен.

Лидия Григорьева

РОМАН

Я над собой смеюсь четвертую седмицу:
как скучен твой роман — переверни страницу!
Затем в твоей душе то ветрено, то мглисто,
что это лишь клише дурного беллетриста.
Он мастер был приврать и напустить тумана,
и потому герой — не твоего романа!
Я над собой давно смеюсь и потешаюсь,
но чтение прервать зачем-то не решаюсь.

Игорь Иртеньев

АВТОБУС

По улице идет автобус,
В нем едет много человек.
У каждого свои заботы,
Судьба у каждого своя.

Вот инженер тире строитель.
Он строит для людей дома.
И в каждый дом, что им построен,
Души частицу он вложил.

А рядом с ним в большой зюйдвестке
Отважный едет китобой.
Он кашалотов беспощадно
Разит чугунным гарпуном.

А рядом с ним стоит рабочий.
Его глаза огнем горят.

Он выполнил четыре нормы,
А захотел бы — смог и шесть.

А рядом женщина рождает,
Еще мгновение — и родит.
И тут же ей уступят место
Для пассажиров, что с детьми.

А рядом футболист известный
С богиней Никою в руках.
Под иберийским жарким небом
Ее он в честном взял бою.

А рядом продавщица пива
С косою русою до пят.
Она всех пивом напоила,
И вот теперь ей хорошо.

А рядом в маске Дед Мороза
Коварный едет контролер.
Ее надел он специально,
Чтоб всеми узанным не быть.

Но этой хитрою уловкой
Он не добьется ничего,
Поскольку есть у всех билеты,
Не исключая никого.

МЕЧТА О КРЫЛЬЯХ

Если б кто на спину мне бы
Присобачил два крыла,
Я б летал себе по небу,
Наподобие орла.

Я бы реял над планетой —
Гордый пасынок стихий,
Не читал бы я газеты,
Не писал бы я стихи.

Уклоняясь от работы
И полезного труда,
Совершал бы я налеты
На колхозные стада.

Я б сырым питался мясом,
Я бы кровь живую пил,
Ощущая с каждым часом
Прибавленье свежих сил.

А напившись и наевшись,
Я б ложился на матрас
И смотрел бы, не мигая,
Передачу «Сельский час».

ПОХВАЛА ДВИЖЕНИЮ

По небу летят дирижабли,
По рельсам бегут поезда,
По синему морю корабли
Плывут неизвестно куда.

Движенье в природе играет
Большое значенье, друзья,
Поскольку оно составляет
Основу всего бытия.

А если в процессе движенья
Пройдешь ты, товарищ, по мне,
То это свое положенье
Приму я достойно вполне,

И, чувствуя вдавленной грудью
Тепло твоего каблука,
Я крикну: «Да здравствуют люди!
Да будет их поступь легка!»

ПЛОВЕЦ

Плывет пловец в пучине грозной моря,
Разбился в щепки ненадежный плот,
А он себе плывет, с волнами споря,
Плывет и спорит, спорит и плывет.

Над ним горят бесстрастные Плеяды,
Под ним ставрида ходит косяком,
А он, считай, шестые сутки кряду
Живет в открытом море босиком.

В морской воде процент высокий соли,
К тому ж она довольно холодна.
Откуда в нем такая сила воли,
Что он никак достичь не может дна?

Быть может, воспитание причиной,
А может быть, с рожденья он такой?
Факт тот, что с разъяренной пучиной
Он борется уверенной рукой.

Он будет плыть, покуда сердце бьется,
Он будет плыть, покуда дышит он,
Он будет плыть, покуда не спасется
Либо не будет кем-либо спасен.

Николай Агнивцев

1888—1932

Мы хотим вспомнить строки мало известного широкому читателю поэта Николая Яковлевича Агнивцева, который был популярен в дореволюционные годы как автор эстрадных и кургузных стихов. Н. Агнивцеву принадлежат сборники «Студенческие песни», «Под звон мечей», «Винтик-Шпунтик», «Маленький черный Мурзук» и др.

Стихотворения, представленные здесь, взяты из сборника «От пудры до грузовика», изданного в 1926 году.

Редколлегия

ПАРА КАЛОШ

Над ними пели попугаи
Там, где цветет Мадагаскар...
И возле них, не раз мешая
Распеться попугайной стае,
Хвостом бил землю ягуар!..

И люди с загорелой кожей
Десятком тысяч черных рук
Носили неустанной ношей
Эмбриональные калоши
Под странным словом «каучук».

И под брызжанье капитанов,
Под ветровой циклонный гам —
Через полуденные страны
Перенесли их океаны
К холодным нашим берегам.

И здесь им с видом именованным
Гудки заухали! И вот:
Тогда-то вмах кольцом единым
Разгоряченные машины
В стальной их взяли оборот!

И вот: по лужам тротуаров
Уныло хлопают в мечтах
О пальмах и о ягуарах —
Кусочки те Мадагаскара
На ваших пыльных сапогах.

1920-е гг.

БЕСПРИЗОРНЫЙ

Просто так... Ну совсем между прочим —
Вылез боком из мусорной ямы
Маленький тряпичный Комочек
С человеческими глазами.

Почесался! Огляделся с опаской...
Попрыгал на снегу от холода...
И — покатился колбаской
По жирному городу.

Страшен город для маленьких ночью!..
Огневая гранитная прорва!
И страшно очень Комочку,
И жрать ему хочется здорово!..

Попытался украсть в первой лавке
Что-нибудь там посытнее...
Но приказчики из-за прилавка
Надавали Комочку по шее!..

И вновь по морозу оттуда
Покатился Комочек, вздыхая...
И долго мотался, покуда
Не украл кошелек в трамвае.

И напился Комочек с холоду!
Хоть и горько, а все же — теплее!..
И грозил спьяну жирному городу
Он за яму и битую шею!..

Докатился Комочек до точки!..
И ждет молча нас в своей яме —
Маленький тряпичный Комочек
С человеческими глазами.

1920-е гг.

ТРАМВАЙ «А»

Давайте-ка устроим чистку
Средь коломбин и апашей!
Ведь наши замы и модистки,
Кассиры и пишмашинистки —
В любви не будут их глупей!
Давайте-ка устроим чистку
Средь коломбин и апашей!

Она — кассирша в «Спичкатресте»,
А он — Врид-зав-пом-пом-пом-зам!
Все началось с того, что вместе
Под вопль кондукторский «не лезьте!»
Бочком пролезли все же в трам:
Она — кассирша в «Спичкатресте»,
А он — Врид-зав-пом-пом-пом-зам!

В своих движениях эксцентричен
Трамвай маршрута буквы «А»!
И очутились механично
Они в объятьях романтических
От двадцать третьего толчка!
В своих движениях — эксцентричен
Трамвай маршрута буквы «А»!

Когда-то были купидоны!
Теперь их замом стал трамвай!
И перед ними благосклонно
Через неделю по закону
Открылся загса тихий рай...
Когда-то были купидоны!
Теперь их замом стал трамвай!

И дети их снимали кепки
Перед трамваем с буквой «А»,
И, факт рожденья помня крепко,
Махали долго вслед прицепке!
И с благодарностью всегда
Детишки их снимали кепки
Перед трамваем с буквой «А»...

1920-е гг.

Анатолий Брагин

РЫБКА

Затрепыхалась рыбка
Одна на берегу:
«Какая-то ошибка!
Как тяжело!
Не могу!

Когда б узнало море,
Что я в таком плену,
Оно за мною вскоре
Пригнало бы волну».

И ей ответил берег:
«Да, да, конечно, но
Тебя, я в том уверен,
И вынесло оно!»

* * *

Побеждать учить не нужно —
Все стремятся преуспеть.
А учить, пожалуй, нужно
Поражение терпеть.

Так терпеть необходимо,
Не мрача житье свое,
Чтобы сделалось терпимым
Поражение твое.

Ни тоски, ни униженья...
Лишь иронии печать,
Чтобы стали пораженья
От побед не отличать.

ДРАМКРУЖОК

Расхватили вы, нахалы,
Положительные роли,
И теперь играть придется
Мне злодея поневоле.

Вам
Как праведникам грешным
Я теперь противоречу.
Победите вы, конечно,
Ну а я за все отвечу.

Будут люди ненавидеть
И слова мои, и дело...
Даже могут и обидеть,
Если в роль войду умело.

Владимир Салимон

* * *

По Садовому кольцу,
грязь размазав по лицу,
я ташу, едва живой,
чемодан тяжелый свой.

Я вернулся с Украины
полчаса тому назад.
Я привез вам абрикосы,
чернослив и виноград.

В хмуром небе над Москвой
птица с бабьей головой,
птица Сирин-Алконост
распустила дивный хвост:

желтый, красный и зеленый,
синий, серый, как свинец,
фиолетовый, лиловый,
сизый,
черный, наконец!

* * *

Анатолий Айзатулин
с наслаждением круглый год
газированную воду
пьет у Сретенских ворот.

Я такому постоянству
позавидовать бы рад,
рад мороженое лопать,
грызть столичный шоколад.

Только вместо шоколада,
сам не знаю почему,
я кладу электробритву
в переметную суму.

С Павелецкого вокзала
уезжаю под Тамбов.
До свиданья, Анатолий
Айзатулин!
Будь здоров!

Павел Хмара

ЖЕЛАНИЯ

Желания, как псы, голодным лаем
волнуют наши слабые сердца.
Мы весь свой век желанья утоляем,
а утолить не можем до конца.
Голодный молит: — Только корку хлеба!—
А жаждущий: — Глоток воды испить!—
Но Океана, и Земли, и Неба —
не хватит их желанья утолить.
И смертные хотят избежать тлена,
улитки — стать владыками вершин,
а пассажиры метрополитена —
водителями собственных машин.
Тот хочет поохотиться на ланей,
а этот — пять в неделю выходных...
Какое горе быть рабом желаний!
Какое счастье быть превыше их!
Когда все пережитое — награда,
то радостью украшено чело...
Я, например, имею все, что надо,
поскольку не желаю ничего.

Михаил Шевченко

ГРОМООТВОД И ФЛЮГЕР

Басня

Однажды Флюгер, увидав Громоотвод,
Сказал насмешливо: «Ты износился что-то скоро...
Сооружали нас в один и тот же год,—
Смотри, как почернел ты,— драить впору,
Согнулся да и выглядишь устало...
А мы с тобой из одного металла!
Однако полюбуйся на меня:
Ну часто ль мне затишье выпадало
И уж меня ли не мотало,
Без круговерти не живу и дня!
Но я весь в блеске! Я не гнусь, не устаю,
Хотя всю жизнь на сквозняках стою!..»

И Флюгер удостоен был ответа:
«Оно-то так... Но надо ж понимать,—
Ты всего-навсего лишь держишь нос по ветру,
А мне — удары молний принимать!..»

Александр Юдахин

**ИЗ КНИГИ
«ПОСВЯЩЕНИЯ БЕЗ
ПОСВЯЩЕНИЙ»**

СПОРТИВНОЕ

Ты, спортивной ногой открывающий двери
в кабинеты редакторов, что загрустил?
Иль какой-то начальник тебя не впустил
и случилась промашка в задуманном деле?
Или пьяный тебя не узнал метранпаж?
Иль девчонку увел ученик аккуратный?
Или дали тебе семикратный тираж,
Ну а ты не успел и набрал пятикратный?
Нет! Конечно, виною всему ресторан,
где метнули тарелку не с тою икрой,
или ты, порастративший звонкий талант,
недоволен сейчас бильярдной игрою?
Ну а если от боли лицом побелел,
прихватило и стиснул надменные губы,
попроси, мы отложим свои ледорубы
и поможем чем можем, как бог повелел!

БУХГАЛТЕРСКОЕ

Он, одинокий, цену знал потерям.
И точно знал, почему блокадный хлеб.
Жил в коммуналке, проклиная темень,
был очевидцем переломных лет.
Служил в каком-то ленинградском тресте,
сводил баланс по совести, по чести,
хотя его сам Александр Блок
хвалил!..
Другой давно на этом месте
извлек бы знаменательный урок!

ЖИТЕЙСКОЕ

В начальном классе тридцать первой школы,
хоть не любил прививки и уколы,
ты первым шел в эфирный кабинет.
Ты не боялся ни ремня, ни сглазу
и был влюбленным в трех девчонок сразу
в лихие девять с половиной лет.
Худой, кудрявый, из-под палки евший,—
сегодня толстый, потный, полысевший,

раб тощей тещи, пятерых детей,
пельменей, плова, помидоров, пива
из абрикосов (местного разлива),
Доски почета, жизни без затей...

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ

Кудрявый мальчик с тонкими губами
и ледяными чистыми глазами,
куда тебя, несчастного, несет?
Какой ценою ты добыл два кресла?
Но все равно давно мечтают чресла
о третьем кресле, если повезет...

Виталий Татарин

**САТИРИЧЕСКИЕ
МИНИАТЮРЫ**

СВОЙСТВО ЭХА

Бывает порою у смеха
Совсем не веселое эхо.

ЭСТЕТ

Мой друг-эстет
На апельсин похож:
Изыскан он —
И все же толстокож.

САТИРИК

Он брился дважды в сутки,
Парень молодой,
И все равно все шутки
Были с бородой.

ВЫХОД

Теперь никто не упрекнет
В косноязычии поэта —
Он стал писать либретто
Для балета.

Алексей Пьянов

БЕЛАЯ НОЧЬ

(Белла Ахмадулина)

Сперва неспешно подойти к Неве,
Потом, участие ощутив во взгляде,
Взойти на сцену — выйти из тетради,
Уступку сделав моде и молве.

Мой краткий май — вельможа и аскет!
Двух зорь твоих печаль неутолима,
Но ветке, что цветением томима,
Всегда присущ былых времен акцент.

Как мне любезны каменные львы,
Их гривы шестимесячной завивки.
Всех, кто не лев, пускай берут завидки —
Считаться львами не достойны вы.

В Санкт-полунóчном граде я ловлю
Прозрачный звук пастушеской свирели...
О чем бишь я? Конечно, о сирени!
Ведь я сирень без памяти люблю.

ВСПОМИНАЯ ДРЕВНИХ

Как длинно, как скучно, как дивно
Писал этот грек Гесиод!..

Так дивно, так скучно, так длинно,
Как сей дидактический грек.

Юнна Мориц

В Гомере, Софокле, Эсхиле —
В них многое было наивно,
Но, высшей подвластное силе,
Так длинно, так скучно, так дивно!

И были слова, словно глина,
Античным гигантам послушны...
Так скучно, так дивно, так длинно!
Так дивно, так длинно, так скучно!

Но страсти какие кипели!
(А ныне они дефицитны.)
Как пили, как ели, как пели!
Как чудно играли на цитре!

Восторженны и непрактичны,
Они не гонялись за модой,
И были в строках дидактичных
Божественный блеск и свобода.

А ты не мечтай простодушно
О том, что когда-нибудь тоже
Так дивно, так длинно, так скучно
Свой опыт на рифму помножишь.

Ведь нету меж нами Гомера,
Софокла, а также Эсхила...
Как длинно, как скучно, как серо!
Как вяло, как нудно, как хило!

О ДАЙТЕ, ДАЙТЕ!..

Дайте соперника! Если мне жить
медленно, светленько,
я позабуду, как надо спешить...
Дайте соперника!

Роман Солнцев

Дайте соперника! Дайте скорей
Ямбу, хорею!
Ведь без соперника ямб и хорей
Явно хиреют.

Не с кем помериться. Начал скисать.
Тепленько. Серенько.
Надо, ребята, Романа спасать!
Дайте соперника!

Дайте такого, чтоб на вираже
В спину сопел бы.
Кто? Вознесенский? Нет, это уже
Мне не соперник.

Видите сами — не хуже могу:
Не отличите вы...
Всех обошел. В одиночку бегу.
Это — мучительно!

Борис Брайнин

В СОЗВЕЗДИИ ВЕГИНА

Мальчики были паиньками —
Стали однажды папеньками,
Ловят свою жар-птицу,
чтоб под горчицу съесть.
Девочки были маленькими,
Стали случайно маменьками,—
А потому, художники, кушайте то, что есть.

Да здравствует мисс Евангелие!
В Ливадии или в Англии.
Если часы подводят — надо их подвести.

Похожий на спаниеля,
Беседует с пани Элей
Баскетболист из «Жальгириса»,
хрупкий, как травести.

Курортные автоматки,
Хрипящие, как астматики...
Я без тебя, любимая,— как без монокля Швейк.
Туманное Шереметьево,
Диспетчер, пошире меть его,
Чтоб белошвейку шуйскую я одарил, как шейх.

О городские папеньки,
Не надо нам ставить памятники,
А рядом с бульваром Рождественским
Откройте Вегинский сквер...
Стою под звездой московскою
На площади Маяковского
С томиком Вознесенского,
Андреевский кавалер.

Александр Иванов

ГОЛОС ИЗ МРАКА

(Татьяна Реброва)

Изо всех своих сил поднатужась,
Я хочу,
запрягая коня,
Чтобы древний загадочный ужас
Обуял
всех, кто любит меня.
Китежанка,
раскольница,
пряха,
Я неведомо где родилась.
И, восставши из смутного праха,
Я из хлеба
низвергнута в грязь.
Твердь земли,
обагренная кровью,
Исказила отверстые рты.

Нищих я напоила любовью
И заштопала князю порты.
Глаз не пряча,
острожных, надменных,
Я душой пересилила мрак.
Схоронила я всех убиенных,
Труп коня
сволокла в буерак.
Ты ответствуй,
языческий боже,
Справедливо такое или нет:
Жизнь влачить
мне приходится позже
На шестьсот приблизительно лет.
Видно,
некуда бабе деваться...
Мне советуют: «Угомонись,
Выдь, Татьянаушка, из декораций,
Встань под душ,
оклемайся,
очнись!..»

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Я в тамбуре вместе со всеми стою,
гитару держу одичало
и жуткую песню о счастье пою,
где нет ни конца, ни начала.

(Александр Щуплов)

Я честно билет на вокзале купил
и, чтобы душа не скучала,
вдруг в тамбуре песню свою завопил,
гитару держа одичало.

Я дико орал и гитарой гремел,
поскольку поехал без лиры.
Прижавшись друг к другу, белее чем мел,
в вагоне тряслись пассажиры.

И, жуткое пенье услышав мое,
какой-то дорожный читатель
сказал озабоченно: «Хулиганье!»—
но кто-то поправил: «Писатель!»

Тихон Шумилкин

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Дорогие члены редколлегии!

Мои стихи регулярно не попадают в ваш сборник. А между тем хочу напомнить вам, что впервые в истории человечества не где-нибудь, а именно в «Дне поэзии» (1981 год) на стр. 117 обо мне были напечатаны добрые слова и даже один комплимент.

За прошедшее с той поры время — уж поверьте мне — талант мой еще более окреп и созрел. Признаюсь также: я совершил тайное открытие. Все столы, шкафы и корзины в редакциях до отказа забиты свежими стихами. Сколько шедевров я находил, копаясь в одних только корзинах! Немало их скрывается и в напечатанном, но критики — эти слепые котятки — не видят того по злонамеренности и лени, полагаю. Мне же, как я понял, дано зрение — увидеть перл! И когда я это понял, то решил прекратить собственное стихосложение и стал нырять на глубину, на самое дно поэзии. Я доставляю на поверхность жемчужины и показываю их слепым критикам, а заодно и самим авторам — моим друзьям, которые, как все истинные художники, сами не знают, что творят.

Считаю, что я выработал самый эффективный метод стихотворчества и его по справедливости следует обозвать в будущем как реализм моего имени. Кроме того, мой метод начисто опровергает угрюмое утверждение, будто стихов нынче не читают. Как это не читают? Я читаю! Я — интеллигент, потому что еще не разучился читать.

Производя таким образом геркулесову работу, я имею полное право печатать взятое у других как свое. А другие — в благодарность за мой тяжкий труд — должны благородно отказываться от своих жемчужин. И больше их под своими именами не печатать.

Один мой новый знакомый — влиятельный критик — во время долгого ночного чаепития сказал мне: «Тихон, возможно, организически ты и не поэт вовсе, но синтетически — поэт безусловно». И добавил: «Одна из загадок нашего времени!» Прощаясь, он обнял меня и произнес: «Понимаешь ли ты сам свое значение, брат?» В глазах его стояли слезы. И я понял: на вершину поэзии взобраться можно! Чуть перефразируя моего любимого философа Козьму Пруткову, скажу всю правду: «И самый последний стихотворец при других условиях способен быть первым поэтом...» Так создайте мне эти другие условия — поднимите, раздуйте, распечатайте,— ведь вам это не впервой!

С уважением Шумилкин.

П. С. К сему прилагается рукопись, составленная из произведений, опубликованных в печати под разными именами, но принадлежащих отныне мне. Она — в двух частях: первая — «Мое открытие меня» и вторая — «Венок поэтов».

П. П. С. Еще посылаю свой наиболее удачный портрет.

С. С. П. Каждый действительный член вашей редколлегии, если пожелает, может напечататься в одном полутолстом журнале, где я занимаю скромное, но влиятельное место. Предоставлю разворот!

Т. Ш.

МОЕ ОТКРЫТИЕ МЕНЯ

Мне было 3,5 года. Помню точно, где стояла моя зашнурованная кроватка с шишками... Уже в то время я бессознательно тянулся не к игрушке, а к книжке... Сейчас я пишу мучительно долго. А тогда все случилось само, неожиданно, сразу, единым духом. Ждали отца, он был в отъезде, и я написал:

Мчится поезд издалека,
Мчится быстро и легко,
Дым кружится, и летает,
И несется далеко.
Едет папа,
Едет к Коле (читай: «к Тише». — Т. Ш.),
Едет к сыну своему
И подарки дорогие
Он везет ему.

Меня до сих пор поражает ритмический рисунок этого стиха...

Тогда, создав свое первое произведение, в три с половиной года, и, видимо почувствовав, что больше ничего путного создать не могу, я надолго замолчал и молчал до восьми лет, а потом стал писать стихи...

ВЕНОК ПОЭТОВ

I

Мы легко расстаетесь в юности
Перед тем, как рвануться в путь.
Нам лишь нужные делу нужности
Не дают до утра заснуть.

II

Время — племя? Время — бремя?
Время — темя?
То есть медленное наше облысение?..
Может, время это — вымя? Его млеко
Из молекулы вскормило человека.

III

Жизнь моя — бессонная лыжня,
Мчится через песни и баллады.
Бег — покой мой. А мои награды —
Голоса, поющие меня...

IV

Живу. Дышу. В XX веке.
От перегрузок вся (весь. — Т. Ш.) в поту.
То на КамАЗе, то в Певеке.
То в Петропавловском порту...
И тесен комнатный порядок,
И, разрывая рубежи,
Бегу сквозь зелень спелых грядок,
По льну, по просу и по ржи...

V

Заметил мне сосед наемни,
Со Львом Толстым облищем схож:
«Все пишешь о любви к деревне,
А сам ведь в городе живешь?..»

Расстались. Я пошел неспешно
В луга косить, не отдыхать.
Печной философ прав, конечно,
И землю надобно пахать...

А это — силуэт меня
работы художницы О. Левенок. — Т. Ш.

VI. ДУМА

Не городской,
Не деревенский...
Так кто ж я все-таки такой?
И отвечает голос женский:
— Крестьянин
Сельско-городской...

VII. ТРАМВАЙ

Когда дождями заливало
Кривые улицы столиц,
Он был спасительным причалом
Для вымокших до нитки лиц.

VIII

Воробей — это птичья собака.
Я не знаю — за что, но по вещему знаку
Он присел пред моим окном.
Я сейчас чирикну о нем!

IX. ВЕЧЕРНИЙ ПЛЕС

Расположившись за кустами,
Атаковав подводный мир,
Мы поплавок едим глазами:
Он самый важный командир.

На берегу, как на смех рыбе,
Без клева с удочкой сидишь,
И поплавок из водной зыби
Тебе показывает шиш.

X. НЮ

От нарядов, мундиров и званий
Я всегда в удивленной тоске,
Я могу, извиняюсь, как в бане,
Лишь с нагой быть на равной ноге¹.

¹Редколлегия уточняет: данные строки публикуются в «Днях поэзии» под разными фамилиями в третий раз (см., кроме нашего сборника, сборники 1984 и 1985 гг.).

XI. МЫСЛЬ

Ищет девушка в детстве —
кого полюбить.
Ищут дети во все глаза —
от кого им
родиться.

XII

Словам поверив зубоскальца,
Старалась верить до конца,
Но ускользнули его пальцы
От обручального кольца.

XIII

Как у обрыва — жду и не дождусь.
Вниз головой. Во глубину. С откоса.
В твои колени жаркие уткнусь
Выпрашивать согласие. Безголосо
Заглядывать, очнувшись, в тьму очей,

Твоих ночей... Но нету отраженья.
Ты не моя. И я не твой. Ничей.
Уж не лицо, а лик без выраженья.

XIV

Растишь пацанку, любишь в меру
Свою законную жену,
Хотя не меньшую, к примеру,
Испытываешь страсть к вину.

XV. МАГИСТРАЛ

Сорвал ромашку я,
Чтоб подарить любимой.
Но милая ромашку не взяла.
Прости меня, ромашка, не со зла,
А от любви лишил тебя я жизни.

Вынося на суд читателей эти сочинения, не могу не сказать похвальное слово друзьям, подарившим мне часть своей души.

Спасибо, спасибо вам, Коля Д. (первая часть), Гена Г., Петя В., Л. И. О., Люся Щ., Ваня К., Коля Ш., Валя Р., Егор С., Егор К., Кирилл К., опять Егор К., Вадик Р., обратно Валя Р., и, наконец, снова Коля Ш. (вторая часть). Благодарю также время, которое мой любимый философ (см. выше) уподобил «искусному управлению, непрерывно производящему новые таланты взамен исчезнувших».

Г и ш а Ш .

Авторы «Дня поэзии 1986» :

- Абрамов Г.— 169
Аввакумова М.— 83
Авсарагов Б.— 61
Агнивцев Н.— 241
Акопова Э.— 227
Акчурин М.— 237
Алексеев О.— 130
Алиев М.— 141
Алиханов С.— 48
Ананьева Е.— 223
Антокольский П.— 188
Аришина Н.— 44
Артемов В.— 103
Асеев Н.— 63, 101
Астафьева Н.— 194
Ахмадулина Б.— 109
- Бабаев Э.— 201
Баева А.— 143
Байбаков В.— 78
Балашов Э.— 112
Балин А.— 29
Басовский Н.— 200
Бахтин М.— 222
Башунов В.— 54
Бек Т.— 113
Белинский Я.— 231
Белкин В.— 54
Беличенко Ю.— 9
Белова Г.— 147
Битов А.— 233
Бобров А.— 138
Богданов П.— 81
Бойцов С.— 123
Борисов М.— 18
Брагин А.— 242
Брайнин Б.— 245
Британишский В.— 51
Булгаков В.— 71
Бурич В.— 224
Бухараев Р.— 111
Быкова Е.— 74
Бялосинская Н.— 115, 198
- Вавилова Д.— 165
Валиков Г.— 164
Ваншенкин К.— 66
Василенко В.— 202
Василенко С.— 107
Васильев Я.— 67
Васютков А.— 132
Вегин П.— 227
Ведякин В.— 27
Велихова З.— 176
Верховский Ю.— 211
Вершинский А.— 146
Веселовская Н.— 201
Викторов Б.— 157
Винокуров Е.— 23
Вирта М.— 200
Вишневский В.— 124
Вишняков М.— 21
Волгин И.— 175, 216
Вольтер — 190
В. Ф.— 85
Высоцкий В.— 230
- Гаврилин В.— 105
Гаврюшин М.— 202
Гедымин А.— 114
Герасимова О.— 213
Гиленко В.— 41
Глазков Н.— 126
Гольцман Я.— 174
Гончаров В.— 41
Горбовская Е.— 138
Горнунг Л.— 48
Городницкий А.— 125
Горюшкин А.— 144
Григорьева Л.— 240
Григорьева Н.— 175
Грудев И.— 232
Гумилев Н.— 185
Гурченко Л.— 202
- Дагуров В.— 202
Денисов Ю.— 46

Дмитриев Н.— 90
Дмитриев О.— 60
Донн Д.— 191
Дружинин П.— 212
Друнина Ю.— 10
Дугаров Б.— 229
Дымова Л.— 105

Евпатов В.— 103
Евтушенко Е.— 7, 161
Егорова Н.— 121
Еращенко В.— 55
Ермолаева О.— 101
Ерхов Е.— 169
Есипов В.— 227

Жале — 28
Жигулин А.— 154
Жирмунская Т.— 56

Завальнюк Л.— 124
Зайончковский Е.— 189
Зайцев Г.— 48
Заяц А.— 97
Золотцев С.— 84
Зорин А.— 93
Зульфикаров Т.— 225

Иванов А.— 246
Иванов Г.— 200
Измайлова Н.— 95
Иртеньев И.— 240
Исаев Е.— 11
Испольнов А.— 102

Казанцев В.— 35, 128
Казаров В.— 170
Калашников Г.— 40
Калина П.— 113
Каныкин А.— 157
Капитанов Н.— 132
Карпеко В.— 231
Касмынин Г.— 79
Кафанов А.— 87
Кашежева И.— 237
Кашук Ю.— 123
Киуру И.— 199
Клычков Г.— 120
Клычков С.— 118
Клюев Н.— 203
Кобзев И.— 111
Коваленков А.— 64
Коваль-Волков А.— 140
Ковда В.— 130

Кожин В.— 222
Козловский Я.— 45
Кольцов Г.— 54
Кондратьев А.— 146
Константинова Н.— 132
Копылова Л.— 144
Корин Г.— 139
Корнеев А.— 81
Королев А.— 175
Королева Н.— 90
Костров В.— 239
Котенко Н.— 236
Котляр Э.— 69
Кочетков В.— 116
Кочетков О.— 201
Кошель П.— 45
Красноперов П.— 163
Крещик В.— 122
Кружков Г.— 191
Крученых А.— 125
Кудимова М.— 95
Кудинов М.— 190
Кузнецов Вал.— 140
Кузнецов Ю.— 76
Кузнецова С.— 79
Кузнечихин С.— 55
Кузовлева Т.— 163
Куликов С.— 226
Куняев С.— 97, 178
Куприянов В.— 224
Курганцев М.— 193

Лаврин А.— 197
Лазарев В.— 150
Лакербай Ю.— 234
Лапин В.— 209
Латынин Л.— 99
Латышев М.— 92
Левин К.— 127
Лекомцев А.— 122
Леонович В.— 156
Лисянский М.— 88
Локшина Н.— 199
Лопатин В.— 136
Луговская М.— 168
Луговской В.— 74
Лукьянов В.— 116
Львов М.— 13, 174
Ляпин И.— 111

Мазнин И.— 196
Макаров В.— 141
Максименко Т.— 67
Мандельштам О.— 106
Мариничева В.— 141
Марков Ал.— 110
Марков Анат.— 39, 49, 77, 206, 215

- Марков С.— 52
 Мартынов Л.— 16
 Мартынов Н.— 237
 Маршак С.— 64
 Маслов О.— 228
 Матвеева Н.— 231
 Машевский А.— 61
 Медведев А.— 105
 Межиров А.— 168
 Мерзликин Л.— 229
 Миллер Л.— 39
 Митасов Е.— 98
 Михайлов А.— 20
 Мицкевич А.— 191
 Мнацаканян С.— 239
 Могутин Ю.— 147
 Молодяков В.— 83
 Моран Р.— 233
 Мощенко В.— 166
 Муравьев В.— 211
- Надеев С.— 19
 Наппельбаум Л.— 231
 Нарбут Вл.— 115
 Наровчатов С.— 75
 Наровчатова О.— 198
 Нежданов В.— 41
 Нерпина Г.— 125
 Николаева О.— 142
 Николюкин И.— 98
 Нольде В.— 189
- Озеров Л.— 86, 214
 Озимов И.— 46
 Окуджава Б.— 37
 Осинин В.— 169
 Ошанин Л.— 6, 64
- Палей А.— 133
 Пальчиков-Элистинский В.— 176
 Панченко Н.— 50, 137
 Парпара А.— 66
 Паттерсон Д.— 58
 Передреев А.— 14
 Петренко С.— 210
 Печерская Е.— 192
 Плитченко А.— 21
 Поделков С.— 207
 Поздняев М.— 234
 Поленц О.— 224
 Поликарпов С.— 59
 Поляков Ю.— 234
 Пономарев Н.— 144
 Поперечный А.— 167
 Попов В.— 117
 Попов С.— 237
- Портнов В.— 166
 Постникова О.— 162
 Поступальский И.— 223
 Потехина И.— 28
 Прасолов А.— 171
 Прашкевич Г.— 123
 Примеров Б.— 212
 Прозорова Л.— 226
 Пчелинцев Б.— 142
 Пьянов А.— 245
- Рабинович В.— 213
 Рахманин Б.— 115
 Резник В.— 67
 Репин Б.— 21
 Рильке Р.-М.— 191
 Рождественский Р.— 4
 Рожнова П.— 116
 Романов А.— 228
 Романов Б.— 166, 191
 Ростовцева И.— 173
 Румянцев А.— 20
 Русаков Г.— 104
 Русецкая М.— 226
 Ряшенцев Ю.— 146
- Савельев В.— 44
 Салимон В.— 243
 Самаев М.— 95
 Самойлов Д.— 194
 Самченко Е.— 235
 Саткевич Н.— 44
 Семакин В.— 208
 Семернин В.— 133
 Серебряков Г.— 40
 Сидоров В.— 141
 Сикорский В.— 167
 Симоненок В.— 226
 Синев В.— 69
 Скуратов М.— 56
 Слепнев И.— 199
 Слуцкий Б.— 158
 Смирнов Л.— 68
 Смирнов С.— 82, 238
 Соболев М.— 140
 Соколов В.— 22
 Солнцев Р.— 123
 Соложенкина С.— 212
 Солоухин Вал.— 92
 Солоухин В.— 28
 Сомова С.— 113
 Сорин С.— 27
 Старшинов Н.— 5
 Степанов В.— 214
 Стройло А.— 28
 Ступин Г.— 18
 Субботин С.— 118, 204, 207

Суздаев Г.— 196
Сухарев Д.— 120
Суховский В.— 70
Сухопаров С.— 126
Сушкова Л.— 67

Тагор Р.— 193
Таран Л.— 89
Тарасевич И.— 166
Тарасова М.— 200
Татаринов В.— 244
Твардовская М.— 32
Твардовский А.— 32
Тихонов Н.— 94
Трубицын В.— 97
Тряпкин Н.— 42

Узлов В.— 196
Уильямс Т.— 192
Ульяшов П.— 133
Урусов В.— 120
Устинов В.— 195

Фадин В.— 99
Фаик — 165
Фаликов И.— 131
Федоров Вл.— 93
Федотов В.— 138
Федотов С.— 122
Флеров Н.— 138
Фрейдин Ю.— 107

Хатюшин В.— 207
Хафиз — 193
Хелемский Я.— 59
Хикмет Н.— 64
Хлебников О.— 178
Ходасевич В.— 151
Хмара П.— 243
Храбровицкий А.— 212
Храмов Е.— 192

Цетлин М.— 100
Цыбин В.— 47

Чашечников Л.— 114
Чепик И.— 94
Чернов А.— 91
Черняк В.— 38
Чехонадский Ю.— 129
Чижевская В.— 224
Чуковский К.— 180
Чуев Ф.— 81
Чухонцев О.— 168
Шамсутдинов Н.— 228
Шаповалов М.— 102
Шевченко М.— 243
Шелехов М.— 177
Шенталинский В.— 170
Шестинский О.— 6
Шикина Л.— 209
Широков В.— 166
Ширяевец А.— 205
Шленский В.— 214
Шульпин Г.— 19
Шумилкин Т.— 247
Щеглов Л.— 239
Щербатов Б.— 145
Щуплов А.— 209

Юдахин А.— 244

Яган И.— 229
Яхнин З.— 20
Яшин А.— 63

АВТОГРАФЫ:

Анненский И.— 215
Брюсов В.— 206
Волошин М.— 233
Городецкий С.— 189
Горький М.— 49
Гумилев Н.— 77, 181
Марков С.— 53
Маршак С.— 58
Маяковский В.— 39
Нарбут В.— 115
Прасолов А.— 173
Тихонов Н.— 94
Толстой А. Н.— 180

Составитель
ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ ЛАЗАРЕВ

ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1986

М., «Советский писатель», 1986, 256 стр.
План выпуска 1986 г. № 189

Редактор

В. С. ФОГЕЛЬСОН

Худож. редактор

Н. С. ЛАВРЕНТЬЕВ

Технические редакторы

Н. Н. ТАЛКО

Г. В. КЛИМУШКИНА

Корректор

Б. Ш. КОТТ

ИБ № 5477

Сдано в набор 11.06.86. Подписано к печати 26.09.86.
А 03503. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарни-
тура «Таймс». Офсетная печать. Усл. печ. л. 26,88.
Уч.-изд. л. 28,58. Тираж 100 000 экз. Заказ № 649.
Цена 3 руб. Ордена Дружбы народов издательство «Совет-
ский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11.
Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Го-
сударственном комитете СССР по делам издательств, по-
лиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Ми-
ра, 93

Д 34 ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1986, Москва: Сборник.— М.: Советский писатель, 1986.—256 с.

В 1986 году сборник «День поэзии» отмечает свое тридцатилетие. По традиции в этом его выпуске — новые стихи поэтов Москвы. Архивные публикации. Воспоминания. Раздумья о русской классике. Поэзия начала века и сегодняшний день.

На этот раз в гостях у москвичей — поэты Сибири и Дальнего Востока.

Д $\frac{4702010200-378}{083(02)-86}$ 189—86

ББК 84. Р7

3 руб.

